

АКАДЕМИЯ РОССИЙСКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

18+

ПРИОКСКИЕ ЗВЕРИ

ОРДЕНА Г. Р. ДЕРЖАВИНА
ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ
И ПУБЛИЦИСТИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ

4

2016

**ЗА ВЕРНОЕ СЛУЖЕНИЕ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ
ЛИТЕРАТУРЕ И ДАЛЬНЕЙШЕЕ РАЗВИТИЕ
ЕЕ ТРАДИЦИЙ ЖУРНАЛ «ПРИОКСКИЕ ЗОРИ»
УДОСТОЕН СЛЕДУЮЩИХ НАГРАД:**

**Орден Гаврилы Романовича
Державина — знак литературно-
общественной премии
«Живи и жить давай другим...»
(Г. Р. Державин «На рождение
царицы Гремиславы»
Л. А. Нарышкину)**

**Медаль «300 лет
Михаилу Васильевичу Ломоносову» —
в честь 300-летия со дня рождения
великого русского ученого-
энциклопедиста и основоположника
современной русской поэзии**

**Медаль к 190-летию
со дня рождения великого
русского поэта
Николая Алексеевича Некрасова —
знак лауреата Некрасовской
литературной премии**

ПРИОКСКИЕ ЗВУКИ

**ВЫХОДИТ ЧЕТЫРЕ
РАЗА В ГОД
ИЗДАЕТСЯ
В ГОРОДЕ-ГЕРОЕ ТУЛЕ
ЖУРНАЛ ДЛЯ ЧИТАТЕЛЕЙ**

**ОРДЕНА Г. Р. ДЕРЖАВИНА
ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ
И ПУБЛИЦИСТИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ
ОСНОВАН В 2005 ГОДУ
2016 — 4(45)**

СОДЕРЖАНИЕ

КОЛОНКА ГЛАВНОГО РЕДАКТОРА

Россия не Европа: среднесрочный оптимизм (к материалам дискуссии)..... 3

КРУПНЫЙ ЖАНР: РОМАН, ПОВЕСТЬ, ПЬЕСА

Олеся Янгол, Виталий Ковалев. Голубая лавочка с видом на закат
(третья книга саги «Побережье наших грез»)..... 18

Игорь Нехамес. Сила ненависти. И собаки защищали столицу..... 29

Виктор Еремин. Конфликт (одноактная трагикомедия в четырех картинах)..... 50

Николай Тимохин. Любовь — до гроба (остросюжетная повесть)..... 64

СОВРЕМЕННЫЙ РУССКИЙ РАССКАЗ

Бахытжан Канапьянов. Вишенка. Летний кинотеатр..... 78

Леонид Иванов. Гостевали..... 84

Николай Макаров. Наши женщины в Афганистане..... 88

Алексей Яшин. Война в Арктике: из рассказов Николая Андреяновича.

Покушение на члена правительства..... 98

Владимир Сапожников. Нетолерашен..... 111

Валерий Румянцев. Пуховый платок..... 114

Ефим Гаммер. Между двух капитанов..... 117

Сергей Криворотов. Его нежность..... 127

Анатолий Карасев. Гость..... 129

ОБРАЗЫ И ТРОПЫ ПОЭЗИИ

Анатолий Аврутин. Осенние плачи..... 136

Владимир Резцов. Поздние звонки..... 140

Иван Тимченко. Родимый приют..... 141

Олег Сенин. Поэтический цикл «Пленение»..... 144

Евгений Егофаров. Первый снег..... 148

Максим Сафиулин. Тихая песнь тишины..... 151

Олег Пантюхин. Встреча..... 156

Валерий Акимов. О границе с любовью..... 158

Александр Норенков. «Ясная Поляна»..... 163

Алена Алешенкова. Музе.....	167
Александр Чаев. Затмение.....	172
Татьяна Сушенцова. Метель.....	177
ПУБЛИЦИСТИКА, ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ, ЛИТЕРАТУРНАЯ КРИТИКА	
Игорь Карлов. «...И на земле учиться жить, как человек...».....	181
Алексей Гусаков. Война миров.....	185
Евгений Трещев. Душа жива, душа воскреснет.....	195
Андрей Можаяев. Поэты Лугового края.....	200
Отзывы Вадимира Трусова и Бориса Рябухина на новый роман Алексея Яшина.....	205
МАТЕРИАЛЫ ВСЕРОССИЙСКОЙ ДИСКУССИИ «РОССИЯ НЕ ЕВРОПА?»	
Юрий Клеванец. Письмо в редакцию.....	211
Иван Тимченко. О русском человеке и русском государстве.....	212
Вадимир Трусов. Вопрос интересный.....	218
Сергей Лебедев. К дискуссии «Россия не Европа, а Белоруссия?».....	231
ХРОНИКА ЛИТЕРАТУРНОЙ ЖИЗНИ.....	
Памяти наших коллег Н. Д. Парыгиной и Г. Г. Мирошниченко.....	266

Произведения публикуются преимущественно в авторской редакции; мнение «ПЗ» не всегда совпадает с мнением автора. Рукописи принимаются отпечатанными с приложением файла на CD-RW-диске и публикуются с фотографиями авторов. Редакция присланные материалы не рецензирует, а только сообщает о своем решении. Рукописи не возвращаются. Требования к рукописям — см. последнюю страницу. Гонорары авторам и авторские экземпляры не предусмотрены. По электронной почте материалы принимаются: проза — markingennady@yandex.ru; поэзия — sensei419@yandex.ru; заказ журнала — elisafine@yandex.ru

Адрес редакции: 300025, Тула, а/я 920; e-mail и телефон главного редактора: priok.zori@mail.ru; (4872)25-47-42

Главный редактор Алексей ЯШИН (Тула), член Правления Академии российской литературы
Зам. главного редактора — ответственный секретарь Яков ШАФРАН (Тула)
Зам. главного редактора — зав. отделом прозы Геннадий МАРКИН (Щекино)

Редколлегия:

Людмила АВДЕЕВА (Москва)
Виктор БУЛАНИЧЕВ (Бийск, Алтай)
Тамара БУЛЕВИЧ (Красноярск)
Ефим ГАММЕР (Иерусалим, Израиль)
Валерий ГАНИЧЕВ (Москва), председатель
Правления Союза писателей России
Олег ЗАЙЦЕВ (Минск, Белоруссия) —
председатель Беллитсоюза «Полоцкая ветвь»
Игорь КАРЛОВ (Подольск) — зав. отделом
международных связей
Ирина КЕДРОВА (Москва) — зав. отделом
критики и литературоведения
Валерий КСЕНОФОНТОВ (Тула)
Сергей ЛЕБЕДЕВ (Тольятти) — зав. отделом
литературы Поволжья
Николай МАКАРОВ (Тула)
Игорь НЕХАМЕС (Москва)
Олег ПАНТЮХИН (Щекино)
Наталья ПАРЫГИНА (Тула)
Сергей ПРОХОРОВ (Красноярский край) —
зав. отделом литературы Сибири
Владимир РЕЗЦОВ (Калининград) — зав. отделом
поэзии
Владимир САПОЖНИКОВ (Тула)
Валентин СОРОКИН (Москва) — проректор
Литинститута им. А. М. Горького по ВЛК
Александр ХАДАРЦЕВ (Тула)
Леонид ХАНБЕКОВ (Москва) — президент
Академии российской литературы
Зав. редакцией Марина БАЛАНЮК (Тула)
Художник Олеся ЯНГОЛ (Юрмала, Латвия)
Редактор Валерий ДЕМИДОВ (Тула)
WEB-мастер Виктор ХРОМУШИН (Тула)
Секретарь Елизавета БАРАНОВА (Тула)

Информационная поддержка:

— Литературное агентство «Московский Парнас»
— журнал «Голос эпохи» (Москва)
— журнал «Истоки» (Красноярский край)
— журнал «Бийский вестник» (Бийск, Алтай)
— газета «Российский писатель»
— «Общеписательская литературная газета»
(Москва)
— газета «Слобода» (Тула)
— газета «Тульская правда»
— газета «День литературы» (Москва)
— газета «Слово писателя» (Минск, Белоруссия)

Журнал издается при организационной поддержке Академии российской литературы, Тульского госуниверситета и Беллитсоюза «Полоцкая ветвь»

Полный текст журнала публикуется в электронном виде на сайте Интернета:
<http://www.pz.tula.ru> (в PDF формате).
См. также на сайте «Русское поле»:
<http://priokskie.ruspole.info> и на сайте
«Мегалит: евразийский журнальный портал»:
<http://www.promegalit.ru/magazines/priokskie-zori.html>

Альманах «Ковчег» журнала «Приокские зори» публикуется в электронном виде на сайтах:
<http://www.pz.tula.ru/pz/Bgr.html>,
<http://www.promegalit.ru/magazines/kovcheg.html> и
<http://priokskie.ruspole.info>

КОЛОНКА ГЛАВНОГО РЕДАКТОРА

РОССИЯ НЕ ЕВРОПА: СРЕДНЕСРОЧНЫЙ ОПТИМИЗМ (К МАТЕРИАЛАМ ДИСКУССИИ)

◆ Старинные наши *знакомцы** профессор Игорь Васильевич Скородумов и доцент-оружейник Николай Андреянович, жители среднерусского города Тулуловска, все четверги проходящей зимы, кстати, настоящей русской, многоснежной, умеренно морозной, проводили в загородном доме дальнего родственника профессора Прокофьяча — с супругой Тихоновной и котом Мичманом, после обеда уютно устраиваясь перед пылающим камином, гордостью хозяина-оригинала. Все их четверговые беседы относились к теме, намеченной друзьями поздней осенью прошлого года: умозамещение у современного человека... явно по аналогии с запиаренным прессой импортозамещением. Аналогии, понятно, не смысловой, но грамматической. Игорь Васильевич, задатчик такой занимательной темы, давно трудился над сугубо научной, с привлечением аппарата философии, логики и математической физики, монографией**, в которой доказывал необходимость (к сожалению...) долгосрочного этапа глобализации в период перехода от биосферы Земли к ее ноосфере — по учению нашего великого естествоиспытателя академика Владимира Ивановича Вернадского. Параллельно, как опытный популяризатор своей теории, он публиковал в редактируемом и вообще им же созданном журнале «Феномены разума: XXI век» доступные для читателей без специальной подготовки статьи по данной тематике.

Тема умозамещения у нынешнего человека, как переходного от классического *homo sapiens* к человеку ноосферному — обитателю планеты недалекого будущего, показалась профессору настолько актуальной и интересной, что он, не довольствуясь личным научным и жизненным опытом, взял себе в собеседники давнего друга и нынешнего коллегу по университету Николая Андреяновича — великолепного рассказчика, тонко анализирующего реалии наблюдаемой жизни. Так вошли у них в обычай зимние «четверги у Прокофьяча», еще более умудренного по его годам и стихийному, своеобразному самообразованию человека из самого что ни на есть народа: подгородных поселковых жителей.

— Ну что, Андреяныч, судя по сыроватой февральской погоде, подтаявшей даже с утра лыжне, дрыхнущему без просыпа Мичману и вчерашнему телерадиопрогнозу, наши зимние четверги у Прокофьяча завершаются. Да и тему нашу исчерпали... Эх, сегодня Тихоновна и сгомозила обед! — Царский по нынешним фастфудовским временам. Словно тоже предчувствует: это последнее наше за зиму гостевание. А Мичман, тут уж безо всякого сомнения, своим звериным чутьем понимает: не скоро он еще послушает ученую беседу двух чудиков, радеющих о будущем, главное — настоящем, земного человечества. Потому не спит, но придуруется таковым. Зверя, да-

---

* См. книги автора из серии «Рассказы Николая Андреяновича» на сайте www.pz.tula.ru (раздел «Библиотека журнала «Приокские зори»).

** См. 14-томную (на сегодняшний день) научную монографию автора «Живая материя и феноменология ноосферы»; первые пять томов — см. каталог изданий <http://URSS.ru> Изд-ва URSS (Москва); остальные на ряде сайтов — наберите по поисковику: «Яшин А. А. Феноменология ноосферы».

же стопроцентно еще древними египтянами одомашненного, не проведешь: в эволюции инстинкт всегда сильнее интеллекта, то есть разума!

— Так к чему, Васильич, мы пришли почти за три месяца наших «четвергов»?

— А к тому, Андреяныч, чтобы нам с тобой не задремать, подобно Мичману, перед раскочегаренным Прокофьичем камином и после превышающего немислимо всякие там европейские диеты по калорийности обеда Тихоновны, надо по-русски вздрогнуть. Ра-а-зливай!

— Ух, хорош сегодня дагестанский из Кизляра, Васильич. Вот где пресловутое импортозамещение не требуется. Все же наши почти на всю зиму беседы об умозамещении, то есть волею и управлением всемирного глобализма переводе нормально, самодостаточно мыслящего человека в винтик-робот безмозглого «строителя светлого будущего», оставляют мрачное впечатление, безрадостное. Неужели просвета нет и не предвидится, а?

— Предвидится, хотя и, так сказать, на краткосрочный период и именно для нашей страны. Поэтому и окончание наших четвергов сделаем оптимистичным. Это как у Александра Николаевича Радищева, столь памятного нам с советских школьных лет. Помнишь, конечно, его знаменитое «Путешествие из Петербурга в Москву»?

— А как же, Васильевич! Даже в школьную присказку вошел эпитаф к книге из «Тилемахиды» Третьяковского: «Чудище обло, озорно, огромно, стозевно и лайя».

— Но я о другом и созвучном твоему вопросу о просвете в нашей глобалистской жизни. Ведь на протяжении двухсот страниц своей книги Радищев пишет об ужасах существования крепостных и вообще жителей России времен императрицы Екатерины Второй, но завершается «Путешествие» сугубо оптимистическим «Словом о Ломоносове». И я, Андреяныч, со школьных сочинений помню строки из этой главы: «Подстрекаем науки алчбою, Ломоносов оставляет родительский дом; течет в престольный град, приходит в обитель иноческих Мусс и вмещается в число юношей, посвятивших себя учению свободных наук и слову божию». И мы, в чем-то уподобляясь первому сочинителю-бунтовщику России, последний наш четверг озарим умеренным оптимизмом. Еще раз подчеркну: на достаточно короткий исторический срок и исключительно для России, вернее — для сложившегося за тысячелетие государственности русского характера, что совершенно справедливо на Западе укладывают в формулу: «загадочная русская душа». Итак, вдогонку по второй кизлярского за здоровье недавно избранных наших думцев, сплошь трезвенников и некурящих, и перейдем к существу завершающей беседы.

◆ — Умозамещение, как мы с тобой, Андреяныч, условились принять за истину в первой инстанции, есть одновременно средство, тактика и достижение цели в глобализации. Я уже утомился спорить со своими оппонентами, как друзьями, так и научным «врагами»; естественно, не в Тулуповске, где на разные философские категории всем и всея наплевать, а по всей стране и русскоязычному миру — в основном, на страницах моего журнала. Как-то не могут они, что стронники коммунистической идеи, что апологеты либерализма и демократии западнического пошиба, понять, точнее — принять: во-первых, правым оказался не Ленин, а старина Маркс, то есть не отдельная страна, даже группа стран, сможет оторваться от капитализма и навечно перейти к социально организованному государству, но — только все страны, весь мир одновременно. Во-вторых, только у утопистов Мора и Кампанеллы, на естественные человеческие фантазии которых во многом ориентировались и Маркс и Ленин, и вся когорта европейских и русских, далее советских, социалистов, светлое коммунистическое будущее вырисовывалось как рай земной: каждому по потребности, от каждого по способности. Это все хорошо даже не в идеале, но и в возможной действительности, однако при непременно условии: человек будущего остается

точно таким же, *1:1*, как пишут инженеры на своих чертежах, что наблюдали вокруг себя Маркс, Ленин и так далее, в том числе и мы с тобой, Андреяныч, почти до окончания прошлого века.

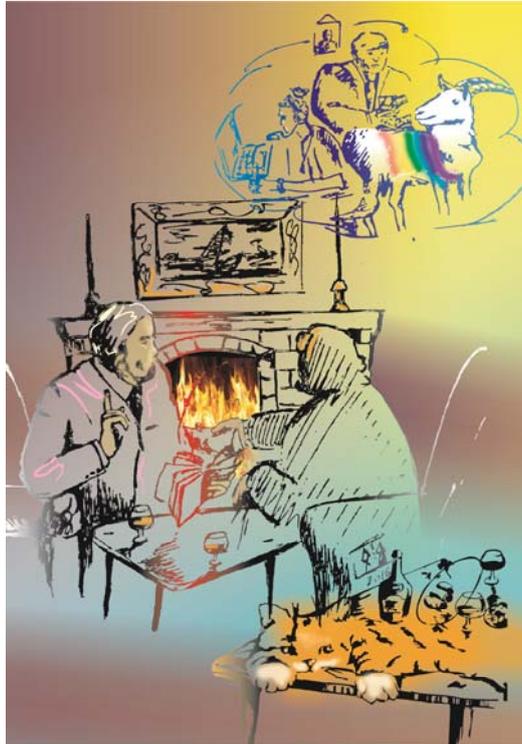

Рисунок Олеси Янгол (Юрмала, Латвия)

...История движется не по прямому пути: от точки «а» до точки «б», далее «в», но методом проб и ошибок. Конечно, создание усилиями Ленина и Сталина СССР, а затем, но уже только Генералиссимусом, социалистического блока в Европе, Азии, отчасти в Латинской Америке и Африке, при том, что Советская страна стала сверхдержавой, не было ошибкой Истории, но ее мощной пробой. Увы, проба эта противоречила геополитическому, экономическому и пр. раскладу мировых сил, а главное — всем трем законам диалектики Гегеля — Маркса. Проба показала, что социально ориентированное проживание человечества возможно, дееспособно, но переход к нему возможен только «всемирно», говоря по-крестьянски, и при непременном исчерпании, исторически предопределенном, возможностей частнособственнического капитализма. Увы, даже к началу третьего тысячелетия эти возможности высшей стадии его, империализма, оказались достаточно мощными. Это доказано поражением (не распадом! — Паскудное определение...) СССР и его блока в Третьей («холодной», информационной и пр.) мировой войне. История явно показала на этом трагическом примере: империализм не победим, пока не исчерпаны «квоты» частнособственности — уже и сейчас атавизма человеческой эволюции.

Оппоненты — с той и другой сторон — яростно возражают мне: империализм победил социализм, подчинил себе весь мир, так что: будущий коммунизм отменяется раз и навсегда?

Мне сложно им возражать: в них не анализирующий ум сейчас говорит, а по-

стигшее их умозамещение... Да, империализм образца конца двадцатого — начала двадцать первого века празднует полную победу, но она же и пиррова! А потому пиррова, что этой победой классический империализм исчерпал себя: уже нет единства и борьбы противоположностей — по Гегелю и Марксу, а это суть состояние загнивания. Тигр, победивший на своем «участке ответственности» уссурийской тайги всех врагов-конкурентов, сразу расслабляется и нашивается на пулю китайского браконьера. Еще хватает разума у современного сверхимпериализма обезопасить себя, приняв стратегию глобализма. Но — это прямой, хотя и долгий, от восьмидесяти до двухсот лет по разным источникам политологов-профи, путь к Марксову переходу «всем миром» к социально ориентированному моногосударству Земли. Вот с какой целью Истории, то есть запрограммированному Мирозданием движением биоэволюции, потребовался период, или целая эпоха, глобализации. Действительно, как уже сейчас зримо стираются геополитические границы между странами и их блоками, а главное — идет уничтожение отжившего свое инстинкта частнособственничества в его классическом понимании — основного препятствия к социально ориентированному мироустройству. Подспудно ликвидируется мелкое и среднее собственничество, а более крупное сливается в одигархат. Но эта мировая власть «двухсот семей» уже не есть частная собственность в ее привычном понимании, но де-факто обезличенные, хотя и с именами — по традиции, центры промышленно-финансовой инфраструктуры мирового хозяйства.

...Уходят в прошлое девяностых и начало двухтысячных годов всплески молодых исторически, от того и нагло-показательных, отечественных олигархов с их любовно освещаемыми СМИ поездками в Куршавель с вагоном московских вилл-проституток: они красивые и недорогие по сравнению с архикорыстными европейскими кобылами «ни кожи, ни рожи».

А дальше — дело техники, как, Андреяныч, ваш брат от военной инженерии говорит: Тайное мировое правительство, которое и сейчас уже нами всеми исподволь управляет, скоренько разрушит — что оно сейчас и делает успешно методами гибридных войн — Исламскую дугу, найдет управу на Китай и другие страны-миллиардницы, и объявит всемирное социальное государство. Это и будет наше «светлое будущее». Вроде как и коммунизм для людей будущих, ноосферных, но люди-то будут уже другими: умозамещенными. Ну и что? Мы с тобой для советской эпохи своими людьми были. Все нас устраивало, а легкое, имманентное для любого нормального человека, недовольство гасили в кухонных, немного диссидентских разговорах, анекдотах про руководителей партии и правительства. Наши дети, вообще говоря, не особо недовольны нынешним *status quo*, которое нам с тобой тошнотворно. Ибо они уже другие люди. Внуки... и так далее. Почему же людям ноосферным двадцать второго века не приветствовать такой вот вариант Марксова коммунизма? Человек создан эволюцией как воплощение интеллекта, но не животного инстинкта, потому он перестраивается не *генетически*, но фенотипически, даже просто *фенотипически*: уже между дедом и внуком — пропасть в восприятии реалий бытия. Но это все не различие, с возрастом переходящее в преемственность поколений, как в «Отцах и детях» Тургенева, но уже нечто иное, ибо между нынешними дедами и внуками цепь преемственности разрывается умозамещением, как средством перехода от человека биосферного к ноосферному, о чем я вкратце сказал. Это перелом в эволюции человека, какового до сих пор она не знала. И временные рамки этого перелома и разрыва цепи преемственности суть период глобализации.

Кстати, в самом начале наших «четвергов у Прокофьяча» речь шла о нобелевском лауреате, создателе науки этологии, то есть о поведении животного, человека тож, Конраде Лоренце. Помнишь ведь рассказ о встрече моего дядьки Степана, лей-

тенанта по финансовой части, с военнопленным, также бывшим лейтенантом вермахта, Лоренцем? Так недавно перечитывал сборник его основных трудов и натолкнулся на размышления как раз по эволюции преемственности поколений.

Пишет он, что у древнего человечества связь поколений была настолько тесной, что в поведении и мышлении не то что дети, но и внуки, правнуки и так далее «пра» почти ничем не отличались от своих пращуров. Чуть-чуть эта связь ослаблялась в последующие тысячелетия цивилизации и культуры, но только в Новейшее время появилось «разночтение» отцов и детей, обусловленное фактором, как пишет сам Лоренц, *нефрустрационности*, то есть редко видя занятого работой отца вне дома, сыновья теряют образец для подражания. Ну, это я к слову.

Но мы в сегодняшней «каминной» беседе общепланетарные тенденции суживаем до отдельно взятой России, до русской сущности мировосприятия. Имеешь, Андреяныч, что сказать о русской же специфике глобализации?

◆ — Конечно, Васильич, имеются кой-какие наблюдения. Не владею твоим строгим логико-философским «штилем», мы люди простые, от сохи...

— Эк тебя, Андреяныч, кизлярский раззадорил! Давай к сути.

— А суть такова, что в части всяких исторических, политэкономических и прочих процессов в России все происходит по-иному. И вовсе не потому, что «один я иду в ногу, а все остальные не в ногу...». Нет, русский человек, включая всех мыслящих по-русски: восточных славян, даже бунтующих сегодня супротив нас братанов-хохлов, наших угро-финнов, евреев, татар отчасти и прочая «ста языков», всегда и сейчас отличается от Запада-Востока, прежде всего от европейцев, тем, что изначально не пальцем делан, как грубовато народ выражается, но исторически жизнь приучила его мыслить *самодостаточно*, то есть только краем уха, с ухмылкой про себя, слушать увещевания древних князей, потом царей, императоров и так далее, благостные наставления языческих жрецов, попов, заменившей ее «нашей партии» и опять так далее, а сейчас всех и вся затмивший телевизор.

Сложнее дело с главным средством — проводником глобализации — телекоммуникационными сетями в ипостаси Интернета, а внутри него — социальными сетями. Понятно, что последнее есть величайшее изобретение дьявола, понимаемого как совокупность высших органов глобализации: под внешней оболочкой сугубо личного обмена людей — с преобладанием полной дури — все это умело направляется некоей рукой, имея целью всемирное умозамещение.

И здесь комплимент России, а именно в смысле действенности известной притяжки о дураках-чиновниках и плохих дорогах. Последние надо понимать в смысле протяженности страны на десять часовых поясов (или их пробовали сократить? — Не было внятного разъяснения) от сталинского завоевания в бывшей Восточной Пруссии до его же приобретения Курильских островов. Опутать все эти грандиозные пространства всемирной паутиной дело дорогостоящее на фоне всеобщего нищенства. А что касается дураков-чиновников, то что с них взять? См. Салтыкова-Щедрина, особенно сказки о лесных воеводах...

Понятно, что Россия в планах мировой глобализации, начиная с ее капитуляции в Третьей (...и так далее) мировой войне, уже четверть века вовлечена в этот проект. Уже не говорим о Меченом, запойно-воровских девяностых, но сейчас это архиуспешно насаждается. Успешно как с позиций политики, превалирующей сейчас над экономикой, так и умозамещения населения страны.

«Как? — воскликнет рядовой обыватель, давно уже зашоренный умозамещением, — это Россия-то, что сейчас, хотя бы и не по своей воле, противостоит почти всему миру империалистического глобализма уж точно на сто процентов! Мы отказались от ставшей национальной пищи — турецких помидоров, французского камам-

бера и рокфора, голландских устриц и вообще ото всего, за два года покупательская способность каждого из нас упала в три-четыре раза... все на оборону Родины от супостатов-янки с прихлебательской Европой! Что ты, доцентиска слабоумный, чушь несешь?!» И так далее по восходящей в эмоциях тональности от «до» до «си-бе-моль».

Что ему, друг Васильич, ответить? Он же, наш добрый сосед-обыватель, зашорен телящиком с его агитками-речевками. Еще про нефтяную иглу с сочувствием к самому себе поймет, но тут же поставит под сомнение твое, явно не от телевизора, толкование: доллар и цены в магазинах, сплошь принадлежащих забугорным торговым сетям, выросли в два-три раза вовсе не от снижения стоимости «барреля», но от компенсации привычных доходов отечественной буржуазии: от олигархата до мелкооптовых спекулянтов, коим очень даже сочувствует госбанковская система.

И совсем не будет слушать вас сосед, добрый знакомец и веселый собутыльник в «мирной» жизни, когда ты заикнешься, что-де для мирового, всеобщего процесса глобализации внешнее сопротивление отдельных стран, даже бывшей сверхдержавы России, все одно, что сопротивление течению большой реки многочисленными препятствиями: от плотин гидроэлектростанций — это ассоциация с Россией — до порогов — вроде как Северная Корея с ее ядерным оружием, не считая суживающихся скал — берегов, заторов из бревен при неграмотном лесосплаве и так далее. Ассоциаций с разными странами здесь масса: от социалистического Острова свободы и госкапиталистической Поднебесной до каких-нибудь тихоокеанских островов и мелких африканских государств, требующих за включение их де-юре (де-факто они давно там уже...) в глобалистский миропорядок «дипломаты» и «арбузы» долларов...* Все одно реку не остановишь.

Хочешь, не хочешь, но при всех внешних — повторяюсь — противостояниях России с миром объединившегося империализма и его марионеток, в основном, из стран бывшего соцлагеря и республик Советского Союза, страна наша успешно глобализуется внутренне. — Даже не столько усилиями олигархата и пресловутых агентов влияния, что разрушили СССР, но общим движением мировой истории. Против лома нет приема. Против уже объединившегося империализма тем более. И наши СМИ уверенно внушают: Россия суть субъект глобализации.

В такой ситуации об автаркии России, хоть в малом повторяющей таковую сталинскую, и речь не идет.

Будь добр, Васильич, перехвати развитие темы, ты ведь мастак по анализу мировой политики, а я похлебаю чайку с лимончиком под кизлярский. Только Прокофьич умеет так чай заваривать! Даже Тихоновне это святое дело не доверяет... как кавказец женщину ближе двух метров к готовящемуся шашлыку не подпустит.

◆ — Понимаю твой завуалированный вопрос: для чего глобализаторам, без того знающим о своей скорой победе над всем обитаемым (и необитаемых Арктикой и Антарктикой), миром, понадобилась этакая образцовая порка малого числом сопротивляющихся внешне стран, России в первую и главную очередь? Вопрос правильный и своевременный. Верховоды-глобализаторы — это не американские президенты, путающие Австрию с Австралией; не хлопотливые немецкие канцлеры из бывших гэдээровских комсомолок**; ни растерявшиеся французские президенты и так далее вплоть до описанных Маяковским: «Не повернув головы кочан и чувств никаких не изведав, берет паспорта датчан и прочих разных шведов».

---

* Из позабытого в обиходе чиновно-бандитско-воровского мира жаргона «лихих девяностых»: дипломат — 1 млн. \$; арбуз — 1 млрд. \$.

** То есть членов *FDJ* — *Freie Deutsche Jugend*, ведущей свое начало и традиции еще от «спартаковцев, смелых бойцов» начала 20-х годов.

Главные верховоды — это даже не физические лица, а системные институты (не в смысле учебных или исследовательских организаций) Тайного мирового правительства, тщательно просчитывающие в высоколобых мозгах и на мегакомпьютерах все известные ходы истории и пролонгирующие их на текущий, оперативно-тактический и стратегический ход глобализации.

А исторический опыт говорит: «взятая с бою» страна подчиняется намного крепче, нежели договорно-уговорно ослабленная. Ближний и наиболее характерный пример — Германия, проигравшая в двадцатом веке две мировые войны. В первую из них Германия сдалась Антанте именно договорно: после подписания в вагоне на пограничном полустанке капитуляции, принятой верховным главнокомандующим союзников маршалом Франции Фердинаном Фошем, Германия выплатила огромную контрибуцию, ей было запрещено иметь современную армию и ее вооружение, но страна не оккупировалась, исключая Эльзас-Лотарингию, но это извечный спор ее с Францией: в каждой очередной франко-германской войне победитель забирает себе важный промышленный район. Отсюда и население Эльзаса — французские немцы или немецкие французы... Самое существенное: победители вообще не вмешивались в дела внутригерманского устройства с их революцией, Веймарской республикой и Третьим Рейхом.

Иное дело Вторая мировая: полное подчинение с оккупацией — это Германия, взятая с бою в буквальном смысле. И результаты разительные: после поражения в Первой мировой Германия очень скоро проникнулась единым духом национализма и жажды отмщения покорившей ее Европе. Но итог Второй мировой известен всем: уже не двадцать лет, как между войнами, а семьдесят с хвостиком Германия ниже травы, тише воды, а в современном состоянии — после позорной сдачи ГДР Западу Меченым — уже навечно политический сателлит Америки, а значит и накрепко схваченное звено глобалистского мира.

Переходим к России. Понятно, что здесь искомый вариант «взятия с боя» есть эвфемизм: в нынешнюю эпоху гибридных (очень удачный термин политологов!) войн большеформатные «горячие» войны исключаются. К тому же России удалось сохранить сталинское военное наследие, многожды умноженное в 50—70-е годы — здесь главная заслуга самого молодого сталинского наркома Дмитрия Федоровича Устинова. Запад понимает прекрасно: оружием Россию с ее ядерным щитом не взять. То есть «взятие с боя» подразумевает умело скомбинированный набор информационных, экономических, политических и прочих элементов гибридных войн.

Опять же, Андреяныч, твой добрый сосед-обыватель встрепетается: дескать, помним мы девяностые годы, когда и власти наши расстиались перед янки, и народ в общем-то, исключая потерявших всякую власть старых коммунистов. Шеварднадзе еще при Меченом отдал америкосам всю восточную нефтеносную Арктику, а Ельцин задарма пообещал им стратегический запас обогащенного урана, накопленный Советским Союзом за сорок лет! Почему же они, сукины дети, не взяли нас тогда за хебос голыми руками?

Не так все просто. Во-первых, как-то твой сосед совсем сбросил со счетов народ, в девяносто шестом году проголосовавших де-факто за коммунистов, которые испугались взять власть. Во-вторых, я с того и начал: нужна образцовая порка для последующего послушания. Согласен, может глобалисты и переборщили со своими гибридными войнами и показательными порками. Рад бы всей душой полагать, что нашла коса на камень, как мы внешне, политически видим сейчас, рад... Не такое уж и далекое будущее покажет, но мы с тобой скорее научные пессимисты, нежели восторженные оптимисты. Настораживает подчеркнутое преобладание внешней политики над внутренней экономикой.

И нам с тобой, Андреяныч, хватит политиканствовать... а к анализу нашей экономики и приступить страшно, горько и обидно. Давай еще по рюмахе за нашу возрождаемую — надеюсь, что это не видимость как все остальное в стране — армию. С флотом сложнее: дорог он очень и много времени требуется. А закусив, перейдем собственно к русскому характеру, как антитезе европеизму. Главное, пришли мы к выводу: глобализация неизбежно захватит и Россию, что уже и происходит, но и здесь *мы — не Европа*, не подчиняемся ее стандартам. Бум здрав, дорогой коллега.

◆ — Но все же, Васильич... характер характером, загадочная русская душа и прочее, но ведь само умозамещение, тема наших с тобой многочисленных бесед, есть фактор, поддающийся сугубому научному обоснованию. Или я не прав!

— Семижды семи прав, старина! Поэтому немного отодвинем наш славный русский характер, а я вкратце изложу свою точку зрения на этот предмет. Свою — в смысле моего системного, так сказать, обобщения-вывода. Но многие первостатейные мировые умы об этом размышляли, именуя умозамещение другими терминами: уже не раз всплывавший в наших разговорах Конрад Лоренц, нобелевский же лауреат Анри Бергсон, наш соотечественник, недавно ушедший из жизни академик Влаиль Петрович Казначеев из Новосибирска... Многих можно назвать — и не зазря! Опять же Ивана Петровича Павлова с его условным рефлексом и Зигмунда Фрейда с психоанализом... Хотя двое последних очень уж сосредоточились на своих гениальных учениях. Фрейд и вовсе своим либидо «подмял» под свою теорию все мыслимые биологические, психологические, социальные и так далее науки.

Ладно, отвлечемся от нобелистов и приравненных к ним. Не погрешу против их мнений, если определю умозамещение в нашей с тобой трактовке как вытеснение — в определении Фрейда — здорового, самодостаточного ума-мышления из собственно сознания в самые глубокие «каморки» подсознания, загоняя его намного ниже порога этого сознания. Такой процесс уже Лоренц называет *индоктринированием*. Термин этот можно перевести на русский как погружение человека в некое, навязываемое ему «одномыслие»: от латинского *in*, то есть «в, внутри», и доктрина, что само собой понятно без перевода. Вот внушили такому подопытному умозамещенцу, что «партия наш рулевой» или «доллар есть главная общечеловеческая ценность» — и все, пропала самодостаточно мыслящая особь, возник робот в облики человеческого.

Самое существенное, что такой человек, загнавший — сейчас обычно по «приказу» телевизора или соцсетей Интернета — обычные умоистины в чуланы подсознания, в высшей степени агрессивно сопротивляется возврату их в активное сознание; причем неважно, кто и что требует этого возврата: собственная потребность исправить свою глупость, советы и увещания добрых людей, почуввавших, что их родственник, друг, просто сосед, как у тебя, Андреяныч, попал в беду. Это как в фольклорном анекдоте: пришли сваты в дом невесты, расхваливают ее родичам своего парня: и не пьет ни капли с рождения, не курит, не драчливый, за девками не бегают... А с полатей столетняя старуха встречает: «Чай, не дурачок ли ён у вас?»

Как только индоктринирование в конкретном направлении охватывает усилиями тех же СМИ широкие массы — считай, пропало человечество! Явление дьявольское, что мы сейчас и наблюдаем не то что ежечасно, но ежесекундно: весь мир объединяется в едином вредоносном заблуждении, которое кому-то очень нужно. Это и есть полное умозамещение, есть итог глобализации.

...Не буду загружать тебя, Андреяныч, терминами психологии, но все же намечу цепочку массового, всемирного умозамещения. Про индоктринирование вроде все сказано. Далее утомлю тебя еще двумя «импортными» понятиями. В Америке господствующая в психологической науке есть теория *бихевиоризма*, то есть, как записано в их конституции: любой человек рождается свободным и абсолютно равно-

правным — в том толковании, что на момент рождения голова его пуста, *tabula rasa*, то есть «чистая доска», говоря по ученой латыни. И что хочешь в эту пустую башку закачивай!

Хорошо, если бы это оставалось сухой, бесполезной теорией, но америкосы руками и ногами уцепились за этот бихевиоризм, сообразив, что с такой идеологией проще всего штамповать людей-винтиков для фордовских конвейеров и так далее, вплоть до сенаторов и президентов. Итак, индоктринируемость воплотилась в практике американского, а потом и вселенского бихевиоризма. И — не кляни меня, Андреяныч, — еще один заумный термин: *кондиционируемость* людей. Эта завершающая процедура в массовом умозамещении после индоктринирования и биохевиоризации и означает всеобщую промывку мозгов. Улавливаешь точность и определенность этого названия: кондиционер — равномерное проветривание, то есть та же самая промывка! Означает процедуру одинакового развития, то есть умозамещения, всех людей. В итоге глобализм справляется с основной своей целью: нет самодостаточно мыслящих индивидуальностей, есть мировая общность послушных, умозамещенных роботов-винтиков.

Кстати, вся эта цепочка, ведущая к умозамещению, продумана как строгое следование сочетанию трех основных законов диалектики Гегеля — Маркса! Вижу, не удивляешься. И правильно делаешь, От Маркса никуда не денешься. Потому его сейчас нигде директивно не изучают, исключая самые престижные университеты: Итон, Кембридж, Оксфорд, Гарвард и Массачусетский технологический институт, где готовят высших управленцев глобализируемого мира.

Итак, Андреяныч, мы определились, что в части неизбежной глобализации Россия не Европа; у нас и туда свой путь. И биолого-психологические основы умозамещения наметили. Сейчас же к другой ипостаси нашего отличия от Европы перейдем: русский характер и наш кондовый генофенотип. Что ж мы с тобой? — Разлили и не пригубили — нехорошо для течения беседы. Прочистим, пока еще не импортозамещенным, кизлярским наши головы от чужеродной терминологии. Твое здоровье вдругорядь, дорогой наш Мичман! — Кот на кличку проснулся, недоуменно оглянулся, повернулся на другой бок, закрыл мордочку лапой и пушистым хвостом, снова погрузился в приятную околокаминную дрему.

◆ — О кондовом, он же посконный и домотканый, характере русском поговорим, Васильич, вздохнул: тема-то благодатная и неисчерпаемая, навряд ли тех же старинных вопросов: кто виноват и что делать?..

— Да-да, как у нас в «универе» отвечают на них: виноват всегда стрелочник — подчиненный, а делать все надо согласно штатному расписанию.

— Я просто хотел вдогонку вставить пару слов по части глобализации России. Мне представляется, что империалисты, глобализирующие нас, для осуществления «образцовой порки» не только изолировали Россию ото всего мира, но и создали для нее образ врага, умело организовав ситуацию на Украине, при которой нам, дабы совсем не потерять лицо, пришлось втянуться в противостояние с ней. Мощно и грамотно было продумано! Тож самое с Сирией и ИГИЛ* — поспорить с мусульманским миром. Правда, здесь у них осечка вышла, видать, мегакомпьютеры перегрелись что ли: кроме Сирии у нас появились союзники в лице Ирана, отчасти Турции и Израиля... Замечу попутно, уже безо всякого упоминания о России: взяли реванш в самом гнезде глобализации, начав разваливать главного внутреннего противника — Евросоюз — демонстративным выходом Англии... Ладно, позволь мне по теме ска-

---

* Как дана инструкция для СМИ: при каждом упоминании ИГИЛ и других «контриков» оговариваться: «Запрещенная в России». Согласны — для пользы дела. Но в публицистике и художественной прозе этот портит стиль изложения. Извиняемся.

зять о русском характере, что так порой то восхищает, а чаще пугает Европу, которая и сама не считает Россию своей частью. Кстати говоря, популярное сейчас евразийство если и имеет отношение к нам, то только лишь по части географии... и внешней политики.

Русского человека, как истинного и безусловного государственника, четко и на века обозначил Пушкин в программном стихотворении «Клеветникам России». На том и стоим, в отличие от Европы, которая сейчас в рамках упомянутого Евросоюза практически отказалась от государственности и национальной идентификации в пользу буржуазного экономического прагматизма.

Конечно, и у сугубо государственного мировоззрения (язык не поворачивается употребить чужеродный термин «менталитет») русского человека, и у практического отсутствия такового в европейском месиве есть историческая предтеча. Точнее, следует держать в голове школьный курс истории. Главное здесь: причины и последствия средневековой феодальной разобщенности. То есть действие в исторической и политэкономической вариации диалектического закона перехода количества в качество происходило в Европе и в России различно.

Если свободолюбивая Европа после распада Римской империи почти на полторы тысяч лет погрузилась в воинскую соревновательность феодалов (вассал моего вассала не мой вассал...), превратив своих хлебопашцев в безликое отощавшее стадо, то обрести статус централизованного государства Московской Руси помогла... монголо-татарская орда, вернее, монгольская верхушка — потомки Чингиз-хана. Да-да, именно так: им азиатская лень и отвращение к земледелию претили содержать на огромной завоеванной территории бесчисленную армию надсмотрщиков, потому они и создали союзное — именно союзное, не вассальное! — русское государство: Улус Джучиев. Очень даже скоро этот улус стал Московским объединительным княжеством, потом царством, а ордынцев заставил пахать землю в Казанской губернии, торговать и трудиться носильщиками и чистильщиками обуви в своей столице...

Итак, если при Иване Грозном (как бы он понадобился России сейчас!) русское царство начало серьезно пугать Европу своей самодержавной государственностью, то, исключая торговую «англичанку», последняя обрела государственность в целом только в Новейшее время, когда Бисмарк собрал под прусский скипетр тридцать самостоятельных германских княжеств и маркграфств. А Гарибальди сделал это в Италии еще позднее. Здесь не мы Европу догоняли, но совсем наоборот...

Как мне кажется, извиняюсь: кажется — креститься надо, как думается, не только наше опережение в государственности очертило русский характер. Необъятные просторы, сплошной лес Московской Руси, в муках отвоеванная от сосны и ели пахотная земля, изначальная оседлость и крестьянствование, враждебность всего окружающего Русь-Россию мира — все это и создало русского человека в убеждении: всем миром одолеем, на миру и смерть красна, за богом молитва, за царем служба не пропадет и так далее из Даля и фразеологических словарей русского языка.

Отсюда же и неискоренимая вера в царя-батюшку, которую они и оправдывали всегда; надеемся, и сейчас оправдают. Дескать, царь дал народу тягловому жалованную грамоту, а злые бояре-своекорыстники ее украли и зарыли в землю... Эта вера была блестяще использована самородным русским, казачьим умом Емельяна Пугачева, чуть-чуть не вздыбившему Российскую империю. Эта вера началась с уездных князей-самостийников, окрепла при первых великих московских князьях, а далее по накатанной при царях рюриковских и романовских, императорах — мужиках и женщинах (в восемнадцатом веке), даже при Керенском с ощипанном государственном орле — это как сейчас на банкнотах и монетах банка России, — генсеках, президентах. Исключения были: в Смутное время, в революции 1905-го и 1917-го годов и в горбачевщину с ельцинщиной по причине утраты доверия царю, а также в золотые

советские времена, особенно сталинские, когда бояр не было, а царь напрямую общался с народом. Сейчас, как каже... извиняюсь вдругорядь, эта вера пропагандой СМИ возрождается. Оно и к лучшему: лишь бы не было войны... в пределах государства. Это все в нашей генетической памяти сплошь потомков крестьян-землепашцев, для которых любая война — несобранный урожай: помирать собрался, но рожь сей...

Добрый наш народ все же! Как писал в нетленном романе «Юрий Милославский» наш старинный писатель Загоскин в том смысле, что добры в естестве своем все русские: крестьяне и разбойники-шиши, бояре и их крепостные, князья и их мародеры-приказчики... Все добрые, лишь бы их захватчики-ляхи и шведы-супротивники не тревожили.

— А как же чиновники? Тоже «Юрия Милославского, или русских в 1612 году» почитывали. Что-то Загоскин о них не упоминает?

— Как же, Васильич, не упоминает, а всякие писцы и дьяки? Приказные избы опять же. — Это все родина наших родимых, обласканных Гоголем и Михаилом Евграфовичем российских чиновников, коим мы и сейчас рукоплещем на всякого ранга выборах, в теленовостях, в ЖЭКах и прочая, прочая...

Чиновник! — Как замирает сердце и душа русского человека, государственника и субординированного подчиненного, при сладостном этом слове. Вот выступает-вышагивает он, сиренево-шоколадный или иной под окраску официально утвержденного колера, с откормленной под поросенка физиономией — это из нынешних молодых — и для него весь окрестный мир воссияет!

Вот где мы, Васильич, на сто двадцать процентов не Европа! Если там чиновник есть сугубо наемный или избранный голосованием, наконец, назначенный властью работник по части управленческой политики, часто в глаза ругаемый, не сходящий со страниц провокационных еженедельников навроде скандального «*Hebdo Charlie*», с зарплатой, чуть превышающей рядовую клерковскую, преследуемый ордами хроникеров и папарацци (избави, бог, «налево» пойти или позволить в законный выходной день оттянуться за бутылочкой бургонского или рейнского!), словом — несчастнейший из жителей того же Рима или глухой французской деревушки*, то в России в части чиновничества все сказано гениальными словами известного остряка: «В России генерал не звание, а счастье». Конгениально!

◆ — Да-да, Андреяныч, в наших кругах, если упомянешь эту присказку, тотчас по въедливости преподаской начинают спорить об авторе ее: из старших поколений ссылаются на Салтыкова-Щедрина, из молодежавых приписывают генералу Лебедю. Впрочем, оба в таковых чинах состояли — Михаил Евграфович по табели о рангах как вице-губернатор, потому оба и все прекрасно знали о чем говорили...

Чего далеко за примерами ходить-то! Зайди в главный корпус, где все пять этажей сейчас заняли расплодившиеся до невероятия службы-отделы, только полуподвал оставив для библиотеки и архива. Народу там по коридорам мелькает поболее чем в ином учебном корпусе студентов и преподав: толпы служилых баб мигом рассыпаются и ныряют в свои комнаты, и вот в образовавшейся пустоте величественно шествует, бережно держа в обеих руках листок приказа на подпись у Самого, плотный облик, одетый в любой сезон в пиджачную пару, при белоснежной рубашке и галстук, чиновник высшего разряда до проректора включительно.

— Не хожу я туда давно, если только в библиотеку приспичит до зарезу...

— И правильно делаешь. Туда, особенно на второй «ректорский» этаж, давно уже ходят только по великой необходимости. Обязательно подвернешься под руку скучающему от хронического ничегонеделания небожителю: от въедливого замечания до совершенно ненужного тебе поручения тотчас схлопочешь!

---

* «Лучше быть последним в Риме, чем первым в галльской деревушке», — изречение Кая Юлия Цезаря.

Чего нам с тобой о русском чиновнике говорить? Все одно, что воду в ступе толочь. Все о нем сказали наши великие писатели. В одном, тверже стали закаленной, убежден: лучшие из чиновников в позднесоветские и нынешние времена — это евреи. С точки зрения подчиненных, разумеется. Но их мало сейчас осталось: в деловые сферы ушли, кто за бугор не уехал в девяностые годы. Жаль. А представь себе мысленно, что наш традиционный чиновник переродился в типичного европейского? — Это сплошной ужас случится. Как же мы без родного до боли? Тогда исчезнет и чисто русская каста подхалимов, а без них скука вселенская. Подхалим чиновничий — услада серой нашей жизни. Словом, от добра добра не ищут, даже если это издевка над добром истинным. Но — привыкли и расставаться не жа-а-лаем!

«Лето Господне» Ивана Шмелева, конечно, читал? Как он до дрожи душевной писал: «Холодно в России зимой — а тепло!» Так и о чиновниках хочется сказать. Но, хватит о них, родимых; мы ведь под Новый год им полноформатную четверговую беседу посвятили.

Я как-то тебе говорил, что горжусь собственным афоризмом: чиновник-патриот берет взятки только в рублях! Чиновник — от плоти своего народа, раз мы перешли к отличию русского человека от европейца в части всяких «измов». Не удивлю тебя, мой дорогой воспитанник Северного флота, потомственный старовер-старообрядец с примесью шотландской крови, это которые по словам Роберта Бёрнса умели гнать виски, еще находясь в утробе матери, матерого ракетчика, а ныне доцента нашего славного универа, если определю — в русском понимании — все эти «измы», включая особенно бюрократизм, коль скоро упомянули чиновничество, нашим добрым словом *пофигизм*. Понятно, что в простонародной речи слово это употребляется в иной синонимомантике, ядерной и всем понятной.

Не в том смысле пофигизм, что нет никакого дела до чиновничьей власти, того же патриотизма и интернационализма, но в восприятии природного русского человека — от сохи до академика — четко разделяются: чиновник — необходимое, во многом полезное мироустройству, государственное зло; патриотизм — изначально русское свойство, но квасной, декларируемый патриотизм суть демагогическая утка, впрочем, часто полезное при правильной госполитике — как сейчас видим. Интернационализм в нашем кондово-домотканном самосознании есть мирное, дружелюбное сосуществование «ста языков», но при двух непеременимых условиях: эти языки, коль скоро живут в России истари, принимают русское мировоззрение, хотя бы и посещают мечеть или поют под шаманский бубен; и главное — не ищут «где славны бубны за горами». Все тяготы — вместе, всем миром — русской деревней, татарской и башкирской тож деревней, кавказским аулом, среднеазиатским (это в советское время) кишлаком, якутским и бурятским (извини, не помню их названия) тож поселением, вплоть до чукотских чумов. Все радости, что были опять же в советское время, тоже вместе.

Второе условие — это где бубны за горами — полагает опять же сугубую государственность под благосклонной властью мудрого белого царя, который всегда остепенит, а то и отправит в узилище, злых бояр — зарвавшихся во взятках чиновников, что нынешняя власть (возможно, в силу безысходности) и демонстрирует активно-показательно, что мы, Андреяныч, и видим сейчас на примере тулуповских губернаторов. Правда, забывая, что поставлены они были во власти сверху...

Пофигизм, Андреяныч, есть мощнейшая самозащита русского человека от всего и всея: от неизбежного напора глобализации и тайно руководящего в России олигархата, что из грязи во в князи, до деревенского Ваньки-хитрована, сообразившего, что пришла его пора стать председателем сельсовета... или как там они сейчас именуются. А ведь есть еще мощно поднявшийся на селе класс кулаков-«фермеров», владель-

цев уездных «газет, заводов и пароходов», озлобленных от умоисступляющей работы-тяготы «менеджеров» и «офисных креветок» и так далее...

— Но ведь, Васильич, вроде как вся Европа пронизана пофигизмом в таком определении его?

— Нет, Андреяныч, там пофигизм от хронического безделья: худо-бедно, ограбляя весь трудящийся мир, они вынуждены содержать на госсредства этих дармоедов, попутно прославляя свою дерьмократию и общечеловеческие ценности. У нас же совершенно иное: труд, осмысленный или конвейерный, и пофигизм, как единственный способ сохранения здравого мышления. У них — власть частнособственничества, у нас — органическое отвращение к нему.

◆ — Но ведь и у нас сейчас, Васильич, сугубое частнособственничество, гарантированное конституцией?

— Гарантировано — не значит внедрено в умы полутора сотен миллионов человек.

— Хочешь сказать, Васильич, что за семьдесят лет советской власти отучили?

— Козыряй, как каталы карточные говорят и твои земляки — северные моряки. Нет, дорогой мой единомышленник и друг. Мичман — тоже друг закадычный, но мыслящий инстинктом, то есть бессловесный (заспанный от комнатной теплоты кот, не просыпаясь, только вильнул в знак согласия полосатым пушистым хвостом). В части частнособственничества мы с Европой опять же на противоположных полюсах — при почти полной сейчас внешней схожести. Я, как ты помнишь прекрасно, в прошлом году подряд в двух номерах своего «Феномена разума» всероссийскую и международную дискуссию провел. Многие авторы этих материалов вполне согласились с кардинальным различием отношения к частнособственности русского человека в подавляющем большинстве массы и европейского.

Исходить надо из того, что само это «собственничество» для современного человечества, активно вовлекаемого в ноосферизацию Земли, есть уже атавизм. Он сыграл мощную роль — по Энгельсу говоря — в создании государственности и ее минимальной ячейки — семьи, но в наблюдаемый нами период глобализации, как составной части ноосферизации, эта роль уже сыграна. Олигархат суть вписан в государственное устройство, как в современной России, где счастливые десять процентов условно держат в руках почти все, спекулятивные в основе, финансы и, используя принятый термин, реальный сектор экономики. То же самое, но в более изощренной форме, учитывая мудрость и старость своего капитализма-империализма, наблюдаем и на Западе. Европе, конечно, тоже. Словом, господство «двухсот семей», как движитель процесса глобализации.

Но если западное буржуазное устройство «мудро» от своей старости-долговременности, то русскому капитализму в развитой его форме от силы полторы сотни лет, от манифеста царя-освободителя. Да еще вычти из них семьдесят советских лет! — Всего-то ничего... Конечно, и до освобождения крепостных и так прекрасно описанного в русской классике бума железнодорожного строительства последней трети девятнадцатого века в императорской России имелись черты буржуазности: купцы, фабриканты, с некоторой натяжкой — крупные помещичьи землевладения с выписываемой из Англии сельхозтехникой, так называемые культурные помещики — сразу вспоминается Лёвин толстовский...

Однако, надо смотреть в корень русской специфичности: фабрикантами и купцами в массе своей являлись староверы, фактологически неправильно именуемые старообрядцами. Здесь, Андреяныч, слово за тобой, как потомком, хотя и не воцерковленным, но явно духовным этой славной когорты истовых русских людей! Как там у вас?

— А у нас Островский в своих пьесах все изоврал, пиарщиком, говоря по-

нынешнему, стал заработка ради. Хотя драматург от бога, слог народный до тонкости понимал. Правду же всю сказал Николай Семенович Лесков. В купцы-фабриканты староверы подались не от хорошей жизни: официальная церковь, люто преследовавшая их вплоть до речи Владимира Ильича с броневика на площади Финляндского вокзала, все староверам запретила в части занятия в жизни, оставив только хлебопашество и торговлю-предпринимательство, которые церковь относилась по старинке к низменному. Так староверы стали определять, как бы сейчас сказали, всю хозяйственно-экономическую жизнь империи к середине девятнадцатого века. Но истинное православие, даже излишне рьяно понимаемое, господствовало в их душах — особенно по части евангельского верблюда, стремящегося безуспешно протиснуться сквозь игольное ушко, о чем мы с тобой уже упоминали. Именно поэтому в части собственности, к которому сложно присовокупить слово «частно», они избрали позицию государственного стяжательства: копейки не упустят, но весь немалый капитал возвратят стране и народу. Ну-у, это давно всем известно: крупная, главное — целевая, благотворительность.

И что уж здесь говорить о тягловом русском человеке, которого от частной собственности отвращала веками крестьянская община, а в прошедшем веке общегосударственная собственность. Вот только последняя четверть века...

— И ничего, что последняя, Андреяныч! Действительно, многих, в том числе с чисто русским умозрением, искусственно повернули лицом к чуждому частнособственничеству, и что? В лихие девяностые это требовалось агентам влияния и прямым руководителям с Запада для разрушения страны. А сейчас, опять же оговариваясь по части олигархата, массовая частнособственность мешает государственному строительству... чтобы так не муссировалось в СМИ насчет развития всяких «бизнесов». Впрочем, вроде как по обязанности, вяло муссируют...

Но, главное, народ наш и сам уже потерял интерес ко всему этому: хлопотно, чиновников-обдирал море. Да и нет исторического гена частнонакопительства. Нет, Андреяныч, в этой части русский и европейский характеры, как разговор двух случайных собеседников, говорящих на разных языках.

◆ — Однако, Андреяныч, за окнами темень непроглядная на землю упала, через час последний городской автолайн прощально мигнет засыпающему пригороду с приютившим нас гостеприимным домом Прокофьяча, Тихоновны и, конечно, живущего на правах полной автономии Мичмана. Как бы не опоздать нам, давай завершим последний в эту зиму «каминный четверг». Вроде обо всем поговорено — и, куда ни кинь, всюду русский человек глубоко чужд этих самых европейских «общечеловеческих ценностей», то бишь евро-доллара, благоглупостей навроде толерантности и всяких «измов». Мы — одни, они — другие. У нас невоцерковленное истинное православное душепонимание, у них — официоз по минимуму. Я уже не говорю о пресловутой толерантности в части всяких извращений: у них психический праздник гомосекса, а у нас он — большая благодарность власти, в эту ловушку пока не попавшейся — стыдоба и принадлежность тюремного быта. У них нарочитая «инвалидизация» общественного мнения, у нас — истинное сострадание к убогим, но без извращенческого любования чужими бедами. Хотя и нас они порой пытаются приучить к этому: телешоу навроде «Танцы на колясках», паралимпиады всякие... Народ это не приемлет, просто помалкивает.

И глобализации мы сопротивляемся по-толстовски: каждый усовершенствуй сам себя. Но главные свои черты мы еще сохранили: природный ум и мечтательность, страсть к изобретательству и прохладное отношение к «конвейеру»; потому-то наши легковые машины (не грузовики и танки!) всегда будут хуже западных: нет желания заниматься «облизыванием» технологий изготовления. Пущай этим немцы занима-

ются, а мы лучше танками... Здесь, конечно, тоже технологии всякие, но они многопудовые, в мелкоскопы разглядывать монотонно не нужно. В электронике, которую все же в девяностые годы агенты напрочь разрушили, братья-белорусы, сохранившие ее, помогут.

Так худо-бедно и сумеем сохранять среднесрочный оптимизм. Мы ведь Россия, не Европа. И литература наша, как говорит твой, Андреяныч, сосед-писатель, свои позиции русскости не сдает. Будем оптимистичны в деле, которое все равно проиграем: вместе с глобализующимся миром, но — последними! Давай по последней на пошшок.

...Провожаемые хозяевами, включая окончательно проснувшегося к своему позднему дополнительному ужину — перед ночным бдением в ожидании прихода виртуальных мышей — Мичмана, гости вышли на крыльцо, привыкая после каминного райского тепла к сыровато-холодной февральской промозглости. Но все одно в чистом вечернем воздухе пригорода, лишённого в лихие девяностые годы всякой чадающей промышленности, дышалось легко. Бронхи и легкие уже улавливали в чернильно-фиолетовом (это по Пастернаку: «Февраль, налить чернил и плакать...») исходе зимы отдаленное веяние самого оптимистичного времени года: что-то слабо пахнувшее почками деревьев, которые сами мечтали покрыться зеленой кроной, и арбузным тлением прошлогодней слежавшейся листвы.

Попрощавшись, Николай Андреевич и Игорь Васильевич прошагали до калитки, у которой с уличной стороны их уже поджидал оседлый поселковый цыган Урупкин в неизменном долгополом пальто «гроб с каракулем», шапке-хрущевке, с топорщащимися буденовскими усами и личной овчаркой на поводке. Еще с ноября прошлого года он уяснил, что по четвергам у Прокофьича гостюют городские профессора, падкие на всякие старинные кунштюки. На этот раз он принес найденный в хламе на месте порушенного новыми владельцами участка Дома культуры — бывшей помещичьей усадьбы — латунный колокольчик без язычка, которым, наверное, добрый помещик вызванивал к себе в кабинет управляющего: «Насчет Федора того... на конюшне распорядись». Его тотчас, не торгуясь, купил Николай Андреевич, как человек военно-морского воспитания уважавший различные склянки, что на корабельном юте отсчитывают часы вахтенной смены.

«По ком звонит колокол?» — Можно и без кавычек.

КРУПНЫЙ ЖАНР: РОМАН, ПОВЕСТЬ, ПЬЕСА

Олеся Янгол
Виталий Ковалев
(г. Юрмала, Латвия)

**ГОЛУБАЯ ЛАВОЧКА
С ВИДОМ НА ЗАКАТ**
(Третья книга саги «Побережье наших грез»)

«Дыши»
Йоко Оно

1

Сегодня мой самый любимый день — вечер пятницы. Обычно в пятницу у меня впереди два выходных. А с пятничным вечером, считай, все три. Но все дело в том, что с понедельника начинается мой отпуск и продлится он целый месяц. Но это еще будет впереди. А сегодня у меня — ЦЕЛАЯ ПЯТНИЦА!

Приехал с работы, быстренько сварганил ужин в виде яичницы с добавлением всего, что нашел в холодильнике. Помните у Джерома К. Джерома в книге «Трое в лодке, не считая собаки» упоминается «ирландское рагу», которое представляет из себя тушеное блюдо из всего, что вы найдете в холодильнике? Я попробовал это сделать, и оказалось, что книга не обманывает — получается, действительно, очень вкусно. А если под рукой есть майонез и сыр, то точно, пальчики оближешь.

Все это я приготовил очень быстро, сделал пару глотков крепкого чаю, и вот, уже на велосипеде еду на море. Хотя, чего тут ехать? Только и надо, что подняться на дюну и вот вам море с бесплатным видом на закат, как по расписанию. Сегодня вода в море теплая. Вон, страна голопузия в ней плещется! А потом, накупавшись, можно будет бухнуться с книгой на песок. Сейчас для счастья мне ничего больше и не надо. Сегодня взял с собой Хемингуэя, это, для меня, самое любимое летнее чтение. Каждое лето перечитываю «Острова в океане».

Как хорошо на волнах! Они поднимают тебя, и тут же ты погружаешься в провал между ними и тогда берега не видно, кажется, что ты в бескрайнем, открытом море, и над тобой только голубое небо, облака и пена волн, сбиваемая ветром. Я поворачиваюсь лицом к закатному солнцу, прикрываю глаза, чтобы солнечный свет не слепил и, чувствуя всем телом прохладу моря, говорю — «Боже, спасибо тебе за все! Я счастлив!»

Это и есть вся моя молитва. И я уверен, что Бог меня слышит. Чем это море хуже

любого храма, который строят люди? Вон, какой надо мной голубой купол! Вон, какая закатная роспись!

Волны несут меня к берегу, выхожу и, обсыхая, разглядываю детвору с совками, ведерками, играющую на песке. Пытаюсь снова научиться быть таким, как они. В отличие от нас, взрослых, они в момент игры ни о чем, кроме того, что видят их глаза и делают их руки, не думают. Мы, взрослые, так уже не умеем. Играя, дети живут с чувством вечности. Для них не существует ни «сегодня», ни «завтра», а есть только одно это мгновение, и оно вечно. Это потом в школе им разъяснят, что есть дни недели и надо думать о завтрашнем дне и беспокоиться о нем, ведь то, что будет завтра, неизвестно, а все неизвестное порождает тревогу.

Да, все началось со школы. Вот, представляю я понедельник, среду или пятницу. Что я вижу? Конечно, разворот школьного дневника. Вот она — среда, внизу на левой странице разворота. Вот, откуда все это идет.

А та детвора, что в песке копаются, ни о чем этом не знает. Они сейчас не просто маленькие детки, занимающиеся всякой ерундой. Нет, это невероятные существа. Они живут в совершенно другом мире. Они живут в вечности.

Хотелось бы снова этому научиться. Просто видеть небо, слышать, как шумит море, как ползет божья коровка по пальцу, а не думать, как в понедельник справиться на работе с той или иной задачей. И ведь самое смешное то, что в понедельник, в городе на работе, я буду мысленно бродить у моря и видеть людей на пляже, которые уже загорают и купаются... Эх, никогда меня нет там, где я нахожусь...

Я ложусь на теплый песок и начинаю читать. Краем глаза замечаю муравья, бегущего по странице. Здорово лежать на теплом песке под последними предзакатными лучами солнца и читать книгу! На страницах книги посверкивают песчинки. На песчаных пригорках шуршат на ветру островки жесткой осоки и покачиваются стебли дикого овса. Я поднимаю нагретую солнцем книгу и прижимаюсь к ней лицом. Шум моря еще сильнее, отраженный книгой.

Переворачиваюсь на спину и смотрю в небо. Облака окрашены теплым светом, они уже гаснут понемногу на бледно-голубом небе и медленно летят в сторону моря.

Я одеваюсь и собираюсь уходить. На голубой лавочке никого нет, только ворона враскачку прохаживается по ней, клюет и сбрасывает на землю что-то блестящее.

Проходя мимо, взмахом руки, отгоняю ворону. С недовольным карканьем она боком отбегает в сторону.

Переехав через дюны, поросшие соснами, выезжаю на дорогу. Здесь шум моря не слышен. Я еду на велосипеде по гладкой асфальтовой дороге. Хорошо разогнаться так, чтобы с ветерком! Эй, воробей в сторону!.. По обеим сторонам дороги проносятся дома со светящимися окнами. Иногда слышится музыка и смех играющих во дворах детей. Начинает темнеть. Шашлычком запахло... Мне очень нравятся дома, в которых светятся окна. Нравится, когда на террасе едва видны силуэты людей, они тихо беседуют, слышны их голоса.

Проезжаю мимо двора, в котором живет огромный белый пес. Это большой оригинал. Его сейчас не видно за частыми планками забора, но я-то знаю, что он там. Каждый раз, когда проезжаю мимо полуоткрытых ворот, он показывает мне свою очередную игрушку.

Так и есть — стоит в проеме полуоткрытых ворот и держит в зубах диванную подушку.

— Ух, ты!..— восторгаюсь я.— Хороший, хороший пес!

Фыркнув, он поворачивается и трусит во тьму. А я еду дальше и вспоминаю о своей собаке. Не очень-то мне нравится об этом вспоминать. Но сейчас так получилось.

Было это месяца два назад. Вернулся как-то вечером точно с такой же прогулки и увидел у своего забора пса. Он тяжело дышал, высунув язык и грустно так, вроде как виновато, смотрел на меня. Это был большой пес, что-то вроде овчарки, но явно не чистокровной. Я зажег свет на кухне и стал готовить ужин. Выглянув в открытое окно, увидел его. Он смотрел на меня и принюхивался к запаху жарящейся картошки. Открыл холодильник, раздумывая, чем бы его покормить. Увидел пару сарделек и решил, что ему понравится. Подошел к нему, видя, что он внимательно смотрит на мою руку с сардельками, и положил их перед ним.

Я поразился тому, как молниеносно пес их проглотил.

«Да ты голодный! — подумал я.— Но что же тебе еще дать?» Кроме жареной картошки у меня в этот вечер ничего не было. Правда был еще кусок колбасы и хлеб.

— Пошли! — позвал я собаку, приоткрывая калитку.— Пойдем, похлопал я рукой по ноге, полагая, что именно так и надо подзывать собаку. Он действительно встал и пошел за мной, но в дом не вошел, а улегся снаружи в прямоугольнике света, падавшего из открытой двери.

Ночь была звездной. В такие ночи мне всегда кажется, что небо медленно кружится над домом, звезды сверкают, переливаются. Я сидел на ступеньках, бросая собаке куски хлеба и колбасы, потом вошел в дом и закрыл дверь. Калитку я оставил открытой, чтобы он мог уйти.

Но пес не ушел. На следующее утро я, отправляясь на работу, увидел его в дальнем конце двора, он обследовал территорию, обнюхивая все, что казалось ему интересным.

«Нормально! — подумал я,— Похоже, у меня появилась собака». Не скажу, что меня обрадовала эта мысль.

А в конце дня, когда усталый и измотанный вернулся домой, я прямо-таки расстрогался — меня встречали. Никогда меня так еще не встречали. Прямо у калитки. Да еще виляя хвостом. Это меня тронуло. Но и я о нем не забыл — купил собачьего корма и все то, что, по моему мнению, могло ему понравиться.

Не скрою, хоть пес жил во дворе, но даже в доме стало как-то уютнее. Чувствовалась рядом живая душа. Я ощущал это даже в спальне, лежа в постели с книгой в руках.

Прошло несколько дней. Однажды вечером начался сильный ливень с ветром. Под козырьком над входом пес спрятаться не мог. Косые струи дождя и там все заливали. Я открыл дверь и впустил его в дом. Но дальше прихожей он не пошел, а улегся на коврик рядом с обувью.

Спать не хотелось, я заварил чаю и, сев в кресло, включил музыку.

«Интересно,— подумал я, прислушиваясь к яростному шуму дождя по крыше,— интересно, как этого пса зовут? Он явно брошен кем-то. У него был хозяин и ведь как-то этот хозяин его звал». Мне пришла в голову мысль, что его кличка ведь началась с какой-то буквы. А вдруг он на нее отреагирует.

— А!.. Бэ!.. Вэ!.. — громко произносил я, но пес в прихожей никак не реагировал.

Подходя к концу алфавита, я уже потерял надежду на успех, и, устало, прикрыв глаза, просто крикнул ему:

— Эй! Иди сюда!..

Тут же послышалось когтистое царапанье лап по паркету и пес, подойдя ко мне, замер, уткнувшись головой в мой живот. Я погладил его по шее и увидел на ладони кровь. Я заметил рану, попробовал ее рассмотреть повнимательнее, но это вызвало у пса недовольство. Он потрусил в коридор и снова улегся у двери.

Я достал йод, бинт и как можно осторожнее обработал рану.

Ночью буря с дождем разошлась не на шутку. Было слышно, как во дворе упала сломанная ветром ветвь дерева. Пес несколько раз гавкнул.

«Ну вот, и службу начал нести», — подумал я, засыпая.

Пса я назвал — Эль, раз уж буква «э» пришлась ему по душе. Он, радостно виляя хвостом, встречал меня после работы, а потом я садился на велосипед, и мы отправлялись на прогулку по лесной дорожке.

— Эль! Эль! — звал его я, когда он слишком далеко отбегал в сторону, и он тут же возвращался.

— Хороший, пес! Хороший! — поглаживал я его по вечерам, когда он входил на мой зов в комнату, прижимался головой к моему животу и, чуть постояв так, уходил на свой коврик у входной двери.

Но скоро я стал замечать, что он то ли устает, то ли плохо себя чувствует. И кровь из раны продолжала сочиться. Ветеринар, к которому я обратился, осмотрел собаку, сделал анализы и грустно покачал головой.

— Пес умирает, — сказал он прямо. — Видимо, пока он бродил один, где-то поел крысиного яду. Спасти его нельзя. Можно постоянно переливать кровь, если у вас есть знакомый с собакой такого же габарита, но это лишь немного оттянет конец, а вернее — агонию. Еще неделя, две и он начнет мучиться. Нужно ли вам, чтобы он мучился?

Я слушал все это совершенно ошарашенный. Ведь я приехал в клинику, полагая, что это просто рана. Ее обработают, сделают укол или еще что-то... А тут вдруг такое...

— Что же делать? — задал я бессмысленный вопрос и посмотрел на Эля. Он тоже поднял голову с лап и печально посмотрел на меня.

Не знаю, что может выражать собачий взгляд, но в этот миг я уловил в его глазах доверие ко мне и покорность. Он чуть вильнул хвостом и снова положил морду на лапы.

Ветеринар вернулся к своему столу.

— Решайте. Я советую его не мучить, — сказал он.

Я молчал, не в силах что-либо сказать.

— Самое лучшее не доводить его до мук, — продолжил ветеринар, — но решать вам.

— Как это неожиданно!..

— Такое всегда происходит неожиданно. Решайте. Это можно сделать прямо сейчас. Пес ничего не почувствует. Сначала мы его просто усыпим. Он просто заснет.

— Но это точно все так? — спросил я.

— Вот, результат из лаборатории. Вы можете пойти в другую клинику, но результат будет тот же самый.

Я стоял рядом с Элем и не мог смотреть на него.

— Да. Хорошо, — услышал я свой голос.

Ветеринар терпеливо дожидался моего решения.

— Сколько это будет стоить? — спросил я, чтобы просто что-то сказать и отвернулся к окну, пытаюсь скрыть комок, подступивший к горлу.

— Это бесплатно, — ответил ветеринар и позвал помощницу из соседнего кабинета. — Это единственно правильное решение. Собаку не надо мучить.

Я слышал, как открывается дверь холодильника, как что-то шуршит, надламывается стекло, звякают какие-то склянки, что-то падает...

Я смотрел в окно на голубые просветы неба среди ветвей дерева.

— Подойдите сюда, — позвал ветеринар. — Вы можете попрощаться с ним. Погладьте его и он успокоится.

Я подошел к Элю, стал гладить его голову и встретился с его взглядом, спокойным и доверчивым. Боковым зрением я заметил руку ветеринара со шприцом, закрыл глаза и вдруг почувствовал, как Эль благодарно лизнул мне ладонь.

Вот, и вся наша жизнь с Элем. Эта история припомнилась мне теперь, этим летним вечером. Иногда думаю, почему я встретил Эля? Получается, чтобы дать ему спокойно умереть. Он умер не под забором и под дождем. Чутьочку добра он успел получить. Выходит, что так.

Не хочется ехать домой. Вечер уж очень хорош. Хочется «целую пятницу» растянуть как можно дальше. А можно ли, и вправду, остановить время? Однажды мне показалось, что можно. По крайней мере, я знаю, как сделать для этого первый шаг. Это очень легко. А нужно для этого просто-напросто самому остановиться. Например, идешь ты по делам, бежишь, несешься, возьми и остановись. Замри. Вглядишься во что-нибудь внимательно. Не думай ни о чем, просто наблюдай за тем, что происходит вокруг. Не важно, что это будет. Наблюдай за муравьем, да хоть за травинкой, которую чуть колеблет ветер. Самое главное в технике остановки времени — это остановиться самому и заметить мир вокруг себя. Все!.. Время начинается, когда мы начинаем движение, перестаем замечать что-либо вокруг себя и пробуем о чем-то думать.

Сейчас я так и сделал, снова повернул к морю, выехал на высокую дюну и остановился. Вот!.. Вот он миг вечности. Мир есть, а меня словно и нет в мире. Есть только тьма, огни кораблей на горизонте, свет звезд и тихий плеск волн. Как только я забыл о себе, не стало и времени.

Но долго стоять на одном месте не будешь. Вот оно — время, снова и затикало...

Справа на берегу я вижу скопление огоньков. Там стоят шатры летнего ресторана. Я спускаюсь к морю и еду вдоль берега к огням. Чем ближе подъезжаю, тем громче доносятся звуки саксофона и гитары. О, сегодня и живая музыка есть! Это то, что надо.

Под большим шатром людей довольно много, сюда приезжают целыми семьями. Между столами и лавками из толстых струганных досок бегают дети. Для них тут стоит большой ящик с игрушками.

Заказал себе пива, жареной рыбы с запеченной картошечкой и сел поближе к музыкантам. Интересный это народ. Люблю за ними наблюдать. Вообще, о музыке у меня есть свое, может и странное, но прочувствованное мнение. Для меня музыка — высшее проявление дружбы и любви. Ведь друг и любимый человек — это тот, с кем ты живешь в унисон. Каждый невозможен без другого, каждый заботится не о себе, а о том, чтобы звучание другого звучало как можно лучше. Не знаю, бывает ли такое в жизни, но в музыке все именно так и происходит.

Я так их заслушался, что забыл об ужине. В свете огней передо мной на столе целая картина — золотисто поджаренная картошечка, рыба и янтарное пиво в бокале. И все это на фоне ночи за раздвинутым пологом шатра. Эх, хорошая, все-таки, жизнь штука!

Ночь пьянит получше пива. Как хорошо сидеть, слушать музыку, чуть угадываемый за ней шум волн и людские голоса. Морской ветерок залетает сюда под своды шатра, чуть колышет их.

На берегу разожгли большой костер из толстых бревен. Видны его всполохи за пластиковыми окошками. Слушаю музыку, пью пиво и смотрю на все вокруг...

Мой дом встретил меня темными окнами. Но это дело быстропоправимое. Я открыл дверь, зажег свет во всех комнатах, даже на втором этаже, и вышел снова на дорогу полюбоваться. Красота!.. Вот, и в моем доме во всех окнах горит свет, и мерцают над ним звезды. А вон и спутник, кажется, что он не летит, а скользит по черной глади неба.

Я сел на ступеньки и прислушался к ночи. Как хорошо посидеть в темноте, глядя на звезды! Послушать далекий шум электрички и шелест березовой листвы на ветру.

Этот шум всегда напоминает те дни, когда в детстве наигравшись, с ребятами на поляне, подбегал в сумерках к дому и слышал из открытого окна кухни шкварчащий звук — мама жарила картошку или еще что-то. Этот звук я узнавал теперь в ночном, таком же шкварчащем шелесте листвы. А осенью так здорово слушать, как со звенящим гулом проносятся в ночном небе стаи гусей. Грустно тогда становится. Не могу понять почему, но грустно. Улетают птицы на юг. А ты остаешься. Это первое дыхание осени... И обещание суровой зимы.

Однажды я сделал для себя открытие. И заключалось оно в том, что надо почаще смотреть на небо, да и вообще на все грандиозное. Тут годится не только небо, но и море, горы. Если иногда вижу на горизонте облако в виде горы, то с легкостью представляю, что это действительно гора, и вся местность от этого преобразуется, становится новой, необычной. Сидишь, поглядываешь на эту «гору» и думаешь, а не подняться ли завтра вон на тот склон? И прикидываешь, сколько это займет времени. Нет, думаешь потом, далековато...

Смотреть на все грандиозное я люблю потому, что море, небо, горы служат масштабом, по сравнению с которым все мои тревоги, мысли и желания сразу кажутся мелкими и смехотворными. По этой же причине я люблю гулять по нашему местному кладбищу у моря. Смерть это беспредельная грандиозность, гораздо более глубокая, чем бездонное небо. Как хорошо на кладбище в летний жаркий день! Тенистые дорожки вьются между стволами деревьев, увитых диким виноградом. Пятна света колышутся на листве, на стволах деревьев, а над головой, среди ветвей, просветы голубого неба. В зеленом душистом сумраке тени горят огоньки ярких цветов, сюда доносится шум волн и голоса играющих на берегу детей.

Гуляя среди могил, видя овальные снимки людей ушедших в вечность, начинаешь задумываться — а что же есть в нашей жизни такое, что можно было бы противопоставить вечности и забвению? Ради чего стоит жить? Ради денег? Ради работы, которая, ох, как редко, соответствует тому, чем тебе хотелось бы заниматься? И даже удовольствия жизни кажутся мне здесь пустяками. Но что-то же должно быть. Думаю, если и есть в жизни что-то способное противостоять смерти, что-то столь же грандиозное и необъяснимое, то это любовь. И не важно, разделенная она или неразделенная. Какая разница. Она живет в нашем сердце.

2

Ну и жара!.. Эта мысль пришла в голову сразу же, как только утром раскрыл глаза. С пяти утра не мог заснуть. Как разбудил соседский петух, так и продолжал врываться в мои сны через каждые полчаса. Тоже, наверное, почувствовал приближение жаркого дня.

С треском и шипением разбил на сковородку два яйца и заварил кофе, быстро позавтракал и, прихватив книгу Хемингуэя, пошел на море. Выходя из калитки, краем глаза заметил, что пора бы уже покосить траву во дворе, но в такой сказочный день просто грех не поваляться у моря на теплом песочке. Не так уж много у нас тут в Прибалтике таких солнечных дней.

На пляже расположился на лавочке, в тени под ивой. Цвет у нее пронзительный, небесно-голубой. Мне всегда кажется, что это и есть цвет счастья. На лавочке никого нет, только девчонка, лет пяти, загорелая, как негритенок, играет в песке с ведерком и блестящими формочками. Кстати, я вспомнил, что она и вчера здесь была — пару раз сыпанула на меня песком, пробегая мимо.

Девчонка убежала за дюну, но вскоре вернулась, полизывая мороженое. Лопала она его до того сосредоточенно, что казалось, нет в мире дела важнее этого. Капая

мороженым себе на живот, она, прищутив один глаз, несколько минут смотрела на меня и, наконец, сказала:

— А я вчера тебя видела. И в другие дни тоже... Ты всегда тут рисуешь...

Я посмотрел на нее. Лет пять ей, не больше.

— Видела, говоришь?

— Да.

— Это что... Пустяки. Меня каждый может увидеть. А вот волшебницу ты видела здесь вчера? Она прямо тут на этой лавочке сидела. Вот, ее не каждый может увидеть.

Девчонка лизала мороженое и, казалось, не услышала меня.

— Я ее тут сто раз видела,— сказала она, наконец.

— Тогда тебе повезло! Взрослые их видеть не могут. Только дети. Эх, хотел бы я знать, какая она...

— Она хорошая...

— Ну, это-то понятно. А как она выглядела?

Мороженое теперь текло у девчонки и по локтю. Вот же поросенок!

— У нее золотые крылья и золотые волосы.

— Да, ты действительно ее видела. Я слышал, что волшебницы именно такие и бывают!

— У нее была золотая волшебная палочка и золотая волшебная книжка...

— Не много ли золота? А книжка большая или маленькая?

— Маленькая.

— Раз уж ты такая наблюдательная, я тебе сейчас эту волшебницу нарисую. Хочешь?

— Ага! — девчонка шмыгнула носом и присела рядом.

Ух, и нагрело же ее солнышко! Я прямо чувствовал, как тепло веет от нее...

Из кармана шорт достал блокнот, фломастер, они всегда со мной, и быстро набросал ей волшебницу, которую она только что описала.

— Похоже? — спросил я.

— Да. А ты дашь мне этот рисунок?

— Бери. Он твой.

Она взяла листок с рисунком и, ничего не сказав, убежала за дюну.

Полдня я провалялся на пляже. Девчонка как убежала, так и не появлялась больше. Поговорить с ней еще мне не удалось. А хотелось бы. Я ведь все больше один. И на работе не до разговоров. Бывают такие дни, что и словом ни с кем не обмолвишься.

Хорошо, что впереди отпуск. Я так его ждал! Теперь смогу спокойно рисовать, делать пастели у моря. Обычно у меня совсем не остается времени на рисование.

К обеду показались на небе грозовые тучи. Поднялся ветер. Погода у нас быстро меняется.

Пошел домой не прямо, а через станцию, чтобы в привокзальном магазине купить что-нибудь к ужину. И вот тут-то меня дождь и накрыл. Сначала потемнело, стало тихо и тут сразу, с треском и грохотом полило... И не просто дождь, а целый водопад с порывистым, шквальным ветром. Я успел забежать под большой навес станционного здания и увидел девушку, которую последнее время часто вижу тут по утрам. Она работает на вокзале, убирает территорию, подметает и все такое. Очень необычно в ней было то, что она всегда была потрясающе одета.

В своей необычной одежде, с метлой, или лопатой для снега, в руке, она выглядела как-то странно. Создавалось впечатление, что стояла себе девушка на перроне, ждала электричку, чтобы поехать потусить с друзьями, и тут ей вдруг говорят: вот тебе, детка, метла, нечего баловать, прибери-ка тут весь мусор на перроне... И пошла

она скрести в своей моднявой курточке и навороченных брюках. Только перчатки надела. Вот, такая она была, и каждый раз своим видом меня озадачивала.

Но сейчас она не работала, а просто, как и я, забежала под станционный навес, спасаясь от ливня. И одета сейчас была в простое платьице с цветочным узором, отчего показалась мне совсем девчонкой. Я ее и узнал-то не сразу. Глянуть на нее сейчас со спины, она в этом платье как школьница. Никогда прежде я так близко рядом с ней не оказывался. Все больше издали видел. Метет, скребет, и всегда у нее какая-нибудь новая сумочка через плечо, да не простая, какая-нибудь, а все больше экстравагантная, с вышивками, камнями. А один раз была даже с вплетенными веточками лозы и лисьим хвостом. И голоса ее тоже никогда не слышал и только подумал об этом, как зазвонил в ее сумочке телефон, она достала его и, отбросив от уха движением головы темные волосы, заговорила, но так тихо, что я и сейчас голоса совсем не расслышал.

Я чуть отошел и сделал вид, что разглядываю архитектурные детали нашей станции, но не удержался, снова взглянул на нее с самым равнодушным видом. Стрижка короткая — непокорные, искусно растрепанные темные волосы, а вот глаза не разглядеть за овальными солнцезащитными очками.

Дождь прекратился, и выглянуло солнце. Она пошла по дороге в сторону моря, обходя блестящие по краям лужи. И снова шумела на теплом ветру листва на деревьях, окатывая землю градом капель, и отражалось в лужах синее небо. Чудесный день, живи да радуйся, целый отпуск впереди, но от чего-то как-то грустно стало на душе.

Я зашел в привокзальный магазин, купил все, что было мне нужно, а потом, не спеша, шел по дороге домой. Шел, глядя себе под ноги, на асфальт, на мокрую ливневую, сорванную ветром.

Ничего не изменилось в мире. По-прежнему надо мной голубой простор неба, слышно, как шумит море... Я посмотрел на свою ладонь, солнце освещало ее, сжал руку в кулак и заметил на пальце мазок белой краски, так и не отмытой еще после работы.

Пришел домой, сунул продукты в холодильник, вышел во двор, окруженный лесом, и вижу, что дел полно. Я все откладываю, а делать-то их надо. Дожди вот-вот пойдут. Дрова надо сложить в сарай, щепы наколоть на зиму. Да и шишек надо набрать в пакеты, с ними легче потом котел растапливать. С этим тянуть не стоит. Зимой аукнется. Приходишь с работы затемно, метель метет, холод продирает, а ты видишь, что щепы нет для растопки. Ну и колешь полено, прямо там, в темноте под кружащимся снегом.

Но с другой стороны, отложишь топор, выпрямишься и помотришь в звездное небо над головой. Вдохнешь холодного воздуха, удержишь дыхание и прислушаешься к тишине и вдруг услышишь, как с тихим шепотком падают вокруг снежинки...

Я обошел вокруг дома, нашел под старой яблоней несколько подберезовиков. Очень кстати! С лучком пожарю. Неужели грибы пошли! Надо будет по лесу пройти, посмотреть. Подошел к окну и посмотрел через него в дом. Прежде я часто, делая что-то во дворе, подходил к этому окну, смотрел в него и видел маму. Я всегда видел ее через это окно. А теперь за окном темно...

Листва на яблоне замерла, светится на солнце. Корявые, поросшие мхом ветви тянутся к небу. Я помню, как в детстве читал на траве, именно на этом месте, «Мертвые души» Гоголя. Лето, солнце, я лежу под яблоней на расстеленном на траве одеяле. Передо мной лежит книга, я раскрываю ее, смотрю на заставку перед текстом — два мужика разглядывают бричку Чичикова. Я начинаю читать, переносясь в какой-то удивительный мир, а потом отрываюсь от чтения, оглядываюсь на наш дом и слышу голоса мамы, папы, старшего брата... Ощущаю, как солнце припекает сквозь

листву шею и плечи. Книга мне нравится. И нравится весь этот день, и шум моря, звуки голосов в доме, и я счастлив оттого, что все это будет всегда...

Грибов во дворе я больше не нашел. Быстро соорудил обед — салат да банка тушенки. Взял этюдник, планшет с парой листов грунтованного картона и пошел снова на море. Вот он, счастливый миг, — буду сегодня рисовать — рисовать — рисовать... Наконец, ничто мне не будет мешать.

Пошел я прямо через лес по старой тропе. Сейчас здесь редко ходят, и тропа немного заросла. Тут так получается, что куда ни пойдешь, все места связаны то с отцом, то с братом. А как иначе. Как же не помнить всего этого? Идя по этой дороге, люблю вспоминать, как ходили тут с папой. Сейчас точно такой же летний день, как тогда. Словно, действительно, нет времени, и я нахожусь в том же самом дне. То же самое небо над головой. Не похожее на то, а, именно, то же самое. Те же самые деревья по сторонам. Вот по этому сплетению корней на земле шли мы с отцом. Вон те ветви на огромном дереве были и тогда, в том далеком мире, который, оказывается, и был счастьем.

В последнее время, каждый раз, проходя по этой лесной дороге, я вспоминаю один день. Папа идет со мной по лесной дороге, под ногами я вижу шишки, серые бугры корней, а сбоку дороги, под еловыми ветвями, замечаю желтую сыроежку. После утреннего дождя в ее загнутой кверху шляпке собралась вода, и плавает в ней желтый березовый листок. Я присел возле гриба на корточках, потрогал пальцем желтый листок и маслянисто-скользкую шляпку сыроежки. Годы спустя я прочитал рассказ о такой же точно сыроежке, с плавающим в ее шляпке листком, у Михаила Пришвина. Но сейчас я вижу это впервые и зачарован крохотным озерцом в шляпке гриба.

Солнце садится, а оранжевые пятна света, наоборот, поднимаются по сосновым стволам, чтобы, добравшись до самых вершин, погаснуть.

Снова взяв папу за руку, я посмотрел на него снизу вверх и увидел, что он о чем-то думает.

Я прижался щекой к его руке и вспомнил, как весной умерла тетя Катя. Я сидел тогда на кухне и прислушивался к тому, что происходит за закрытой дверью, где лежала тетя, и услышал вдруг мамин крик. Мне тогда показалось, что в той комнате появилось что-то ужасное, и, увидев это, мама закричала: «Нет-нет-нет!»

За дверью послышалась возня, и мне снова показалось, что мама изо всех сил держит тетю Катю, чтобы не отдать ее тому страшному, что появилось в комнате... Но у нее не хватило сил. Мама вышла из комнаты заплаканная и оставила дверь открытой. В проеме двери я не видел кровать, но видел окно, а за ним в небе облако с ослепительно горящим на солнце краем...

На ветке дерева я заметил белку, и хотел было показать ее папе, но он вдруг остановился, отпустил мою руку и сказал:

— Что-то я устал. Ты пойдешь и сам поищи янтарь.

— Папа, я хочу с тобой.

— Я устал. Мы уже долго идем. Давай я возьму корзинку и пойду домой. А ты иди дальше сам.

Папа пошел назад, а я один побрел к морю, которое шумело за деревьями.

Оглянувшись, я увидел, как он уходит от меня. Я остановился и стал смотреть папе вслед, ожидая, что он оглянется, но он, то, попадая в полосу света, то заходя в густую зеленую тень, уходил все дальше и дальше и вскоре скрылся за поворотом. Он так и не оглянулся.

Я остался на дороге один и не мог понять, почему же папа так устал? Ведь я не устал ни капельки. И, словно желая доказать себе это, быстро взбежал на крутой гре-

бень дюны и там, с высоты, вдохнул всей грудью аромат шумящего моря. Радость охватила меня. Я не мог понять, что же такое случилось, отчего мне стало так хорошо. И вдруг понял — сегодня был тот редкий день, когда море пахнет арбузом. Двигаются по морю волны с белыми гребнями, веет душистой прохладой, и кажется мне, что передо мной совсем не море, а раскинувшийся во весь горизонт, прохладный, свежерезанный арбуз...

Когда вышел к морю, оно было совсем иным, не таким, как в моем воспоминании. С морем всегда так, оно каждый раз иное. Поэтому можно рисовать его каждый день и всегда будет новая, не похожая на прежнюю, картина.

После дождя на пляже пустынно. Вдали, со стороны заката, где сгустились тучи, чуть погромыхивает. Солнечные лучи пробиваются сквозь разрывы туч, бросают на волны золотые блики. Это мне очень даже нравится. Устроился на голубой лавочке, среди зарослей ивы и жесткой травы, выбивавшейся из песчаных взгорков.

Я быстро набросал линию горизонта, изогнутую дугу залива и контуры облаков. Пока работал, из-под гряды туч засветило краснеющее солнце. Теперь надо работать быстро, несколько минут — и все пропадет. Пастелью нанес на небо голубой, бирюзовый и розовый тона и быстро растер ладонью. Сине-пепельная масса туч тоже быстро растерта и по ее гребню сделал несколько росчерков золотисто-желтой пастелью. Получилось чуть резко, и я стер их краем ладони. Быстро нанес на море серо-зеленый тон, бросил на него пепельные рефлексы и быстрые удары солнечного света оранжевым мелком и охрой. Чуть стер их пальцем, чтобы стали они более размытыми, сияющими. И последний акцент — оранжево-красный удар заката и этим же тоном мелкие-мелкие блики по верхушкам пенистых волн.

Солнце ушло за горизонт, но и работа моя закончена. Сейчас трудно сказать, получилось или нет. Завтра, при дневном свете, увижу это ясно.

Я положил пастель в планшет и, посмотрев на берег, заметил девушку со станции. В шортах и майке она бежала вдоль берега. Подбежала к самой воде, быстро скинула одежду и в едва скрывающем ее тело черном купальнике побежала в воду. Я посидел еще немного, глядя, как она то появляется на волнах, то исчезает между ними. Стало уже темнеть. Поднялся ветер, зашуршала жесткая трава на гребнях дюн.

Девушка выбежала на берег, быстро и хитроумно переделалась, не прибегая к помощи раздевалки и снова в майке и шортах, одетых на голое тело, побежала дальше по берегу. Я долго смотрел ей вслед, пока она не исчезла в сумерках. Ну, что же, пора домой. Жаркий день позади. Впереди звездная ночь.

3

Обычно я перед сном читаю, но сегодня не хотелось. Я выключил свет и лежа стал смотреть в окно на звезды.

Вполне возможно, что я никогда так и не узнаю, что это за девушка и где она живет. Но одно я знаю точно — прямо сейчас над ней тоже горят эти же самые звезды, и летит вон тот самолет, помигивая огоньками на крыльях.

Березы за окном зашелестели в темноте. Если у нее открыто окно, то и она слышит шелест деревьев. И еще мне подумалось, что сейчас все как в детстве — окно открыто, за ним тьма и звезды, шелестит листва и лает где-то далеко собака. Осталось только поезду пронестись за лесом и стихнуть вдали.

И тут я вспомнил ночные полеты своего детства. Как давно я не вспоминал о них! А было это так.

Мне семь лет. Я лежу в постели, смотрю в окно на звезды и прислушиваюсь к ровному шуму моря. Сегодня хорошая ночь для полета.

Я закрываю глаза и вижу себя выходящим в наш двор, окруженный соснами, иду босиком по росистой траве, и поворачиваюсь лицом к своему дому. Так я стою несколько мгновений, но вдруг чувствую, что пора и развожу руки в стороны. На моей спине появляется невидимое мне, странное снаряжение для полета, которое подчиняется моей мысли, а на руках я вижу подобие крыльев. Я начинаю подниматься в ночное небо. Подъем медленный и это для меня важно, так как я должен увидеть сверху крышу нашего дома и должен увидеть море, но не для того, чтобы проститься с ними. Нет... Они нужны мне, как ориентир, к которому я поворачиваюсь спиной и смотрю теперь во тьму. Смотрю строго на юг, в сторону цели...

Я сжимаю кулаки и, почувствовав мощный рывок, тут же набираю чудовищную скорость. Ревущая тьма необозримых пространств несется подо мной и вокруг меня, и вдруг удар в грудь теплой воздушной волны, и я останавливаюсь высоко в небе. Я вижу теперь ясно свою цель. Я вижу Черное море. Оно блестит в лунном свете, качается подо мной, вздымается, дышит...

Я медленно опускаюсь на мелкие камешки берега, все еще хранящие тепло солнца. Бьют в берег волны, темнеет на фоне звезд гора, мерцают звезды...

Сегодня, спустя много лет, я вспоминаю свои ночные полеты детства. Вспоминается мне и то, что я никогда не возвращался назад домой. Это был всегда путь в один конец. Полеты эти для меня и сейчас тайна, и они вовсе не кажутся мне пустяком. Как много в них непонятного!.. Ведь воображение беспредельно, в мире фантазии все возможно. Так почему же я чувствовал на себе тяжесть снаряжения для полета, тяжесть, которая исчезала только при бешеной скорости? Зачем это было мне нужно?..

И еще тайна — почему я, живя у самого моря, видя его каждый день, в ночных полетах избирал своей целью всегда одно и то же — другое, далекое море? Что я хотел там найти? Пытаясь найти ответ, я снова вспоминаю стремительный полет, и потом себя, сидящего ночью, в одиночестве, на берегу моря. Почему мне хотелось быть там ночью? Что я чувствовал при этом? Может, счастье? Или радость, восторг?.. Нет, я не чувствовал ни счастья, ни радости, ни восторга. Никто меня здесь не ждал, и я тоже никого не ожидал здесь встретить. Да и не думал я тогда ни о каком счастье, потому что к счастью может стремиться только тот, кто несчастлив, а детство у меня было счастливым.

Дети не задумываются над своими действиями, они все еще близки к животным, а вернее — близки к природе. Они живут глубинными импульсами, и я, будучи ребенком, не давая себе в этом отчета, подобно птице в долгом перелете к родному гнезду, следовал безошибочному внутреннему навигатору, подчинялся единому со всем живым Закону и точно шел к цели.

И я снова вспоминаю, как сидел ночью у Черного моря, видел волны, звезды, горы, но не видел больше себя самого. На этом берегу я уже не имел значения. Я растворился в мире, и значение отныне имел только весь мир.

На этом ночном, безлюдном берегу я находил покой и чувство слияния, прозревая, что путь мой будет огромен, пролегать будет во тьме, и промелькнет, как один миг.

(Продолжение следует)

Игорь Нехамес
(г. Москва)

Писатель, поэт, журналист, адвокат. Закончил Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова. Кандидат исторических наук. Организатор, создатель и первый главный редактор московских газет «Вся жизнь в Лианозово», «Время Ростокино», «Свиблово», «Вся жизнь: спорт в СВАО», Всероссийской газеты «Вся жизнь».

Действительный член Академии российской литературы, автор пятнадцати прозаических и поэтических книг, член Московской городской организации Союза писателей России, сопредседатель комиссии по литературному наследию, член Высшего творческого совета при МГО СП РФ.

Множество публикаций в изданиях: «Литературная газета», «Новая газета. Понедельник», «Советская культура», «Неделя», «Учительская газета», «Вечерняя Москва», «Адвокат», «Миллионер», «Московский литератор», в журналах «Приокские зори», «Семья и школа», «Работница», в альманахе «Московский Парнас», в региональной печати Советского Союза и Российской Федерации.

Удостоен государственных и литературных наград, дважды лауреат всероссийской литературной премии «Левша» им. Н. С. Лескова..

К 75-летию разгрома немецко-фашистских войск под Москвой

СИЛА НЕНАВИСТИ

Деревенька Жилино приютилась неподалеку от большой деревни Крюково. Вроде ничем не примечательна — около сорока дворов, стояла она в окружении замечательного соснового бора. На краю — большой пологий холм, с вершины которого просматривалась вся округа. У подножия холма стояла изба семьи Богатыревых. Дед и отец ушли ополченцами защищать Москву, а мать, она же дочь деда, осталась с двумя детьми — четырнадцатилетней Любой и шестилетним Костиком.

Фашисты вошли сюда 21 октября 1941 года. Немного пограбили по домам, а потом здесь оставили штаб дивизии. Поэтому пять забитых коров да десятка два курей, насильно взятых у селян,— это был только маленький оброк, потому что кормить крестьянам нужно было почти двести захватчиков.

Гауптман собрал всех местных жителей на площади возле сельсовета, затем забрался на грузовик, брезгливо осмотрел толпу, состоящую из стариков, женщин и детей, и нахально сказал на хорошем русском языке:

— Я вижу, что вы все рады нашему приходу. Вот стоит ваш батюшка, а рядом с

ним пожилой мужчина, который держит хлеб-соль. Поэтому немецкое командование проявило к вам милость и оставляет вас всех жить в ваших домах. Вашу скотину больше никто забирать не будет. В каждом доме поселятся от трех до восьми доблестных солдат вермахта. Ваша обязанность — обеспечить им питание, уход и заботу. Те, кто будет ревностно служить немецкому рейху, обихаживая наших солдат, будет получать дополнительно скотину и корма. Если кто-то попытается встать на пути наших воинских частей или совершать диверсии, то мы их будем публично вешать. Также будем после каждого акта неповиновения забирать по десять детей для отправки в Германию. Все понятно?

Толпа угрюмо молчала. Матери в страхе и отчаянии прижимали к себе детишек, которые испуганно жались к ним, как цыплята к наседке.

Немец усмехнулся. Затем примирительно сказал:

— Сейчас подъедет немецкая кинохроника. У вас должны быть счастливые лица. Каждому ребенку раздадут по две советских конфетки. Мы уже захватили вашу фабрику «Красный Октябрь» и стоим на окраинах Москвы. Когда я дам команду, хлопнув два раза в ладоши, то вы должны улыбаться и радоваться встрече со своими освободителями от большевизма.

Несколько старушек зарыдали, услышав новость о том, что немцы, якобы, уже на окраинах Москвы.

Гауптман недовольно погрозил пальцем. Старушки расплакались еще сильнее.

Несколько солдат подошли к ним и бестрепетно выдернули из толпы, подталкивая за ближайший дом. Кто-то в толпе охнул:

— Сейчас расстреляют!

Гауптман рассмеялся:

— Их никто не тронет. Их только положат на землю и будут держать под прицелами автоматов.

Одна из старушек утерла слезы и попросилась обратно в толпу. Ее милостиво отпустили. Еще трое побрели к своим домам. Немцы их удерживать не стали.

Приехала машина кинохроники.

Немецкие солдаты начали бесцеремонно расставлять людей.

Немка с санитарной сумкой через плечо стала доставать из нее конфеты и раздавать ребятишкам.

Кинооператор увидел в толпе замотанную в платок четырнадцатилетнюю Любу Богатыреву и поманил ее пальцем. Девочка без опаски подошла к нему. Немец сдернул головной платок и светлые волосы рассыпались по плечам. Оператор довольно крякнул:

— Колоссаль!

Люба ответила ему по-немецки:

— Герр кинооператор! Я ведь все-таки фройляйн, и вы могли бы меня попросить снять платок. Я бы сделала это с изяществом и уважением к вам.

Немец остолбенел: здесь, в центре России, в глухой деревеньке он услышал родную речь, да еще она своим замечанием выставила его солдафоном — грубым и неотесанным.

Гауптман при помощи двух солдат спрыгнул из кузова грузовика и строевым шагом подошел к беседающим. По-русски обратился к Любе:

— Что случилось, крестьянка? Почему вы не выполняете указания достойного представителя немецкой кинохроники?

Люба смело посмотрела ему в глаза и нараспев сказала по-немецки:

— Герр гауптман! Я бы предпочла говорить с вами на вашем родном языке. По-русски вы говорите хорошо, но пусть здесь вы снова вспомните о родине.

Капитан довольно загоготал:

— Действительно, фройляйн! Я привык по-немецки отдавать только команды и, к сожалению, даже и о расстреле. А вы так хорошо говорите по-немецки, откуда это?

Кинооператор тактично отошел от офицера на несколько шагов и стал настраивать аппаратуру. Нацелил объектив на девушку и на капитана и кинокамера застрекотала.

Гауптман по-отечески поправил спутанные волосы девушки и вкрадчиво сказал:

— Фройляйн! Я, возможно, бестактен, беседуя с вами здесь, но я готов навестить вас дома, а может быть, даже и поселиться в ваших покоях.

Люба растерялась. В это время к немцу подскочил шестилетний Костик и сжал кулаки:

— Не смей трогать мою сестру!

Гауптман недовольно повернулся и хотел было пнуть мешающего его галантной беседе мальчонку. Но потом передумал, достал из кармана теплого плаща с подбоем небольшую шоколадку и протянул ее ребенку:

— Может быть, мы будем еще и родственниками, поэтому не кричи на меня.

И ослабилась, показав ровные белые зубы.

Люба тихонько шепнула брату:

— Костик! Возьми шоколадку и скажи по-немецки «спасибо»!

Тот понял, что сестра затеяла какую-то игру и подчинился:

— Данке шен, герр гауптман!

Затем он учтиво взял шоколадку двумя пальцами и стал ее внимательно рассматривать. Довольный гауптман потрепал его по голове, а кинооператор продолжил съемку.

Затем он направил кинокамеру на толпу, и все стали послушно улыбаться. Сделала это и мама Любы и Косика, потому что поняла, что немцам это надо для чего-то и, видимо, от послушания местных жителей будет зависеть будущее деревни.

Гауптман широко раскинул руки и со всей доброжелательностью, на которую он был способен, произнес:

— Я и вверенное мне подразделение по охране штаба дивизии благодарим вас, московиты, за проявленное к нам внимание.

В это время ему навстречу двинулись семидесятипятилетний местный житель Игнат и батюшка из храма, что в деревне Крюково. Его привезли сюда несколько автоматчиков и разъяснили, что он должен делать.

Батюшка вздохнул и произнес:

— На все воля Божья, и пока мы вам, супостаты, будем подчиняться.

Немецкий переводчик перевел так, что выходило, будто бы он готов принять новую власть. Кинооператор, радостно двигаясь по мерзлой земле, снимал и снимал. По его разумению, киноэпизод выходил удачный. Он отступил на несколько шагов, чтобы лучше было видно, как гауптман ломает каравай и макает краюшку хлеба в солонку.

Дед Игнат хотел было прошептать «жри, скотина, и подавись!», но вовремя сдержался, потому что понял, что если гауптман хорошо говорит по-русски, то реакция с его стороны может последовать самая непредсказуемая. И от покорности Игната во многом зависит судьба деревни Жилино.

Пожевав кусочек хлеба, гауптман запил стопкой водки и слегка скривился. Все жители внимательно наблюдали за его действиями.

Затем гауптман неожиданно обратился к людям:

— А вы довольны приходом немецких войск в вашу деревню?

Люба дипломатично ответила:

— Раз уж вы добрались и до нашей деревеньки, то, значит, войск у вас много, си-

ла ваша велика, и я уже даже видела семнадцать танков и три зенитных орудия. А сколько же идет еще и на Москву!

Гауптман покивал ей и добавил:

— Танковая армия Гудериана и почти шестьсот тысяч немецких солдат готовы промаршировать по Красной площади. Так что вы правильно говорите о мощи вермахта, Люба!

Съемка окончилась. Немецкие солдаты стали показывать жителям, чтобы они расходились. Гауптман взял присмирившего Костика за руку и подвел его к матери:

— Возвращаю вам вашего смелого малыша, но в следующий раз скажите ему, чтобы он был почтительнее с солдатами немецкой армии, а перед офицерами стоял навытяжку.

Костик обидчиво опустил голову.

Затем гауптман сделал знак двум солдатам, и они подошли к нему:

— Я расположусь в квартире этой доброй крестьянки. Думаю, что не будет возражать и фройляйн Люба. Возьмите мои вещи из кузова грузовика и отнесите в их дом. Я подойду позднее.

И он стал с дедом Игнатом договариваться: где и по сколько солдат разместят в крестьянских избах.

Валентина Никаноровна наклонилась к Костику и тихонько шепнула ему:

— Сынуля! Быстренько убери все фотографии дедушки и отца из горницы и из спальни. Заверни в холстину и спрячь в закутке в сарае.

Мальчик все понял и быстро побежал вперед.

Немецкие солдаты покорно тащили три огромных чемодана. Люба специально замедлила шаг и стала разговаривать с солдатами по-немецки. Ее внимание было им приятно, и все они с удовольствием переговаривались.

Валентина Никаноровна приостановилась, достала из большой холщовой сумки небольшой жбанчик с квасом и стала угощать солдат. Они пили из одного стакана и, радостно смеясь, благодарили «русскую матку».

Валентина Никаноровна подливала им и приговаривала:

— Жаль, что вы не будете у нас жить, я бы угостила вас и коровьим молоком.

Она специально затягивала время, чтобы Костик успел выполнить ее поручение.

Не спеша дошли до избы Богатыревых. Костик встретил их у ворот в угодливом поклоне. Зашли через калитку. Немцы поднялись на крыльцо и поставили чемоданы у дверей. Спустились с крыльца, отошли на несколько шагов и с наслаждением закурили. Минут через десять подошел гауптман. Он хмуро спросил одного из солдат:

— Почему не занесли вещи в дом?

Солдаты ответили, что не знают, в какой комнате остановится герр гауптман.

Капитан похвалил их за исполнительность и добросовестность. Он обратился к Любе на немецком языке:

— Фройляйн, ведите меня в свои покои и выделите мне комнату.

Люба подумала, что лучше всего поселить капитана в горнице, а они продолжали бы жить в спальне и детской.

Гауптману горница понравилась. Он даже несколько раз подкинул одну из трех подушек, лежащих на широкой железной кровати.

Солдаты стали споро распаковывать чемоданы.

Валентина Никаноровна принесла и показала на стоящее в коридоре оцинкованное ведро, прикрытое фанеркой. И, чуть смущаясь, объяснила, что туда можно оправляться. Немец удовлетворенно покивал головой. В туалет на улицу он ходить не собирался.

Затем он прошел и внимательно обследовал всю избу. Второй солдат ходил за ним следом.

Осмотр закончился. Гауптман прошел в кухню и попросил Валентину Никаноровну покормить его. Стараясь умаслить квартиранта, Валентина Никаноровна выстала и отварную картошку, и рыбу, и разносолы. А также поставила и графинчик водки.

Гауптман приказал солдатам поселиться в соседнем доме, метрах в тридцати от избы Богатыревых. А сам приступил к трапезе. Ел он молча, а Люба и Валентина Никаноровна стояли в дверях и наблюдали за ним.

Поев, гауптман представился на русском языке:

— Меня зовут Фридрих. Фамилия моя Паульсен. Когда нет немецких солдат, можете обращаться ко мне «герр Фридрих». При солдатах называйте только «герр гауптман». Сейчас пусть мать помоев меня, и я лягу отдыхать. Никаких посторонних в доме быть не должно. Если кто-то из вас что-либо у меня возьмет посмотреть или украдет — расстрел на месте. Если я вас сам не позову — меня не беспокоить. Я люблю играть в лото и разрешу вам составлять мне компанию. Мои сапоги будут стоять снаружи у дверей горницы. Они всегда должны быть помыты и начищены. Также вы должны заботиться о безупречном виде моего мундира и моего плаща и ежедневно стирать мое нижнее белье.

Валентина Никаноровна потемнела от обиды, но сдержалась: немцы начали усанавливать свои порядки.

Вечером, когда стемнело, гауптман проснулся. Он прошел в кухню в кальсонах и в майке и потребовал хорошего ужина, как днем. Валентина Никаноровна достала олады, огурчики и поставила подкипать самовар.

Высокий и худощавый Фридрих съел и приготовленное ему, и то, что оставляли себе на ужин Богатыревы. Затем ему захотелось играть в лото. Он проиграл около трех рейхсмарок и небрежно сдвинул монеты Любе. Время от времени он похотливо посматривал на девушку.

Валентина Никаноровна глазами показала Любе, что если он прикоснется к ней, то мать разmozжит топором ему голову. Но немец повел себя тактично:

Он предложил Любе выйти из комнаты, а сам обратился к матери:

— Мне нравится ваша дочь. Я — молодой мужчина, не женат, мне двадцать шесть лет, в ноябре меня произведут в майоры, а в декабре, когда захватим Москву, дадут подполковника. Я — выгодный жених.

Валентина Никаноровна помолчала и сказала:

— Когда будете подполковником, тогда продолжим этот разговор.

Немец обиженно надулся:

— Я могу сейчас изнаsilовать вашу дочь в вашем присутствии и в присутствии ее брата. Лучше договориться сейчас вдвоем.

Валентине Никаноровне в голову пришла спасительная мысль:

— А что, так невенчаные и начнете семейную жизнь?

Немец задумался:

— Ну, если для вас так важен этот обряд, то я согласен на него и даже дам выкуп за вашу дочь. Что предпочитаете: рейхсмарки, золото?

Валентина Никаноровна попросила:

— Господин Фридрих Паульсен! А можно, мы батюшку позовем — Люба сбегает. А он уже скажет, с какого возраста можно выходить замуж.

Капитан благосклонно кивнул в ответ.

Мать вышла к Любе и уже через минуту хлопнула входная дверь.

Батюшка еще не уехал к себе в храм в Крюково. Он откликнулся на просьбу Любы.

Немец милостиво разрешил батюшке сесть и по-русски поинтересовался:

— Ответьте мне на три вопроса. Можете коротко отвечать «да», и мы назначим дату венчания.

Батюшка вопросительно посмотрел на Валентину Никаноровну, увидел боль в ее взгляде и неопределенно покивал головой.

Немец взял ситуацию под свой контроль:

— Вы проводили когда-нибудь венчание?

Батюшка хотел сказать, что с супостатами никогда не проводил и проводить не собирается, но решил сдержаться и односложно ответил: «Да».

— Сколько времени нужно на подготовку обряда венчания? — продолжил гауптман.

— Недели две-три, — ответил батюшка.

Немец недовольно поморщился, но по его лицу было видно, что он согласен.

— Покров уже прошел, свадьбу играть можно, — встряла Валентина Никаноровна.

Немец поощрительно улыбнулся Валентине Никаноровне: похоже, дело слаживалось.

И он задал последний вопрос:

— С какого возраста у вас можно вступать в брак по светским и церковным законам?

Батюшка встал и твердо ответил:

— Предельно низкий возраст — пятнадцать лет. До этого периода девушка считается еще ребенком.

Ответ немного расстроил капитана. Он побарабанил пальцами по столешнице, а потом вдруг попросил-приказал:

— Принесите мне метрику Любы.

Валентина Никаноровна охнула, но перечить не посмела.

Немец внимательнейшим образом изучил свидетельство о рождении и сказал:

— 10 декабря 1926 года. Значит, свадьбу назначаем на следующий день.

Потом уточнил:

— До этого периода я вашу дочь трогать не буду и даже целовать не буду. Но чтобы она себя блюла.

Батюшка усмехнулся:

— Господин капитан! Где у нас тут молодые-то мужики есть? Так что верна-то она вам будет, раз уже сговорились.

Валентина Никаноровна в страхе посмотрела на батюшку и увидела лукавинку в его глазах. Это ее успокоило и она только поклонилась немцу.

А тот встал и молча вышел из кухни.

Люба сидела в спальне и горько плакала: ее судьба решалась без нее.

Минут через 15 немец вышел из своей комнаты и укрепил на косяке входной двери дощечку с колокольчиком. Один конец длинного шнурка он продел в специальное кольцо, а провел в комнату. Позвал хозяйку и показал ей:

— Я дергаю один раз — ко мне приходите вы. Два раза — Люба. Три раза — ваш маленький сын. Если дергаю четыре раза, вы приходите все вместе. Он зашел в свою комнату и дернул шнурок. Колокольчик громко зазвонил. На звук вышла Люба, вытирая слезы. Довольный, Фридрих ушел к себе в комнату.

Люба приобняла мать за плечи, отвела ее на кухню и тихонько прошептала:

— Вот так, мамочка! Ты, знатная колхозница, и я, ученица 7 класса, отличница, стали слугами.

Опять раздался звоночек. Валентина Никаноровна пошла в комнату к немцу, через несколько секунд вышла с потемневшим лицом и яростно зашептала Любе:

— Он требует, чтобы я его мыла. Всего!

Люба застыла в отчаянии. Потом выдавила из себя:

— Мама! Ты же Костика-то купаешь?

Мать тяжело вздохнула и пошла греть воду.

После помывки фашиста Валентина Никаноровна долго не могла успокоиться: это была моральная пытка.

Из-за закрытой двери раздавался храп.

Валентина Никаноровна обиженно прошептала:

— Слава Богу! Уснул, немчура.

Люба в это время прилаживала к двери своей спальни еще одну щеколду — мало ли что еще втемяшится немцу в голову?!

В пять утра следующего дня раздался звонок — Фридрих Паульсен требовал к себе Валентину Никаноровну.

Она быстро набросила на себя халат и со спутанными волосами зашла в комнату к немцу. Тот отрывисто приказал:

— Через десять минут я должен кушать, а вечером приду около семи часов.

— Куда же вы, батюшки-светы, Фридрих?

Гауптман значительно посмотрел на нее и ответил:

— Мы будем строить один объект, и я буду там руководить.

Валентина Никаноровна деланно выказала ему свое восхищение, что очень понравилось немцу. Он решил, что повысил свой авторитет в глазах простой русской крестьянки.

По 6 ноября 1941 года Фридрих уходил очень рано и возвращался уже затемно. Немцы работали как проклятые.

Валентина Никаноровна привыкла к такому режиму дня немца. Смирилась она и с его ежедневными купаниями.

Любу он будто бы не замечал, а малышу иногда давал конфетку или шоколадку.

Костик односложно говорил «данке шен», брал подарок и убежал в комнату к матери.

Фридрих Паульсен смотрел ему вслед и негромко говорил сам себе:

— Ничего, и этого дикарчонка приручим.

Днем 7 ноября 1941 года гауптман вышел из дома в сопровождении трех солдат. Валентине Никаноровне и ее детям приказал на улицу не выходить. Вечером в окно постучала испуганная соседка и сообщила, что в деревне Крюково взорвали три немецкие автомашины и погибло несколько солдат из шоферской obsługi и охраны.

Едва соседка ушла, пришел злой гауптман и сходу спросил:

— Вы ничего не знаете?

Люба ответила ему на немецком языке, что они были дома, как приказал гауптман, а к ним никто не приходил.

Немец подумал-подумал и рассказал о произошедших в Крюково событиях.

— Некоторые ваши жители, Валентина Никаноровна и Люба, не хотят честно служить Германии, их все равно найдут и расстреляют, а лучше — повесят. Если что-то произойдет у нас в деревне, то мы расстреляем десять взрослых, а десять детей пошлем в Германию.

Валентина Никаноровна охнула и стала мелко-мелко креститься.

Довольный произведенным эффектом Паульсен снял в коридоре сапоги и в носках прошел в комнату. Перед тем как закрыть дверь, он кивнул Валентине Никаноровне: мол, помой и почисть сапоги.

Пришлось выполнять приказание.

Режим охраны вокруг деревни Жилино усилился. Как поняла Люба, объект достраивали, а потому немцы не хотели излишней огласки.

Люба решила во что бы то ни стало узнать, что это за объект. Вечером 10 ноября 1941 года она попросила разделить трапезу вместе с гауптманом. У немца было хорошее настроение и он милостиво разрешил. Подавала на стол Валентина Никано-

ровна. Костик стоял в дверях и с обидой смотрел на сестру и на немца. Тот вальяжно махнул мальчику рукой, чтобы и он сел за стол.

Подав блюдо, Валентина Никаноровна тоже пристроилась на табуретке у края стола. Немец пил рюмку за рюмкой и философствовал:

— Великая Германия совсем скоро пройдет парадом по Красной площади. Потом война закончится. Советы мы выбросим за Урал. Я буду здесь большим человеком — землевладельцем. Мне нравится ваша чистоплотная семья, ваша исполнительность и ваша готовность служить нам, арийцам. Люба, откуда ты так хорошо говоришь по-немецки?

Люба простодушно отвечала:

— Сама не знаю, герр гауптман. Во втором классе нашла немецкую книжку с русским переводом и стала читать. Мама привела меня к учительнице немецкого языка. Та сказала, что у меня большие способности и начала со мной заниматься.

За каждые два месяца мы отдавали ей курицу. А уже в четвертом классе, когда по школьной программе стали изучать немецкий язык, у меня были одни пятерки. В апреле 1941 года я ездила на областную языковую олимпиаду в Москву. Там я получила золотой жетон победителя и двухтомник немецкого поэта Генриха Гейне.

Люба попросила у немца разрешения отлучиться на минуту и возвратилась обратно с жетоном, Похвальным листом и двухтомником немецкого поэта.

Фридрих Паульсен заинтересовался. Внимательно посмотрел грамоту, перелистал книги.

Люба предложила:

— А давайте я вам почитаю наизусть несколько стихотворений?

Немец благосклонно кивнул.

Люба читала самозабвенно, с увлечением. Прочитала пять или шесть стихотворений подряд. Фридрих Паульсен с восхищением смотрел на нее. А потом сказал:

— Когда ты выйдешь за меня замуж, ты станешь гражданкой великой Германии. Твоя мать получит вид на жительство, как и твой младший брат. А сейчас, Люба, я пью за твое здоровье. Прозит!

Он выпил рюмку до конца и как-то сразу опьянел.

Валентина Никаноровна и Люба еле дотащили его до кровати. Он упал и захрипел. Люба увидела, как из планшета торчит небольшая записная книжка. Она тихонько вытаскала ее, выключила свет в комнате и осторожно вышла. Затем взяла карандаш и начала быстро перерисовывать схемы, которые увидела в записной книжке. Мать стояла возле дверей в горницу и внимательно вслушивалась в храп Паульсена.

Через двадцать минут Люба закончила свою работу. Осторожно зашла в горницу и положила записную книжку в планшет точно также, как она лежала раньше.

Потом быстро оделась и сказала матери:

— Я скоро вернусь.

Сложенные листы со схемами она спрятала в валенок под стельку.

Минут через сорок она вернулась веселая и довольная.

Мать не спрашивала у Любы, куда она ходила и зачем. Она поняла, что этого ей лучше не знать.

Через три дня прилетели бомбардировщики с красными звездами на крыльях и начали скидывать бомбы на край леса, где велось строительство. После бомбежки, спустя некоторое время, пятеро немцев принесли гауптмана; его контузило. А несколько солдат были убиты.

Валентина Никаноровна и Люба поочередно ухаживали за Фридрихом Паульсеном, а в коридоре неотлучно находился и спал на полу немецкий солдат.

Два раза в день из Крюково привозили доктора, потому что Фридрих Паульсен

категорически отказался лечиться в госпитале. Доктор внимательно осматривал больного и каждый раз все более оптимистично говорил:

— Зер гут! Зер гут!

Действительно, дело шло на поправку.

Хотя гауптман и болел, но время от времени приходил в себя и требовал продолжения стройки. Немецкий солдат убегал передавать его приказания, а потом возвращался обратно.

25 ноября вечером раздался звонок. Валентина Никаноровна опрометью бросилась в горницу. По комнате прохаживался гауптман, и его молчание было зловещим. Он спросил:

— Люба и ты ни с кем не общаетесь?

Трясаясь от страха, Валентина Никаноровна упала перед ним на колени и испуганно зашептала:

— Нет, нет! Мы ни с кем не общаемся! Дом, скотина во дворе — вот наши маршруты.

Видя такую покорность, немец слегка смягчился, но проговорился:

— Мои солдаты видели человеческие следы недалеко от вашего дома. Он стоит на отшибе. Не приходили ли сюда партизаны?

Валентина Никаноровна заохала:

— Да разве ж такое может быть? Какие партизаны! Мы никому не нужны и нам никто не нужен!

Но немец оставался задумчивым. Неожиданно он взял шнурок и дернул два раза, требуя Любу. Девушка пришла без промедления.

— Люба! Ты можешь подтвердить слова матери?

— Какие? — удивилась Люба.

— Как проходили твои дни, когда я был занят на стройке или болел?

Люба ответила слово в слово, как раньше говорила мать.

Немец сел на стул. Опять помолчал.

Люба подошла к нему, прижала его голову к своей груди и поцеловала в щеку:

— Фридрих! Милый мой! Я так рада, что ты выздоровел! Не мучь себя напрасными подозрениями, эта бомбежка не смогла отобрать тебя у меня. Осталось пятнадцать дней до того момента, когда я полностью растворюсь в твоих объятьях.

Фридрих улыбнулся и пригласил всех на кухню ужинать.

Он принес бутылку шнапса, но Люба решительно убрала ее со стола и отнесла обратно в горницу. Гауптман опешил:

— Ты что себе позволяешь, Люба!

Но Люба не испугалась:

— Больным после контузии пить нельзя. А будешь спорить, я разобью бутылку!

Гауптман рассмеялся, а потом спрятал правую ладонь Любы в своих руках:

— Валентина Никаноровна! Впервые я слышу слова участия с того момента, как мы пересекли большевистскую границу и вступили в советскую Россию! Я очень ценю это. А Люба стала уже настоящей хозяйкой. Как сообщали мои солдаты, объект почти не пострадал, так как был хорошо замаскирован. Завтра я снова выхожу на работу, и к 1 декабря мы его закончим. А потом начнутся боевые дежурства.

Валентина Никаноровна вроде бы по простоте душевной спросила:

— А что вы там такое строите? Овощехранилище?

Гауптман рассмеялся ее глупости:

— Я, выпускник Берлинского университета, разве могу строить какое-то овощехранилище? Я руковожу строительством долговременного огневого сооружения. Это будет настоящая твердыня, которая на три километра не позволит никому наступать на деревню Жилино.

Преданно глядя ему в глаза, Валентина Никаноровна и Люба восхищенно закивали головами.

Немец потерял осторожность и начал рассказывать, как они обманут глупых русских: некоторые бойницы этого сооружения на самом деле являются ложными, но стрельба организована таким образом, что все находится под наблюдением.

Он потребовал, чтобы Люба подошла к нему, и поцеловал ее в голову.

Валентина Никаноровна заохала, а Люба разыграла смущение.

Фридрих Паульсен встал и сказал, что пойдет спать.

Минут через десять Валентина Никаноровна подошла к дверям, чтобы взять сапоги и пойти мыть их. Ее встревожило то, что Фридрих храпел как-то ненатурально.

Прямо с сапогом в руке, она прошла в спальню к Любе, которая было начала одеваться, и помахала сапогом, что означало: разденься, ляг спать, никуда не вздумай уходить!

Люба все поняла и уже через минуту лежала в кровати.

Валентина Никаноровна помыла и почистила сапоги и поставила их у дверей горницы.

Вдруг дверь бесшумно открылась, и она увидела одетого в форму немца. Фридрих Паульсен держал в руке пистолет и показал ей следовать впереди него.

— Где твоя дочь? — сдавленным шепотом спросил Фридрих Паульсен.

Валентина Никаноровна молча показала на дверь спальни. Немец недоверчиво посмотрел на нее и глазами приказал открыть дверь. Валентина Никаноровна подчинилась.

Люба лежала в кровати и спала.

Немец разочарованно вздохнул, повернулся и на цыпочках пошел к себе в комнату.

Валентина Никаноровна поняла, что он в чем-то подозревает Любу.

Даже мать не знала того, что после победы на олимпиаде по немецкому языку с Любой разговаривал один из организаторов олимпиады, как он представился. Он предложил Любе пройти специальные ускоренные разведывательно-диверсионные курсы.

Дело в том, что предвоенная ситуация требовала подготовить подростков, хорошо владеющих немецким языком, для разведывательно-диверсионной работы: собирать сведения, уметь незаметно передавать их, в случае необходимости заложить мину.

Летом Люба уехала в Москву в пионерско-комсомольский лагерь. На самом деле она училась в специальной разведывательно-диверсионной школе в районе Ростokino.

Домой она привезла грамоты за победы в волейбольных и баскетбольных соревнованиях. На самом деле никаких соревнований не было, а награды давались для прикрытия.

Сотрудники разведшколы даже не предполагали, что немцы так быстро дойдут до Москвы, а законспирированная агентура должна будет приступить к работе.

Волею случая получилось, что деревни Крюково и Жилино стали узлом обороны врага, хорошо укрепленными. А Люба, согласно легенде, должна была разыграть из себя девочку, которой нравится все немецкое. Никто не знал того, что взрыв в деревне Крюково организовала и провела Люба. Немцы сбились с ног, разыскивая партизан.

Люба лежала в кровати с закрытыми глазами и все думала: почему вдруг гауптман стал подозревать ее? Она тщательно перебирала минуту за минутой, час за часом, раздумывая: где же она могла допустить ошибку?

Но так и не найдя ответа, уснула.

Следующие четыре дня она вела себя очень-очень осторожно. Выходила во двор кормить скотину, тут же возвращалась обратно и хлопотала по дому. В последний день ноября, когда она вышла во двор, то вдруг услышала треньканье синички. Она

обернулась на звук и вдруг увидела отпечатки своих валенок на снегу. Страшная мысль пронзила ее: еще год тому назад, чтоб ее валенки не скользили, отец прибил к ним резиновые набойки. И, возможно, когда она шла по первоснегу затемно утром 7 ноября в Крюково, следы частично остались. Неужели ее выследили?

В глубокой задумчивости Люба возвратилась обратно. Вдруг она услышала, как со стороны деревни раздались крики. В одном из домов начался пожар. Люба быстро накинула платок, запахнулась в телогрейку и со всех ног кинулась туда. Костик она наказала оставаться дома.

Вокруг горящего дома сгрудились жители деревни Жилино и громко охали: в избе оставалась старая бабушка и двое маленьких детей.

Люба немедленно кинулась в дом. Старая женщина сидела в сенях обессиленная. К ней прижимались мальчик и девочка трех и четырех лет. Люба вытолкнула детей, и они кубарем полетели с крыльца. Жители подхватили плачущих и кричащих ребятшек, а старушка была уже почти в бессознательном состоянии.

Люба быстро сняла свои валенки с ног и бросила их в горящее пламя. А сама в длинных вязаных крестьянских носках из овечьей шерсти, подхватив бабушку, вырвалась наружу.

Несколько еще не старых женщин кинулись им навстречу. Люба сошла с крыльца и потеряла сознание. Сердобольные жители довели Любу до ее дома. Иногда сознание возвращалось к Любе и она делала несколько шагов, но потом опять впадала в забытьё.

Навстречу ей кинулась Валентина Никаноровна. Девочку занесли домой и стали отпаивать от угара клюквенным морсом. Постепенно Люба пришла в себя.

Мать случайно посмотрела на ее ноги и закричала:

— Люба! Где твои валенки?

Сознание вернулось к Любе, но она притворилась непонимающей и стала закрывать глаза. Односельчанки стали рассказывать Валентине Никаноровне, какая у нее героическая дочь и что если бы не ее смелость, то детишки и их бабушка сгорели бы заживо. Да, теперь они погорельцы, дома у них нет, но зато остались живы.

На другом конце деревни жили родственники этой семьи, и они сказали, что обязательно возьмут пострадавших к себе.

Костик расплакался:

— Люба! Как же ты без валенок почти километр шла по снегу?

Люба старательно играла: мотала головой, строя из себя непонимающую.

Теперь улик против нее не осталось.

Кто-то из немецких солдат сообщил гауптману о произошедшем в деревне. Тот прибежал в избу к Богатыревым и увидел такую картину: Люба лежит в спальне, а Валентина Никаноровна сухой варежкой растирает ей ноги. Какими бы ни были теплыми шерстяные носки, а все равно девушка слегка поморозилась.

Немец принес бутылку шнапса. Мать и Люба в ужасе замахали руками. Но немец взял чашку, плеснул туда шнапса, затем вырвал из рук Валентины Никаноровны варежку, обмакнул ее в чашку и стал растирать ноги девушки. Постепенно в ногах появилось покалывание, и Любе стало чуть-чуть легче. Ей снова давали клюквенный морс, а потом заварили крепкий чай.

Потрясенный поступком девушки, немец принес две банки тушенки, открыл их и галантно сказал:

— Ешьте, фройляйн! Если бы вы спасли немецких солдат, а не этих недоносков, то фюрер наградил бы вас железным крестом.

Люба съела несколько ложек тушенки, потом выпила крепкий чай и впадала в забытьё.

В себя она пришла только 3 декабря 1941 года. Возле кровати сидел Костик, а на стоящей рядом табуретке стояла банка с теплой водой. Время от времени Костик протирал ей лоб и лицо, а также руки. Температура спала, молодой организм победил болезнь. Любу уже почти не знобило, но во всем теле была слабость.

Со двора вернулась Валентина Никаноровна и радостно заохала, увидев пришедшую в себя дочь. Она приготовила ей куриный бульон и заботливо начала кормить дочь из ложечки.

Уже 4 декабря Люба могла сидеть на кровати и дрыгать ногами — они не болели.

Люба осторожно надела носки и решила пройтись по спальне. Ее не тошнило и не покачивало. Девушка поняла, что уже здорова.

А 5 декабря, днем, Костик принес ошеломительную новость: началось контрнаступление под Москвой. Издалека доносилась глухая канонада, немцы стали раздражительными, люди лишний раз старались не показываться им на глаза.

Рано утром 6 декабря в спальню зашел Фридрих Паульсен.

Люба натянула до горла одеяло, ей показалось, что немец хочет овладеть ею. А она была только в одной рубашке.

Гауптману понравилась ее решительность отстаивать свою невинность, и он раскатило рассмеялся:

— Не бойся, Люба! Я не сделаю тебе ничего плохого! Я пойду пока на службу, отстреляем проклятых русских, а потом я вернусь к тебе 10 декабря, и мы сыграем свадьбу.

Испуганная Люба согласно кивала ему в ответ.

Он ушел к себе в дот, захватив с собой несколько солдат.

А вечером 6 декабря 1941 года несколько солдат Красной Армии вошли в деревню.

После небольшого боя немцы отступили. Но неожиданно из дота раздались пулеметные очереди: наши солдаты были ранены.

Рано утром 7 декабря уже целое подразделение Красной Армии было в Жилине. Раненых солдат, наскоро перевязанных местными жителями, увезли в госпиталь. Благодарение судьбе, они все остались живы.

Попробовали стрелять из орудия по доту. Но эффекта это не дало. Как только солдаты пытались подняться в атаку, немецкий пулемет начинал бить снова и снова. Подобраться к доту было невозможно.

К вечеру 7 декабря командир подразделения Красной Армии пришел в избу Богатыревых.

Его напоили чаем, угостили шанежками. Валентина Никаноровна сказала, что у них был на постое немецкий офицер. Но не это интересовало командира. Он не знал, что делать с этим взбесившимся дотом. И вдруг Люба сказала:

— Я пойду и расправлюсь с ним!

Она сноровисто начала чистить картошку и наварила целую кастрюлю. Потом опрокинула в кастрюлю содержимое банки немецкой тушенки, сверху посыпала укропом и репчатый луком. Закутала кастрюлю в полотенце, взяла с собой краюху домашнего хлеба и, надев мамины валенки, пошла к доту. Она шла спокойно и размеренно по просеке, чуть-чуть оскальзываясь, потому что валенки были ей великоваты.

Солдаты напряженно всматривались в уходящую фигуру. Укутанная в красный платок девушка бесстрашно шла вперед. Шла она медленно, часто останавливалась, потому что сил было еще недостаточно. Над ее головой раздалась пулеметная очередь, но она упрямо шла вперед. Больше не стреляли.

Люба подошла почти вплотную к доту и носком валенка стала бить в бронированную дверь. Время от времени она голосила:

— Фридрих, миленький, открой! Я тебе кушать принесла!

Ответом ей было молчание.

— Фридрих, если я оставлю еду у дверей, то все замерзнет. Пусти меня, я тебя покормлю! Это я, Люба Богатырева, твоя невеста!

Неожиданно дверь заскрипела. Едва Люба успела сделать два шага назад, как дверь открылась. Оттуда вытянулась длинная рука и втащила Любу внутрь. Затем дверь вновь закрылась.

Она увидела заросшее щетиной лицо Фридриха и лихорадочный блеск в его глазах. Он молча стал осыпать ее поцелуями, а она безвольно стояла, прижимая к телу хлеб и кастрюлю с картошкой.

Рассудок вернулся к немцу. Он легко приподнял Любу и спустил ее по ступенькам внутрь дота. Она увидела подобие стола, подошла и поставила кастрюлю. Затем развернула краюху хлеба, освободила кастрюлю от полотенца и подняла крышку. Аромат разнесся по всему доту и мгновенно забил смрадный запах в помещении. Немец открыл рот от удивления, а Люба достала из тряпицы большую ложку, нож и показала немцу, чтобы он начинал есть. А сама взяла нож и стала резать хлеб.

Потрясенный произошедшей переменой в его жизни, немец с набитым ртом, с куском хлеба в одной руке и с ложкой в другой, восторженно мычал:

— О, майн гот!

Люба улыбнулась ему и бестрепетно вонзила в шею нож.

Удивление отразилось в глазах фашиста, а она все проталкивала и проталкивала нож глубже.

— Вот так-то, герр гауптман! — громко сказала Люба.— Получил себе русскую невесту?

Немец упал. Он попытался выдернуть нож и ему это удалось. Но тут же кровь хлынула из развороченной шеи, он несколько раз дернулся и затих.

Люба обернулась, почти что в темноте нащупала ступеньки и поднялась на площадку. По какому-то наитию она дернула за нужный рычажок, и дверь медленно, со скрипом, начала открываться.

Невысокая худенькая девочка в телогрейке стояла в проеме и смотрела вниз на просеку. Потом она догадалась, сдернула с головы красный платок и начала размахивать им, крича:

— Победа!!!

Ответом ей было громогласное «ура!».

Когда, светя мощными фонариками, красноармейцы вошли внутрь дота, то перед ними предстала страшная картина: на самодельном столике стояла кастрюля с картошкой и тушенкой, а на полу с растерзанной шеей лежал немецкий офицер, возле которого валялся окровавленный нож.

Командир подошел к Любе приобнял ее за плечи и спросил:

— Как ты смогла это сделать, девочка?

Люба, не оборачиваясь к нему, сдержанно ответила:

— Фашисты к Москве не пройдут!

А 8 декабря 1941 года Красная Армия освободила и деревню Крюково.

Накануне нового, 1942, года 14-летняя Люба Богатырева была награждена орденом Красной звезды.

До 1955 года она жила в родной деревне. Замуж выйти не могла: ее очень боялись парни и молодые мужчины, когда она внимательным и суровым взглядом смотрела на очередного ухажера и спрашивала:

— И что тебе надо?

В 1955 году она уехала на целину и стала работать там председателем колхоза. Дальше следы героини этого рассказа затерялись.

И СОБАКИ ЗАЩИЩАЛИ СТОЛИЦУ

Бывают встречи, которые запоминаются на всю жизнь. Пять лет тому назад, осенью 2011 года, я находился на лечении в Московском областном госпитале для ветеранов войн, что рядом с деревней Жилино Солнечногорского района.

По вечерам в рекреации собирались пациенты — участники и ветераны Великой Отечественной войны, люди средних лет, исполнявшие интернациональный долг в различных точках земного шара.

Всеобщим уважением пользовался Петр Викторович из Серебрянопрудского района Подмосковья, 1919 года рождения.

После ужина и вечерних процедур ему всегда предоставлялось почетное право включать телевизор, выбирать желаемый канал для просмотра.

Свое первенство он определил одной фразой: «Мне уже десятое десятилетие идет. Так что вы все — дети по сравнению со мной. И слушайте меня».

Часть этих «детей» сами были людьми далеко преклонного возраста — за восемьдесят и под девяносто. Но старше его на нашем этаже никого не было. Как не уступить самому уважаемому?!

Несмотря на трудную жизнь, он не сгорбил: оставался высоким, стройным, как будто бы судьба баловала Петра Викторовича.

Но на самом деле у него в жизни было столько драматических событий, которые достойны восхищения.

В середине сентября 1941 года из-под города Вязники, что ныне во Владимирской области, он вместе со своей воинской частью, составленной из выпускников стрелковых курсов, пешком за восемь дней добрался до границ Подмосковья, потому что немцы развивали наступление на столицу нашей Родины.

Батальон, где стрелком служил герой этого повествования, был пусть и без боевого опыта, но отобригадованной боевой единицей Красной Армии. Состав батальона согласно штатному расписанию, новое обмундирование, современные по тому времени винтовки. Были и артиллерийские пушки «сорокапятки», которые тащили трудяги «ЗИСы». Издалека была слышна канонада, постоянно летали фашистские самолеты. Но командование батальона строго-настрого запретило обнаруживать себя. Большинство батальона скрывалось в тянувшемся вдоль дороги перелеске, а отдельные стрелковые окопы были очень хорошо замаскированы и ничем не выдавали себя. Даже на случай дождей имелось закамуфлированное брезентовое укрытие, которое натягивали над окопами.

Солдаты чувствовали, что боестолкновение с фашистами будет страшным, но пока война обходила их стороной. Петр Викторович, у которого было прозвище «Владимирская жердь» из-за его высокого роста и худобы, в редкие минут свободного времени успевал сбегать в расположенную неподалеку деревню, принести на своей широкой спине в прочном холщовом мешке картошку и самогон, чем радовал весь свой взвод. И каждый его поход заканчивался тем, что обязательно он приходил с одной или двумя собаками.

В основном это были дворняги — беспородные псы, которые отличались бесстрашием и не обращали внимание на завывание фашистских самолетов, пикирующих с целью высматривания добычи, а также на стрельбу.

Командир взвода однажды пошутил: мол, ты что, вместо нашей части хочешь притон для собак устроить?

Петруша, как ласково называли его бойцы, в ответ лишь моргал своими белесыми ресницами.

Политрук заступился за солдата:

— Товарищ командир! Собак-то всего одиннадцать! Смотрите, у нас на одну собаку приходится три-четыре бойца — все им радость. Да и как-то, когда звери и люди вместе, то оно уютнее и надежнее. И есть о ком заботиться.

Петр Викторович регулярно занимался с собаками. То заставлял их ползти и прыгивать на стоявший в поле сгоревший немецкий танк, то учил двух вожakov нападать на фашистов, которых потехи ради изображали бойцы. Все собаки оказались смысленными и различали каски наших бойцов от фашистских касок.

Однажды кто-то из солдат нес из одного окопа в другой бачок с супом и смеха ради нацепил на себя немецкую каску, чтобы перед тем, как спуститься в окоп, крикнуть «Хенде хох!». И хотя подобная шутка могла быть опасной и окончиться тем, что его бы застрелили, но молодость брала свое.

Солдат осторожно опустил бачок в окоп, а в другом конце окопа сидели несколько бойцов и слушали политрука. Молодой солдатик крикнул: «Хенде хох!*». Бойцы схватились за оружие, а политрук молниеносно выхватил пистолет и направил его на солдата. Но еще раньше отреагировал пес по кличке Бездомный, который две недели тому назад увязался за Петрушей и по праву считался вожакom стаи. Он молниеносно прыгнул, головой ударил солдата в подбородок, а когда тот упал навзничь, то положил передние лапы на его плечи и зарычал. Все опешили. Петруша дал команду собаке отступить, и она нехотя вернулась к своему хозяину, время от времени сторожко поглядывая на испуганного бойца.

Было смешно, но от пережитого никто не смеялся. Каска слетела с головы шутника и валялась в полуметре от него. Политрук примирительно сказал:

— Вот до чего глупые шутки довести могут!

— А вам,— обращаясь к Петруше сказал политрук,— объявляю благодарность! У вас талант на обучение собак. Вроде бы и дворняга, а уже стойкая ненависть к проклятым фашистам выработана.

Все бойцы уважительно посмотрели на безродного пса.

Петяша хотел было вскочить, выпрямиться во весь рост, приложить руку к пилотке, отдавая честь, чтобы сказать «Служу Советскому Союзу и товарищу Сталину!», как вдруг вдали послышался звук летящего фашистского самолета. Без всякой команды солдаты залегли в окопчике.

12 октября шум боя приблизился настолько, что весь батальон понял: битва будет безжалостной и чем все кончится — неизвестно.

Ранним утром по полю поползли четыре танка. Легкие пушчонки «сорокапятки» произвели несколько выстрелов и поменяли позиции. Два передних танка вроде бы лениво повели стволами, но звуки выстрелов оглушили, и комья земли поднялись вверх. Ротный передал по радиации команду артиллеристам больше не стрелять, и танки бестрепетно продолжили свой страшный путь смерти. Так как в них больше не стреляли, то немецкие танкисты подумали, что их выстрелы оказались точными.

Один из солдат начал обвязывать себя пятью гранатами. Он поймал удивленный взгляд Петруши и хрипло сказал:

— Подползу поближе, брошу гранату. Постараюсь попасть в гусеницу. Если промажу — прыгну на танк. Не забывайте солдата Зубарева, однополчане! У нас у всех одна доля — биться за страну.

Но Петя неожиданно для всех два раза негромко свистнул и к нему подбежала такса. Подняла умную морду и застыла в готовности выполнить любой приказ.

— Снимай связку! — приказал Петр Зубареву.

Тот подчинился его властному голосу, но одну гранату, которую зажал в левой руке, оставил.

---

* Хенде хох — руки вверх (нем.).

Политрук почти беззвучно спросил:

— Петруша! Ты что, хочешь, чтобы наш окоп проклятые фашисты отутюжили? А нас раздавили?

Петр отрицательно покачал головой. Он ловко прикрепил три гранаты на спину таксе, что-то прошептал ей на ухо, поцеловал прямо в морду и легким движением направил вперед. Такса выползла из окопа и исчезла.

Все зачарованно смотрели: что же будет дальше?

Танки, освещенные солнцем, все приближались и приближались. И они уже не казались маленькими спичечными коробками, но становились все огромнее и огромнее.

Петя свистнул один раз и к нему подбежала дворняжка Джульетта. Оставшиеся две гранаты он прикрепил к ней. И снова тот же прощальный ритуал. И снова легкое похлопывание по спине собаки перед расставанием.

Политрук удивленно заметил:

— Петяша! Так у тебя на каждую собаку свой свист?

Петр не успел ответить, как вдруг раздался взрыв, и шедший первым немецкий танк обьяло пламенем.

— Эх, таксуля-таксуля! — плачущим голосом сказал Петруша. — Может быть, встретимся с тобой когда-нибудь в раю.

Все находящиеся в окопе пригорюнились и сняли пилотки.

На втором танке открылся люк, из которого вылез удивленный фашист. Он ловко прыгнул на землю и быстро-быстро побежал к первому танку. Он хотел понять, в чем дело. Но испугался, что в танке взорвется боезапас, и тогда и он взлетит вместе с ним на воздух. Он быстро развернулся и побежал обратно. Бежал вприсядку, петляя. Боялся, что вдруг по нему откроют стрельбу.

Но политрук несколько раз опустил правую руку вниз, что означало «не стрелять ни в коем случае». Немец, видимо, подумал, что лидер-танк случайно подорвался на mine. Едва он захлопнул люк, и второй танк начал движение, как вдруг раздался второй взрыв — это Джульетта, благодарная за кормежку и внимание к ней, исполнила свой главный долг.

Страдание выразилось в глазах всех солдат. А у Петра показались слезы. Да он и не пытался их скрыть. Всеобщая любимица, ластящаяся ко всем, своей жизнью сохранила жизни солдат.

В идущем четвертым танке открылся люк и из него наполовину вылез немец, который стал махать руками и громко кричать:

— Ахтунг, минен! Ахтунг, минен*!

Первым повернул назад третий танк и на большой скорости стал удаляться с места столкновения.

Фашист, прежде чем спуститься в кабину, на несколько секунд замешкался и тут же поплатился за это. Зубарев прицелился и выстрелил. Фашист мешком упал внутрь танка.

Видимо, это был танкист-водитель, потому что танк начал крутиться на месте, а потом вообще остановился. Политрук жестами показал, чтобы трое солдат с трех сторон поползли к танку.

К танку бойцы приближались осторожно, внимательно оглядывались вокруг, опасаясь попасть на минное поле. Из нижнего люка танка вылезли двое фашистов. Три синхронных выстрела слились в один. Немецкие танкисты остались лежать возле гусениц.

С них ловко сняли автоматы, забрали планшеты, отрезав ремешки, а потом бросили в люк гранату. Через несколько секунд раздался взрыв.

---

* — Ахтунг, минен — внимание, мины (нем.).

Обратно в окоп вернулись потные, измазанные в земле, но довольные. Политрук похвалил, но в его глазах читался вопрос.

Младший сержант Анохин с грустью ответил:

— Товарищ старший политрук! Видели лапу таксы — и больше ничего.

Все пригорюнились.

Политрук сел писать донесение командиру батальона.

Петр негромко свистнул, и к нему сторожко подошли шесть собак. Каждую он приласкал, затем вскрыл банку тушенки и аккуратно стал раскладывать на порции. Собаки внимательно следили за его действиями, но никто из них к еде без команды не приближался. Зубарев благодарно сказал:

— Петр Викторович! Вы мне жизнь спасли! Я предлагаю, после того, как собак накормите, мою банку тушенки вместе съесть.

Петр в ответ согласно кивнул.

После трапезы собаки благодарно облизали Петру руки и отползли к дальней стенке окопа. Сбились в кучу и легли — так они согревались.

Политрук кончил писать и приказал Зубареву ползти к батальонному блиндажу. И жестко указал:

— И не вздумай привставать или бежать во весь рост. Если засечет немецкий самолет-разведчик, то нас тут всех бомбами перепашут. Лучше дольше ползи, но приказ выполни.

Через час Зубарев вернулся обратно. Командир батальона принял донесение, поудивлялся и велел представить отличившихся бойцов к наградам.

Политрук был в недоумении: кого представлять? К какой награде? Ведь немецкие танки подбили собаки.

Стало резко темнеть. Политрук предупредил по цепочке по всем шести окопам, чтобы никто не вздумал курить. За неподчинение приказу — расстрел на месте. Некоторые были недовольны, но приказу подчинились беспрекословно. Все понимали, что находятся на самых что ни на есть передовых позициях и если фашисты почуют запах табака, а у них тоже есть солдаты-нюхачи, а также овчарки, то начнется бой, и выйдешь ли ты живым из него — большой вопрос.

Политрук определил наблюдателей, приказал сменяться через каждые два часа, а сам пополз в другие окопы — проверять и укреплять веру бойцов в победу. За ним увязался пес Безродный.

Солдаты улеглись в окопе на подостланных шинелях, прижались друг к другу, а двумя свободными шинелями укрылись сверху. Три собаки осторожно подкралась к бойцам и легли по бокам, согревая от раннеосеннего холодка. Зубарев шептал в ухо Петру слова благодарности:

— Вовек не забуду, если останусь жив! Оказывается, и бездомную собаку можно сделать патриотом родины — и ведь не убежала никуда! И скрытно подползла, и маневр свой исполнила бестрепетно.

Петруша безмятежно улыбался, слушая горячую речь своего товарища и ничего не отвечал.

Ранним утром раздался рокот. Уже пять немецких танков пошли в наступление. Сверху летал кругами самолет-разведчик, который наши солдаты прозвали «рама». Политрук пыгливо посмотрел на Петра, и тот стал готовить собак к бою. По очереди выпустил всех пятерых.

Пока третья собака ползла к танку, две первые совершили подрывы. Танки загорелись, а ветер разносил огонь. Танкисты выбраться не смогли. Третий танк повернул было обратно, но собака успела кинуться под гусеницы. Танк накренился и от взрыва упал набок. Зубарев не выдержал и радостно закричал:

— Ура! Мы побеждаем!

Через мгновение он уже валялся на дне окопа с разбитыми губами — политрук навел порядок.

Зубарев остался сидеть на дне окопа и прижимал к губам большой солдатский платок, который набухал от крови.

Политрук свистящим шепотом сказал:

— Если еще кто-то нарушит мою команду — задушю собственными руками!

Все застыли в страхе, потому что знали недюжинную силу политрука: он на ходу останавливал мотоцикл, ухватившись за ручку, он подтягивался на турнике 35 раз, он кидал учебную гранату-лимонку за 80 метров и вообще, несмотря на свой невысокий рост, был жилистым и прыгучим. Да и бойцы понимали правоту его слов, а случай с солдатом Зубаревым посчитали совершенно правомерным, да и сам солдат на избиение не обижался.

Постепенно Зубарев кровь остановил и вдруг раздался мощный взрыв. Это старая восточно-европейская овчарка, следуя примеру своих сородичей, тихонько подкралась к четвертому танку. Пятый танк вырвался вперед и на скорости мчался к окопам. В небе появилась «рама». Политрук точно знал, что у танкистов нет радиосообщения с самолетом, но в это мгновение растерялся, потому что танк двигался синхронно с пролетающим самолетом. Танк на мгновение остановился. И политрук в бинокль увидел, как еще одна собака прыгнула сзади на танк. На ней было четыре гранаты, и танк после взрыва загорелся. Один танкист попытался вылезти из верхнего люка, но языки пламени добрались до него, и жуткий вой разнесся над перелеском. Немецкий танкист начал кататься по земле, пытаясь сбить пламя. Но постепенно затих. А огонь методично пожирал его форменную одежду.

И снова политрук сел писать донесение об уничтожении без единого выстрела и без потерь среди бойцов пяти вражеских танков. И снова Зубарев пополз с донесением к командиру батальона. Вернулся он через полтора часа, таща с собой пятилитровую банку самогона. Бойцы были оживились, но политрук бестрепетно вскрыл банку и вылил содержимое за бруствер окопа. Зубареву же сказал:

— Еще раз позволите себе самовольную выходку, расстреляю перед строем.

Зубарев пристыженно молчал.

Ближе к вечеру политрук приказал Петру:

— Возьми с собой двух бойцов, крадучись идите в деревню, возьмите немного провианта и, если удастся, примани еще прилудных собак. Думаю, что немцы на этом участке больше наступать не будут. Но ты меня потряс: воюешь на расстоянии и сберегаешь мне личный состав.

Петр на скупую похвалу политрука лишь пожал плечами.

Вернулись бойцы уже перед полночью. Следом за ними семенили три пса. Один из них узнал пса Безродного и стал тереться об его бок. Две другие собаки тоже оказались дружелюбными. Зубарев восхищенно мотал головой:

— А еще собак скотинами называют! Какая же это скотина? Это первые помощники людей. И защитники тоже.

Под бормотанье Зубарева остальные солдаты распаковывали вещмешки пришедших, в которых лежала немудрящая еда. Шкурки от сала, немного молока и вареную картошку Петр разделил между четырьмя собаками. Больше всех досталось псу Безродному. Остальные собаки почитали его за вожака.

14 октября 1941 года на позициях было тихо. Лишь сгоревшие немецкие танки напоминали о произошедшем. А рано утром 15 октября к ним в окоп вместе с командиром батальона крадучись в полуприсяде пришли двое неизвестных. Они были в кожаных куртках и по их голосам и суровым взглядам можно было понять, что это

были немаленькие по должности командиры, потому что командир батальона все время старался встать перед ними навывтяжку.

Плотно сбитый невысокий мужчина с легкой сединой на висках снял фуражку, несколько минут отдыхался, а потом, стараясь сделать свой грубый голос помягче, поинтересовался у политрука:

— Представьте мне того бойца, который при помощи собак за два дня подбил девять танков.

Петр, который в углу окопа возился с двумя собаками, надевая на них железный пояс, а они неохотно ему подчинялись, слегка привстал, но не в полный рост, чтобы его не было видно из окопа, и доложил о себе.

Неизвестный командир в кожанке оценивающе осмотрел Петра. Вероятно, ему понравилась его спокойная уверенность в себе, и он спросил:

— Доложите мне, как вам удастся наладить контакт с собаками всего за несколько дней! Это ваши собаки? Из владимирских лагерей?

— Никак нет, товарищ спрашивающий! Простите, не знаю вашего имени и отчества и воинского звания.

Неизвестный усмехнулся:

— Продолжайте доклад!

— Да вообще-то я с собаками себя сызмальства помню! И даже буйных приручал лет с четырех. Видно, способности у меня есть к собакам. А потом, нет такого пса, если его покормить, погладить, да за ухом почесать, чтобы тебя потом укусить пытался. А если ему потом пошепчешь, да возле себя положишь, то он потом за тебя в огонь и в воду пойдет!

Договорить он не успел, потому что невесть откуда появился фашистский бронетранспортер и стал носиться вдоль перелеска, время от времени постреливая.

Петр подозвал к себе едва слышным свистом пса Безродного, быстро надел на него амуницию, что-то шепнул, поцеловал собачью морду и легонько шлепнул правой рукой по спине. Собака очень аккуратно выползла из окопа, сделала несколько прыжков и исчезла из виду, слившись с осенней землей. Сучка Лялька, которая была подругой Безродного, начала было подвывать, но Петр сказал ей какое-то слово, и она тут же замолчала.

Все внимательно вглядывались вперед. Ощущая свою безнаказанность, немецкий бронетранспортер остановился и начал хищно поводить дулом пулемета из стороны в сторону. Это продолжалось минут десять. Командир в кожанке не выдержал тягостного молчания и спросил:

— И когда же это произойдет?

Ответом ему был взрыв бронетранспортера.

Лицо Петра напряглось, на глазах выступили слезы — он переживал за ставшую родной собаку.

Оба командира покачали в удивлении головами, а командир батальона в полуприсяде подошел к Петру и сказал:

— Десять вражеских машин за четыре дня! Ну ты герой!

Неизвестный в кожанке скомандовал:

— Командир батальона! Обеспечьте прикрытие из пяти солдат. Вон там, в перелеске, за большой копной стоит наш автомобиль. Мы туда должны вернуться.

И приказал Петру:

— Следуйте с нами.

За время службы Петр привык беспрекословно подчиняться, но в этот раз попросил:

— Разрешите попрощаться с бойцами, товарищем старшим политруком и с командиром батальона? Я понял, что вы меня насовсем забираете.

Командир в кожаной куртке одобрительно похлопал Петра по спине:

— Соображаешь, однако! Если мы при помощи твоего метода с фашистами воевать будем, то победим быстрее, а твои товарищи домой в семьи вернуться. Живыми и здоровыми.

Петр каждого обнял и пожал руки. Когда очередь дошла до политрука, тот сказал ему:

— За первый бой я тебя к медали «За отвагу» представил, а за второй — к ордену Боевого Красного Знамени. Командир батальона подтвердил, что наградной лист передал по назначению.

Но оба незнакомых офицера уже торопили Петра, поглядывая на часы:

— Меньше чем через десять минут «рама» прилетит, а потом бомбардировщики появятся. У нас радисты сообщения перехватывают.

Через десять минут все произошло так, как предсказывали оба незнакомых командира — появилась «рама». Бойцы только-только сопроводили троих к ожидающему их автомобилю и начали возвращаться обратно.

«Рама» засекла одного из бойцов, который полз со снайперской винтовкой, потому что солнечный луч отразился в окуляре прицела. «Рама» пошла на выстрел, чтобы лучше рассмотреть, что это такое. Солдаты начали стрелять из автоматов вверх и подбили немецкий самолет на выходе из пике.

Тут же все заторопилось обратно в окоп. Взрывной волной их отбросило на землю, а самолет загорелся. Немецкий летчик так и погиб в самолете.

Через два часа Петра доставили в один из маленьких подмосковных городков. Приказали привести себя в порядок и быть готовым к докладу.

Он сидел в маленькой комнатке и дивился произошедшей в его судьбе перемене.

Тот самый офицер в кожаной куртке пригласил его следовать за ним.

Вошли в кабинет. Навстречу из-за стола вышел красивый с усталым лицом высокий генерал-лейтенант, который оказался ростом почти вровень с Петром. Он доброжелательно улыбнулся и протянул руку:

— Командующий фронтом Константин Рокоссовский!

Петр ответил и осторожно пожал командующему руку. Рукопожатие у командующего оказалось очень сильным.

Командующий предложил присесть рядом. Петр осторожно присел на стул, потому что уже почти три месяца на стульях не сидел. Командующий понял это и благожелательно улыбнулся:

— Докладывайте о своих подвигах! У вас есть две минуты.

Петр коротко доложил и попытался встать. Рокоссовский удержал его за плечо:

— А вот того не надо! Когда нужно будет, я сам прикажу. А ваше старание я вижу и ценю.

Он посмотрел на незнакомого офицера:

— К награде представили?

— Да, товарищ командующий. Сразу к двум. За первый бой к медали «За отвагу», за второй — к ордену Боевого Красного Знамени.

Рокоссовский задумался, потом встал, прошелся по кабинету, открыл сейф и достал две коробочки. Сам открыл их и прикрепил к гимнастерке Петра сначала медаль «За отвагу», а потом орден Боевого Красного Знамени. Орден был на винте.

Солдат взволнованно произнес:

— Служу Красной Армии и товарищу Сталину!

Константин Константинович Рокоссовский крепко обнял награжденного бойца, а затем сказал незнакомому командиру:

— К вечеру доставить в Москву, в Сокольники. Поставить на довольствие и определить к дрессуре собак для боевого использования.

— Вы молодец! За три-четыре дня делаете то, на что другим нужны месяцы и месяцы. Я тут еще несколько строк черкну командиру питомника, чтобы он вас еще и инструктором сделал — старшим над другими бойцами-кинологами. Вы — собачник от Бога.

...Немцы наступали и наступали на Москву. Жители и Красная Армия обороняли родную столицу. Петр к началу контрнаступления 4 декабря 1941 года подготовил двадцать шесть собак. И ни одна из них не вернулась обратно в питомник. Единственное, что утешало его, так это донесения с разных мест Подмоскovie. Все собаки выполнили боевые задания.

Когда фронт откатился от столицы, его перевели в специальный питомник под Лобню. Там он от своих же товарищей-инструкторов получил прозвище «живодер». Обижаться было некогда, время было военное, суровое, да и работа была безжалостной, потому что собаки сразу направлялись в войска. А вот у его товарища по кинологической службе собаки были санитарями. А еще были собаки, которые искали мины. Были собаки — доставщики спецсообщений. Были и караульные собаки, были и собаки, которые ходили в рейды с разведчиками.

Но когда Петр Викторович шел по территории мимо вольеров к своему месту службы к своим боевым собакам, то почему-то все другие собаки затихали, а солдаты вытягивались в струнку и обращались к нему почтительно.

Женился Петр Викторович только в сорок лет. Демобилизовался в звании майора. Вроде боевой офицер, награды на кителе, а почему-то девушки его опасались. Как он только знакомился и вглядывался в них, то им становилось неловко. Но нашлась одна, подавальщица в столовой Валентина. У нее была маленькая собачка, которая все время визгливо лаяла и крутилась под ногами. Но когда Петр Викторович заходил в колхозную столовую, то она почему-то сразу затихала и лънула к нему. Когда он пришел обедать второй раз, то Валентина присела к нему за стол, доверчиво обняла его правую руку и призналась:

— Мне мать моя говорила: «Как только встретишь человека, которого собаки любят, так за него замуж сразу выходи!» Вот я вам в любви и признаюсь.

Петр Викторович впервые в жизни засмутился, хмыкнул и ничего не ответил.

Двадцативосьмилетняя девушка наклонилась к его руке и поцеловала ее.

Разница в двенадцать лет оказалась на пользу в старости, когда Петр Викторович разменял десятый десяток. А супруга Валентина по-прежнему бодрa, энергична и гордится своим мужем. Они вырастили четверых детей, десять внуков и имеют уже трех правнуков.

Когда период профилактического лечения в госпитале заканчивался, она приехала с детьми и внуками забирать своего ненаглядного.

Петр Викторович спустился со ступеней госпиталя. Все родственники выстроились перед ним от старого до малого, а он поочередно обнял каждого из них. Он выглядел бодро и энергично пошaгал к ожидавшей его машине. Солдат всегда в боевом строю!

Виктор Еремин
(г. Тула)

КОНФЛИКТ
(одноактная трагикомедия в четырех картинах)

Член Союза журналистов России. Главный редактор общественно-политической газеты «Тульская правда». Сотрудничает с журналом «Приокские зори» и центральными печатными изданиями. Лауреат творческих конкурсов.

ДЕЙСТВУЮЩИЕ ЛИЦА:

Отец Евлампий — 55–60 лет, священник приходской церкви.

Афанасий — дьячок, 30 лет.

Никифор Орехов — 35–40 лет, староста казенных оружейников.

Два казенных оружейника разного возраста.

Чертенской Кондратий Григорьевич — 45–50 лет, князь, стольник и тульский воевода.

Каменев — 40–45 лет, подьячий при воеводе.

Царский гонец — 25–30 лет.

Алексей Филимонов — 35–40 лет, староста посадских оружейников.

Три посадских оружейника разного возраста.

Кабатчик — 35–40 лет.

Епифан Никонов — казенный оружейник, 35–40 лет.

Мария Никитична — жена Никонова, 35–40 лет.

Настя — дочь Никоновых, 18 лет.

Никанор Красильников — оружейник, 35–40 лет.

Валентина Дмитриевна — жена Красильникова, 35–40 лет.

Таня — дочь Красильниковых, 14–15 лет.

Николай Семенович — ученик, подмастерье Красильникова, 20–25 лет.

Тула, 1691-й (7200-й) год

Картина первая

Освещенное пространство внутри небольшой церкви. На стенах несколько икон с горящими перед ними свечами.

Отец Евлампий (из темноты). Афанасий, свечи загаси, двери запри! Я домой, к вечеру буду!

Появляется отец Евлампий, направляется, судя по всему, к выходу.

Орехов (из темноты). Батюшка, отец Евлампий, благословение твое требуется!

С противоположной стороны появляется Орехов. Одет не бедно — кафтан, са-

поги. Кланяется образам, крестится. На священника глядит с почтением, но вид у него все равно бойкий и хватистый.

Отец Евлампий (с неудовольствием). Тебе, что ли?

Орехов. Грамотку нашу, батюшка, надо благословить!

Отец Евлампий. Что за грамота?

Орехов. Челобитная царям нашим, заступникам, от нас, тульских казенных оружейных кузнецов!

Отец Евлампий (намереваясь продолжить путь к выходу). Иди, раб Божий, иди! Я вашу челобитную вчера благословил!

Орехов. Так-то, не та челобитная была! Это к тебе Алешка Филимонов приходил от посадских оружейников с кляззой на нас, слободских! А наша челобитная на них, посадских! Так ты уж и нашу благослови, батюшка! Нашу-то еще вернее будет!

Отец Евлампий. Ты сам-то кто таков?

Орехов. Никишка Орехов, выборный слободской староста. Товарищи возле храма дожидаются. Сюда не идут, держат Епишку Никонова. Похмельный он и злой на тебя сильно! Говорит, шас цопу харю на бок сворочу, что посадскую челобитную на нас, казенных, благословил! А там, говорит, хоть под батоги! Выглянь, если не веришь!

Отец Евлампий (чинно). Ни к чему мне суета ваша!.. Давай, что ли!

Орехов подает ему свиток. Отец Евлампий разворачивает его, подносит ближе к свечам, читает.

Отец Евлампий. Великим государям, царям и великим князям Иоанну Алексеевичу, Петру Алексеевичу всеа Великия и Малыя и Белья России самодержцам... *(Переводит взгляд в самый низ листа).* ...Писано на Туле лета тысяча шестьсот девяносто первого, мая в тридцатый день. *(Возвращает свиток Орехову).* На, благословляю.

Орехов (недоуменно). Чего ж все не читал, батюшка?

Отец Евлампий (ехидно). Сие, раб Божий Никифор, мне без надобности. Вы с посадскими, почитай, что ни год челобитные друг на друга на Москву шлете. Небось, Бориска Савостьянов с подьяцкой стороны писал? Вижу, что он. Вчерашняя тоже его рукой писана. ...А ежели в царском имени одна буква не на месте будет, то воевода это воровство на Туле судить не станет, а отправит в железах на Москву в разбойный приказ! Тамошние умельцы в пытошной враз из требухи в пузе ливер сделают и до всех подробностей доберутся. Ступай, раб Божий, ступай! Не отвлекай от забот духовных!

Орехов (глядя на свиток). Сам царь-батюшка очами своими ясными зоркими читать будет! Ну, завистники посадские, теперь ждите! *(Идет к выходу, на полпути оборачивается).*

Орехов. Благодарствуем, отец Евлампий. Ты скажи, ежели какую кузнецкую работу сделать надо, так мы за полцены сделаем. *(Поворачивается, уходит).*

Появляется Афанасий. В руках у него кольцо с несколькими ключами, вид — размышляющий.

Афанасий. Батюшка, а не худо было бы накладки железные на дверях поменять! А то и оградку кованную сделать. Тебе ж вчера посадские кузнецы тоже обещали работу за полцены сделать, так ежели не работу за полцены, а полработы за бесплатно? А? Те полработы за бесплатно, и эти полработы за бесплатно, так все ж задаром и получится!

Отец Евлампий. Ты свечи гаси! Придут к вечеру православные в храм, а тут темно, как в... *(Живо поворачивается к иконе).* Прости мать-заступница, Пресвятая Богородица за мысль греховную! *(Поворачивается к дьячку).* Чтоб те полработы за бесплатно и эти полработы за бесплатно, им меж собой сговориться надо! Так ведь, не сговорятся! Нипочем не сговорятся!

Афанасий. А чего ж им не сговориться-то, батюшка? Они ж все оружейные кузнецы, одну работу делают!

Отец Евлампий. Одну, да не одну! Казенные-то, они потому казенные, что только на казну работают, никому другому боле оружие продавать не могут! А посадские, те, с кем хотят, торгуют! Казенным обидно, что прибылька верного лишаются; посадским, что милостей царских, как у казенных, не имеют! Кошка с собакою сговорятся, а эти — нет!

Афанасий. Так все из-за скаредности, что ли? Грех!

Отец Евлампий. Не из-за скаредности, но они в этом и себе не признаются, только Господу Богу нашему (*крестится*) повинятся! Другой на них грех лежит — гордыня... (*Молчит, задумавшись*). А может, и не грех вовсе... Может, и не гордыня это, а что другое...

Афанасий. Как так, отец Евлампий?

Отец Евлампий. А как так — тебя не касается! Ты что разговорился?! Ты свое дело делай! Свечи, вон, уже наполовину выгорели!

Афанасий гасит свечи, наступает темнота.

Картина вторая

Дом стольника и воеводы князя Чертенского. Посередине комнаты стул с подлокотниками, высокой спинкой, украшенными резьбой. Вдоль стены широкие лавки под бархатом, в углу икона с горящей лампадой. Чертенской с непокрытой головой сидит на стуле, откинувшись на спинку, вытянув ноги. Входит подьячий Каменев.

Каменев. Князюшка, опять оружейники гурьбой пришли.

Чертенской. Какие?

Каменев. Слободские, князюшка, казенные...

Чертенской. Чего хотят? Опять на посадских жалуются?

Каменев. Хуже, князь-воевода! С челобитной государям! Прогнать?

Чертенской. Ты что?! Прогнать! А если цари о том проведдают? Грамоту, им писанную, от них утаили?! Что, дурная голова надоела? Так тебя живо от нее избавят! И меня заодно!

Каменев. Так что, звать?

Чертенской. Погоди... (*Размышляет*). ...Сходи-ка ты, Каменев, в приказную избу, да принеси сюда все царские грамоты воеводам и кузнецам тульским. (*Каменев кланяется, идет к выходу*). ...И последние грамоты с оружейной палаты тоже! (*Расхаживает по комнате*). И ведь поделать с ними, подлецами, особо ничего нельзя! Под батогами орут, конечно, убедительно, а толку-то? Все равно потом за свое! А чего с ними поделаешь, если, почитай, все войско московское из их пищалей палит! Царь за них, паскудников, с самого шкуру спустит! «Почему ты, холоп никчемный князь Кондрашка, урон моему государеву делу чинишь?! А не с умыслом ли ты вред царству российскому причиняешь?! Зачем кузнецы жалуются, что ты в оружейных делах им не способствуешь?!».

Каменев (входит с охапкой свитков). Все принес, князь Кондратий Григорьевич!

Чертенской (снова усаживается на стул, принимает величественный вид). Подай мне последние грамоты с оружейной палаты. А прочие вон там (*указывает на лавку*) разбери, найди, где прописано про царские милости, что тульским кузнецам дадены! Когда скажу, говорить их будешь! (*Разворачивает, читает грамоты*) «...и по тому их, великих государей, указу тульские казенные кузнецы сделали и в оружейную палату и в стрелецкие полки отдали сполна семьсот двадцать пять пищалей, ...а достольного ружья в окладное число к Москве не прислано, ...а иные стволы

правлены худо и с раковинами, а иные с пайками и замки мастерства среднего, не против образцовой казенной пищали, ...а на нынешний год указное число две тысячи пищалей сделать сентября к первому числу». ...Зови кузнецов!

Каменев (уходит; строго, зычно говорит за сценой). Заходите, холопы! Стольник и воевода князь Кондратий Григорьевич вас слушать будет! *(Возвращается, проходит к лавке, разбирает свитки).*

Казенные оружейники (переступив порог, падают на колени, застывают в земных поклонах). Здравья тебе и долгие лета, воевода-батюшка! С поклоном к тебе, око и десница государевы! Надежа наша, князь Кондратий Григорьевич!

Чертенской. Встаньте.

Казенные оружейники. Не встанем, отец родной! Не смеем, князюшка! К стопам твоим припадаем!

(Здесь и далее оригинальные адаптированные тексты из царских грамот 17-го века тульским воеводам и кузнецам).

Чертенской. Встаньте! Велю! *(Оружейники поднимаются, деловито отряхивают штаны. Видно, что раболепство их не искреннее, а для пользы дела и потому, что так положено).* Ну, с чем пришли, холопы?

Орехов (выступает вперед, кланяется). С челобитной государям нашим, князь Кондратий Григорьевич!

Чертенской. Подай *(берет свиток, не разворачивая, присоединяет его к грамотам из оружейной палаты).* На кого царям нашим, заступникам, челом бьете?

Орехов. На посадских оружейников, отец родной воевода! Совсем распоясались, окаянные! Ни житья, ни дела от них нету! Ни железа, ни угля нам не оставляют, а мы ж ружья, пики, да сабли тока для казны делаем, гвоздя и то для себя не выкуем!

Чертенской. Значит, ни угля, ни железа?

Орехов. Истинно так, воевода!

Чертенской. А чего ж, посадские кузнецы доносят, что вы сами работать перестали, в своих лавках сидите, а наемные люди на вас работают? *(Грозно потрясает свитком).* Не оттого ль в ружейных стволах пайки и раковины, на которые оружейная палата указывает?!

Орехов. Так железо ж негодное! А про лавки врут, все врут завистники! Милостям государей наших к нам завидуют!

Чертенской. Милостей много... Ну-ка, Каменев!

Каменев (разворачивает 1-й свиток). Вот... От первого государя нашего Михаила Федоровича грамота с прочетом к воеводе Ушакову... Бумага вон от годов уж желтой стала. Велит царь *(читает)* «тульских оружейников от посадского тягла освободить», и чтоб воевода «на их дворах послов и гонцов, и дворян, и детей боярских и всяких людей ставить не велел и суда на них в Туле не давал, и насильства им никакого чинить не велел, а кому будет до них какое дело и они б на них били челом нам на Москву и в Стрелецкий приказ».

Чертенской. Что, песьи дети?! Всегда всем недовольные! У всех на постой ставили, только у вас нельзя было! Давай дальше, Каменев!

Каменев (берет 2-й свиток). Вот грамота воеводе Замыцкому, чтоб люди его «в кузнецкую слободу не ходили», и чтоб «убытчить их не велел и на торгу и по дорогам нигде кузнецов не имали».

Чертенской. Дальше, Каменев!

Каменев (берет 3-й свиток). Вот тут царь Алексей Михайлович заменил им тягло, пятую деньгу и другие подати на изготовление двухсот сорока четырех ружей ежегодно, а потом и вовсе освободил от всех посадских повинностей...

Чертенской. Все платят пятую деньгу с того, что имеют, одни вы не платите!

Научились кляузы составлять?! Отцы ваши, небось, царю в ноги падали, плакали, что двести сорок пять ружей никак, а двести сорок четыре в самый раз?! Хоть на одно, да сбить!

Каменев (берет 4-й свиток). Вот! Царь Федор Алексеевич велел...

Чертенской. Хватит, они царские милости к себе лучше нашего знают! *(Грозно).* Ни у кого таких милостей, как у вас, нету! Все цари вас от других холопов отличали! А вы, значит, не о делах государевых заботитесь, а как кляузы друг на друга ловчее составить?! *(Кузнецы падают на колени, замирают в поклонах).* Челобитные царям шлете, мешаете им о державе радеть?! У государей и рубежи российские, и послы иноземные, и полки стрелецкие, и тати с ворами, а они на ваши дрязги холопские свое царское время тратят! Встаньте! *(Оружейники поднимаются с колен, заботливо отряхивают штаны).* С оружейной палаты пишут, что сто десять пищалей вами в срок не представлены! Ежели в короткое время не отправите, каждому по десять батогов выпишу, а потом закую в железа и в железах работать заставлю! Поняли?!

Казенные оружейники. Поняли, воевода! Поняли, князюшка!

Орехов. Все сделаем, князь Кондратий Григорьевич! И завесные ружья для казаков конных, и достольные для пеших ратников, и шонпулы сделаем жимолостные с железными набойниками, как палата велит! ...А челобитная наша как же?

Чертенской. И чтоб две тысячи пищалей, как указано, в срок были в казну отправлены! ...Царям челобитная составлена, цари и читать будут! Пошли вон отсюда! *(Оружейники, кланяясь, пятятся к выходу).* И помните, что про кляузы ваши и про царские заботы сказал! *(Оружейники уходят. Каменев, сидя на лавке, скептически покачивает головой).* Чего головой мотаешь, подьячий?

Каменев. Ружья-то они сделают, всегда делали, а челобитные друг на друга все одно на Москву отправлять будут. Нету тут с ними сладу!

Чертенской. Ничего, авось батоги с железами научат!

Каменев. И отцов их, и дедов воеводы во все времена батогами от челобитных отучали. Не помогло. Тут, князь Кондратий Григорьевич, другое...

Чертенской. Ну, так говори, коли чего знаешь, а то мотаешь головой, как конь недовольный!

Каменев. Помнишь, князь Кондратий Григорьевич, о прошлом году приезжал в Тулу по цареву повелению дозорщик с оружейной палаты с кляузами кузнецкими разбираться и оружейное дело смотреть?

Чертенской. Помню. Сказал, что для державных оружейных интересов потребно, в Туле имеется, и царская воля исполняется исправно.

Каменев. Это он тебе, князь, важной особе, так сказал, а я-то с ним еще и попросту поразговаривал...

Чертенской. Может, подьячий, и тебе батогов отмерить, чтоб пустое не молот?

Каменев. Так я ж и говорю по делу, князь Кондратий Григорьевич! Поговорили с ним о спорах кузнецких. Дозорщик этот оказался немцем в нашу веру из латинской перекрестившимся, и дотошный, собака! Все двory обошел, во всех мастерских побывал, все записал! ...Так он еще уехать не успел, а посадские уже на него челобитную составили, что, мол, дозорщик за срывку со слободскими спелся, и верить его отчету не надо!

Чертенской (то ли зло, то ли восхищенно). От, подлецы!

Каменев. Так вот, дозорщик этот, даром, что иноземец, душу кузнецкую, видать, понять сумел! Они, говорит, не о царских милостях спорят, а о мастерстве своем! Верх друг над другом хотят взять! Так-то не получается, вот и кляузничают! Авось, да признают кого из них наилучшими! А такой спор ничем не усмирить! И слободские, и посадские, говорит, мастера такие, что во всех странах еще поискать надо!

Отсюда и гонор их оружейный! А вот о позапрошлом году... Говорить, князь Кондратий Григорьевич?

Чертенской. Говори.

Каменев. ...А вот о позапрошлом году, когда я в Оружейной палате служил, задумал наш дьяк Вахрамеев царей потешить, ум свой показать, и через то к царям в благоволение войти. Подал им сразу две челобитные от тульских посадских и казенных оружейников и говорит, похихикивая, что, вот, мол, скоро у вас, государи, из тульских кузнецких кляуз библиотека будет богаче, чем у византийских кесарей!

Чертенской. И что?

Каменев. Потешил! Показал! Получил за ум сабельными ножнами по голове, да больно, до крови! И еще пинком по копчику благоволение оказали! (*Продолжительное молчание*).

Чертенской. Холопы, значит, собачатся, а цари — разбирайся?!

Каменев. А что ж поделывать-то, князь-воевода?! В Оружейной палате про их норы ведают, а казнить не могут! Для всех царей оружейные мастера ценнейшая царская собственность! Руки-ноги им не поотрубашь, мастерские с инструментом не отберешь! Батогов, конечно, можно, так оно ж им не в новость! (*Шепотом, оглядываясь*). ...А то возьмут, да и составят царям челобитную, что, де, в Туле оружейному делу помеха творится! Вот, и рассуди, кому какой цари приговор учинят! Не встревай ты в их споры, воевода-батюшка, пускай на Москве разбираются! Плюнь на их дразги, да и разотри! Деды их писали, отцы писали, и внуки писать будут! (*Умолкает, прислушивается*). Кажись, приехал кто?!

Чертенской. А ну, глянь! (*Каменев выходит и тут же возвращается*).

Каменев (растерянно). Гонец... С оружейной палаты...

Входит гонец.

Гонец. Царский указ стольнику и тульскому воеводе князю Чертенскому! (*Разворачивает свиток, читает*). По указу великих государей, царей и великих князей Иоанна Алексеевича, Петра Алексеевича всеа Великия, и Малыя, и Белья Росии самодержцев память тульским кузнецам и станочникам! В нынешнем во тысяча шестьсот девяносто первом году по их, великих государей, указу велено вас судом и расправою во всяких делах ведать там на Туле стольнику и воеводе князю Кондратью княж Григорьеву сыну Чертенскому! И как к вам ся память придет и вы б ему, князь Кондратью, во всяких расправных делах были послушны! (*Подходит к Чертенскому, с поклоном подает ему свиток, уходит*).

Чертенской и Каменев ошарашено смотрят друг на друга.

Каменев (утешающе). Ничего, ничего, князь-воевода! Оно и ране так бывало! Оно не надолго! Года не пройдет, как разбор кузнецких споров опять на Москву заберут! Ране воеводы терпели, и ты вытерпишь!

Чертенской свирепо замахивается на Каменева кулаком.

Картина третья

На освещенную сторону сцены выходят с важным видом казенные оружейники. Останавливаются.

Орехов. Ну, что, по мастерским, ружья делать?

1-й казенный оружейник (задумчиво). Погоди! ...Епифан, ты в разум вошел?

Епифан Никонов. А я чего, дурнее вас, что ли? А то не знаешь, что сваты у меня были, Настю мою в замужество забрать хотят!

Орехов. Да, знаем! ...Чего стоим-то?! Пошли!

1-й казенный оружейник. Да, погоди ты! Я вот чего думаю! Не каждый день челобитные государям шлем! Надобно отметить!

2-й казенный оружейник. Воевода шутки шутить не станет! Батогами накормит и в железа оденет, ежели ружья в палату в срок не представим!

1-й казенный оружейник. Все сделаем, и завесные, и достольные, и сабель накуем, скока велют! Тока, давайте, завтра!.. Ловко мы посадских-то умыли, а?! Думали, не проведаем про их козни!

Орехов. Ну, так что, как общество решает?

1-й казенный оружейник. Идем в кабак! Посидим малость, а потом уж по мастерским, работу делать!.. Ну, рассказывай, Епифан, что загоревал? Радоваться ведь надо! Пришла пора девке хозяйкой становиться, мужа молодого любить-уважать, детишек рожать! Иль жених тебе не по нраву? (*Часть сцены, по которой идут оружейники, погружается в темноту.*)

Епифан Никонов (из темноты). Да, не то, что горюю... Оно, ведь, как было-то!

Освещается противоположная сторона сцены. На ней одна из комнат дома оружейника. Две двери — на улицу и в другую комнату. Окно, сундуки, стол, лавки, печь, возле которой полки с горшками, тарелками, чашками, кухонной утварью. У окна хозяйка Мария Никитична занята каким-то рукоделием. На ней длинное платье из полотна, рукава собраны в широкие складки и застегнуты на запястьях запонками, как и ворот на шее; синяя телогрея из китайки. Дверь на улицу открывается, вбегает заполошная соседка.

Соседка. Марьюша, бросай все! Пантелеевна щас за крупой ходила, сказывала, что к Никоновым сваты собираются!

Мария Никитична (не поднимая головы). Это к каким же Никоновым, с Ложевой улицы, что ли?

Соседка. Да к вам! К вам идут! Настю вашу сватать!

Мария Никитична. К нам?! (*Вскакивает, бросает рукоделье.*) Ох, Господи! В доме не прибрано! Хозяина нету! Да как же так-то?! Загодя должны были упредить! (*Торопливо достает из сундуков половики, покрывала, застилает лавки, стол.*) Петровна, зайди к моему в мастерскую, скажи, что к чему! Пускай бросает свои молотки, домой идет! Так, угощенье, угощенье... Настя же не одета! Настя, Настя!

Настя (выходит из другой комнаты. Она в таком же платье, телогрея красного, «девического» цвета). Что, мама?

Мария Никитична. Одевайся, быстро одевайся! По-праздничному! Сваты идут! Что стоишь столбом?! Быстро к себе, и надевай все лучшее! (*Настя растерянно уходит.*) Где ж отец-то?!

Входит Епифан Никонов.

Епифан Никонов. Что случилось? Струкова жена в мастерскую влетела, накудахтала, чтоб домой бежал, и дальше полетела!

Мария Никитична. Сваты к нам идут, Епифан Васильевич, сваты! Ты со своими ружьями забыл, что дочь у тебя на выданье?!

Епифан Никонов. Сваты, значит... Переодеться надо, если гости в дом...

Мария Никитична. Нет, не надо! Мы ничего не знаем, и они случайно зашли! Угощенье, угощенье...

Епифан Никонов. Кто, хоть, сватается-то?

Мария Никитична. Да, не знаю я! С четырех домов про Настю у соседей и знакомых выспрашивали! И парни все хорошие, из старых оружейных родов!

Епифан Никонов. Настька наша девка видная!

Мария Никитична. Не по обычаю! Загодя должны были с нами сговориться, о дне помолвки оповестить! Тогда и заходи случайно! Настя, Настя!

Настя (выходит из другой комнаты. На ней длинное синее шелковое платье, туфли с тупыми носами). Ну, что, мама? Я одеваюсь, как ты велела...

Епифан Никонов. Кто жених?
Мария Никитична. Да ей-то, откуда знать?!

Настя. Тять, я только на Пасху из дома выходила. На лавке у калитки с подружками сидели.

Епифан Никонов. Парни были?
Настя. Были! Разоделись в пух и прах, и раз десять мимо нас туда-сюда прошли! Какие они молодцы выказывали!

Епифан Никонов. Видать, не столько выказывали, сколько высматривали!

1-й казенный оружейник (голос из темной стороны сцены). Да что ты тянешь, Епифан? Рассказывай по сути! Мы все жен своих в церкви, да на лавках по праздникам высматривали! В чем кручина-то?

Епифан Никонов (голос из темной стороны сцены). Пришли они, я и ахнул!
В комнате слышен стук в дверь. Хозяева напряженно замирают. Входят сваты.

Мария Никитична (облегченно). Здравствуй, Никанор Игнатьевич! Здравствуй, Валентина Дмитриевна! Проходите в дом, будьте гостями дорогими!

Епифан Никонов. Здорово, Никанор! Здравствуй, Валентина Дмитриевна! Кстати пришли! Мы с Марьей Никитишной сватов ждем, Настю нашу в замужество сватать хотят!

Никанор Красильников. Тут такое дело, Епифан... Мы сваты и есть!

Епифан Никонов (смеется). Любишь ты шуточки шутить, Никишка! Ну, да, веселье в доме — в жизни радость! Ишь, ты, сваты! *(Смех постепенно замирает).* ...У вас же дочь! Татьяна! Ей самой через два-три года в замужество!

Валентина Дмитриевна. Марьюш, ты не серчай, что мы эдак-то, без весточки.

Мария Никитична. Ох, Валька, ты и в молодости случай озорничать не упускала! *(Смеется).* ...Сваты! Сейчас настоящие придут, вместе посмеемся!

Никанор Красильников. Епифан! Марья! Не шутим мы! Дайте обсказать толком! *(Проходит, усаживается на лавку).* Ученика моего, подмастерья Кольку Семеновича знаете?

Епифан Никонов. Ну, знаем...

Никанор Красильников. Вот, за него и просим Настю в замужество отдать! *(Продолжительное молчание).*

Мария Никитична. А где ж родители?! Они ж должны сына привести!

Никанор Красильников. Далекое его родители! С Белой России он! Считайте, что мы его родители, своего сына привели!

Епифан Никонов. Та-ак! Ну-ка, мать, накрывай на стол, как положено.

Мария Никитична быстро ставит на стол несколько блюд с закусками, кувшин с вином, чарки. Все в молчании садятся за стол, выпивают по чарке вина.

Епифан Никонов. Ну, рассказывай, Никанор, что это за сватовство такое?

Никанор Красильников. Лет тому около сорока отец мой с полками царя Алексея Михайловича в поход на ляхов ходил... Да, не он один, семь наших оружейников с инструментом войско сопровождали. Ты и сам знаешь. Вот, там, в Белой России, в городе Могилеве он знакомство с Колькиным дедом и свел. Да еще какое знакомство! От смерти отца моего Колькин дед спас! Оно ж, известно, где война, там татам пожива! На оружие в отцовой мастерской они позарились, да Колькин дед подоспел, плечом к плечу с отцом встал, а там и стрельцы набежали! Татей тут же и повесили, а дед Колькин с отцом сдружились, да и побратались!

Мария Никитична. А что ж за название такое — Могилев? Могила, что ли?

Епифан Никонов. Молчи, мать! Не встревай!

Никанор Красильников. Для врагов, может, и могила! А по тамошнему наречию «лев могучий». Знатный город!.. Больно Колькину деду отцово мастерство пригляну-

лось, вот и порешили побратимы, что дед какого мальчика из своего рода на обучение к отцу в Тулу пошлет. Хороший оружейник везде в почете!

Епифан Никонов. Погоди, Никанор. Колька у тебя лет пятнадцать тому объявился, вовсе малец был! Как же он к тебе попал?

Никанор Красильников. С купцами могилевскими приехал. Они на Макарьевскую ярмарку товар свой привозили, и наш Маликов там торговал. Порасспрашивали, кто из торговых людей с Тулы, вот Маликов Кольку мне и предоставил. На словах передал, что купцы сказали. Так, мол, и так, посылает по уговору Трофим Семенович внука своего побратиму тульскому Игнатию Красильникову учиться кузнечному оружейному искусству. Отец-то мой к тому времени, сам знаешь, помер, вот Колька мне (*хмыкает*) по наследству и достался. Нам с Валентиной Дмитриевной навроде сына, Танюшке нашей навроде старшего брата. ...Ежели домой возвратиться не надумает, дело свое оружейное ему передам.

Мария Никитична. А я-то думаю, чего это Танька ваша к Настьке нашей зачастила!

Никанор Красильников. ...Так что, уж коли не родитель я ему, то, по побратимству, дядька родной!

Епифан Никонов. И заместо отца, значит, и заместо свата.

Никанор Красильников. Так уж вышло. Все обсказал, как есть. Тебе решать, Епифан.

Мария Никитична. Так он, что ж, Настюшку нашу в этот Могилев могучий увезет?

Епифан Никонов. Сказал, не встревай, мать! (*Долго молчит*). Где жених-то?

Никанор Красильников. У порога слова вашего дожидается.

Епифан Никонов. Зови!

Красильников выходит, возвращается с Николаем Семеновичем. Тот почтительно кланяется хозяевам, молча стоит у двери.

Епифан Никонов. Что, приглянулась наша Настюшка?

Николай Семенович. Сильно любя она мне, дядя Епифан! Как два года назад на причастии в церкви увидел, так забыть не могу!

Епифан Никонов. Мать, зови невесту!

Мария Никитична уходит в соседнюю комнату и довольно долго не появляется. Напряженное ожидание. Настя выходит в сопровождении матери, потупившись, стоит у двери.

Епифан Никонов. Вот, дочь, жених сватать тебя пришел. Видела его? Знаешь, кто таков? (*Настя чуть заметно кивает*).

Епифан Никонов. По нраву он тебе? (*Настя молчит*).

Мария Никитична. Отвечай, коли отец спрашивает! (*Настя едва заметно кивает*).

Епифан Никонов. Видно, таков суд Божий! Так тому и быть!

Мария Никитична. Когда ж, да как узнать-то успела? Воробей, что ль, какой начирикал? (*Многозначительно смотрит на Валентину Дмитриевну*).

Валентина Дмитриевна. Я этому воробью сопливому дома перышки-то пообщипаю!

Настя. Танька-то чем виновата?

Мария Никитична. Как станешь мужниной женой, так и высказывайся! А пока я тебе родительница!

Настя. Теть Валь, ну скажите маме!

Епифан Никонов. А ну, цыц, бабы! А то сами друг к дружке не бегали!

Настя. Тять, ну чего они на Таньку-то?! Мы ж разговаривали только!

Часть сцены, на которой происходит действие, погружается в темноту. Освещается противоположная сторона сцены. Это маленькая светелка Насти. Окно, рядом с ним небольшой стол, на котором нехитрые девичьи ценности — гребень,

ленты, монисто, цветастый платок, круглая шапочка, украшенная бисером; немного в стороне большой сундук, накрытый лоскутным одеялом, лавка.

Таня (перебирая ленты, завистливо). А у меня только одна, красная.

Настя (снисходительно, немного свысока). Так ведь ты еще и на причастии-то не была!

Таня. Все равно хочется! Тятя обещался, как пятнадцать годов мне исполнится, так купит он мне гребень с красивыми камушками! Так и сказал, что я у него красавица, и что от женихов у них с мамкой отбоя не будет! И велел мамке приданое мне собирать! А у тебя есть?

Настя (свысока). Тоже мне, невеста!

Таня. Ну, скажи, Насть!

Настя. Глупая ты, Танька!

Таня. Насть, ну скажи!

Настя. Кто ж в замужество без приданого идет?! Есть, конечно! Вон, *(кивает на большой сундук)* полон!

Таня (затаив дыхание). А что там?

Настя (насмешливо). Приданое!

Таня. Ну, скажи, Насть!

Настя (вздыхая). Да я и сама все не знаю.

Таня. А чего знаешь?

Настя. Одеяло знаю на гусяном пуху, вместе с мамкой шили.

Таня. А еще чего? Насть, ну, покажи!

Настя. Ага, покажи! Мамка сказала, увидит, что лазаю, руки поотшибает! Говорит, как мое станет, могу хоть под подушку класть и с ним спать! А до замужества... *(Горестно покачивает головой).* Ой!

Входит Мария Никитична. Хмуро смотрит на девушек.

Таня (вскакивает). Здравсьте, тетя Маша!

Мария Никитична (неприветливо). Здравствуй... пигалица. Тебе мать, что, дома дела не найдет? Вот я ей скажу!

Таня. Да я только пришла, тетя Маш! Ленты у Насти красивые посмотреть, а то у меня только одна, красная.

Мария Никитична. Мала еще о лентах думать! *(Насте).* А ты что расселась? Я тебе что сказала делать?!

Настя. Я уже все сделала, мам! Ты, хоть, посмотрела бы сначала!

Мария Никитична. Сделала она! Сделала... Сделала? *(Что-то вспоминает).* Ох, ты, Господи! Совсем забыла! Смотрите у меня тут! *(Поспешно уходит).*

Настя и Таня некоторое время молчат, невнимательно перебирают предметы на столе. Время от времени опасливо поглядывают на дверь.

Таня (шепотом). Насть, а ты в замужество хочешь?

Настя. Правильно мамка говорит, малая ты еще, Танька! Глупости спрашиваешь!

Таня (обиженно). Чего сразу малая?! Кого ж мне спрашивать?! Кольку брата спрашивай не спрашивай, все равно ничего не знает, а мамку спросишь, так потом три дня на лавку не сядешь! Вон, Аньке хорошо, у нее две сестры, одна уже в замужестве, и вторую сватать хотят! Она раз, знаешь, какое колечко красивое из дома принесла похвалиться!

Настя (недоверчиво). Это что ж, сестры ей свои кольца дают?

Таня (легкомысленно). Не, не дают. Она потом неделю на улице не показывалась. Ну, скажи, Насть!

Настя. Хочешь, не хочешь... Так уж надо! Пришло твое время — иди в замужество! Детишек рожать, хозяйством управлять...

Таня. Что, и все? Как мамка?

Настя. Все, да не все! Отец Евлампий говорит, что Бог велел жене мужа своего слушать и почитать, а мужу жену свою любить и уважать!

Таня. Я-то думала...

Настя. Нет, Танька! Еще что-то есть, только я пока не знаю! Мамка обещалась, как меня посватают, перед самой свадьбой рассказать, а пока, говорит, мне про то знать ни к чему.

Таня (смотрит на дверь, полушепотом). А мамка тятю сказывала, что у нее из четырех домов, где женихи, про тебя спрашивали! Ну, какая ты в хозяйстве, нрав у тебя какой. Она ж с твоей мамкой дружит.

Настя. Ну, и что?

Таня. А ничего. Тятю ее слушать не стал, и в мастерскую ушел. *(Хитро).* Зато Колька очень заволновался. По дому ходил и к тятю в мастерскую побежал.

Настя. А из каких домов спрашивали, не сказывала?

Таня. Не, сказала только, что парни все хорошие. Один тока из посадских, мол, не видать ему Настьки, пока в казенные кузнецы не запишется. Насть, а зачем в казенные записываться, чтоб у нас девку сосватать?

Настя (думая о своем). Что? Подрастешь — узнаешь. Ну, и дальше чего?

Таня (обиженно). Не знаю! Меня из дома прогнали! Мамка сказала, что хорошо, что ей про тебя никого спрашивать не надо, она тебя и так с измальства знает. Тятю с Колькой из мастерской пришли, мамка меня и прогнала, а сами дома остались меж собой договариваться!

Настя (ласково, благодарно). Танюш, ты на меня не сердчай. Ты ж мне как сестренка младшая!

Таня (радостно). Правда?

Настя. Правда! Хочешь, расчеши волосы моим гребнем!

Таня. С камушками?

Настя. С камушками.

Комната погружается в темноту, другая сторона сцены освещается. На ней казенные оружейники.

Епифан Никонов. Вот так, други! А дальше все по обычаю — ударили с Никанором по рукам, расцеловались, да и породнились! А на сердце все не спокойно! ...А ну, как, правда, увезет Настю на чужбину?! Там, сказывают, и со шведами беспокойно, и ляхи то и дело высовываются!

1-й казенный оружейник. Да ладно тебе, Епифан! Какая же она чужбина, когда Белья Россия? Что Малыя, что Великия, все одно — Россия! На свадьбу-то позовешь?

Епифан Никонов (очень серьезно). Все общество! Если увезет Колька молодую жену на родную землю, пускай там знают, что туляки закон побратимства чтят, а люди с Белой России для нас, что родные!

2-й казенный оружейник. Стой, Епифан! Потом, что не сказал, доскажешь! Вот он, кабак-то! Пойдем, други, отпразднуем победу нашу справедливую над посадскими!

Картина четвертая

Обеденная комната кабака. За буфетной стойкой кабатчик в полотняном фартуке скучающе перебирает, рассматривает кружки, тарелки. Два дощатых стола с лавками. За одним из них сидят посадские оружейники, перед ними кружки с вином, тарелки с капустой и пирогами.

Филимонов (встает с кружкой в руке). Ну, что, други! Утерли мы нос казенным-то, а?! Будут знать, паскудники, на чьей стороне правда! *(Дружно выпивают).*

Входят казенные оружейники. Увидев посадских, останавливаются в дверях, переглядываются. Посадские оружейники умолкают, удивленно смотрят на вошедших.

Филимонов (своим, вполголоса). Казенные! У них-то что за праздник?!

Орехов (своим, вполголоса). Посадские! Челобитную свою празднуют! *(Епифан Никонов с решительным видом направляется к посадским кузнецам. Орехов придерживает его за рукав).* Ты куда, Епифан?

Епифан Никонов. Морды им бить! Вишь, какие довольные сидят!

Орехов. Погоди, не затем пришли, еще успеется! Они ж про нашу челобитную еще не знают! Давайте за стол, и будто их и нету тут! *(Все усаживаются за второй стол).* Кабатчик! Гости важные пришли, встречай!

Филимонов (своим, ехидно). Важные! Вот будет им с Москвы весточка, так враз в размерах уменьшатся!

К казенным оружейникам подходит кабатчик.

Кабатчик. Гости-то вы, может, и важные, да больно редкие!

Орехов. Вина неси! Эти *(кивает на соседний стол)* чего едят?

Кабатчик. Пирог с капустою.

Орехов (громко). А чего с них, с посадских, взять-то?! Капусту едят, капустой заедают! А нам, казенным, неси пироги с мясом и рыбою! *(Кабатчик уходит, возвращается с кувшином, кружками и тарелками).*

2-й казенный оружейник (встает с кружкой в руке, громко). За государей наших! Долгие им лета здравия! За то, что нас, кузнецов своих тульских, от прочих кузнецов отличают, милостями не забывают! *(Дружно выпивают).*

1-й посадский оружейник (встает с кружкой в руке, громко). За государей наших, и нас, холопов их верных, посадских кузнецов! Мы слуги честные, от казны ничего не утаиваем, не мошенничаем! *(Дружно выпивают).*

Продолжительное обоюдное молчание, неприятные косые взгляды на соседей.

1-й казенный оружейник (громко, ни к кому конкретно не обращаясь). А кто же это такой честный железо кричное, заместо жукового, нижегородскому Панкратке Парамонову продал?!

Молчание, тяжелое сопение. И те, и другие переглядываются между собой, выпивают. Снова молчат, сопят, снова выпивают.

Орехов. Посадские мастера известные! За алтын кому хошь чего сделают, лишь бы мошна толстела!

2-й посадский оружейник. А казенные чего, не за алтын ружья с саблями куют? Иль тока за добрые слова стараются?!

1-й посадский оружейник. Не, не за алтын! К ним без полтины не подходи!

2-й казенный оружейник. Ах вы, завистники... Мы ж тока для казны в оружейную палату делаем! А казна-то платит поменее, чем вы за свои ружья берете!

2-й посадский оружейник. А пятая деньга?! Мы рубль заработаем, так двадцать копеек в подать отдай, а вы-то все себе оставляете, пятую деньгу не платите!

Орехов. А нас царь-батюшка от вас отличает! За труды наши! *(Поворачивается к соседнему столу).* Федька-то ваш Карташов где? А?!

Филимонов (угрюмо). Раз было! И двенадцать лет тому!

Епифан Никонов (с деланным интересом). А что ж с Федькой-то случилось?

Орехов. А поймали как-то стрельцы на московской дороге лихих людей, стали пытать, где те оружие взяли. Они и покажи, что ни кто другой, как посадский кузнец Федька Карташов им шестоперы с кистенями сделал! Ну, и сгинул Федька! Не слышать боле о нем ничего!

Филимонов. Не за алтын Федька шестоперы делал! Вдова его, Прасковья Филип-

повна, сказывала, что стращали его сильно. Обещались мастерскую и дом с женой и детьми пожечь, ежели не сделает! А то ты сам, Никишка, не знаешь!

Орехов (угрюмо). Знаю! *(Встает с кружкой в руке).* За упокой кузнецкой души! *(Все встают).* Авось Федька ныне не чертям вилы делает, а архангелам мечи и пики кует! *(Казенные и посадские молча выпивают, усаживаются. Заметно, что все изрядно охмелели).*

Филимонов. Никишк, ты не серчай, что железо я у тебя перед Пасхою перебил!

Орехов. Да, оно мне, по правде, было-то без надобности...

Филимонов. Да, и мне тоже...

1-й казенный оружейник. Чего собачимся? Все там, где Федька ныне, будем... А там не перед воеводою ответ держать! Не слукавишь!

3-й посадский оружейник. Верно говоришь! Мы ж все оружейные кузнецы! ...Тут, давеча, довелось мне на иноземное ружье посмотреть. Ладно сделано. ...Да только супротив наших, что ребяенок перед мужиком! Боярин-то красотой его восхитился! Тут, спору нет, отделка получше нашего! А я-то не на красоту смотрел, восемь паек на стволе насчитал! *(Все понимающе покачивают головами).* Через три выстрела ствол, что решето будет! Может, и есть за границею мастера, да только тульским они не ровня!

2-й казенный оружейник. Давайте, братцы, за нас, оружейных мастеров, выпьем! На нас защита русской земли держится! Мы ее куем! *(Все выпивают).* Эй, кабатчик! *(К столу подходит кабатчик).*

Кабатчик. Чего надо?

Епифан Никонов. Вина еще неси! Небось, не кирпичники за столом сидят! Оружейное общество!

Кабатчик. Ну, уж, конечно! Заходили б почаще, и прибыль от вас был бы! А то... *(Машет рукой, приносит кувшин. Уходит).*

Епифан Никонов (не трезвым голосом, подперев щеку рукой). Заберут скоро из дома мою Настеньку! Уйдет в замужество, станет не дочь, а мужнина жена!

1-й посадский оружейник. Вон оно что! А мы гадаем, какого рожна вы в кабак явились!

Епифан Никонов. Да, не-е! Сватовство дома отметили. Тут другое, мы ж сегодня... *(1-й казенный оружейник тычет его локтем в бок).*

1-й посадский оружейник. Ну, и что сегодня? Первый скоромный день?

3-й казенный оружейник. Кому скоромный, а кому первый постный будет! Кляuzu свою пакостную благословить не постыдились! Что, думали не проведем про челобитную?! Завистники!

Орехов (нарочито равнодушно). Ваша челобитная вчера, а наша с благословением сегодня государям отправлена. Авось, не опоздали!

4-й казенный оружейник. Никогда посадским верх не взять! Прочитают государи нашу челобитную, враз правду распознают!

5-й посадский оружейник. Да вы, казенные, веник в бане заварить не сумеете, не то что ружейный ствол! Нам тоже ведомо, что в грамотах с оружейной палаты писано!

2-й казенный оружейник. А ты, что ж, хотел, чтоб две тыщи стволов без единой пайки были?!

2-й казенный оружейник. Стрелецкие полки палят, не жалуются! Не превзойти вам наше мастерство, куда вам! Хоть каждый день челобитные кляузные на Москву шлите!

3-й посадский оружейник. А из наших не палят, что ли?!

2-й казенный оружейник. Вот ваши пищали нам на переправку и присылают!

Общий громкий спор, из которого понятны лишь слова: «А мы напишем...».

«А мы напишем...», «А мы...», «А мы...». Епифан Никонов в споре не участвует, сидит молча, думает о своем. Неожиданно встает, грохает кружкой о стол. Все удивленно умолкают.

Епифан Никонов. Через четыре дня дочь моя под венец идет! Всех на свадьбу зову! Так со сватом решили! Все оружейное общество! И казенных, и посадских! Уедет Колька Семенович с Настей в родные края, что о нас, оружейниках, там скажет?! Молва о тульских мастерах уж до Урала дошла, купцы, вон, руду железную нам от туда везут! Да, Колька-то не купец, он наш, оружейный! И про свары наши с измальства знает, и про челобитные! Врать не станет! И пойдет о нас на Белой Руси другая молва, как о псах глупых, что меж собой лаются, славу поделить не могут! А она ж у нас общая, ее напополам не разобьешь! Так пускай на Белой Руси о Туле прознают, как про город оружейных мастеров, а не кляузников да челобитчиков! *(Обводит всех сидящих за столами взглядом).* ...Что, не правду говорю?

Орехов. Верно, говоришь, Епифан!

Филимонов. Правильно!

Епифан Никонов (вновь обводит всех взглядом). Я вот о чем думаю, други! Внуков своих я, по всему, не увижу! Но знать, что на Туле у них дед родной, они будут! ...А внуки внуков, и их внуки, может, уж и позабудут, что у нас и у них кровь единая? *(Встает).* А нельзя забывать-то! *(Выходит на авансцену).* ...А, может, не забудут? *(Оружейники встают из-за столов, подходят к Никонову).* Будут помнить потомки о давних побратимах, и о нас, прадедах своих, кто славу оружейную для Тулы и туляков выковал? Ведь не заботы свои и споры мы им в наследство оставили, а славу свою! Славу города мастеров! *(Всматривается в зал).* Будут?

Занавес

Набойник — металлическая нащепка на конце деревянного шомпола для забивания в ствол пищали порохового заряда.

Срывка — взятка.

Кричное железо — железо низкого качества.

Жуковое железо — железо высшего качества.

Править, переправить — ремонтировать.

Николай Тимохин
(г. Семипалатинск, Казахстан)

ЛЮБОВЬ — ДО ГРОБА
(Остросюжетная повесть)

Тимохин Николай Николаевич родился и проживает в Казахстане, в г. Семипалатинске. Окончил филологический факультет Семипалатинского пединститута. Член Союза писателей России, член Союза журналистов России, председатель казахстанского отделения Всемирной корпорации писателей. Зам. главного редактора по международным литературным связям журнала «Северо-Муйские огни», (Бурятия, Россия). Член редколлегии журнала «Огни над Бией», (г. Бийск, Россия). Член литературно-художественного совета журнала «Метаморфозы», (г. Гомель, Беларусь). Один из составителей первого номера журнала «Литкухня», (Берлин, Германия, 2013). Региональный представитель в Казахстане журналов «Мир животных», «Эколог и Я» и «Метаморфозы» (г. Гомель, Беларусь). В сентябре 2013 года являлся преподавателем дистанционного обучения Берлинского литературного института им. А. Чехова, где вел авторский литературный курс «Современная методика написания стихотворений». С двадцати лет пишет стихи. Они неоднократно печатались на страницах местных газет и размещаются на литературных сайтах в Интернете. Автор четырнадцати книг стихов и прозы, вышедших в разное время в Казахстане, России и Канаде. Награжден многочисленными грамотами, благодарственными письмами и дипломами от редакторов журналов России, Беларуси и Германии. Проза и стихи Н. Тимохина многократно были опубликованы в различных литературных изданиях России, Украины, Беларуси и Германии.

В основу новой остросюжетной криминальной повести «Любовь до гроба» известного казахстанского литератора Николая Тимохина, автора остросюжетной повести «Перстень графа Митрофанова», легли реальные события из материалов уголовного дела, имевшего место в середине лета две тысячи шестнадцатого года в одном из казахстанских городов. Любовь и ненависть, измены и предательство, драки и убийства делают сюжет этой драмы еще более захватывающим. Повесть рассчитана на широкий круг читателей, неравнодушных к проблемам современного общества, и напечатана в издательстве MSBooks Publishing, г. Виннипег, Канада, в 2016 г., (ISBN 978-0-9877600-8-1).

Часть первая

1

На свой школьный выпускной вечер Людка Семакина, как и положено в таком случае, готовилась заранее. Причем, за несколько месяцев. Девушка знала, что по красоте на этом балу ей не будет равных. Хотя есть, конечно, несколько смазливых девчонок, на которых засматриваются пацаны не только из их класса, но даже и из параллельного. И все равно, Людка была уверена, что вскружит голову всем мальчишкам. Не говоря уже об однокласснике Шадрове, который в нее и без того влюблен без памяти.

Другая девушка на ее месте, скорее всего, призадумалась бы и решила для себя, принимать или отвергать назойливые, но искренние ухаживания Семена. Но Людка не стала обременять себя такими мелочами и ломать голову по каким-то пустякам. Она просто позволяла Шадрову себя любить, но при этом не переходя никаких границ и не распуская руки. «Я еще нецелованная девушка», — как-то рассказала Людка не на шутку распалившемуся Семену, когда он поздно вечером провожал ее домой. А про себя добавила: «Тобой, мальчик мой, нецелована».

Но Семен расценил слова своей девушки по-своему, то есть, так, как и надо. И решил, что сразу же после окончания школы сделает Семакиной предложение.

Назвать красавицей Людку смог бы, наверное, не каждый. Но она обладала каким-то скрытым шармом, притягивая к себе, словно магнитом, представителей противоположного пола. Причем на нее заглядывались даже такие мужчины, которым она годилась в дочери. А круг ее знакомых был настолько широк, что она часто забывала имена своих новых поклонников.

Все мысли в Людкиной голове были нацелены на что угодно, только не на учебу. Уроки она не пропускала, но любимых предметов не имела, а две «четверки» за последние несколько лет получила только по физкультуре. И то, когда, улучив момент, стала строить глазки молодому учителю, сдавая норматив по бегу.

Семакина никак не могла дождаться окончания школы. Поступать она никуда не думала. Была уверена, что с ее обаянием, если уж не весь мир будет у ее ног, то хотя бы лучшая его половина. А ею, по мнению Людки, являлись состоятельные представители противоположного пола, которые часто не могли отвести глаз от ее стройной фигурки.

«Везет же Бараковой, — часто думала Людка. — И школу-то закончила в прошлом году еле как, чуть не выгнали. И с предками своими постоянно лаетя. А живет так, что позавидуешь. Всегда с деньгами. И хахали за ней наперегонки на машинах подъезжают».

— А ты Людка, не дури, — говорила ей подруга. — Вот отмучишься, получишь аттестат зрелости, поймешь, что уже созрела кое на что... И сразу же иди к нам в ресторан, официанткой. Работа непыльная, будешь сытой, чаевые почти всегда. Богатеньких мужчин — море! Выбирай кого хочешь...

— Снежана, да пойми ты, не могу я прислуживать. Я сразу же всех там пошлю куда подальше!

— Ох, ты, какие мы гордые! Прислуживать она не хочет! Да у нас половина девок, официанток, после работы уезжают с клиентами на всю ночь! Даже посудомойка от них не отстаёт! И все они живут так, что тебе и не снилось. Со смартфонами последних моделей, с телевизорами на всю стену, и одеваются — полный улет!

— Ладно, уговорила, — согласилась Людка. — Там видно будет. Надо сначала как следует отгулять выпускной, чтобы на всю жизнь запомнился.

— А чего там запоминать, — возразила Баракова Снежана, — я в прошлом году напилась шампанского и, после салюта во дворе школы, сразу уехала с одним пацанчиком. К нему домой.

— Нет, я так не хочу, выпускной — это один раз в жизни. А пацаны, мужики еще будут. Вот только не знаю, что мне надеть на бал. Новое что-то прикупать средства не позволяют. У матери просить бесполезно. Она всю жизнь без денег.

— Ну, ты сильно-то не размахивайся, это же не свадьба. Туфельки подбери и платье. Самое главное.

— Понятно, что не телогрейку и трусы. Только, подруга,— с грустью сказала Семакина,— нет у меня ни того, ни другого. И даже ни третьего, того, кто смог бы мне обеспечить и первое, и второе.

— Ладно, не ной,— успокоила ее Снежана.— А то я сейчас заплачу. Туфли я тебе дам, свои. С прошлого выпускного у меня остались. Я их, почти что, больше и не одевала. А с платьем что-нибудь придумаешь. Голова у тебя и время на это еще есть.

После этого разговора Людка и вспомнила про Шадрова. И, правда, а почему бы его не попросить о помощи? Мужчина он, в конце концов, или нет? Конечно, как мужик он, может быть, и никакой, но все же пусть себя проявит хоть в этом. И в этот же вечер она набрала номер телефона своего одноклассника.

— Семочка, приветик! Ты чем сейчас занят? Ничем? Ждешь, когда я тебе позвоню?

«Вот дебил-то,— подумала Семакина,— долго бы ты меня еще ждал». И продолжила:

— Ой, а я вот скучаю, хотела выйти прогуляться... И ты тоже? Надо же, как у нас мысли схожи...

«Еще бы также желания совпали насчет моего выпускного платья»,— рассуждала сама с собой Людка, спешно собираясь на свидание.

Вечер выдался теплым и безветренным. Воздух казался таким свежим и легким, что его с жадностью хотелось вдыхать полной грудью.

В условленном месте, с тюльпаном в руке, Семакину уже поджидал ее друг.

— Ты где успел цветок взять? — не глядя в лицо парня, спросила Людка, при этом приняв подарок.

— Привет, это мой секрет,— сбивчиво, словно боясь спугнуть свое счастье, заговорил Семен.— Хотя ладно, скажу. Я съездил в цветочный киоск... Ну, куда пойдем?

— Да... знаешь,— капризно начала Людка,— вообще-то я долго не могу гулять. Голова болит.

— Голова-а-а? — удивленно и слегка расстроено протянул Шадров.

— Да. От одной проблемы.

— А в чем дело? — поспешил поинтересоваться парень.

И Людка ему сразу же рассказала о том, что она не может пойти на их выпускной вечер из-за того, что у нее нет нового платья.

— Да. Представь себе. Я не могу пойти на бал в чем попало. Я должна выглядеть суперски. Да и ты, думаю, сам это понимаешь...

Ее лицо стало таким жалким и, как показалось Семену, еще более красивым, что он тут же произнес:

— Люда, не переживай, я что-нибудь придумаю, обязательно.

— Ты? — нарочито удивилась девушка.— Да чем ты сможешь помочь? Хотя, ты очень хороший парень и мне сильно нравишься. Но новое платье стоит дорого, а денег на него у тебя нет...

Домой Семен возвратился неразговорчивым и сразу прошел в свою комнату.

— Сынок, ты ужинать будешь? Иди, мой руки? Сема, ты что, не слышишь? — позвала его мама, заходя в комнату сына.

— Да не хочется что-то...

Но женщина не унималась и выяснила у сына причину его расстройства. Оказывается, у его девушки нет денег на покупку платья для выпускного вечера. И по этой причине она тогда вообще не пойдет на торжество.

— А если Люда не пойдет, тогда и я не пойду тоже,— в сердцах сказал парень.

И у женщины с сыном состоялся серьезный разговор. Семен попросил маму, чтобы она для этой цели разрешила ему взять те деньги, которые они откладывала ему на костюм для выпускного вечера.

— Мне новый костюм совсем не обязателен,— быстро говорил Семен, боясь, чтобы мать его не перебивала.— У меня еще и этот неплох. Его только надо кое-где почистить и погладить.

Мать пробовала возражать сыну, и противилась тому, чтобы он отдал деньги своей однокласснице, которая еще неизвестно будет его невестой или нет, но Семен, настаивая, сильно просил ее, и женщина согласилась.

— Ой, сынок, смотри, поступай как знаешь, тебе жить, лишь бы ошибок не понаделал, да не пожалел потом.

2

Музыка на первом этаже школы гремела так, что, казалось, весь близлежащий жилой район в эту ночь спать не будет. Этот выпускной вечер мало чем отличался от стандартного проведения подобных ему мероприятий. Родители, собравшись большой и веселой группой, засели праздновать торжество в кабинете на первом этаже. А их неожиданно повзрослевшие дети, на какое-то время, среди ночи и праздника были предоставлены сами себе.

Мальчишки-выпускники старались выглядеть важно и ходили по-деловому степенно, впервые чувствуя себя свободными в стенах школы. Причем настолько, что можно было пройтись перед дежурившими учителями, выпив шампанского и не скрывая запаха сигарет.

Но, конечно же, главным и захватывающим зрелищем вечера были его выпускницы, еще вчерашние девчонки. В своих воздушных нарядах они порхали как бабочки, больше напоминая юных невест. На их сияющих от улыбок и счастья личиках было написано, что с детством они распрощались уже навсегда и готовы к взрослой жизни. Казалось, что они жаждут не просто шагать, а бежать по новой, широкой и неизведанной дороге, по которой каждую из них поведет судьба, лишь стоит им хлопнуть за собой дверь родной школы.

Выпускники, разбившись на небольшие группки, с деловым и веселым видом без усталости сновали туда-сюда. Казалось, что от этого их становилось в два раза больше. За ними было сложно уследить.

Семен весь выпускной вечер старался не упускать Люду из вида. К тому же, девушка в своем новом платье, которое парень помог ей купить, выглядела непросто эффектно, а сногшибательно. Платье красиво облегло стройную фигурку выпускницы. А открытая спина, обнаженные плечи и небольшое декольте придавали некий сексуальный вид и без того не обременяющей себя рамками приличия Семакиной. Ее одноклассницы были не менее привлекательны, но почему-то именно Людку пригласил на медленный танец учитель физкультуры, который так щедро ей ставил четверки.

Танцую с ним, свободная от всех школьных норм и правил поведения, Семакина так строила ему глазки, что это заметила завуч по воспитательной работе. А немного погодя физрука увела домой пришедшая за ним в школу его жена.

Семену тоже хотелось станцевать с Людкой. На что она парню сразу же ответила, что «весь вечер еще впереди, не торопись. И дай мне отдохнуть в последний раз с моими одноклассниками. Когда еще потом мы все соберемся?»

Проведение выпускных вечеров из года в год — это не только радостное и торжественное событие для руководства и учителей каждой школы, но еще и ответст-

венное и даже нервное мероприятие. Ведь, прежде всего, в это время надо в школе обеспечить не просто общий порядок, но и безопасность учащихся.

А обоснованные опасения для организаторов вечера, прежде всего, могут составить бывшие ученики школы. Вызывают тревогу те, кто закончил школу два-три года тому назад. И причем не на пятёрки с четвёрками. Да и репутация у них, мягко говоря, оставляла желать лучшего. Одним словом, им бы сидеть дома, да вспоминать о своей школе, обходя ее двумя улицами, так нет же, как раз такие и намереваются каждый выпускной любыми путями попасть на школьный бал.

В это время дежурные учителя на первом этаже школы всегда начеку. Ведь охранники им тут не помогут, так как они в лицо не каждого ученика-то знают, а бывших тем более.

К тому же эти парни, спешащие на выпускной без приглашения, всегда одеваются чисто, в костюмчики. И отличить таких непрошенных гостей от виновников торжества порой даже не могут сами родители, которые тоже не знают в лицо всех одноклассников своего ребенка.

С этими незваными гостями надо обходиться всегда деликатно и, главное, не пропустить их внутрь школы. Ведь в разные годы бывали такие случаи, когда посторонним лицам их приятели с выпускного вечера открывали окна на первом этаже и проводили на бал.

И если в самой школе общими усилиями подобную ситуацию еще как-то можно проконтролировать, то в школьном дворе, когда время уже за полночь и ничего не видно — практически невозможно. Поэтому учителя с такими непрошенными гостями всегда стараются не накалять обстановку, а разговаривать вежливо. Ведь всю ночь выпускники выходят во двор проветриться, а среди них, конечно же, девушки. А значит, они в первую очередь находятся в так называемой зоне риска. И причем, такие девушки, как Семакина, которую в самый разгар выпускного вечера никак и нигде не мог найти Семен.

Пропажу Семакиной тоже заметила и завуч. Правда, если бы физрука после его танца с Людкой не увела жена домой, то можно было бы что-то и заподозрить. Но сейчас все выглядело по-другому. Завуч решила панику не поднимать, а подождать до рассвета, может, все само собой решится, и Людка еще и придет. А если нет, так что же?

«Аттестат она получила, школу закончила, уже взросленькая. И хватит за ней учителям бегать-то», — думала завуч, и все же в душе невольно беспокоилась за выпускницу. А тут еще, как назло, дежурные учителя сообщили, что во дворе школы есть посторонние. А именно: прошлогодняя выпускница Баракова и с ней еще трое парней, один из которых тоже бывший ученик, окончивший школу два года назад, Виктор Дипунов.

— Какие-то незнакомые ребята. Они сидят около волейбольной площадки в кустах и курят. А, может быть, даже и пьют, — озираясь по сторонам, чтобы никто не слышал, тихо сообщила завучу учительница химии. — Может быть, взять кого-то из мужчин-учителей или родителей и сходить посмотреть?

— Давайте пока подождем и просто понаблюдаем, — также негромко ответила завуч и вышла в школьный коридор. Почему-то ей снова вспомнился танец физрука и Семакиной, и то, как выпускница на него смотрела.

А Людка действительно в тот момент была на седьмом небе от счастья. Еще бы! Теперь она была независима от этого учителя и могла смотреть на него как на простого мужчину, который испытывает к ней нескрываемую симпатию. И все бы ничего, но тут девушка заметила, что на них строго и проницательно смотрит эта «заучиха» по воспитательной работе.

«Фу, крыса, она и тут достает», — подумала Людка, и сразу же после медляка с

физруком вышла из танцевального зала. Как только отзвучали последние аккорды музыки, она почувствовала, как в ее маленькой сумочке что-то шевелится и пищит.— Мобила, звонок!

— Да, Снежок, дыши! — ответила девушка на звонок в трубку.— А ты и так дышишь? Где, на улице во дворе? Возле волейболки? Иду... С тобой еще парни есть? Ну, счастливая... Сейчас разберемся...

К своему великому сожалению, завуч школы по воспитательной работе никак не смогла припомнить, кто такой этот Виктор Дипунов. Фамилия-то вроде и знакомая, а его лица женщина никак не могла себе представить. Не станет же она у других учителей уточнять про какого-то Дипунова! Это совсем нехорошо получится.

Но тут, к счастью, к завучу снова подбежала молодая химичка и, словно читая ее мысли, опять заговорила про Дипунова:

— Этот Виктор, ну, который Дипунов, теперь уже точно расположился со своей компанией за волейбольной площадкой. Я его еле вспомнила. Он в позапрошлом году перешел к нам в десятый класс из другой школы. Его там чуть ли не выгнали за драку.

И тут завуч школы вспомнила этого ученичка наверняка. Высокий, худощавый, но крепкий парнишка, с пронзительным взглядом, который не каждый учитель мог выдерживать. Резкий в разговоре, где-то даже наглый. Но всегда знавший меру своим грубостям. Изворотливый, не любящий проигрывать и не терпящий своих обидчиков. В чем-то даже жестокий. Плохой ученик и такой же неважный товарищ, но умеющий держать лидерство в классе не только среди мальчишек, но и среди девчонок. Вот, пожалуй, и все, что могла о нем бы сказать завуч школы.

— О, а вот и наша выпускница-озорница,— радостно встретила подругу сидящая в кустах в компании каких-то ребят Снежана.— Присоединяйся к нам. Выпьешь? Но сначала познакомься с правильными пацанами.

За знакомство, естественно, полагалось выпить. Хотя Людке этого не хотелось, ведь почти вся ночь еще впереди, и было желание танцевать и веселиться. Но отказываться от угощения было нельзя. Ведь она теперь «стала взрослее на целую новую жизнь», как позже об этом отозвался ее новый знакомый и заводила ночной компании, очень даже неплохой паренек — Виктор.

Как и следовало ожидать, одним тостом новое знакомство не ограничилось.

— Жизнь прекрасна, пока она полна такими красивыми девушками,— сказал Дипунов. И добавил, выпив свою рюмку,— Конечно, может это звучит и банально, но зато справедливо! И таким дамам не место в этих кустах. Предлагаю продолжить нашу встречу в хорошем месте.

За такой тост тоже надо было выпить до дна. И голова Семакиной не просто кружилась, а уже ехала в каком-то непонятном направлении. Слегка покачиваясь, она встала и, сказав, что пошла в школу за своими вещами, удалилась.

— А что, Снежка, классная телка твоя подружка! И что это ты ее от меня скрывала?— обрадовано сказал Виктор.

— У этой классной, как ты посмел заметить, телке, есть свой ухажер. И на этот выпускной бал он за свой счет одел Людку в новое платье.

— Напугала! Молчу-молчу... Ну кто-то, может быть, и одел ее в платье, а я его сниму,— с полной уверенностью заявил Виктор.

— Ой, посмотрите, какой герой-любовничек выискался,— поиздевалась над парнем Снежана.— Да Людка хоть и не подарок, но она не такая, как ты думаешь. За себя сможет постоять. И к тому же, она еще девственница.

Последнюю фразу она проговорила шепотом, с заговорщическим выражением лица.

— Если Люда, как ты говоришь, сможет за себя постоять,— не унимался, Дипунов,— то уж полежать за себя, точно, не откажется. Со мной. Спорим?

Наверное, выпитый алкоголь уже делал свое недоброе дело в головах молодых людей, потому что Снежана сразу же подхватила предложение Виктора.

— А-а, давай! На что спорим? Что ты охмуришь Людку, да? И завалишь ее к себе в койку? Одним броском — на две лопатки? Да ничего у тебя не выйдет! Хотя, ладно, — и девушка слегка призадумалась, — ведь победитель, ну, то есть я, получает... — мобильник!

— Не крутовато ли будет? Зачем тебе мобила? У тебя и своя с Интернетом, — поначалу возмутился Виктор. Но, одумавшись, добавил:

— Хотя, почему нет? Победителем-то все равно буду я. Ладно, я тебе подгоняю мобилу. Конкретную, но, скорее всего, бэушную, пойдет? Согласна? А ты мне...

И тут парень, немного задумавшись, оценивающим взглядом окинул Снежану:

— Себя пообещаешь, усекла?

— Я что-то не поняла, — девушка в недоумении даже неправильно сказала «не поняла», сделав ударение на «о». — Как это себя?

— Ну, это... короче... один раз со мной переспшишь, — пояснил Виктор, внимательно посмотрев в глаза девушки.

— Чего? Ага, разбежалась... Аж два раза, — от возмущения глаза Снежаны округлились, и она не могла подобрать слова.

А Виктор спокойно продолжал:

— Ну, два так два, мне еще лучше. Заметь, сама предложила! А что ты буксуешь? Ты же уверена в моем поражении... Разве не так? Ну, так что, по рукам?

— А-а, по рукам, чего там?! — и в ответ девушка протянула Дипунову свою ладошку.

— Заметано, — уточнил спорщик и звонко хлопнул своей ладошкой по ладони Бараковой.

Тут внимание молодежи привлек легкий шум: шаги по траве, а затем несколько непечальных слов на тему: «как у вас здесь темно...». Из кустов на волейбольную площадку вышла раскрасневшаяся и слегка покачивающаяся Людка. У нее в руке была маленькая сумочка и легкий жакетик.

— О! А вот и Люда пришла, — обрадовался Дипунов и с хитрецей подмигнул Снежане.

Девушка все поняла и в ответ засобиралась: «Мне тоже надо двигаться. Как говорится — ботинки жмут и нам не по пути!» Следом за ней, как по команде, поспешили и два товарища Дипунова, с которыми он пришел в школу. Но уже за воротами школы молодежь разбрелась кто куда.

— И мы пойдем тоже, — сказал Виктор Людке. — У меня есть одно укромное местечко. Там и отдохнем.

Наступал рассвет, и девушке действительно очень хотелось спать. Да и выпитый алкоголь безжалостно делал свое дело. Дипунов слегка приобнял покачивающуюся Людку, и они, выйдя за территорию школы, вместе шагнули в темноту...

3

Когда уже под утро после своего выпускного вечера Семен пришел домой, то мама не спала и ждала его. Женщина заметила, что сын невесел, но решила, что парень устал и хочет спать. И все же ей не терпелось узнать, как прошло торжество. Ведь почти сразу после вручения аттестатов зрелости и, едва успев поздравить сына, женщина ушла домой, так как почувствовала себя неважно. Начались танцы, загремела музыка, и у нее подскочило давление.

— Мама, да все прошло хорошо, не беспокойся, просто я хочу очень спать, — ответил на вопрос матери Семен.

— А как же Люда, твоя девушка, ты с ней танцевал?

— Мам, она еще пока не моя девушка, я же тебе говорил. Просто я очень хочу, чтобы она ей стала. Да, мы с ней потанцевали. Все было замечательно.

И Семен прошел в свою комнату. Несмотря на столь ранний час и бессонное времяпровождение, ему не спалось. Он постоянно думал о Людке. «Куда она могла деться? Почему не сказала ничего? Хоть бы попрощалась...». Шадров на какое-то мгновение представил, что ей угрожает опасность, а он спасает девушку из сложной ситуации. И Семакина благодарит парня, они улыбаются, им хорошо. Но Людкина душа — это какие-то потемки, темный лес. И ничего там не разобрать. Не видно. Ночь безлунная и посветить нечем. Разве что разогнать мрак своим сердцем, вырвав его из собственной груди, словно горьковский герой — Данко.

Тут парень почувствовал, что его мысли невольно складываются в рифмованные строки и получается стих. Семен никогда раньше не писал стихи, хотя они ему нравились. Шадров много читал, но себя в роли поэта никогда не пробовал. А тут вдруг, схватив ручку и лист бумаги, стал быстро записывать все, что приходило в голову:

*Иду я по темному лесу,
По лесу твоей души.
И в самую чащу лезу,
Боясь затеряться в глуши.
Мысли твои — потемки.
И к сердцу не попадешь.
Сверкают твои глазенки,
Меня ли к себе зовешь?
Открой, покажи свою душу,
Не надо пускать темноты.
Я не боюсь, не струшу,
Ведь та темнота — это ты.
Темноту пробивает лучик,
Этот лучик — моя любовь.
Тебя он собой замучил,
Но он здесь, не уходит прочь.
Ты не думай, что это случай.
Вся сама ты — темная ночь.
Как Данко, вырву я сердце,
Чтоб темноту превозмочь.
Возьму и открою дверцу...
Ты мне не хочешь помочь?*

И только когда Семен дописал последнюю строку и прочитал все, что у него получилось, то немного успокоился и на несколько часов заснул. Утром парню захотелось показать свое творение матери, ведь она должна его оценить. И по ее реакции будет понятно, дарить этот стих той, кому он и был адресован или нет.

— Я, конечно, не специалист в области поэзии, и тем более не литературный критик,— начала разговор с сыном женщина,— но сразу скажу, что недурно. Для первого раза неплохо, только надо бы над текстом еще поработать. У тебя кое-где размер стиха хромает, строки рваные получаются и неровные. Это даже на слух улавливается.

— Но мам, я же не собираюсь его в журнал или газету посылать для публикации. Всего лишь подарю своей девушке, той, кому оно и адресовано.

— Пойми,— возразила мама Семена,— поэзия — это творчество, труд. Работа, если хочешь. А любое дело надо изначально делать или хорошо, или вообще тогда не делать. К тому же, ты здесь рассуждаешь о Данко. Я по школе помню, что он — пер-

сонаж третьей части рассказа Максима Горького «Старуха Изергиль», пожертвовавший собой и спасший свой народ с помощью горящего сердца. А ты собираешься жертвовать собой ради одного человека. Ей это надо? Если любовь жертвенная — она недолговечная и некрепкая.

— Ну, я хотел сказать,— стал объясняться юный поэт,— что у меня к ней «любовь до гроба», понимаешь?

— Нет, не понимаю! Что значит, «до гроба»? Любовь с оговорками, ограничениями? Настоящая любовь, она — бессмертна. И душа, оставив брэнное тело, обязательно найдет на небесах свой объект земной страсти. И уже там они будут вместе навечно. Усек? А ты говоришь — до гроба.

— Ты знаешь мама,— не унимался сын.— Я совсем не могу представить себя старым. Мне кажется, что я просто не доживу до такого состояния.

— Брось сынок,— резко сказала женщина.— Не пори чушь! Каждый человек не может представить себя стариком, потому что так устроен организм. В своем подсознании человек должен жить только настоящим и надеждами на светлое и счастливое будущее. Которое, по сути, и есть в его руках. И если человек будет здоров и жизнерадостен, то, в общем-то, он не станет обращать внимание на свой возраст. И тем более заикливаться на этом.

После этого недолгого разговора с мамой Семен все же решил подарить свой стих Людке. Но сегодня и завтра он ей звонить не станет, как бы ему этого ни хотелось, а выдержит паузу. Пусть Семакина задумается над своим поведением.

А Людке и вправду было над чем задуматься. Когда она проснулась ближе к полудню на каком-то чужом широком диване, в незнакомой квартире, с тяжелой головой, тошнотворным состоянием и не проходящей сухостью во рту, она окинула взглядом незнакомое помещение. И обомлела...

В небольшой плохо убранной душевной комнате, где стоял раскинутый диван, находился маленький столик с остатками на нем нехитрой закуски, с парой пустых бутылок и бокалов. У стены на старом кресле было небрежно брошено ее выпускное платье. А на полу Людка увидела, хотя и не сразу-то поняла, что это... свое нижнее белье: узенькие трусики и лифчик. Они тоже валялись, как попало, недалеко друг от друга. «Что это все значит? Где я?»

— Эй! — негромко, но уверенно позвала девушка.— Есть кто?

На ее голос с сигаретой во рту вышел какой-то незнакомый парень с початой бутылкой пива в руке.

— А ты кто? — тихо спросила Людка.

— Если я тебе скажу, что я Филипп Киркоров, ты ведь все равно мне не поверишь,— спокойно проговорил Виктор, выпуская клубы дыма в ее сторону.— Доброе утречко, выпускница! Забыла, как вчера в нашей компании зажигала под коньячок на школьном дворе? Пива хочешь? На, охлади свой ночной любовный пыл.

— Пошел ты, козел,— процедила сквозь зубы Людка и, прикрываясь простыней, выхватила у него бутылку.

— Так-то оно будет лучше,— согласился Дипунов.— А про козла ты, подруга, верно заметила. Разве станет нормальный пацан сидеть в одиночестве на кухне, когда у него на диване такая красотиуля лежит? А ну, двигайся...

4

Домой после выпускного бала, Людмила Семакина вернулась только вечером следующего дня. Ее мать даже и не поинтересовалась столь долгой задержкой дочери в школе. Хотя у Людки был уже заготовлен ответ. Она, типа, ездила кататься на второй день со всем классом на прогулочном теплоходе по Иртышу, на остров Медвежонок.

Последние несколько лет Людкина мать вместе со своим сожителем любила час-

то прикладываться к рюмке. Их семья, по оценке завуча школы по воспитательной работе, была неблагонадежной. И, конечно же, Людкина мать не обременяла себя такой проблемой, как воспитание дочери. Скорее, наоборот, она ждала того момента, когда Людке стукнет восемнадцать.

— И тогда уже ты, Людка, можешь выбирать себе хахалю. Только не какого попало, как твоя мамка по молодости, дуреха. А надежного, с деньгами. Чтобы он и мне потом смог бы копеечкой подсобить, а что? — часто слышала Людка от матери.

Отца своего Людка не помнила, они разошлись с матерью, когда девочка была еще совсем маленькой. А потом спустя какое-то время у Людки появился отчим — дядя Женья. К падчерице он относился «ни тепло, ни холодно», почти никак. Но и зато конфликтов между ними никогда не было. Даже более того, мать поменяла Людкину фамилию. Потому что тогда бы она оставалась по матери — Лескина. Но передавать свою фамилию Людке женщина не желала, чтобы вместе с ней к дочери не перешли те неудачи в личной жизни, которые испытали ее родители.

Настоящую фамилию своего отца Людка не знала, в глаза его никогда не видела и почти ничего о нем от матери не слышала. И с тех пор девочка была, как и дядя Женья, — Семакина.

— А чего, живи и радуйся, — так объяснила свое решение женщина. — Все равно, когда выйдешь замуж, то возьмешь себе ту фамилию, которая тебе понравится.

Казалось, что жизнь девушки только и должна была приносить радость. Но последнее событие в своей жизни Людку сильно шокировало. Оно просто выбило Семакину из колеи. Как так? Какой-то козел воспользовался ей, словно продажной тварью. Конечно, раскисать и впадать в депрессию Людка не собиралась. Но готова была возненавидеть всех подряд особей мужского пола.

— Все они гады, сволочи, ничтожества. Поотрывать бы им их сосиски да скормить злым псам, — в сердцах думала Людка. И от этих мыслей ей как будто становилось легче. — А этот конченый тип, Виктор, еще у меня попляшет.

Но Дикинов был в расслабленном спокойном состоянии у себя в квартире, которую ему снимали его знакомые. А точнее, те люди, чьи задания он выполнял. Правда, настоящих дел-то еще не было, так, одно мелкое. Но даже из-за него важные люди снимают Виктору эту квартиру. В надежде на то, что вскоре Дипунов себя еще проявит. И время не заставило долго ждать.

Не успел Виктор еще отоспаться от выпускного и отойти от выпитого, как под вечер в его дверь постучали. На пороге стоял Смирный, он же Алексей Смирнов.

— Ну, проходи, — слегка удивленно проговорил Дипунов.

— Здорово, — шагнул в коридор Смирнов. — Я к тебе с дороги. До утра перекантуюсь, разговор есть. Дельце одно. Стол готов. Да, тебе привет от Деда.

Виктор и сам не заметил, как на кухонном столе появилась закуска из спортивной сумки Алексея и бутылка водки.

— Садись, — на правах хозяина сказал Смирнов Дипунову и стал разливать в рюмки. — С первым делом ты спарился нормально. Вот твоя доля, от Деда.

И гость положил перед парнем пачку казахстанских банкнот.

— А почему в тенге? — слегка недовольно спросил Виктор.

— А потому, что тебе, желторотику, баксы никто не даст. Сейчас курс доллара скачет, и в обменниках лишних раз с зеленью светиться не резон, тем более тебе. Скажи спасибо и за это.

— Спасибо...

— То-то же... Слушай новое задание. Дед в Алматы открывает несколько ночных клубов и еще кое-что, куда нам с тобой нос совать не надо. И для этого ему нужны работники, точнее, девушки. На время, на заработки. Приедут в Алматы, поработают лето — и назад, домой. Соображаешь?

— Пока нет.

— Плохо, включай мозги скорее. Деду надо у вас в городе подыскать одну, две телки и отправить, я уже сказал куда. За это ты получишь свой процент.

Задание было непростое. Но в тоже время Виктору стало приятно, что, несмотря на его неопытность и молодость, с ним разговаривают почти что на равных. И ему доверяет сам Дед. От Алексея парень и раньше знал, что Дед — авторитет среди криминального мира Алматы.

Он еще по малолетке был осужден за непреднамеренное убийство, драку в кафе. Тогда еще, будучи молодым человеком, в пьяном виде так толкнул своего обидчика, что тот, ударившись головой об пол, больше никогда уже не мог ее поднять. Отсидев свой срок, Дед, выйдя на волю, почти сразу же женился. Но его семейное счастье стало недолгим.

Однажды, отдыхая с друзьями в ресторане, Дед заступился за смазливую деваху, до которой домогались незнакомые ей мужики. Но и здесь не повезло защитнику милой красотки. В драке он нанес несколько сильных ударов обидчикам девушки. Девыха-то с визгом убежала, а ее защитник оказался один на один с незнакомцами, которыми потом оказались работники правоохранительных органов.

В результате следствия по этому делу было установлено, что бывший уголовник Деденко, находясь в пьяной компании с такими же друзьями, стал приставать к скромной и беззащитной девушке. А работники органов заступились за нее, но, правда, сами сильно пострадали от рук уголовного. В итоге Деда опять посадили, и теперь уже надолго.

— Сколько у меня на это времени? — с готовностью спросил Виктор, вернувшись к своему заданию.

— Это дело не одного дня. Не спеши, но будь всегда готов, как пионер. По возможности, разработай базу данных,— остепенил его Смирнов.— Я у тебя пару дней пробуду. У меня в городе запланирована еще одна встреча и важный разговор. А назад в Алматы меня увезут на машине.

Виктор задумался о новом деле, которым его озадачил Смирнов и, казалось бы, напрочь забыл о Людке. А зря... Она-то как раз все это время думала о своем обидчике, вернее, вынашивала план мести Дипунову. И не собиралась с этим затягивать. Жаль, что поговорить, посоветоваться на эту тему девушка ни с кем не могла.

Как только Людка пришла домой после выпускного, на следующее утро ей позвонила Снежана Баракова. И уж как-то сильно подробно и настойчиво стала выпрашивать о том, куда это Семакина ушла с волейбольной площадки среди ночи, да еще и в компании малознакомого ей парня?

«Вот ей-то какое дело? Сует свой длинный нос куда не надо,— возмущенно думала Семакина.— Я же не выпытываю у нее, куда это она тогда ринулась, да еще сразу с двумя пацанами».

Но в трубку ответила, конечно же, иначе. Недолгий разговор с Бараковой Людка продолжила дежурными фразами с подружкой и быстро положила трубку. Теперь Семакина точно знала, что в данной ситуации на Снежану рассчитывать не придется. Не поддержит. А на Семена тем более. Кстати, он ведь тоже недавно ей звонил. Как Людка совсем забыла об этом! Ведь Шадров очень хотел с ней встретиться, чтобы подарить ей какой-то подарок. Одного недавнего подарка судьбы Людке уже хватило. Но Семен так настаивал, что Семакина пообещала вечером выйти во двор.

В назначенный час парень уже сидел на скамейке недалеко от подъезда и смотрел на входную дверь. И вот железная дверь сначала тяжело открылась, а затем мягко захлопнулась. Из подъезда вышла Людка.

— Привет, что хотел-то? На выпускном что ли не нагулялся? — сразу пошла в атаку раздраженная девушка.

— Да нет. Хотя, да! — замешкался Семен. — Ты куда-то пропала, а я вот тебе подарок приготовил.

— Подарок, хм, — заинтересовалась Людка, — ну, хорошо. Давай, показывай, что у тебя там.

— Говорю же, его показать нельзя, можно только послушать, — стал объяснять Семен.

— Се-ма, ты что меня вызвал разыграть, что ли? Что значит слушать? Или ты мне хочешь плеер подарить? — Семакина продолжала нервничать.

— Да нет же! — разулыбался Шадров в предстоящем ожидании радости своей подруги.

— А что тогда?

— Это стих, я его тебе написал и вот дарю. Слушай, — и юный поэт на одном дыхании, с легким волнением дочитал до конца своего Данко.

— Ты что, debil? — сразу вырвалось у Людки от возмущения. Но она тут же одумалась и исправилась. — Ну, в смысле приколист. Кто же стихи дарит? Их посвящают своим дамам сердца. А дарят что-то материальное — вещи. А ты прямо как Пушкин, про «Ромео и Джульетту» написал бы еще.

— Про Ромео написал Шекспир, — слегка обидевшись, поправил девушку Семен.

— Ну, пусть Шекспир. Какая разница! А Пушкин... ну да! Он же про «Руслана и Людмилу» сочинил. Я слегка спутала.

— А причем здесь сказка «Руслан и Людмила» и драма «Ромео и Джульетта»? — не унимался Шадров.

— Фу, какой ты скучный, — даже обиделась Людка. — Ну, во-первых, и то, и другое на «эр» начинается, запутаться можно. А потом, все это про любовные пары, он и она, понимаешь? Мальчик — девочка...

Вскоре спорщики оставили литературную тему, и, немного погодя, девушка зашла к себе домой. Почему-то во время разговора с Семеном Семакина уже не сомневалась в том, что именно завтра, прямо с утра, она начнет решительную войну против своего обидчика, этого несносного парня, Виктора. А как он хотел? Думал, все ему так и сойдет?

5

Утром в съемной квартире Виктора кто-то постучал в дверь. Смирнов сразу насторожился и сказал Дипунову: «Кто это? Иди, спроси».

— Сейчас, — ответил парень и, подойдя к двери, осторожно спросил:

— Кто там?

— Здравствуйте, мне нужен Виктор. Он дома? — за дверью прозвучал вежливый, уверенный женский голос.

Дипунов открыл дверь. Если бы он был поопытнее в конспирации или хотя бы смотрел сериалы про бандитов, то подумал бы о том, что за плечами женщины в коридоре могут стоять кто угодно, от группы захвата до киллера.

Но перед ним стояла его недавняя знакомая Людка и серьезно смотрела ему в глаза.

— А, это ты, — у парня сразу отлегло. И он стал будто оправдываться, — я, вообще-то, не один. И сейчас занят. Ко мне кореш приехал. ...

— Мне надо с тобой поговорить, — заявила Людка и без приглашения шагнула за порог. Дипунов недоуменно захлопнул входную дверь и поспешил за девушкой в комнату. Из кухни ей навстречу вышел незнакомый молодой человек:

— А, у нас гостя? Ну, что же ты, Виктор, мнешься, как не мужчина? Приглашай барышню к столу...

Но не тут-то было. Людка сразу же пошла в атаку и, встав посреди комнаты так, чтобы было видно обоим парней, громко заявила.

— Да нет, ребятки, я не в гости к вам пришла. И приглашать этого ублюдка,— она показала пальцем на Виктора,— буду теперь уже я. Но только сразу на скамью подсудимых. За попытку изнасилования. Я буду подавать заявку в полицию...

В комнате на секунду зависла пауза, а девушка без приглашения села на знакомое кресло, в котором недавно еще лежало ее новое выпускное платье, подаренное Семеном. Первым молчание нарушил Смирнов:

— Как говорится, утро перестает быть томным. И ситуация принимает новый оборот. Так... Девушка, вы, пожалуйста, успокойтесь, а мы сейчас во всем разберемся. Виктор, ну-ка, можно тебя на минутку, на кухню?

И когда Алексей плотно закрыл дверь за Виктором, он тихо стал ему говорить:

— Ты, баран, это кто такая, что за шмара? Тебе что, криминала не хватает? Хочешь проблем от Деда?

— Леха, да прикинь, я эту телку недавно снял по пьяни, ну, она у меня и зависла на сутки. А теперь мне предьяву кидает...

— Ты мне объясни, вы вместе с ней спали? Всего пару раз? Вот за эти пару раз ты и будешь на зоне отдуваться по полной, понял? И с тобой там также и будут поступать, как ты с ней, но только не пару раз. А много больше. Въехал? Ну, молоток. Тогда быстро мне растолкуй в двух словах, что она за птица такая, чтобы я врубился в курс дела.

И Виктор сообщил, что эта телка легкого поведения, недавно закончила школу. Мать у нее бухает, отца нет, и больше он ничего про Людку не знает. И то, все это ему рассказала ее подруга — Снежанка.

— Так, мне все ясно,— с уверенностью заявил Смирнов.— Будь здесь и в зал пока не выходи, усек?

Людка все также продолжала сидеть на кресле. Лицо у нее было озлобленное, а взгляд — решительный. И неизвестно как бы дальше все стало развиваться, но только девушка сама себе осложнила ситуацию и упростила задачу Алексею. У Семакиной уже была заготовлена речь для этого недоноска Виктора, но девушка настолько была взволнована, что у нее пересохло во рту.

Смирнов еще не знал, что сказать их странной гостье, как вдруг услышал от нее то, о чем бы он сам и не догадался:

— Дайте мне напиться, холоденькой воды, а то во рту что-то пересохло.

— А-а, водички...— вроде сначала не расслышал Алексей.— Попить? Конечно, дадим. Это есть. Зачем же воды? Лимонадику. Сейчас, секундочку.

Он кинулся на кухню и через минуту вынес оттуда высокий прозрачный стакан, наполненный лимонадом.

— Вот, пожалуйста, угощайтесь,— и подал его девушке.

Она взяла стакан, но прежде чем отпить из него, довольно резко заявила:

— Не подумайте, что ваша вежливость отразится на моем решении... Я все равно решила подавать заявление.

— Как вам будет угодно,— учтиво проговорил Смирнов.— Вы пейте, пейте...

Он внимательно наблюдал за тем, как Людка с жадностью выпила все содержимое стакана, и, взяв его из рук девушки, вернулся с ним в кухню. Виктор сидел за столом и курил. Алексей бросил стакан в мусорное ведро, прикурнул сигарету и, затянувшись пару раз, выглянул из кухни в зал.

Девушка спокойно и крепко спала на кресле. Ее голова слегка откинута назад, одна рука свешивалась на пол. Это было как раз то, чего и ожидал Смирнов. Теперь ему свои планы пришлось резко менять. Но, как говорится, что не делается, все к лучшему. И в Алматы он выедет на машине сегодня же, ближе к ночи. Зато уже при-

везет для Деда первую девушку. Это будет хорошим поводом зарекомендовать себя с лучшей стороны перед шефом и показать свою работу. К тому же, Людка от подмешанной таблетки будет безмятежно спать, тем самым не вызвав у постовых полицейских на выезде из города никаких подозрений.

— А если она у вас по дороге проснется и начнет бузить? — с неуверенностью спросил Виктор, шокированный таким быстрым поворотом событий.

— Мы ей вкатаем успокаивающий укольчик до самой Алматы. Короче, это уже не твои заморочки. В принципе, ты уже нам помог. И Деду я об этом доложу, — объяснил Алексей. — Но за тобой, все равно, тут остается один косячок. Ты должен все узнать об этой девке. И сделать так, чтобы ее не искали. Еще не хватало в розыск объявить! Как это сделать? Подумай. Позвони ее матери, скажи, что их дочка уехала на заработки, например, в Усть-Каменогорск или Караганду. А тебя просила им это сообщить. Только имя свое не называй, а то опять запалишься. Дошло?

— Да, я все продумаю как надо.

— А тебе не надо думать. За тебя все продумают другие люди, ты только обращай по-быстрому и делай все как надо, — проговорил Смирнов, докуривая сигарету.

На словах у него, конечно, все получалось очень даже шоколадно. А на деле надо было это еще осуществить. И поэтому Алексей всю дорогу до Алматы, пока с ним была Людка, нервничал. До тех пор, пока их машина, водителем которой тоже был человек Деда, не остановилась у подъезда одного из жилых домов южной столицы. Передав через водителя привет Деду, Смирнов отпустил машину и вместе с Людкой, которая вела себя хорошо и была покорной, вошел в свою квартиру.

Теплый летний вечер уже вступил в полную силу, и усталость с дороги брала свое. Смирнов не пошел в магазин, а решил обойтись теми запасами, которые у него хранились в холодильнике. Пока девушка принимала душ, Алексей приготовил еду, поставил на стол бутылку водки, а в отдельный стакан налил особый напиток — для Людки. После этого напитка она еще долго будет продолжать чувствовать себя прекрасно, не станет волноваться и делать всякие глупости.

После недолгого ужина Смирнов приготовил постель одну на двоих и они легли. Алексей был настолько ласков и нежен с Людкой, словно они, давно и сильно испытывая любовь к друг другу, встретились после длительной разлуки. И Семакина, не оставаясь в долгу, отвечала парню взаимностью.

Но рано утром Людка, снова проснувшись в чужой постели, как когда-то у Виктора, растормошила спящего с ней Смирнова и засыпала его вопросами.

Алексей, хоть и был спронею, но спокойно и доходчиво объяснил Семакиной все, что посчитал необходимым.

— Ты знаешь, где ты находишься? Нет? В южной столице нашей родины — в Алматы. И здесь будешь работать. На непыльной, но ответственной работе с людьми. Станешь зарабатывать деньги. Ведь Алматы — это тебе не твое захолустье. Этот город — мегаполис. И где, как не здесь, можно подняться на такую высоту, что потом будешь смело и уверенно смотреть в будущее и строить свои планы? А что твой Семен? Дыра, аул, провинция, губительный конец любой карьере и бизнесу, а значит, и молодости. Сегодня я передам тебя в руки новых твоих начальников, а там дальше сама все поймешь и узнаешь.

(Продолжение следует)

СОВРЕМЕННЫЙ РУССКИЙ РАССКАЗ

Бахытжан Канапьянов
(г. Алма-Ата)

Поэт, прозаик, переводчик. Автор книг, вышедших во многих странах. Лауреат ряда литературных премий. Собственный корреспондент «Литературной газеты» по Казахстану.

ВИШЕНКА

Так случилось, что она пережила своих сестер. Еще по прошлогодней весне, когда она родилась в завязи среди цветущей накипи на верхней ветке, судьба уберегла ее от срыва или падения во дворе на дорожку между домами, сплошь усеянную спелыми черешнями, которую клевали горлинки и воробьи, да шинами давили машины, заезжающие в этот просторный двор между двумя трехэтажными домами.

А затем, спустя месяц, эта участь настигала и ее сестер-вишен.

А в соседях с ней расположилось тутовое дерево — шелковица. Вот с ее ветвей большие зрелые черные плоды-ягоды склевывали голуби и вездесущие воробьи — жадно и самозабвенно. Не доклевав одну ягоду, впивались в другую и затем исчезали в густой листве тутовника, и только слышалось ей чирк-чирк от сытого клева, да самодовольное воркованье голубей изредка доносилось до ее слуха.

Чуть поодаль росло еще одно старое тутовое дерево, но его плоды-ягоды были в отличие от этого дерева белыми. И все эти черные и белые ягоды за ночь падали на асфальт дорожки, на капот и крышу стоявшей у подъезда машины. Хозяин, выезжая утром на работу, сметал их, и они оставляли созревший сок каплями крови на стеклах и на земле.

Жильцы этих двух домов не успевали, а может быть, особо и не жаждали собирать эти плоды-ягоды ничейных деревьев, разве что дворовые сорванцы карабкались по стволам и там, удобно расположившись между ветвей, набирали полные пригоршни ягод, не всегда спелых и зрелых. И на этом завершался сбор урожая.

А перезрелые ягоды от легкого порыва ветра сами падали под колеса машин и подошвы прохожих. А затем бурными пятнами ушедшей жизни простиупали вдоль журчащего арыка.

Все это было видно ей, вишенке, которая, укрывшись в тени листочка-лепесточка, продолжала зреть и наливаться соком жизни.

И что-то вновь и вновь удерживало ее на верхней ветке, и была она почти незаметна среди мелкой листвы. И даже когда ее, почти перезревшую, ветвь выталкивала туда, где уже канули ее многочисленные сестры, превращаясь в мертвые пятна на асфальте дорожки, она вновь и вновь цеплялась кончиком своей плодоножки за верхнюю ветку, ибо не раз видела, чем кончалось это падение.

Так ее не тронули ни чьи-то безжалостные руки, ни клюв вероломной птицы. Правда, однажды случайный воробей клюнул ее на лету, но она, благодаря дуновению ветра, успела спрятаться в гуще листвы, и воробей не стал возвращаться, а устремился к более податливым ягодам черешни.

Так и осталась с той поры на боку рана от наскока воробья, да такая глубокая, что обнажила ее желтую косточку.

Ей с высокой ветви хорошо было лицезреть цветение этой улочки-сквера, которая упиралась в головной арык. Многие деревья здесь, у арыка, посадил еще в прошлом веке писатель, чей дом-музей находился недалеко от ее дерева, на той стороне этой самой улочки. Об этом она услышала однажды вечером из беседы двух старушек, уютно расположившихся на балконе, рядом с той самой высокой веткой, с которой и свисала она, скрываясь в листве, вишенка.

Сирень, китайская и белая, бордовая и фиолетовая, акация, местная и заморская, каштаны и березы, ель и туя, клен и тополь, яблоня и груша — все это образовывало смешанную аллею, где на скамейках целовалась молодежь и отдыхали пенсионеры, да молодые мамы вывозили на колясках своих чад, и катали их от арыка до фонтана, радуясь и наслаждаясь ночной прохладой южного города, прильнувшего к подножью синих и белоснежных гор.

И вишенка радовалась всему, что ее окружало на этой высокой ветке. Гусеница медленно выползала к листу, белая бабочка в пятнышках, чуть шевеля усиками, порхала в час знойного полдня, божья коровка была почти незаметна среди поздних ягод, но и ее замечала вишенка, чуть выглядывая из-под листочка-лепесточка.

А затем стали исчезать эти малые листочки с ветвей. Они вначале желтели и наряду с другими красками осени опадали с деревьев, покрывая своим разноцветным шуршащим ковром дорожку, что пролегалa вдоль арыка. Арык также принимал эти ниспадающие в медленном кружении листья — красные, желтые, оранжевые, бурые и еще пока зеленые. И уносил под свое спокойное журчание куда-то за соседнюю улицу, за следующий квартал, за городскую окраину. Некоторые листья прибывало течением арыка к каменным выступам. Там они и замирали до прихода дворника.

А затем пошли долгие дожди.

И вот однажды выпал снег.

Снег плыл вертикально, в тишайшем безветрии. Вишенка, которая все еще оставалась на верхней ветке, но уже одна, без листвы, даже без того самого листочка-лепесточка, который прикрывал ее существование на ветке, вишенка слышала звук падающих снежинок. И под этот божественный звук она уснула, только в ее полураскрытой косточке продолжала биться тяга к жизни. Быть может, потому она и продолжала прозябать в ночные морозы, но не отмирала на этой самой ветке, которая так же, как вишенка, была без листвы и чернела своей кривизной среди выпавшего снега. Ветвь и вишенку связывала между собой не только плодоножка, но нечто большее, невидимая внешнему миру нить, сплетенная из памяти прошлой жизни, когда и ветвь, и вишенка в лиственном уборе и одеянии наслаждались всем тем, что сейчас подвергалось неминуемому забвению.

Вся она сморщилась, из когда-то спело-красной вишенки превратилась в темно-коричневую старуху-уродину с отклеванным боком, но она все еще помнила весну былого цветения.

Вишенка все чаще и чаще уходила в себя, находясь одна на верхней ветке. Правда, однажды она очнулась, когда что-то черное и каркающее опустилось на родную ей ветвь и чуть не стряхнуло ее, вишенку, вместе со снегом на ледяной наст.

Это была ворона.

От ужаса и страха она сама чуть не сорвалась вместе с плодоножкой, но родная и добрая ветвь удержала ее, слегка наклонившись, упрятала ее в горсть снега, застрявшего между стволом и ветвью.

А по весне, когда все вновь расцвело, когда набухли почками и очнулись от зимней спячки ветви, и дорожка у весело журчащего арыка вновь покрывалась белыми и розоватыми лепестками цветов черешни, яблонь и шелковицы, а ее взрастившая ветвь только начинала наполняться соками жизни и будущего цветения, завязь новой плодоножки и новой будущей вишенки в одно мгновение вытолкнула ее с ветви прошлой жизни, и вишенка, скользя по другим ветвям и стволу, скатилась на ту самую дорожку у арыка, где белели опавшие цветные лепестки с фруктовых и ягодных деревьев этого просторного двора.

И посреди этих лепестков, на дорожке у журчащего арыка, смутно слыша приближающееся шуршание метлы дворника, покоилась она, вишенка, дряхлая и прошлогодняя, вопреки всему вновь увидевшая весну и почти пережившая цветение былой своей жизни.

ЛЕТНИЙ КИНОТЕАТР

I

Летний кинотеатр моего детства. Те же саманные высокие стены, напоминающие глиняные дувалы, верх которых венчают решетчатые штыри, скрепленные между собой литыми узорами из чугуна. Те же самые дубы, раскинувшие свои вековые ветви над стенами кинотеатра. Так же, как и в те годы, сидят стайками мальчишки на этих стволах и, забыв обо всем на свете, смотрят очередной «недетский» фильм. Все как прежде, как тогда, кажется, что ничего не изменилось, лишь фильмы стали иные, но их полуторачасовая жизнь все так же заставляет зрителей плакать, смеяться, и они, затаив дыхание, сопереживают персонажам и героям фильма в этом летнем кинотеатре Ахмета.

Я сижу под звездами в темном открытом зале. Сноп проекционного луча, пробивая тьму и полчища ночной мошкары, пролегал над головами зрителей. Я вглядываюсь в их лица. Знают ли они, почему этот летний кинотеатр носит имя Ахмета?..

Должны знать.

II

Ему было за шестьдесят. Он еще во время войны мотался с кинопередвижкой по прифронтовым дорогам, показывая бойцам героические фильмы тех лет: «Секретарь райкома», «Радуга», «Иван Грозный», «Александр Невский», «Два бойца», «Парень из нашего города».

Солдаты, несмотря на близость вражеских позиций, во все глаза взирали на эту почти земную жизнь, чем-то похожую на их военную тяжесть, но невидимым образом разделенную на вымысел и реальность. Многие из бойцов впервые в жизни видели это самое кино, ибо на скорых сборах им было не до фильмов, они, мобилизованные из глухих сибирских хуторов и деревень, из горных и степных кишлаков и

аулов, проходили совсем другую науку — науку убивать. И в эти короткие часы они, взирая на экран, радовались посланному с небес в лице бойца-киномеханика Ахмета наслаждению и передышке, когда можно перекурить и не только следить за действием сюжета, но и думать о самом сокровенном, что осталось по ту сторону Урала.

Во время бомбежек Ахмет выключал движок, и когда гул фашистских бомбардировщиков угасал в ночном пространстве, бойцы нетерпеливо бурчали:

— Давай, Ахмет, крути дальше. Улетели «мессеры».

И после войны Ахмет не расстался с любимым делом. Когда началась целина, он мчался на разбитой полторке по дорогам Северного Казахстана в отдаленные совхозы и аулы. И молодые парни, целинники, радовались любому фильму, привезенному Ахметом из облкинопроката. А через пять лет, почувствовав боли в пояснице, он приехал в наш южный город показаться врачам, так и остался здесь жить у сестры. Врачи определили радикулит, и Ахмет устроился киномехаником в летний кинотеатр. Фильмы показывал три раза в неделю, а зимой работал сторожем здесь же, в парке.

Начиная с апреля, мы, дворовые мальчишки, не давали ему прохода:

— Дядя Ахмет, ну когда?..

— Рано еще, холодно ведь во дворе,— улыбался он в редкие усы.— Вот ближе к майским праздникам потеплеют ночи, тогда и начнем.

— Только обязательно про войну, дядя Ахмет.

— Хорошо, пострелята,— молвил он.— Вы бы чем бездельничать, лучше б помогли мне скамейки покрасить и зал прибрать...

И в период буйного цветения, когда благоухали сады и исходила накипью сирень, начинался в летнем кинотеатре праздник первого фильма. Мы еще за день с утра помогали Ахмету расклеить афиши, обегали близлежащие дома, оповещая о предстоящей картине. Зная только название, гадали, какие события произойдут в ней.

На фильмы тогда ходили семьями, шли как на праздник, но мы, дворовые пацаны, считали зорным и плохим тоном для себя — идти вместе с родителями, и если даже фильм был не «до шестнадцати лет», все равно карабкались на могучие стволы и ветви дубов, окружавших летний кинозал. Да я вообще не помню, чтобы кто-либо из нас, мальчишек, покупал билеты. Их брали те, кто был возрастом постарше или же впервые приглашал девчонку. Эти ребята, да и девчонки тоже, еще недавно так же, как и мы, сидели на скрученных ветвях деревьев. Но сейчас они с важными лицами покупали своим смущенным особам синенькие билетки и, глядя на нас, небрежно цедили сквозь зубы:

— Щеглы!..

Мы на это отвечали улюлюканьем и свистом, и этот гвалт продолжался, пока они с красными напряженными лицами не садились где-нибудь в глубине, подальше от наших наглых взоров. Это был своеобразный ритуал проводов нашего старшего собрата из детства в юность.

Ахмет, как нам казалось, не замечал или делал вид, что не замечает нашу бесплатную галерку, но два раза в сезон: в День Победы, когда он надевал свой единственный бостоновый костюм с двумя медалями, и в День защиты детей — этот старый киномеханик, пропустив всех билетных зрителей, галантно распахивал решетчатую калитку:

— Ну-ка, пострелята, прошу! Сегодня для вас вход свободный.

И мы стайкой птиц слетали с деревьев и шумно усаживались на скамейки, не обращая внимания на негодующих и возмущенных зрителей. И когда проекционный луч впивался в экран, зал затихал. Зрителей и нас, мальчишек, обвораживала необъяснимая сила кино.

III

Однажды, когда я поудобнее устроился на морщинистом суку, оттеснив тем самым своего друга Анвара к развилке ствола, крутили какую-то заграничную ленту. Люди жили у моря, ловили рыбу. И когда рыбаков начало относить штормом в открытое море, вдруг погас луч аппарата. Это было неожиданным, ибо Ахмет всегда честно исполнял свои обязанности и ему никогда не кричали зрители: «Сапожник!» Несколько мгновений зал молчал, затем зрители начали оборачиваться в сторону кинобудки, глядя на маленькое окошко. Поднялся небольшой гул, но вновь появился волшебный луч, и все успокоились.

И никто не подозревал, что творилось в будке киномеханика. Трое пьяных парней ворвались к Ахмету. Один из них, в красной ковбойке, схватил его за плечо и, дыша перегаром, потребовал:

— Слушай, папаша, мы опоздали к началу сеанса. Ну-ка крути по-новой,— и выключил кинопередвижку.

Ахмет хладнокровно вновь включил аппарат, повернулся к парням и хмуро ответил:

— Знаете что, ребята... выпили, ну, и идите по домам.

— Ах ты, фраер!.. Рашид, объясни-ка ему...

Тяжелый удар сшиб старика.

— Не будешь, говоришь? Что ж, мы сами твое кино покрутим,— рычал обкуренный парень в ковбойке.— Оттащите его...

Ахмет, пошатываясь, встал и, пересилив боль, шептал разбитыми губами:

— Нет... нет... нет!

— А ты, оказывается, крепкий одуванчик. А это как тебе?..

В последнее мгновение Ахмет почувствовал, как что-то холодное и острое резко вошло в левый бок. Ухнув, он навалился на проектор, киноплёнка разорвалась, кровь брызнула на линзы, и они, увеличив ее, выплеснули эту кровь пожилого человека на матерчатый экран.

Люди вскочили. Тишину разорвал пронзительный крик:

— Ахмета убили!!!

Я, разодрав штанину, слетел с дерева. Будка была полна народа. «Скорая помощь» и милиция приехали одновременно. Безжизненное тело киномеханика свисало с все еще стрекочущего агрегата. Кто-то выключил его. Это был последний киносеанс Ахмета. Врачи положили его на носилки и накрыли простыней. Люди в мертвом молчании проводили карету «Скорой помощи», они все еще были оглушены произошедшим. Вдруг из оцепенения всех вывел плачущий голос Лехи:

— Они вот туда побежали, я видел — все трое туда побежали, дядя милиционер,— кричал он, показывая в сторону паркового пруда.

— Молчи! Ничего ты не видел,— испуганно прижала Леху мать.— О, горе ты мое! Убьют же тебя... Он ничего не видел, товарищ милиционер.

— Нет! Видел! Видел! Видел! — иступленно орал Леха.— Они там, в кустах.

— О, господи!..— взмолилась мать.

Но ее никто не слушал, все побежали в сторону пруда. И мы, прячась от родителей, рванули туда, испуганно шарахаясь по темным кустам.

IV

Преступников поймали. Я никогда не видел фашистов, разве что в фильмах, которые показывал нам дядя Ахмет, но когда той ночью их провели мимо меня, двена-

дцатилетнего мальчугана, мне показалось, что это они и есть — фашисты и изверги. И сейчас, через много лет, я убеждаюсь в этом.

Летний кинотеатр после той страшной ночи осиротел. Люди подходили к пустому афишному стенду и, вздохнув, удалялись, оглядываясь на пустующие скамьи. Ахмета хоронил весь наш район. Мы, мальчишки из близлежащих дворов, несли поочередно атласную подушечку с двумя медалями и с каким-то значком. Когда нес я, успел прочесть надписи: «За отвагу», «За освоение целинных земель», «Отличник кинофикации СССР».

А через месяц появился новый киномеханик — молодой парень. И вновь начались сеансы в летнем кинотеатре. Казалось, что все забылось, но чья-то рука на афишах после надписи «В летнем кинотеатре» дописывала два слова — «имени Ахмета». Со временем народ привык к этой надписи, и все люди звали с тех пор этот летний кинозал Ахметовским кинотеатром.

Жизнь продолжалась. Продолжались и фильмы в летнем кинотеатре — с весны до поздней осени. На многие фильмы ходил и я, но уже покупал синенький лепесток входного билета. Мое детство кончилось.

V

К югу от города, ближе к предгорным холмам, расположено старое кладбище нашего района. В левом заброшенном углу среди увядающих яблонь есть небольшая каменная плита. На ней высечено арабской вязью «АхметАсан-улы». День рожденья и дата гибели. Если увидишь ее — не пройди мимо. Возложи на плиту букетик диких цветов, благо их много растет по углам этого старого заброшенного кладбища. Возложи — здесь похоронен человек из моего детства.

Леонид Иванов
(г. Тюмень)

ГОСТЕВАЛИ

Степан в глубокой задумчивости сидел на отполированной штанами односельчан широкой лавке у палисадника и невидящими глазами смотрел себе под ноги. Вот уже второй день после того, как улетели куда-то в звездные дали его неожиданные гости-инопланетяне, на душе было пасмурно и тоскливо. С тяжелым вздохом Степан вдавил в сырую землю окурок, встал, привычно придерживая правой рукой большую поясницу, прошел в дом, взял с подоконника початую бутылку водки, долго вертел ее так и сяк, потом опять с глубоким вздохом поставил обратно.

Надо было хоть как-то развеять накопившую тоску, но пить больше не хотелось.

— Заговорили, что ли? — подумал лениво. — Наверное, я им трезвый нужен для серьезного разговора. Ведь обещали же, что вернуться. Может, и с собой заберут? Хорошо бы вместе с Дарьей, а то куда я там один среди чужих-то? А какое хоть сегодня число-то?

Покрутил ручку радио, но оно молчало.

— А-а-а! Дак ведь я же провода оборвал, чтобы взлетать тарелке не мешали, — вспомнил вдруг причину молчания черного обормота, как он называл приемник, который бормотал что-то малоразборчивое с шести утра и до полуночи с часовым перерывом на обед. — Пойти что ли натянуть провода-то? Только когда гости прилетят, опять ведь мешать станут. А число можно узнать у Захаровны. А того проще пересчитать пустые бутылки.

Степан точно помнил, что когда картошка была выкопана, по настоянию районных врачей его Дарья уехала в санаторий на 21 день по горячей путевке, за которую и доплатить-то пришлось всего ничего. Он тогда на вырученные от продажи картошки деньги сразу взял у Зинаиды ящик водки. Подумал, и добавил еще две бутылки. Одна — на день отъезда, вторая — чтобы аккуратно хватило на время пребывания жены в санатории. Не ради пьянства, тоску заливать. Да и то — за все годы семейной жизни это была первая столь продолжительная разлука.

За коровой с теленком взялась ухаживать Захаровна, потому что мужиков Красава не любила и даже хозяина к себе близко не подпускала. Бывало, он обряжал ее, выносил приготовленное Дарьей, когда та страдала поясницей, ведро поила, но доить даже не пытался. Да если бы и подпустила к вымени такая ласковая с хозяйкой корова, ему бы не высидеть было вприсядку столько времени. Так что от всех хозяйственных забот Степан был избавлен и мог пьянствовать без оглядки на какие-то дела.

Степан вышел в сени, пересчитал в ящике пустую тару, среди которой одна бутылка была не распечатана. Шести штук не хватало, не было тары и под лавкой в доме.

— Неужели гости с собой забрали? — недовольно подумал вдруг, разочаровываясь в пришельцах. А может, по привычке заначку где сделал, припрятал куда? Только

от ково прятать? От себя разве што. И какое же севодни число-то? — напрягал память Степан.— Того и гляди Дарья со дня на день вернется, надо бы хоть в избе немного прибраться.

— Эй, Степан! Ты живой? — раздался с улицы голос.

— Во, Иван пришел,— обрадовался приятелю Степан и пошел встречать гостя.

Сели на лавку, закурили.

— Ты пошто у Захаровны провода-то обрезал? — спросил Иван.— Пришла седни ко мне, грит, посмотри там, радивашто-то второй день молчит. Степана хотела просить, да пьет, окаянный, без просыпу с того самого дня, как Дарья в санаторию уехала. Пришел, гляжу, а тут все провода обрезаны. Чо это ты разбушевался-то?

— Провода им взлететь мешали, вот и пришлось отрезать,— пояснил Степан.

— Кому им? — недоуменно поинтересовался Иван, не понимая, о ком идет речь.

— Да этим... Инопланетянам-то.

— Ты, Степан, с перепоя-то не того? — повертел у виска.

— Да нет, все нормально. Они меня даже от пьянки заговорили.

— Может тебе похмелиться надо, чтобы в сознание прийти. Эть не мудрено и рассудка лишиться — две недели гулеванил.

— Да не гулеванил я, тоску заливал. А тут они в гости заявили. Вот оттуда в своей тарелке почти прямо на грядки юзнули.— Степан показал в сторону бани.— Я тут на лавке сижую, курю, гляжу, тарелка какая-то большая, вжик и села. Лежит прямо на земле этакая гладкая вся, сверкает, хоть и солнца нету.

— Большая?

— Да с баню, поди. Только сплюснутая. Ну, будто две тарелки одна на другую положены. Дарья у миня их так складывает, когда блины остаются, чтобы не засохли.

— И чо?

— Чо, чо? Нетерпеливый ты какой-то, Иван! Смотрю, лаз такой навроде трапа открывается, и на землю как с горки мужик съезжает. Стройный такой и весь будто в рыбьей чешуе. Тоже блестящий-блестящий. Походит, здоровкается.

— По нашему здоровкается-та?

— Конечно, по-нашему. Я по-иностранному-то бы и не понял. Ну, я отвечаю тоже, мол, будьте здоровы да милости просим. Он што-то булькнул, и снова лаз открывается, и ишшо один мужик на землю съезжает.

— Да ты пошто знаешь, што мужик-то?

— Дакэть причиндалы то выпирают, коли одежда в обтяжку.

— Ну, ну, дальше давай. Ты не струхнул?

— А чо тут бояться-то? Они же не с ружьями ко мне пришли. Голос этакий добрый. Ну, я сижую, ошалел, конешно, чо-то и мысли никакие в голову не идут. Опосля уже подумал, а какого лешего им от меня надо-то? Может, заблудились, дорогу узнать хочут. А первый снова чо-то булькнул, и опять лаз открывается, и ишшо двое на землю ступают. Смотрю, эти, вроде, девки, потому как выпирает не в паху, а там, где надо. Ну, я сообразил, что не гоже гостей на улице держать, в дом пригласил, пока они избу осматривали да фотки на стене разглядывали, я самовар поставил. Ты же знаешь, он у нас быстро кипит. И поговорить как следует не успели, он уж и зафыркал. Ну, я чай заварил, чашки на стол, там пряники ишшо были. Хоть и черствые, но, думаю, все одно потчевать-то больше нечем. Проголодались, дак и это сойдет.

Ну, мужики они мужики и есть. Эти сразу за ружье. Вертят его так и этак, смотрю, разобрались, што к чему, цевье отстегнули, стволы от приклада отсоединили, проверяют, чищено ли. Но ты же знаешь, што я ружье всегда в порядке держу. Посмотрели, собрали, похвалили, спрашивают, для чего оно. Говорю, на охоту ходить. Спрашивают, как оно действует, взял патроны, позвал на улицу, как жажнул, они аж присели. Я — из второго ствола. Уже нормально среагировали.

— Да что тебе, Ванька, понятно-то? Они тоже потом по разу пальнули. А девки хоть бы што! Даже на улицу не вышли посмотреть, откуда гром среди ясного неба.

— Да что тебе, Ванька, понятно-то? Они тоже потом по разу пальнули. А девки хоть бы што! Даже на улицу не вышли посмотреть, откуда гром среди ясного неба.

— Ну, небо-то, положим, не такое уж и ясное было. Дожди вон сколько ден не перестают. Льет и льет с небольшими перерывами.

— Да ладно тебе! — отмахнулся Степан. — Не интересно, дак так и скажи. Я пойду печку затоплю, а то сыро в доме-то и холодно.

— Да не обижайся ты, я просто так, для себя уточнил. А бабы-то што?

— А бабы они бабы и есть! Хоть наши, хоть с какой звезды или ишшо откуда. Эти на кухне ухваты да чугушки разглядывают, самовар изучают, понять не могут, почему он горячий стал и паром пыхает. Потом одна в горнице за занавеской Дарьин полушубок увидела. Крутила его и так и сяк, спрашивает, зачем это? Ну, я, знамо дело, объяснил, что у нас скоро зима наступит, мороз будет, а чтобы не замерзнуть, из овечьей шкуры люди себе вот такие одежки шьют. Она на своем костюме што-то нажала, и вся чешуя враз на пол к ногам свалилась. Я аж ошалел. Стоит голехонька, только титьки сверкают.

— Ну-ка, ну-ка, как они, инопланетянки-то? — оживился Иван.

— А такие же, как и наши. Только стройные, а титьки совсем малюхонькие и промеж ног, как у ребенка, чисто. Может, не растет, может, бреют. И, главно дело, не стесняются нисколько ни меня, ни своих. Накинула полушубок на голое тело, перед трюмо вертится, хохочут обеи. Потом другая свою чешую сбросила, тоже полушубок примерять стала. Я ишшо шаль подал, показал, как вязывать. Ой, ну у их и смеху было! И я аж до слез хохотал! Ну, потом оне полушубок на место повесили, свою чешую натянули, за стол сели. Я чаю налил, потом думаю, не по-людски как-то получается, гости в доме, а вина нету. Принес бутылку, налил мужикам по полстакана, вспомнил, что у миня «шампанское» припасено к Дарьиному приезду, чтобы ей праздник устроить, с возвращеньцем, значит, поздравить. Ай, думаю, Дарье-то я другую куплю, а эту девкам выпою. Поди, не каждый день «шампанским-то» их потчуют.

Девки-то сразу захмелели, хохочут и хохочут. Ну, совсем как наши бабы, когда напьются. Думаю, ну, сейчас, как наши, после смеха-то плакать начнут. А нет, так пока за столом сидели, все хохотали да хохотали. Ну, мы с одним мужиком тоже приняли, второй отказался, верно, за рулем был. Ответственный! А то с пьяну-то да на их скоростях не мудрено куда угодно забуриться.

Вот, посидели мы, значит, поговорили про житье-бытье, они собираться стали. Мол, спасибо тебе, добрый человек, очень тронуты твоим гостеприимством. Скоро снова заедем. Может, и с собой возьмем. Ну, я и брякни, мол, одному-то мне у вас, поди, скучновато будет, особливо, ежели у вас там радива нету. Поеду, если и Дарью мою тоже возьмете. Она скоро из санатории вернуться должна. Да, говорят, не проблема. Можешь ишшо хоть ково из вашей деревни взять. Иван, может вмистях махнем погостить?

— А обратно как?

— Дакить, отправят, поди, на попутках. А ежели и там оставят, дак чо нам тут терять-то?

— Не скажи! — возразил Иван. — Дома тут, вон дров на две зимы заготовлено, картошки целый погреб, грибов насолили. Да и родители опять же тут похоронены. Кто за могилками-то ухаживать станет? И главно, ты хоть спросил у них, а там водка-то есть?

— Не спросил, — виновато согласился Степан. — Да и зачем она. Вон у меня с их гостевания стоит недопитая. Ежели будешь, налью.

— А сам будешь? — радостно спросил Иван.

— Не хочу чо-то,— горестно промолвил Степан.— Наговор што ли какой сделали. Поди, я им тут тверезый нужен, как дежурный по аэродрому. Вдруг там опять провода какие мешать будут, как я в пьяном-то виде на столб полезу?

— Дак вот, провода-то ты нахрена у Захаровны отрезал?

— Дак я тебе талдычу, талдычу, что они им взлетать мешали. Они со стороны бани на огород-то юзнули, а, видно, обратного хода у тарелки нету, взлетать по прямой надо. А тут наши с Захаровной провода висят. Вот я и обрезал.

— Степан, а ты может и вправду с перепоя-то немного того, свихнулся чуток? Говорят, это бывает, белая горячка называется?

— Да пошел ты! — разозлился Степан на Ивановы подозрения в его ненормальности.— Знаешь ить, што у миня ухо с тово года текет. Дак эть выздоровело! И поясицу боле не ломит. Вот! Только пожалился, вылечили махом. Вот бы врачам из больнички у их так научиться! Да што болячки, не у тибя болело, не поверишь. Ты вон на огороде-то посмотри, до сих пор след от ихней тарелки остался.

Степан потащил Ивана за дом, где на картофельном поле действительно была будто вдавленная инородным телом круглая вмятина. То ли от огромной созданной прошедшими ливнями лужи, уже впитавшейся в землю, то ли на самом деле от какой-то летающей тарелки.

Иван долго смотрел на это пятно, сдвигал на лоб кепку, чесал в затылке, потом пожал плечами и начал пятиться назад.

— Видел? — строго спросил Степан.— То-то! А то свихнулся, свихнулся... Вы ишшо миня на смех поднимите, мол, Степан допился до того, что инопланетяне привиделись. Пойдем в дом, я тебе их подарок покажу.

Мужики зашли в дом, Степан взял с комода и подал гостю какую-то эллипсоидной формы хорошо отполированную стекляшку. Тот с опаской взял в руки невиданную штуквину, повертел и сунул обратно.

— Может она излучает што?

— А хрен его знает! — Согласился Степан.— Может и излучает. И, главно дело, не помню, когда они мне эту штуквину подарили. Утром проснулся, смотрю, лежит на столе рядом со стаканом, от которого гость отказался. Может сто грамм налить?

— Знаешь, Степан, не по себе что-то. В другой раз, если достоин.

— Да достоин, я ведь теперича тоже не хочу. Вот смотрю на бутылку, а не хочется.

Мужики вышли на улицу, сели снова на лавку, молча закурили, погрузившись в размышления о невиданных чудесах. Потом Иван поднялся:

— Пойду, я Степан. Захаровне скажу, что провода мы с тобой завтрава натянем.

— Ладно, Иван, ты иди, а я пока на лавке посижу. Может, они на обратном пути ишшо заедут. Обещшали же... Я их ничем не обидел. Чо бы и не заехать?

Николай Макаров
(г. Тула)

НАШИ ЖЕНЩИНЫ В АФГАНИСТАНЕ

Наши постоянный автор, член Союза писателей России, лауреат всероссийской литературной премии «Левша» имени Н. С. Лескова, лауреат литературной премии Правительства Тульской области имени Л. Н. Толстого, лауреат премии им. С. И. Мосина.

ДАЛЕЕ — ВЕЗДЕ

Блохина (Гусева) Светлана Дмитриевна, родилась 22.04.1957 в Туле

Перед Светланой Гусевой — медицинской сестрой и комсомольским вожаком МСЧ № 2 — открывались громадные перспективы комсомольско-партийной карьеры: Высшая комсомольская школа, Высшая партийная школа и... далее — везде.

Однако, мы — в том числе и Светлана — только предполагаем, а на верху (на любом верху, понятное дело) располагают. И когда пришла в медсанчасть разрядка на одну медсестру для работы в госпиталях Афганистана, то лучшей кандидатуры, чем Гусева, было не найти. Квалифицированная медицинская сестра хирургического отделения; лидер молодежи Косой Горы, каждый год участвующая с трудными подростками в авто-мотопробеге по местам боев Великой Отечественной войны; народная дружинница — гроза хулиганов и дебоширов поселка; депутат поселкового и городского Советов народных депутатов; да что там перечислять — просто хороший, душевный человек, Комсомолка, одним словом, с большой буквы.

— А если я откажусь? — в шутку спросила она, протягивая повестку в военкомате.

...В Афганистане, ожидая в Центральном военном госпитале отправки в Кундуз на постоянное место работы, она вдруг — всего через полчаса после прибытия — срочно была востребована в хирургическое отделение. Не нашлось среди вновь прибывших медицинских сестер человека с ее опытом работы хирургической медицинской сестры. Только и спросили:

— Капельницы ставить умеешь?

На утвердительный кивок сразу последовало продолжение старшей медсестры, уходящей на пятиминутку:

— Вот — раненые. Первая задача — сними капельницы.

Медсестра Гусева не только сняла капельницы, но и выполнила все остальные процедуры, расписанные на каждого пациента: уколы, таблетки-микстуры, перевяз-

ки, ласковое слово, в конце концов. Как известно, пятиминутки порой затягиваются на час и более. В нашем случае, увидя проделанную работу, старшая только лаконично бросила:

— В ночь заступаешь на дежурство.

Так два года и дежурила, вернее, работала Светлана Гусева палатно-процедурной медицинской сестрой 1-го хирургического отделения 650-го военного госпиталя в Афганистане.

Воспоминания медицинской сестры Светланы Гусевой:

«...В нашем отделении находилось до 100—120 раненых, в послеоперационной палате — 20 человек. За сутки приходилось ставить до 30—40 капельниц плюс — уколы и другие процедуры. Помощники — солдаты из команды выздоравливающих.

Самое ужасное с нами происходило после дежурства: приходишь в свой закуток, и слезы сами катятся по щекам — два-три летальных случая за сутки. В нашем отделении не только хирургические больные находились, не только раненые хирургического профиля, но и урологические, и нейрохирургические — всем приходилось оказывать помощь. Даже инфекционные больные лечились: удалили у солдата аппендицит, а перед самой выпиской — температура за сорок — малярия.

Да, честно говоря, и бытовые условия оставляли желать лучшего. Душевая для женщины работала только два дня: вторник и пятница. Если в эти дни случалось дежурство, то с душем — в банальном пролете.

Электрический свет выключали в шесть вечера — комендантский час; только реанимационная и операционная освещались. Из Союза, наряду с другими вещами и продуктами, везли свечи и канцелярский клей. Если свечи — понятно, для освещения после комендантского часа, то клей — для наклейки анализов в истории болезней.

Тем не менее, с ностальгической грустью вспоминаются те, афганские тяжелые дни и ночи...».

Стоп, стоп, стоп...

А четыре литра донорской крови, сданной раненым солдатам и офицерам, два случая из которых — прямым переливанием. А бессонные ночи в палатах этих раненых. А... далее — везде...

Краткая биографическая справка:

— 1978 год — окончание Тульского областного медицинского училища;

— 1978—1982 годы — медицинская сестра хирургических отделений Тульской областной больницы и Медико-санитарной части № 2;

— 25.03.1982 — 08.04.1984 — служащая Советской Армии в Афганистане (палатно-процедурная сестра);

— с 1984 года — медицинская сестра МСЧ № 2;

— с 1910 года — на заслуженном отдыхе.

НЕОБЫЧНАЯ БИОГРАФИЯ

Дюкова Людмила Николаевна, родилась 23.03.1945 в Нойхаузском концентрационном лагере в Германии

Прочитал в альбоме «Музея военной истории Тульского края» «Время выбрало нас» о Людмиле Дюковой первую строчку: «Биография Людмилы Николаевны Дюковой похожа на биографии многих девушек той поры...» и...

Ничего подобного — биография Дюковой абсолютно не похожа на большинство

биографий девушек той поры. Мало того — ее биография уникальная, хотя, может быть и не единственная в своем роде на всю тогдашнюю страну, на весь наш Союз Советских Социалистических Республик. Нет, может быть с определенного возраста ее биография и похожа на другие биографии — не отрицаю, но вот дата и место рождения у нее просто поразительные, в здравый смысл укладываемые с трудом. Родилась она...

Из рассказа Людмилы Дюковой.

«...Маму мою, как и многих девушек из Житомирского детского дома, с первых дней Войны угнали на работы в Германию. Отца угнали в сорок третьем, перед началом Курской битвы и поселили в тот же концлагерь — в гражданских концлагерях, по рассказам родителей, по крайней мере, в их лагере, мужчины и женщины жили вместе, правда, в разных бараках. С отцом же вышла совсем невероятная история. Он служил на одном из кораблей Балтийского флота в Кронштадте и в сорок первом году, попав под бомбежку, был тяжело ранен и сильно контужен. За ним, получив письмо от командира корабля, приехала бабушка и, как рассказывал отец, увезла его умирать в родную деревню под Орлом. Но деревенский климат, парное молоко, а главное, домашний уход, сделали чудо — отец выжил, но был по состоянию здоровья вчистую комиссован из Красной Армии. В сорок третьем, перед самым началом Курской битвы, все население их деревни было угнано в Германию и размещено в том лагере, где находилась и, сама того не подозревая, будущая моя мама. В этом лагере я и родилась. После войны, когда нас освободили, отца оставили в Германии, и он почти год занимался вывозом трофейного имущества и оборудования с германских заводов. Эта его тогдашняя работа и спасла семью от репрессий после войны — единственная семья на всю нашу деревню не побывала в советских лагерях и никуда не была сослана. А я оказалась самым молодым (!!!) узником Советского Союза, кто родился в концентрационных лагерях. Приехав из Германии, отца назначили в одно из лесничеств в Калужской области, а вскоре мы переехали в Белев. В Белеве, после семилетки, в 1962 году окончила медицинское училище и по распределению отработала пять лет в Киреевске, а с 1967 года по настоящее время работаю в седьмой медсанчасти...».

Все правильно: работала и продолжает работать в седьмой медсанчасти с наибольшим перерывом в два года и один месяц, которые Людмила...

Продолжение рассказа Людмилы Дюковой.

«...Пришла в военкомат, написала заявление, что желаю работать по специальности в Группе Советских войск в Германии, но мне в военкомате прямо ответили — помнишь, какое время тогда было? — что с моей биографией ни в Германию, ни в Чехословакию, ни в какие другие Европы путь закрыт на семь и более замков. Я, по недомыслию, пыталась выяснить причину, а мне опять прямо ответили, что у меня могут остаться какие-то связи с сорок пятого года в Германии. Хоть плачь, хоть смейся — какие связи у грудного ребенка? Правда, мне предложили альтернативный вариант: хочешь заграничной романтики — поезжай в Афганистан...».

Так в августе 1982 года Людмила Дюкова оказалась в Афганистане в Баграмском медсанбате, полевая почта 93982, на должности медицинской сестры оперативно-перевязочного взвода медицинской роты.

Продолжение рассказа Людмилы Дюковой.

«...Полгода не могла без слез, без рыданий навзрыд смотреть на раненых и погибших. Ничего не могла поделать с собой, никак не могла привыкнуть к таким ужасам Афганской войны. Узнав о моем состоянии, меня однажды вызвал к себе командир дивизии и предложил создать в медсанбате коллектив художественной самодеятельности. Естественно, не отказалась, и стали мы давать концерты не

только перед больными и ранеными, но и в боевых частях дивизии. И перед афганскими частями выступали. Надо было видеть лица бойцов на наших концертах — такие лица я видела в кинохрониках военных лет, когда на передовой пела Клавдия Шульженко...».

В сентябре 1984 года, вернувшись из командировки, Людмила пошла в военкомат с просьбой о предоставлении квартиры, которую ей перед отправкой в Афганистан обещали.

Продолжение рассказа Людмилы Дюковой.

«...Помнишь стихотворение Маяковского о Советском паспорте, где в международном вагоне проверяют документы «...глядит в полицейской слоновости — откуда, мол, эти географические новости?..». Так и на меня посмотрел военный чиновник в военкомате, заметив при этом, что, дескать, приехала из Афганистана с деньгами — вот и найди мужика себе с квартирой. Так обидно стало, что в тот же вечер написала письмо в Партийную комиссию при ЦК КПСС. Через месяц мне вручили ордер на квартиру. Боялись, боялись в то время чиновники потерять свой партийный билет, что означало автоматическое отлучение от государственных «кормушек». Не то, что сейчас — ничего не боятся нынешние чинуши и чинушки...».

Да, Бог с ними, с этими нынешними зажавшимися в своей безпредельщине чинами и чинушами — страна-то держится не на них, а Страна, наша Страна, наша, надеюсь в скором времени, и держава, держится и будет держаться на таких, как Людмила Дюкова, на нас с вами.

Честь и Слава ей, простой русской женщине с обычной биографией...

СТРАШНОЕ ЛЕТО ВОСЕМЬДЕСЯТ ЧЕТВЕРТОГО

*Иванова Екатерина Ильинична, родилась
05.06.1951 в Пскове*

— Самое страшное воспоминание об Афганистане — лето восемьдесят четвертого года, — разливая кофе, начала свой краткий экскурс в прошлое гвардии прапорщик медицинской службы в отставке. — После очередной боевой операции — не помню, как она называлась — в медсанбат пошел сплошной поток раненых разной степени тяжести. Оперировали день и ночь. На помощь нашим хирургам и медсестрам пришло усиление из Центрального госпиталя Кабула.

Она передернула плечами, чуть не разлив кипяток на ажурную скатерть.

— Альтернатива, надеюсь, имеется неприятным воспоминаниям?

— А, то ж! Наша художественная самодеятельность — выступали на всех праздничных мероприятиях не только перед личным составом, но и перед больными и ранеными.

Екатерина, пододвинув мне вазу с конфетами и печеньем, продолжала.

— Приезжали артисты из Союза: Кобзон, Леонтьев, Чурсина, другие артисты. Раз, помню, где-то недалеко в горах завязался бой — слышны были разрывы мин и автоматная стрельба — так, наши очередные гости, испугавшись, накрылись матрасами. Как будто при настоящем обстреле — тьфу, тьфу, ни разу такого «безобразия» не наблюдалось — эта, так называемая защита, попади, не дай Бог, мина или снаряд, спасла бы их. Мы их успокаивали, дескать, бой идет далеко; просто — здесь эхо такое. Смех и грех, одним словом.

За то страшное лето восемьдесят четвертого старшая операционная медицинская сестра Катя Иванова была награждена медалью «За трудовое отличие».

Краткая биографическая справка:

- 1968 год — окончание средней школы;
- 1970 год — окончание Псковского медицинского училища;
- в 1970—1983 годах — служба на различных должностях в медсанбате 76-й гвардейской воздушно-десантной Черниговской Краснознаменной дивизии (Псков);
- в 1983—1985 годах — старшая медицинская сестра медицинской роты медсанбата 103-й гвардейской воздушно-десантной ордена Ленина Краснознаменной ордена Кутузова 2-й степени дивизии имени 60-летия СССР (Кабул);
- с 1968 года — фельдшер здравпункта НПО «Стрела» (Тула);
- награждена медалью «За трудовое отличие» (1984), другими медалями.

НАТАША ИЗ РОЖДЕСТВЕНСКОГО

Ничуговская (Чебакова) Наталья Васильевна, родилась 10.04.1961 в поселке Рождественском Ленинского района Тульской области — умерла 12.12.2000 в Чечне, похоронена на кладбище поселка Рождественского

Из воспоминаний Толмачевой Нины Васильевны, первой учительницы Наташи в Волотинской начальной школе Ленинского района Тульской области:

«...В 1968 году Наташа поступила в первый класс Волотинской начальной школы. Классы тогда были небольшие, человек по 12—15. Мы жили очень дружно, вместе были не только на уроках, но и в группе продленного дня, до самого вечера. Вместе и задачи решали, и играли, и тетради проверяли, и читали интересные книги. Наташа училась хорошо. Всегда была в передовых. Опрятная, ухоженная. Ее отличали внимательность, забота о людях и твердый, проявившийся еще в первом классе, характер, какая-то недетская целеустремленность...».

Из воспоминаний Лыженковой Юлии Георгиевны, учительницы Рождественской средней школы Ленинского района Тульской области:

«...Я была классным руководителем Наташи с 5-го по 10-е классы. «Колокольчик» — так я называла ее про себя. У нее был удивительно приятный смех и голос.

Наташа — всегда в заводилах. Очень обаятельная, всегда с гладкой прической, аккуратная, подтянутая, крохотная. Она казалась старше среди других ребят. К ее мнению прислушивались, с ней советовались, ее голос был одним из решающих.

Обладала хорошим чувством юмора, наблюдательностью, умела сглаживать намечающиеся конфликты, приходила на помощь, умела поднять настроение...».

Из воспоминаний Чебаковой Нины Петровны, мамы Наташи:

«...В школе успевала по всем предметам только на «5» и ни одной даже «4».

Аккуратная, собранная. Лицемерить не любила — говорила прямо в глаза, невзирая на лица...

В четвертом классе перешла в Рождественскую среднюю школу. Учась в 9-м классе, Наташа была командиром санитарной дружины, которая заняла 1-е место в районных соревнованиях, а Наташа получила благодарности от районного отделения Красного Креста...».

После окончания средней школы поступила в Тульское медицинское училище. Пять лет работала операционной сестрой в больнице имени Н. А. Семашко (ныне — имени Д. Я. Ванькина).

Из воспоминаний Лыженковой Юлии Георгиевны:

«...Она не любила рассказывать об Афгане. Я даже не знала, что она туда поехала. Только что-то долго не забегает, замечаю. Когда узнала, была потрясена. Девчонка, воробышек, колокольчик — и война!

— Все же в порядке, Юлия Георгиевна!» — сказала, когда вернулась,— не нужно об этом.

Изменилась, стала как-то суше, сдержаннее, разом повзрослела, взгляд другой — оценивающий, внимательный. Но все же это была наша Наташа!..».

Из воспоминаний Толмачевой Нины Васильевны:

«...Однажды, уже после возвращения из Афганистана, я встретила ее в автобусе. Она поинтересовалась моим здоровьем, расспросила о знакомых, а о себе как-то неохотно рассказывала. Я обратила внимание, что на лице у нее — большое красное пятно, как след от ожога. Потом ее мама рассказывала, как Наташа в Шинданде во время пожара эвакуировала раненых из госпиталя. Многие были совсем тяжелые, не могли самостоятельно передвигаться. Тогда-то и получила она ожог на лице...».

Из воспоминаний Чебаковой Нины Петровны:

«...Отработав пять лет операционной сестрой, решила поехать в Афганистан. Она уехала туда, несмотря на наши запреты, сказав мне, что едет выполнять интернациональный долг. Долгих два года пробыла она на чужой земле.

Вернувшись из Афганистана, вышла замуж за капитана Н. Б. Ничуговского, и он увез ее в Северокавказский военный округ в город Орджоникидзе (ныне — Владикавказ). Получили там квартиру. Она вначале не работала. Потом поступила в госпиталь операционной сестрой.

В 1990 году попала под сокращение, год не работала, потом была призвана на военную службу...».

В 1991 году призвана на военную службу. Работала в Чечне. Спасая раненого, потерявшего много крови, одела его в свой бушлат, а сама четыре часа раздетая спускала его с горы. Простудилась и от пневмонии умерла.

В поселке Рождественском на доме № 2 по улице Федорова висит мемориальная табличка в память о Наталье Ничуговской, в школе в Зале Защитников Отечества оформлен о ней стенд.

АФГАНСКИЕ ПИСЬМА

Полякова (Алешичева) Элла Львовна, родилась 13.10.1964 в Туле — умерла 20.06.2006 в Туле

Дней через десять после показа по Тульскому телевидению сюжета о третьем выпуске книги-альбома «Мои афганцы» раздается телефонный звонок с телестудии. Звонит корреспондент Сергей Митрофанов, бравший у меня интервью. Из разговора с ним выясняется, что меня все это время, прошедшее с показа сюжета, разыскивает женщина, у которой в Афганистане два года работала медицинской сестрой племянница. Сергей диктует мне телефон Зои Петровны и... Зоя Петровна оказывается моей давнишней знакомой. Договариваемся о встрече с ней и с отцом Эли Поляковой, к сожалению, безвременно умершей.

— Как мы ее только не отговаривали,— вспоминает Лев Павлович, украдкой промокая глаза,— как ни уговаривали отказать от затеи поездки в Афганистан. Я ей приводил, казалось, три убедительных причины, по которым ехать туда категорически опасно. Во-первых, там элементарно могли убить; во-вторых, запредельная

концентрация мужиков, со всеми отсюда вытекающими последствиями; в-третьих, смертельные инфекционные болезни. Ни уговоры, ни доводы, наконец, ни слезы матери — ничего не помогло. И если первые две причины ее благополучно миновали, то третья... За полгода переболела и брюшным тифом, и гепатитом, и малярией, но не вернулась досрочно, а отслужила весь контрактный срок.

— Через год, — настал черед вспоминать тете, Зое Петровне, — приезжает Элка в отпуск с огромным, неподъемным чемоданом. Думаете, барахло привезла? Книги, одни книги перла из Афганистана. Что рассказывала? Пару-тройку случаев. И все какие-то происшествия у нее, на первый взгляд, смешные, юморные. На первый взгляд. Ну, например, как их почти весь личный состав медроты повар спас от неминуемой гибели, по каким-то причинам задержав ужин на полтора-два часа, тем самым отсрочив показ в клубе кинофильма. И в это отсроченное время «духи» прямым попаданием накрыли клуб — никто не пострадал. Или, как они весь день пеки раненым солдатам блины: только разогреют сковороду, только «первый блин выйдет комом», как привозят раненых и так несколько раз в этот злополучный день. А блины медсестры все-таки испекли для своих подопечных — только поздно вечером.

Краткая биографическая справка.

После окончания в 1982 году Тульского медицинского училища работала медицинской сестрой на станции «Скорой помощи». С декабря 1985 года по декабрь 1987 года работала медицинской сестрой в медицинской роте 860-го отдельного мотострелкового полка, дислоцировавшегося в городе Файзабаде, Афганистан. В 1997 году окончила Московскую медицинскую академию имени И. М. Сеченова, работала в отделении патологии новорожденных 1-ой Тульской городской больницы.

Двое детей: Настя — 21 год, Ксения — 13 лет.

За два года, что Элла Полякова провела в Афганистане, она получила почти полтысячи писем и столько же написала сама. Отрывки из некоторых Эллиных писем, любезно представленных мне отцом, с небольшими сокращениями и исправлениями выношу на суд читателя.

«ДРА, г. Файзабад, 7.06.86 г.

...А знаете, вчера нам с Файзабада привезли тяжелые роды; уже не было надежды, что малыши родятся живым. Но всем смертям назло родилась такая хорошенькая девочка: глазки черненькие, как пуговики. Пицала потом целый день; берешь ее на руки — молчит, а лежать на кровати одна не хочет. Такое чудо, наверное, самое прекрасное в нашей жизни. Трудно описать те чувства, которые охватывают, когда держишь на руках теплый, живой комочек. Это же — наши советские медики подарили жизнь человеку. Сегодня их уже отправили домой...».

«ДРА, г. Файзабад, 16.07.86 г.

...Вчера все вместе читали газету «Фрунзенец» об операции в ущелье Пардудж, там рядом наша точка Бахарак. Весь май наш полк там сидел, столько отдано сил, человеческих жизней. А оказывается, это «зеленые» (народная армия) разгромила банду. Про наших — даже ни слова. Обидно ребятам! «Зеленые» больше мешали, чем помогали...».

«30.03.87 г.

...А папочка должен дать мне слово, что не будет так переживать из-за работы. Ведь от того, что ты рвешь свои нервы, ничего не изменится. А здоровье надо беречь. Сходи, пожалуйста, в поликлинику и сделай флюорографию. Хорошо? Дайте мне слово, следить за своим здоровьем и не обижать друг друга.

У меня все хорошо. Вчера уже отработала первую смену. Работы сейчас много. Вчера все вернулись с боевых. Вечером собрались попить чаю. Погода стоит плохая, холодно, дождь. Я хожу в сером костюме. Все прямо завалили меня комплиментами. Вертушек давно не было, сидим без солярки, а значит — и без света. Но это — ерунда.

Ходила к моим мальчишкам. Они окружили меня: наперебой рассказывают новости. Просидела с ними весь вечер. К нам пришли молодые солдаты. Они входят, ребята им говорят: «Идите сюда, познакомьтесь. Mamочка приехала!».

Вот какие они, у меня дети. Вчера пришли с боевых, знаете, какая там была война? Всем нашим ребятам начмед написал наградные «За отвагу». Вот такие они: и дети, и герои!..».

«23.04.87 г.

...Сейчас у нас в отделении лежит афганец — губернатор города, такой интеллигентный, очень хорошо говорит по-русски. Уколы только мне дает делать, как увидит на улице, зовет, или ждет, когда приду на смену. Видите, как уважают...».

«28.05.87 г.

...Вчера у нас был такой хороший день. Сначала встречали вертушки, они привозили с операции, которая прошла более-менее удачно, результаты неплохие. Вы даже не представляете, как приятно видеть уставшие, запыленные лица, улыбки. Они все — большие герои. Бой был тяжелый, расстреливали в упор. У нас тоже есть легкораненные, но это ничего — мы их подлечим. Так что все — нормально.

А вчера мы провожали нашего любимого доктора-терапевта домой. Расставаться всегда грустно, а в Афганистане — вдвойне, мы же все здесь как родные.

Вот так я и живу, немного скучаю по вас, а в остальном — все нормально...».

«6.08.87 г.

...Сейчас сижу в реанимации, ночь. Рядом такой мальчишечка хороший — красивый, высокий и без ноги... за что? Почему так жестока жизнь? Ведь ему — 19 лет. Обидно за них, за из жизни, отданные неизвестно за что. Я жива-здоровая, так что за меня не волнуйтесь, все нормально, работы много. Но это — даже хорошо: время бежит быстрее, и чувствуешь, что ты здесь не просто так, что нужна этим мальчишкам, у которых нет рядом мамы, которых некому пожалеть...».

— Ни разу не пожаловалась, — заканчивает нашу встречу Лев Павлович. — Жалко, мало ей было отмеряно на этом свете. Земля ей пухом...

ВМЕСТО ТРЕХ — ПЯТНАДЦАТЬ С ЛИШНИМ МЕСЯЦЕВ

Саратова Ольга Владимировна, родилась 10.12.1959 в селе Николо-Жупань Одоевского района Тульской области

— Как же ты в пятидесятиградусной жаре работала в противочумном костюме? — вспоминая свое эпидемиологическое прошлое, задаю явно провокационный вопрос Ольге Саратовой, медицинской сестре приемного отделения Центрального военного госпиталя ВДВ.

— Да вы — что? Какие противочумные костюмы?

— И то — верно: холерные вибрионы — твари нежные, от любой грязи дохнут.

Моя собеседница рассмеялась.

— Вместо воды пили аскорбинку и соляную кислоту, а из одежды носили то, что и положено носить в такое пекло. Но руки мыли, когда не было воды, чистым спиртом.

— Спиртом — руки? И не пили?

— За других — не скажу, но я не пила.

Краткая биографическая справка:

В 1979 году окончила Тульское медицинское училище по специальности «Сестринское дело». С 1979 по 1983 год работала медицинской сестрой в МСЧ № 1 города Тулы. С 1983 года с перерывами работает в ЦВГ ВДВ.

— Оль, расскажи подробнее про холеру, про Афганистан.

— Четырнадцатого сентября восемьдесят пятого года в госпиталь пришла телеграмма о срочном командировании медсестры и лаборантки в Афганистан, в очаг холеры на три месяца. На следующий день прибыла в окружной СЭО, в Хлебниково.

— Знаю: севернее Москвы — учился там в семьдесят четвертом.

— Представляете: нас в Хлебниково по очереди инструктировали семь генералов. Прилетели в Джелалабад, развернули госпиталь особо опасных инфекций и за десять дней очаг холеры был ликвидирован.

— Как класс, — добавляю я, — много было потерь?

— Умерло всего два солдата в самом начале вспышки.

— Кто же занес эту заразу в наши войска.

— Принесли с «боевых», — душманы заразили арыки в горах.

— Хорошо, ликвидировали холеру и через три месяца — домой?

— Какое там: развернули малярийное отделение, развернули брюшнотифозное отделение, развернули отделение для зараженных амебами, развернули гепатитное отделение, наконец, развернули дифтерийное отделение.

— Кишечные инфекции — понятно, а — дифтерия?

— Дифтерией болели офицеры и работники офицерской столовой. Одна посудомойка «привезла» дифтерию после отпуска из Союза.

— Не знаешь, где соломки подложить.

Лирическое отступление:

В отделении для больных гепатитом находилось на стационарном лечении до 160 больных. Каждый день медсестра брала из вены кровь для анализов у 60 человек. Каждый день медсестра ставила капельницы 35—40 больным. О других процедурах и говорить нечего. Однажды, за день до выписки, к Ольге обращается выздоровевший солдат, которому завтра идти в разведывочный поход в горы, и просит ее, чтобы она вместо его крови взяла кровь «свежего» больного. Получив категорический отказ, этот солдат, подкараулив вечером медсестру, ножом вспарывает ей... Нет, на коже живота осталась лишь царапина — спасла ватная телогрейка.

— В этом-то и дело. Тем более, что вместо трех месяцев мне в Афганистане пришлось пробыть до конца восемьдесят шестого года. Домой попала — двойной, тройной праздник — 1 января 1987 года.

— «Повезло» тебе.

— Точно: «повезло». До сих пор нет записи в личном деле о моей работе в Афганистане. Куда ни обращаюсь — один «футбол».

— Обратись в Городскую организацию ветеранов боевых действий — там имеется свой юрист.

— Обязательно: может, чем помогут. — Немного подумав. — Ой, чуть не забыла: в Афганистане была секретарем комсомольской организации.

— И каждый месяц — комсомольские собрания?

— Не только собрания, но и каждый месяц летала в Кабул в политотдел 40-й армии отчитываться о проделанной работе.

— Война — войной, а отчеты — по распорядку.

— Про войну. Джелалабад — это субтропики. Плантация апельсинов за забором. На заборе — огромный плакат на русском языке: «Не рвать! Опасно для жизни!» Двое солдат из бригады, на территории которой располагался наш госпиталь, отойдя на десяток метров от плаката, полезли за фруктами.

— Обстреляли их? — пытаюсь догадаться.

— Подорвались на mine: ступни вдребезги, хорошо остались живы. Спрашивают у них, что, мол, не видели плакат? И знаете, что они отвечают? «Мы думали, что лезть нельзя только под плакатом, а рядом — можно».

— Приехала из Афганистана и что дальше?
— Шесть лет работала на «гражданке»,— она опять заразительно смеется,— а сейчас опять — в родном госпитале.

ПОЦЕЛУЙ МИНИСТРА

*Щербакова Нина Алексеевна, родилась
15.09.1946 в деревне Замятино Киреевско-
го района Тульской области*

В начале девяностых годов прошлого века в Тульский диагностический центр прибыл министр здравоохранения Российской Федерации академик Эдуард Александрович Нечаев. Встретать министра собрался весь медицинский персонал Центра. После обязательного протокольного рукопожатия с руководством, он, неожиданно для всех, быстро подошел к скромно стоявшей не в самом первом ряду миловидной медицинской сестре, привлек ее, обнял и на виду у всех троекратно расцеловал в губы, шокировав тем самым собравшихся.

— Не в засос,— смеясь, комментирует моя собеседница.— Больше десяти лет прошло, а он не забыл...

Как можно забыть ежедневную многочасовую работу в операционной Центрального госпиталя Кабула, куда нескончаемым потоком поступали раненые советские солдаты и офицеры, гражданское население Афганистана, даже — «духи», то есть — душманы. Только с операционной сестрой Щербаковой оперировал будущий министр.

Это — боль, кровь, слезы, трупы, бессонные ночи, вся атрибутика прифронтового госпиталя: все это — потом, после ввода советских войск в Афганистан, когда начались боевые действия. До этого — с семьдесят восьмого года, после безвозмездной передачи Афганистану построенного советскими строителями госпиталя — плановые операции, обучение афганских медицинских сестер премудростям работы у операционного стола. Щедро делилась своим опытом единственная тулячка, которую Министерство здравоохранения страны вытребовало в состав персонала Кабульского госпиталя.

— Свержение Тараки, свержение Амина, приход к власти Бабрака Кармаля (Коли Боброва — *шуточный коммент. авт.*) — всему тому была свидетельницей.

После Афганистана Щербакова планировала пару-тройку месяцев отдохнуть — «кто воевал — имеет право у тихой речки отдохнуть». В отделе кадров Областной больницы думали иначе, совсем-совсем иначе: «Максимум через месяц ждем в операционной — некому работать. И — во-оше! В загранке — отдохнула». Во — как?!

— Опять операционная. Через десять лет — честно говоря, устала — перешла процедурной сестрой в Диагностический центр, где тружусь и сейчас.

Медицинская сестра Нина Алексеевна Щербакова скромно промолчала, что в этом году в канун Дня медицинского работника ее наградили знаком «Отличник здравоохранения Российской Федерации».

Алексей Яшин
(г. Тула)

**ВОЙНА В АРКТИКЕ:
ИЗ РАССКАЗОВ НИКОЛАЯ АНДРЕЯНОВИЧА***

Современный Город Воинской славы Полярный; основан в 1899 году под названием Александровск как главная база вновь создаваемой Флотилии Ледовитого океана: вид на западную оконечность Екатерининской гавани и острова Екатерининский. На переднем плане — здание, в котором в Великую Отечественную войну располагался главный штаб Северного флота СССР.

© А. Ямаш из комплекта открыток «Полярный — колыбель Северного флота».

*Я полюбил чужой полярный город
И вновь к нему из странствия вернусь
За то, что он испытывает холод,
За то, что он испытывает грусть.*

Николай Рубцов

♦ Прошлогодня поездка и отдых в нашем областном курорте нам с Николаем Андреевичем очень понравились. Серега Зябликов даже позавидовал, наслушавшись рассказов — после работы в любимом «Рыбном», посмотрев привезенные фотографии. И это-то на фоне его неудачной поездки на юг: молодое вино, которым он собрался полечить свое сердце, мотор — по его терминологии сына боевого летчика-штурмовика, в этом году вовсе в стране и не квасили, шел второй, самый свирепый год горбатой перестройки и борьбы с алкоголизмом. Вдобавок девка, которую он

---

* Начало в № 2, 2016 «Приокских зорь».

взял с пляжа для совместного курортного проживания (он снимал у местной хозяйки комнату с отдельным входом), оказалась подмосковной стервой, в два-три дня его раскрутила и смоталась на другой пляж, следующего дурака искать. А Серега до конца отдыха пил с отвращением один лишь квас — экономил на обратный билет. «Эх, дурак, нужно было с вами ехать!» Сделанного не воротишь, тем более, что другие события затмили южно-отпускные страдания нашего коллеги: даже в «Рыбном» и ему подобных простонародных заведениях практически пропал портвешок, водку давно перестали разливать, даже коньяк к обеденному времени заканчивался...

♦ Я понимаю, что читающему эти строки, избалованному изобилием отечественных и импортных напитков («Сюда жемчуг привез индеец, поддельны вина европеец...») — как писал Александр Сергеевич и мест их распива, скучны все эти воспоминания: создается впечатление, что в последние советские годы народ тем и занимался, что все световое время суток только и думал: где взять и где распить безбоязненно, не попав в руки краснофуражечных сержантов? Но вспомните сами те годы: до какого осатанения народ Меченый довел? Даже от рождения не пьющие, язвенники всех степеней тяжести заболевания, страдающие желчнокаменным недугом по алкогольной этиологии — все, включая начальников средней и малой руки, начинали свой трудодень с оживленного обсуждения в курилках и кабинетах последних новостей: кому-то соседка, уборщица в стопятидесятом специализированном, достоверно шепнула, что, дескать, с утра должны завести большой фургон «экстры»; в ресторане «Центральный» официантка Клара, уважающая инженерную публику (сама когда-то окончила два курса нашего политеха) продает — от буфетчицы — коньяк на вынос с наценкой всего в десять рублей... Самые сногосшибательные новости обычно приносил Серега Зябликов, живущий в окраинных Глушанках: «А у нас со вчерашнего вечера самогон на рубль подешевел!».

Но — к делу.

♦ Вот думал, думал... как перейти к сути этого самого дела, рассказа то бишь, этак побезалкогольнее, но — не получается! Вы уж меня извините великодушно. Словом, в то зимнее утро пронесся по нашему отделу неизвестно кем пущенный слух, что-де в ресторане «Упа» вчера праздновали шикарную, чуть ли не генеральского сына свадьбу, поэтому у буфетчицы Марьи Васильевны в загашнике осталось несколько ящиков неоприходованной водки, отпускаемой с божеской наценкой приличным людям. Наша троица входила в этот клуб.

Нам бы, идиотам, сразу сообразить, что слух этот издевательский, явно исходящий от непьющего изобретателя Красенькова, конкурента лучшего изобретателя же НПО «Меткость» Сереги Зябликова — какой дурак свадьбу играет в четверг, тем более — генеральскую! Но безалкогольная жизнь у кого угодно мозги свихнет...

Словом, совершив дисциплинарный проступок, мы уехали из своего леса не пятнадцатичасовым автобусом, а на час раньше, когда покидают родное предприятие гегемонны-рабочие. Ввиду отдаленности от родины, то есть от города, его центра, НПО «Меткость» арендовало у автоколонны 1108 два десятка старых автобусов, которые уже не годились для городских маршрутов.

Сели в автобус, который имел плановую остановку в квартале от «Упы», но при въезде в центр торопящийся куда-то водитель срезал крюк от набитой транспортом и людьми Советской и помчался по тихой и спокойной Менделеевской и, к нашему удовольствию, притормозил почти что у самого входа в ресторан.

...У католиков все благие намерения ведут в ад, а в нашей православной стране — к огорчениям жаждущих людей: Марья Васильевна горько посмеялась над наивными молодыми людьми: «К завтраму обещают привести пару-тройку ящиков. И

это на оба выходных!» Несолоно хлебавши, с отвращением выпили по трехрублевому стакану какой-то ебурлыги в новомодном, недавно открывшемся баре в левом углу ресторана зала. Настоятель, пронырливый парень по кличке Женька-бармен, называл это месиво «джусом», наливая ингредиенты под прилавком, видно, от дурного глаза клиентов.

Вышли, закурили на крепчающем вечернем морозе. Делать нечего, надо расходиться. Нам с Николаем Андреевичем — вверх по проспекту, но сначала пошли провожать Серегу на его восемнадцатый номер автобуса, пошли обратным путем по Менделеевской. Проходя мимо двухэтажного здания бывшего женского монастыря, а ныне юношеской морской школы, вспомнили с Андреевичем о полковнике Шулейко, с которым отец его служил в войну на Северном флоте и с которым же мы так хорошо встречали День военно-морского флота этим летом на курорте, где оказались в номерах по соседству. Милейший Борис Никифорович просил их запросто заходить к нему в морскую школу, где он сейчас — на пенсии — начальствовал. «У меня там и холодильник имеется в кабинете», — лукаво намекал Шулейко понравившимся ему молодым людям.

— Смотри! Никак ваш мореман от политотдела час воспоминаний устроил? — обратил наше внимание Серега на единственно освещенное окно прямо под колоколенкой на крыше. Действительно, за легкой занавеской виднелся силуэт крупного мужчины, активно жестикулирующего руками, и, прислушавшись в открытую вентиляцию ради форточку, узнали и округлый баритон хозяина кабинета и всего здания.

— Зайдем? — мотнул я головой в сторону двери.

— Отчего же не зайти, звал ведь, — поддержал Николай Андреевич. Одна и та же блудливая мысль оседлала наши головы: вспоминали слова Шулейко о холодильнике в его служебном кабинете...

♦ Дверь оказалась незапертой (это ведь не нынешние бандитские времена!); встретила, впрочем, не вставая со стула, заспанная гардеробщица, караулившая в пустой раздевалке две флотские шинели с шапками с «крабами», висевшие отдельно от стоек с номерками на крючках.

— К Борису Никифоровичу, — опередили мы неспешный распрос почтенной раздевальщицы.

— Тама он, — зевнула бабка, махнув рукой влево, в сторону коридора, — токмо пальтушки у меня оставьте, у нас того... морская дисциплина. Номерки можете не брать, а то еще потеряете.

На наш почтительный стук из-за двери раздалось энергичное «войдите» хозяина.

— А-а, молодые люди! Входите, входите, молодцы, выполнили обещание — зашли! Вот, знакомьтесь, Гаврила Анисимыч, мои летние знакомцы по курорту, куда тебя не первый год зову, инженеры, куют, так сказать, щит Родины! — рекомендовал нас Шулейко, великолепно смотрящийся в черной полковничьей форме с красной политотдельской окантовкой погон, с четырьмя рядами орденских колодок на кителе, со значком Военно-политической академии, с другими солидными знаками отличия. Рекомендовал своему, судя по всему, гостю, тоже в форме «черного полковника», но только с синей окантовкой погон. Оба сидели у накрытого — что холодильник послал! — стола: рюмки, закуска, полупустая коньячная бутылка, нарзан.

— От стены стулья-то придвигайте, садитесь к столу, — Шулейко подмигнул, не вставая со своего директорского креслица, обернулся к стоящему рядом зилловскому холодильнику, открыл, достал литровку — точь-в-точь родную сестру давешней, из которой на курорте нас потчевал.

— Вы, молодые люди, сами представьтесь Гавриле Анисимовичу, — Шулейко занялся доукомплектованием стола с учетом увеличения экипажа, — а Гаврила Ани-

симыч — мой давний приятель и сослуживец. Я в политотделе служил, он — в военной прокуратуре флота. Сейчас, навроде меня, воспитывает в военном направлении молодежь: командует областным ДОСААФ в Запорожье, на родине своей.

Мы почтительно пожали руку морскому прокурору, кратко отрекомендовались. Шулейко меж тем закончил нарезать сервелат и грудинку явно столичной покупки, прицелился на литровку «домашней».

— ...Так вот, мы с корабля на бал: только два часа, как с поезда, в Москве с Гаврилой Анисимычем на Всесоюзном съезде военно-патриотических организаций в президиуме сидели! Таки зазвал его на пару дней к себе погостить, вот и начали со знакомства с моим хозяйством, а потом домой покатым, на Севастопольскую. Кстати,— Шулейко заулыбался, вспоминая, обращаясь к гостю,— ты ведь помнишь тот случай с Косыгиным в сорок пятом?

— Ха-ха-ха,— от души рассмеялся осанистый, под стать хозяину кабинета, прокурор,— как же не помнить, ведь мне же поручили с этим разбираться: смех и грех!

— Ну, если так хорошо помнишь, то вот — рекомендую,— Шулейко дружески положил свою руку на плечо зардевшегося Николая Андреевича,— этот молодой человек есть сын того самого старшины с Тороса, с которым ты тогда разбирался, а сам Андреев живет-здравствует на соседней со мной улице, огородами почти-что граничим!

— Вот ведь дела! — восхитился прокурор,— что в жизни бывает? Прочти в романе каком — ни в жизнь бы такому совпадению не поверил.

Мы с Серегой историю эту давно знали; сам Андреев Матвеевич нам рассказал на дне рождения своего старшего. А посидели тогда с «черными» полковниками от души. Много чего матерые сухопутные моряки порассказали любопытного...

♦ Апрель сорок пятого на Мурмане стоял спокойный, тихий, хоть и по-северному, но — солнечный: на верхушках сопки снег уже начал оседать, подтаивать. Низкое, даже в полуденный час, солнце заставляло жмуриться людей, еще не отошедших от темноты и сумрака полярной ночи. Военным и немногим в тех местах штатским казалось, что и суровая Арктика к концу войны отчаянно устала штормить, осыпать сушу и море слепящими снежными зарядами, беспокоить натянутые нервы людей дикой красотой всполохов — во все темное небо — северного сияния. Эту гармонию умиротворенной ранней весенней природы, спокойного моря и успокаивающихся людских измученных душ дано было почувствовать только участникам Великой войны — на самой ее северной оконечности: еще выше были только льды; там пока воевать не научились.

Андреев, всю войну прослуживший старшиной (и по званию — старшина 2-ой статьи) команды наблюдения и связи на крутобоком островке Торосе на самом входе в Кольский залив, стоял на мостике, щурился от яркого низкого солнца и его же отсвета от тишайшего, зеркального залива. На небе ни облачка, и уже давно — ни одного немецкого бомбардировщика, три с лишком года каждодневно пролетавших бомбить Мурманск, облетая зенитные батареи, густо обсыпавшие берега и острова залива.

Теперь все шло в обратную сторону: наши транспортные самолеты и неторопливые баржи с десантными кораблями попеременно двигались влево, на Запад — в уже освобожденную советскими войсками Северную Норвегию: в Киркинес, в Варангер-фиорд. В Мурманск же иногда проходили последние лендлизовские конвои союзников, но уже с минимальным охранением. Союзническую же команду наблюдателей-связистов, служившую в параллель с командой Андреева большую часть войны, уже сняли с Тороса.

Со стороны закутка радиста, находившегося слева и снизу от мостика — боевого поста наблюдения, доносился голос Левитана, личного врага Гитлера; другим лич-

ным врачом фюрера не так давно стал героический подводник-балтиец Александр Ионович Маринеско. А вот Лунин, которого Андреян знал в лицо, за торпедирование «Тирпица» этим самым врагом не стал...

♦ В утренней сводке новостей по радио говорилось о боях на подступе к Берлину; добились окруженных немцев в Восточной Пруссии, про Северный их флот упомянули в связи с Норвегией. Союзники валом катили по Германии с запада. Вспомнил Андреян и о калужском племяннике Леньке, призванном в сорок третьем: бог его миловал, ни одного ранения-контузии, сейчас в самом пекле пехотинец...

— К-х-а-а,— послышалось вежливое покашливание Жоры Асатурьяна, не совсем строевого из-за легкой хромоты старшего матроса, с тридцать девятого года служившего вместе в Андреевом,— о чем мечтаешь, Матвейч?

— Так... Об общем. Чего не спишь? Тебе в третью вахту.

— Отоспался, хватит,— Жора потянул ноздреватым носом,— сегодня Гриша треску на обед жарит. Хорошо как сегодня? Помню, такая вот тишь и благодать в июне сорок первого стояла...

— Тьфу! Все настроение испортил. Не видать тебе Арарата!

— Не глумись над горем армянского народа, Андреян. Мне вот из Еревана пишут, что маршал Баграмян уговорил-таки Иосифа Виссарионовича потребовать от турок Арарат; и Черчилль теперь не у власти, не воспрепятствует, союзник хренов!

Асатурьян раззевался и совсем было собрался отправиться с мостика — проверить, правильно ли кок Гриша жарит треску: он любил, чтобы с корочкой получалась, но в это время раздался зуммер от радиста, Андреян взял трубку, нажал тангенту связи. Единственный на посту новичек, радист только месяц назад прибыл на Торос (прежнего старослужащего радиста Мальцева политотдельский подполковник Шулейко отправил добровольцем на укомплектование недавно созданной Дунайской флотилии, отчаявшись с уговорами о вступлении в партию), потому обращался к начальству официально:

— Товарищ старшина! С поста Большого Оленьего проводка: из Полярного следует на выход в море польская подлодка, пропуск... (радист назвал комбинацию букв). Отбой связи.

— Чего там? — заинтересовался Асатурьян.

— Чего-чего, гора к Магомету идет: пшеки решили под завязку войны подвиг совершить, в море вышли.

Жора, свирепо было задвигавший неуставными усами, за которые его нещадно пилил политотделец Шулейко (куда-нибудь добровольцем его отправить было невозможно из-за хромоты), при упоминании имени пророка, тотчас сообразил, что речь идет не о турках, а о польской подлодке, что почти приросла к пирсу Полярного, не сделав ни одного боевого выхода за время войны. Сама же лодка была в начале войны передана польскому правительству Миколайчика в изгнании (в Лондоне) и с польским экипажем послана на советский север для посильной помощи в охране лендлизовских караванов. Вот и охраняли... Сами себя.

Асатурьян, по всей видимости, имел желание свести польский вопрос к турецким проискам, поэтому начал, забыв про правильно пожаренную треску, издали:

— Станный народ эти поляки! Немцы пять лет их страну оккупируют, Варшаву всю разрушили, а они и ухом не шевелят? Армия Андерса* в Персии отсиживается, подлодка — в Полярном, правительство в Лондоне...

---

* 100-тысячная польская армия после разгрома Польши Германией находилась на территории СССР, отказалась участвовать в войне, в 1942 году ушла в английскую зону оккупации Ирана; после окончания Второй мировой войны следы ее теряются где-то в Италии.

— Ну, почему же, а Войско Польское?

— Ты, Андряня, смеешься надо мной? Войско-то польское, да из поляков там почти-что один Рокоссовский. У меня двоюродный брат Ашот в том войске воюет: в английском френче и с конфедераткой на голове; ведь помнишь, фотографию тебе показывал?

Андряня заухмылялся, вспомнив, как словоохотливый и дотошный Асатурьян доводил до белого каления Шулейко своими вопросами, когда тот планово заезжал на политотдельском катере окормлять свою паству...

♦ Жора Асатурьян ушел все же досмотреть за жаркой трески. Через полчаса со стороны стоявшего в створе залива Седловатого послышался характерный стукотной гул, шедшей на дизелях подлодки, а вскоре показалась и она сама, без бинокля хорошо различимая. Еще через четверть часа лодка вышла на линию Тороса. К этому времени на мостик вернулся любопытствующий Асатурьян, вытирая чистой ветошкой губы и подбородок: он успел и пообедать в камбузе.

— Ты радисту-то дай, салаге, команду о пропуске на Кильдин или Рыбачий — куда она там повернет? Может в Англию за Миколайчиком идет, а?

— Ты, Жора, советы Грише давай — как треску жарить, а дисциплину еще никто не отменял, как говорит товарищ Шулейко, ха-ха! Вот отмашу и дам радисту команду.

— Какая-такая дисциплина!? Для нас война — капут!

— Ты эти разговорчики брось, товарищ старший матрос.

Хотя разговор и был шутейский, но Жора сразу поскучнел: очень его обижало неизменное свое скромное звание старшего матроса... Однако с ехидцей про себя отметил, что и Андряня похоже насовсем застрял в своем чине старшины 2-ой статьи. Но дразнить старшего и давнего своего приятеля раздумал.

Лодка дала короткий гудок, Андряня в ответ, нажав ручку ревуна, дал ответный. На мостик рубки подлодки выскочил сигнальщик с красными флажками в руках; такие же флажки взял с подсобной полки Андряня и вышел вперед, к ограждению мостика, встал по стойке «смирно» и отмахал флажковой азбукой запрос. Польский сигнальщик в ответ отмахал свой шифр; Андряня отошел к столику, сверил с записанным в вахтенном журнале, снова выступил вперед и отмахал разрешение на проход, потом позвонил радисту.

— Хочешь, трески принесу? — Асатурьян явно подхалимничал.

— Не надо, через час пообедаю, когда сменюсь.

— Ну, как хочешь, а я пойду еще ухи похлебаю и посплю.

Асатурьян, прихрамывая, ушел с мостика, а Андряня вынул из кармана папиросы. «Хорошо все же без бомбежек жить», — прищурился он на солнце.

♦ Старшина поскучал на мостике еще с час, пропустив в залив за это время только две гражданские судины: рыбацкое суденышко, шедшее с лова на кильдинской банке*, и небольшой грузовой пароход «Гоголь», почти ежедневно курсировавший между Видяево и полуостровом Средний — что-то возил по части морской авиации.

С изумлением, обернувшись за сигнальными флажками, Андряня обнаружил на полочке давешнюю чистую ветошку, которой Асатурьян вытирал губы и подбородок после жирной (Гриша масла не жалел) трески. Как потомок калужских старообрядцев-поповцев, Андряня не выносил и малейшего беспорядка в вещах, делах, флотской дисциплине, поэтому загодя решил прочитать въедливую нотацию Жоре, даже

---

* Обширная отмель у острова Кильдина, к северо-востоку от выхода из Кольского залива (где сейчас лежат на дне останки АПЛ «Курск»).

наглядный пример продумал: «Жора! Я думал ты армянин, а ты неряха хуже турка...» И так далее. Жорину тряпку он брезгливо, подняв двумя пальцами, бросил в бочок с песком, в котором тушили окурки.

Сдав вахту пополудни старшему же матросу Федору Крапивину, старослужащему, Андреян спустился в камбуз. Действительно, уха и треска коку Грише сегодня удались. Компот, забытое за годы войны флотское лакомство, был сегодня тоже настоящий, не из американского концентрата: только накануне продуктовая баржа завезла на Торос довольствие, в том числе мешок сухофруктов. Странно было думать: где-то люди и в эти годы яблоки, груши со сливами собирают...

Он заглянул в матросский кубрик: Жора с храпом спал, а выражение лица явно говорило: севанская форель все одно лучше трески! Спать — на флоте дело святое. Отложив взбучку, старшина ушел в свою «командирскую» каморку, которую он когда-то самолично переоборудовал из пустовавшей подсобки: не потому, что брезговал флотским коллективом, а Шулейко, тогда еще капитан, как-то привез на пост маленький сейф для хранения служебных документов, велел Андреяну соорудить себе отдельный кубрик и спать рядом с сейфом. Обрадованный старшина, чуткий сон которого постоянно перебивал храп Асатурьяна, оборудовал себе комнатку со вкусом флотского ранжира, поддерживал в ней абсолютную чистоту и порядок. Впрочем, дверь в свой кубрик держал днем и ночью полуотворенной — хотя и имел крепкие флотские нервы, но малое замкнутое пространство его угнетало. Опять же — так демократичнее, через узкий коридорчик каюта радиста, часто оттуда музыка слышна. К тому же что срочное — радисту и бежать не надо: обернулся и доложил. Слух у Андреяна, равно как и зрение, был отменный.

♦ Прилег, однако в сон не тянуло. Прикрыл глаза, а в них бегали вдогонку зайчики отблесков солнца от зеркальной воды залива; все же глаза утомились от долгого, в течение всей вахты рассматривания однообразной картины: широкое горло залива, с пятнистыми, где уже сошел снег, обрывами сопок берегов, ползущая по глади вод рыбацкая шхуна, а в стороне моря, где берега залива, мельчая, уходили вправо и влево, сливаясь с горизонтом в дымке, — спичечный коробок морского «охотника»*, ходящего взад-вперед, сторожащего вход в залив... Застывшая картина июня сорок первого, возникшая наяву три с половиной года спустя.

Сон не шел, Андреян раззевался, из-за двух полуотворенных дверей из комнатки радиста доносилась тихая музыка, перемеживаемая краткими фразами по-английски. Вот и конец войне — тихий, солнечный, умиротворенный, с красивой музыкой камерного оркестра, передаваемой радиостанцией из Лондона. Вроде как в течении жизни ничего не изменилось, только вот... тишина. Это самое непривычное. Настолько тихо, что чуткий слух уловил из-за переборки храп Жоры Асатурьяна.

В комнатке Андреяна, устроенной им по образцу кают среднего корабельного офицерского состава, все было продумано, а по причине малой кубатуры помещения любой предмет можно было взять, не вставая с койки. На стене, прямо над этой койкой, была принаитована полочка, самолично и любовно выструганная и отполированная Андреяном из бросовой половой доски. На полке же помещались четыре десятка разноформатных книг, разными путями попавших к нему, начиная еще с калужских времен учения в молочном техникуме. Это и было почти все его личное имущество; подвижная (а потом и малоподвижная на островке) жизнь Андреяна не позволила собрать и сохранить какой-либо скарб. В рундучке же, что стоял под койкой, находились носильные форменные вещи, на гвоздях, вбитых в углы стен, висели шинель, бушлат, летняя рабочая роба, «мичманка» и зимняя шапка. На полу в том же

---

* Малый противолодочный корабль (воен. разговорн.).

углу стояли две пары ботинок, одни еще довоенные — «батовские»*, и рабочие яловые сапоги: все хорошо начищенные. Гражданской же одежды Андреян не имел с года своего призыва, то есть с тридцать шестого.

Еще в кубрике умещался совсем небольшой стол-гумбочка, поставленный под окном, завешенным полотняными шторками. Знаменитый сейф, привезенный Шулейко, стоял пустой, поскольку единственным документом на посту был вахтенный журнал, а он постоянно был нужен на мостике. Вот и все немудреное хозяйство.

◆ Поскольку сон не шел, Андреян повернулся на бок, приподнялся на локте, левой рукой дотянулся до окошка, раздвинув занавески. Сделав свет, он повернулся на другой бок, чуть подавшись спиной, оперся на другой локоть и уже правой рукой достал с полки один из четырех приемистых томиков в порыжелой картонной обложке довоенного издания «Дешевой библиотеки»: уже он сам забыл — в который раз перечитывал «Войну и мир». Открыл, вынув закладку — обрывок газеты, второй том на нужной странице, с полчаса читал, точнее говоря, фиксировал в памяти хорошо знакомый текст. Порой, переворачивая страницу, досадливо морщился: неудовольствие аккуратиста Андреяна вызывали частые, неразборчивые карандашные пометки на полях, а то и прямо поверх печатных строк.

Понятно, что сам Андреян, строго предупреждавший матросов команды, бравших «что-нибудь почитать», чтобы уголки страниц не загибали, на страницах не чиркали, книгу не перегибали наподобие журналов и брошюр и пр., ни малейшего отношения к этому неряшеству не имел. Напакостил же юнга Валька, гостивший на Торо-се; прошлой зимой с тральщика, шедшего из Полярного на задание в море, сняли и оставили на острове — до прибытия какого-нибудь каботажа с базы — этого самого юнгу, сильно затемпературевшего (на тральщике медперсонал не был предусмотрен). Однако море тотчас на неделю заштормило, а юнга стараниями кока Гриши, его горячего чая с одному известными ему травами, уже на второй день пришел в себя, только говорил хрипло, проявил необыкновенный аппетит. Жил же он всю эту неделю, пока тральщик не забрал его на обратном пути в Полярный, в комнатке Андреяна: поопасались, что чем-то заразным хворает и поместили вроде как в изолятор. Андреян же на это время перешел в общий кубрик. Уже со второго дня пребывания юнга постоянно торчал то на камбузе у Гриши, дегустируя все подряд, а ближе к вечеру — в матросском кубрике, слушая разные байки матерых мореманов сухопутной службы и искусную игру Федора Крапивина на гармошке в дуэте с мандолиной Асатурьяна.

Несмотря на такую занятость, шустрый юнга, как потом с горечью и гневом установил Андреян, успел тщательно, с карандашом перечитать с десятков книг библиотечки старшины, включая три тома «Войны и мира»; четвертый не успел — вернулся тральщик и забрал своего юнгу. Прощаясь с экипажем поста, Валька обещал при случае еще раз побывать на гостеприимном островке, желательно вместе со своим однокашником по Беломорской школе юнг Мишкой Поповым**, служившем на другом корабле их бригады.

...Только тридцать с лишком лет спустя, увидев на столе в комнате сына Николая только что вышедшую книгу Валентина Пикуля «Реквием каравану PQ-17» и прочитав ее вместе с помещенной там же краткой биографией автора, понял Андреян —

---

* В 30-е годы обувь для РККФ СССР поставляла чешская обувная фабрика Бати (в послевоенной Чехословакии ее переименовали в ЦЕБО).

** Также не вымышленный персонаж: Михаил Павлович Попов ныне живет в Курске, работает профессором в тамошнем университете, известный биофизик, доктор биологических наук — научный коллега и знакомый автора.

кто исчеркал карандашом «Войну и мир» и «Тихий Дон» в его военной библиотечке. Мир-то он тесен.

◆ Прочитав с десятков страниц, Андреян аккуратно заложил книгу газетной полоской и положил на тумбочку-столик рядом с пепельницей — крышкой от пластмассового корпуса старого телефонного аппарата, закурил папиросу.

Будучи философом-эмпириком в душе, Андреян ко всем событиям окружающей его жизни относился по-философски же, то есть, оценивая события, факты, собственную жизнь, становился в позицию некоторого стороннего наблюдателя — это как в теории относительности, бесформульный вариант которой он освоил, участь в техникуме.

В контексте толстовских воззрений на сущность мира и войны в восприятии разных героев романа он и размышлял.

Вот заканчивается самая жестокая война из когда-либо бывших. Были, конечно, войны и намного более длительные: Семилетняя, Тридцатилетняя, Столетняя, наконец. Но все они вместе, взятые по масштабу охвата, потерям в один только год этой войны уместятся... Чем жизнь человека в войну и в мирное время отличается? — Подумав, а думал он не в первый раз, Андреян подтвердил свои прежние парадоксальные выводы: а почти ничем не отличается, особенно если твоя жизнь к началу войны не устоялась, если не обзавелся семьей, домом, привычками размеренного течения бытия.

Конечно, к постоянному ощущению опасности привыкнуть невозможно, но, с другой стороны, если в облачный сверх меры день немцы не летят бомбить Мурманск, попутно оделяя бомбой-другой и Торос, возникает кощунственное чувство неполноты прожитого дня.

Значит, человек все же привыкает к самому аномальному течению жизни? А попробуй не привыкни, коли тебя в эти обстоятельства вставили, как винт в отверстие, закрепили гайкой, а чтобы не развинтились, например, от вибрации, еще и законтрогают. Опять теория человека-винтика?

Нет, сегодня Андреяну не философствовало. Самое интересное, что голова в этом направлении хорошо работала после очередной политбеседы не забывающего своим вниманием отдаленный пост Шулейко, за годы войны выросшего в звании от политрука до подполковника. Значит, умел матерый политотделец заставлять своих подопечных мыслить, хотя беседы-наставления его и не выходили за рамки, утвержденные Главпуrom. Все дело было в конкретных, житейского характера, отступлениях — для ясности и конкретности.

Все же полуденный сон сморил старшину-философа. Но проспал он всего минут двадцать.

◆ Его разбудил голос радиста — через коридорчик и две полуотворенные двери: — Товарищ, старшина! Тут непонятное сообщение с поста Большого Оленьего.

Андреян поднялся с койки, вставил ноги в самодельные войлочные обувки «для дома» и, как был в тельняшке, вошел к радисту:

— Чего тебе не понятно?

— Да вот сообщили, что только что со стороны Верхней Ваенги, по всей видимости, прошел катер, не подавая сигналов пропуска. Им же на Большой Олений никаких сообщений по радио не поступало.

— Спят, наверное, на Оленьем на посту.

С этими словами Андреян вернулся в свой кубрик, накинул на плечи бушлат и поднялся на мостик, где уже Крапивин шурился на послеполуденное солнце, явно склоняющееся к горизонту.

— Дай-ка,— протянул Андреян руку к биноклю, по-чапаевски накинутаго на бушлат Федора.

Действительно, в бинокль слева от берега Большого Оленьего виднелась пока еще точка быстроходного катера.

— А где ракетница?

— В шкафчике,— Крапивин мотнул головой на настенный шкафчик за столом с вахтенным журналом.

— Что за бардак? Ракетница должна находиться под рукой вахтенного!

— Чего ты, Андреян, расшумелся, подумаешь делов-то,— Федор подошел к шкафчику, достал ракетницу, три уставных патрона к ней с разными цветами и все это положил на полку под столешницей вахтенного стола.

Андреян включил связь с радистом:

— Ничего не было?

— Глухо.

— Ну, слушай дальше.

С минуту Андреян поразмышлял, потом снова взял у Крапивина бинокль, а тому велел набрать из флажков на мачте сигнал запроса и остановки корабля для выяснения. Катер меж тем уже выскочил на траверсе Седловатого и хорошо просматривался в бинокль: белого цвета посыльный катер, которые в обиходе морском называют «адмиральскими». Впрочем, явно командующего на нем не было: катер Головки был хорошо вахтенным знаком.

На мостик, позевывая, влез по боковой лестнице проснувшийся Асатурьян; у Жоры был нюх на происшествя. Все трое молча поджидали приближающийся катер. Молчание Жоре не понравилось, он начал рассказывать длинную байку о немецкой лодке, якобы в прошлом году ночью вошедшей в Темзу и так же спокойно вышедшей в море. Зачем она заходила — того Асатурьян не знал.

Уже по своему почину позвонил радист: никаких сообщений не поступало.

♦ Катер меж тем почти поравнялся с Торосом; шел он посредине залива. Жора в бинокль высмотрел на палубе катера перед рубкой двоих штатских среди группки одетых в форменное.

— Смотри, гражданские! — передал он бинокль Андреяну.

— Сам вижу, что не турки,— буркнул тот, взял ракетницу, переломил ствол, вставил красный патрон и выстрелил. Федор Крапивин вслед за выстрелом вывесил на мачте ранее подготовленный им флажковый сигнал.

Однако катер ни на кабельтов не снизил скорость, хотя поравнялся с островом. Андреян подошел к шкафчику за другой красной ракетой, зарядил и выстрелил. Словно издеваясь, катер надбавил обороты.

— А ну, расчехляй,— не отрываясь от бинокля, указал Андреян на пулемет, установленный на треноге в правой стороне мостика. Это был тот самый новенький тяжелый пулемет «Кольт» лендлизовкой поставки, что Андреян ездил получать в Мурманск в конце зимы сорок четвертого года, где в последний раз виделись и даже хорошо отметили это выпивкой они с Джеймсом Лэнгом, ранее служившим на Торосе в составе союзной команды.

— Смотри, командир, на неприятности еще нарвешься, шишка какая-то в шляпе катит,— заметил Асатурьян, снимая чехол, а Крапивин уже поправлял ленту патронов, по диспозиции постоянно заложенную для боевой стрельбы.

— Пусть инструкцию прежде перепишут,— пробурчал Андреян, давая в воздух третью и последнюю предупредительную ракету.

— Ручкой помахали,— весело сказал Жора, в чьем распоряжении сейчас был бинокль.

— И мы помашем,— Андрейн наклонился, глядя в визир прицела, ствол «кольта» легко ходил вправо-влево и вверх-вниз, взял повыше над рубкой и дал очередь, сотрясшую мостик и все здание-башню поста. Затем снова перевел ствол влево, взял по визиру ниже ватерлинии — с запасом — и дал длинную очередь. В двух кабельтовых от борта катера взвилась цепочка фонтанчиков.

— Получи, фашист, гранату! — усмехнулся Жора.

Катер запоздало подал громкий сигнал корабельной сиреной, сбросил обороты до нуля и затормозил разворотом влево, в сторону поста, затем взял самый малый ход, приближаясь к острову.

◆ Катер на малом ходу подошел на полтора кабельтовых к отвесному берегу острова, застопорив движение, уже по инструкции развернулся бортом и в противоположную предыдущему курсу сторону.

Андрейн взял в руки раструб переговорной трубы, но его опередил офицер явно высокого ранга с катера, уже державший трубу у рта:

— ...Вы, на посту! Под суд захотели? Что за стрельба по кораблю, на борту которого находится представитель руководства страны, член правительства!

По всему было видно, что присутствие на палубе штатского в шляпе заставляет его выбирать выражения.

— Почему вы нарушили инструкцию и не остановились на цветные и флажковые сигналы?

— Я тебя, сукина сына, сгною...— не сдержался-таки офицер, но штатский в шляпе остановил его жестом руки. Переговорную трубу на катере взял, судя по повседневному кителю, старшина катера. С ним Андрейн и вел переговоры. На корабле рация имела, поэтому через четверть часа радист позвонил на мостик и передал Андрейну послание аж от самого замначштаба Северного флота: беспрепятственно пропустить катер под номером таким-то, следующий по спецзаданию, передать шифр пропуска на следующий по курсу корабля пост. И еще радист сообщил неслужебную часть радиограммы: «Вы мне там ответите за свою стрельбу!»

На мостик рубки катера выскочил сигнальщик и по всей форме отмахал запрос на проход. Взял флажки в руки и Андрейн. Через несколько минут мотор катера, набирая обороты, взревел, корабль сделал крутой вираж и, оставляя широкий тракт белой пены за собой, начал скоро удаляться от острова.

— Зажрались начальники, хуже турок! — сплюнул (за мостик) Асатурьян.

◆ Расплата за лихую пулеметную атаку не заставила себя долго ждать. Как то водится, долго ждать на посту приходится пайков, когда продовольствие на исходе, заслуженных медалей, обещанных повышений в звании, новой стереотрубы взамен пришедшей в полную негодность — времен Цусимской битвы... По неделе ждал Андрейн санитарный катер, когда сначала обострившаяся в голодном сорок втором году язва, а в следующем — открывшийся туберкулез укладывали его в госпиталь в Полярном. А вот на расправу начальство скорое.

Рано поутру катер с членом правительства проследовал обратным курсом, полностью проделав все положенное по инструкции при прохождении мимо поста, а уже пополудни к крохотному пирсу Тороса пришвартовался столь хорошо знакомый политотдельский катер, с которого в скорбной деловитости сошли подполковник Шулейко, незнакомый майор в черной шинели с синими петлицами, с кожаной папкой под локотком; замыкали шествие мичман и трое матросов в рабочих робах.

Шулейко с майором, ни с кем не здороваясь, так же молча проследовали в хорошо знакомую подполковнику комнатку для политзанятий с бюстиком Ленина и

портретом Вождя, а мичман, вычислив командиром Андреяна, передал ему предписание на изъятие пулемета в связи с прекращением активных боевых действий в районах базирования Северного флота. Расписавшись в получении предписания, Андреян крикнул Асатурьяна — проводить служивых. Матросы живо демонтировали пулемет, сняли треногу с болтов, забрали ящик с боеприпасом и все это снесли на катер. «От греха подальше», — подмигнул Андреяну мичман, прощаясь со старшиной.

Из здания поста посыльным выглянул радист и позвал командира на расправу.

Мурыжили Андреяна Шулейко с майором-прокурором, тож из хохлов, как родной брат подполковнику, которого Шулейко именовал Гаврилой Анисимовичем, полтора часа. Потом отдельно допрашивали радиста, Крапивина, Жору Асатурьяна и еще кой-кого из команды. Каждый стоял на своем: Андреян — на уставе береговой службы и инструкции, которую пока никто не отменял, прокурор — на превышение должностных обязанностей («Потом, ведь понимать надо — один из руководителей партии и государства на катере следовал...»), а Шулейко напирал на тот существенный момент, что на посту сложилась вопиющая обстановка: единственный член партии старший матрос Волков переведен на другое место службы, все остальные, включая нового радиста, по возрасту вышли из комсомола или близки к этому печальному в их жизни моменту. Очень не понравился прокурору старший же матрос Асатурьян, который проявлял нездоровый антитурецкий национализм и даже шовинизм. Конечно, турки не союзники наши, но ведь и не воюют с СССР?

Шулейко грозил всеми карами земными и небесными, прокурор щурил глаза под круглыми очками, явно копируя Лаврентия Павловича. Кончилось дело объяснительной Андреяна, взявшего на себя единолично ответственность. Прокурор сурово заверил, что дело вовсе не закрыто, а поскольку Шулейко в присутствии старшины проговорился, что на катере находился сам Косыгин, следовавший с инспекцией баз Северного флота, то с Андреяна взяли и особистскую расписку о неразглашении.

Также не прощаясь, подполковник с майором покинули пост, катер отвалил от пирса и растаял в ранней темноте залива.

Разбирательство разбирательством, но Шулейко помнил и о своих политотдельских обязанностях: оставил новый график проведения политинформаций — ответственный комсомолец-радист, а также пачку свежих газет. Поэтому, когда старшину обступили сослуживцы с вопросом: кто же такой был на катере, — Андреян сказал, что не имеет права разглашать и ткнул пальцем в раздел хроники флотской газеты «На страже Заполярья», где сообщалось о инспекционной поездке на Северный флот товарища Косыгина. Матросы присвистнули.

♦ Андреян ожидал самого худшего, а худшим для всех кадровых срочнотружеников, то есть кто встретил начало войны уже в военной форме, в связи со скорым окончанием войны было увольнение-демобилизация. Это означало, что вместо заслуженной сытой и спокойной службы, хотя бы пару-тройку лет, придется возвращаться в забытую гражданскую жизнь, да еще в самую разруху, голод, неустроенность... И кто их там ждет, почти десять лет тому назад ушедших из дома? А у многих, как у Андреяна, и дома-то не было. Словно в другой мир вернуться.

Прошла неделя, потом другая, отметили на Торосе, как и во всей стране, Победу. За это время связисты из Полярного восстановили телефонный подводный кабель, связывающий Торос через зенитную батарею на ближнем берегу со штабом и политуправлением, поэтому уже на другой день после Победы Шулейко, обзванивая все опекаемые им команды, весело и дружелюбно поздравлял Андреяна, называя его по имени-отчеству. Был Борис Никифорович в легком и счастливом подпитии:

— ...Службу пока несите как обычно, кадровые передвижения и изменения будут

в течение всего лета проводиться. По секрету, так сказать, лично тебе сообщая: ты в кадрах остаешься, готовь рапорт на сверхсрочную, и отпуск тебе по первому же приказу будет. Вот так-то!

Уже служа на новом месте, на посту прямо напротив Североморска, Андреян услышал от молодого политотдельского старлея, с которым оказался калужским земляком, в честь чего они демократично распили поллитровку, ходившую в командных кругах флота байку-быль, явно касающуюся Андреяна, как он сам сообразил.

Как уверенно говорили слухи, последовательно спускавшиеся от флотской верхушки к командирам частей и соединений, далее к их адъютантам и любимчикам, наконец, к совсем уж младшим офицерам, чуть ли не на приеме руководством страны, устроенном в честь военачальников Советской армии, на котором Иосиф Виссарионович произнес свой исторический тост о решающей роли русского народа в Победе, Сталин, беседуя с командующими флотами, с улыбкой взглянув поочередно на Кузнецова и Головка, шутиливо посетовал: дескать, что за бравые у вас моряки, вот товарища Косыгина наверное приняли за адмирала Дёница и обстреляли?

Андреян смущенно смеялся. Еще раньше Шулейко, благодумствуя по случаю досрочного получения чина полковника, посетив пост — место теперешней службы Андреяна, рассказал, как все было на флотском уровне — сразу же за инсцендентом.

Когда Головка доложили о случившемся (Сам Косыгин вроде как ни словом ему не обмолвился), он нахмурился, приказал скоренько разобраться и доложить подробно, следствием чего и явился визит Шулейко с прокурором на Торос. Подробнее же ознакомившись с обстоятельствами дела, вспомнив Андреяна в связи с крейсером «Эдинбург», распорядился старшину катера разжаловать в рядовые (в связи с Победой подготовленный приказ отменили, но старшину убрали в глухой гарнизон на береговую службу).

— Конечно,— рассуждал командующий в присутствии начштаба и начальника политуправления флотом,— следовало бы Андреяну медаль дать, но как-то неудобно — члена правительства, ха-ха, обстрелял?!

Война окончилась, но товарищ Сталин призывает держать порох сухим, нам нужны во флоте дисциплинированные моряки, имеющие бесценный опыт боевых действий. Так что оставим этого старшину с Тороса в кадрах, а поощрим его... вот в отпуск первоочередно отправим!

Истинно сказано: за богом молитва, за царем служба не пропадет!

Владимир Сапожников
(г. Тула)

НЕТОЛЕРАШЕН

Лауреат всероссийской литературной премии «Левша» им. Н. С. Лескова и премии им. Л. Н. Толстого, учрежденной Правительством Тульской области.

Иван Петрович оказался на южном побережье Франции, в Ницце, на вторые сутки после происшедшего здесь теракта, когда обезумевший трансвестит из северной Африки вечером передавал грузовиком на Английской набережной кучу отдохнувших европейцев, не пощадив ни детей, ни женщин, ни стариков...

Небольшая группа туристов, в состав которой входил и год тому назад ставший пенсионером, но продолжающий работать, профессор медицины Иван Петрович Семенов, разместились на несколько дней в уютном отеле на второй линии — улице, которая проходила параллельно первой линии — Английской набережной, метрах в пятистах от нее и собственно усеянного крупной галькой морского пляжа.

После устройства в гостинице Иван Петрович решил прогуляться по городу, где-то поужинать.

Уже начало темнеть, когда он медленным шагом спускался вниз по направлению к набережной. Многоэтажные каменные дома с мрачно плотно закрытыми металлическими решетками неприветливыми подъездами густо нависали над неширокой улицей.

По пути встречались одинокие прохожие — в основном, молодые, неопрятного вида, громко, не по-европейски галдящие выходцы из Северной Африки. Среди прохожих попадались изредка и имеющие перепуганный, неуверенный в себе вид французы и француженки — скромно, неброско, но опрятно одетые, почему-то все с безрадостными, кислыми лицами.

Семенов решил зайти в ближайшее кафе поужинать, попал через приоткрытую дверь в тесное помещение, плотно заставленное столами и стульями.

В плохо освещенном заведении затхло воняло кислой гнилью, смрадом. Немногочисленные посетители вяло жевали подгорелые куски тошнотворно выглядывшей пищи.

Подбежал нагло улыбающийся, отвязный официант арабской внешности, что-то пролапотал по-французски. Иван Петрович не знал французского, ответил по-немецки. Официант сразу все понял, закивал барашисто кучерявой, масляно блестящей, видно, давно не мытой шевелюрой:

— О, рашен, рашен! Что будет ест?!

Ивана Петровича чуть не стошнило от вопиющей антисанитарии в заведении. Он отмахнулся от официанта, и поспешил к выходу — в такой клоаке он никогда не питался и есть не станет.

Последующие заведения, густо занимавшие первые этажи зданий, куда он заглядывал,— оказались такими же грязными африканскими забегаловками. Семенов понял, что остается только один выход — купить что-нибудь в ближайшем супермаркете — и потом перекусить у себя в номере в отеле.

И как раз он увидел продовольственный супермаркет на своем пути, на первом этаже ближайшего здания.

В плохо освещенном помещении супермаркета было достаточно многолюдно. Среди полок, заставленных упаковками сыров, молочных, мясных продуктов, банками с консервами, в углу находился хлебный отдел.

Работник супермаркета из задней двери вынес большую корзину, заполненную свежеспеченным хлебом.

Посетители тут же аккуратно выстроились друг за другом в очередь за батонами, багетами. Дурманящий, ароматный запах горячего хлеба приятно защекотал ноздри и Ивана Петровича. Он тоже встал в очередь за пожилой, с крашеными в рыжий цвет волосами на голове, со вкусом одетой француженкой. Люди из очереди впереди него выбирали по одному багету, и очередь начала двигаться вперед.

Вдруг в торговый зал шумно вошли, почти вбежали два араба средних лет, с лицами, заросшими на кадыке и щеках торчащими в разные стороны, нечесаными бородами, что-то проорали друг другу по-арабски, бесцеремонно в начале очереди оттеснили, оттолкнув передних посетителей — французов в сторону от корзины с хлебом.

Подхватили всю корзину, нагло улыбаясь и переговариваясь друг с другом, потащили ее к выходу. Никто из стоящих в очереди французов не возразил, *толерантно* утершись случившимся.

Семенов, не привыкший к такому беспределу, не выдержал. Он решительно схватил одной рукой за край корзины с хлебом, потянув ее назад, а другой остановил за плечо наглого араба.

— Стоп, вы здесь не одни! Осади-ка, приятель! — по-русски сказал Иван Петрович.

Второй араб от неожиданности не удержал корзину, она по инерции подалась назад и оказалась в руках Семенова.

Иван Петрович двумя руками тут же возвратил ее на то место, откуда она была похищена.

— Прошу, разбирайте хлеб! — предложил он растерянно и безучастно за всей этой сценой наблюдавшим французам.

В этот момент чья-то рука впиалась в его плечо справа. Семенов обернулся — старший из арабов зло вцепился в его одежду, что-то кричал визгливо на непонятном наречии, брызгая слюной, бешено вращая своими темно-карими глазами.

Иван Петрович вспомнил прием, с помощью которого можно было освободить плечо и повергнуть соперника на землю болевым захватом, чему его хорошо обучал тренер по рукопашному бою во время прохождения срочной службы в морской пехоте на Балтфлоте в юности, в советские времена.

Спустя мгновение распростертый, придавленный жестко коленом нападавший по-арабски, видимо, молил отпустить заломленную руку, лежа лицом вниз на полу.

Второй наглец замахнулся сзади, пытаясь ударить кулаком в голову Семенова. Но боковым зрением Иван Петрович заметил это движение, вовремя наклонившись, увернулся от удара, одновременно сам нанес встречный с правой, попав точно в переносицу противнику.

Тот с окровавленным лицом, свихнувшейся набок переносицей рухнул рядом со своим стонущим от боли напарником.

После этого Семенов захватил обоих стонущих арабов за руки, по полу выволол к выходу из супермаркета, и, дав по очереди пинок под зад, вышвырнул их на улицу. Автоматические двери входа в супермаркет мягко, *толерантно* захлопнулись.

Семенов отряхнул ладони, вернулся к корзине со свежим хлебом. Крашенная в рыжий цвет француженка, которая стояла в очереди перед ним, в знак солидарности подняла вверх большой палец руки, что-то восторженно проговорила на родном языке, из чего русский понял только одно — что-то типа «рашен, рашен, мерси...».

— Да, рашен,— с усмешкой, не владеющий французским, кивнул Иван Петрович.— Рашен, но не *толерашен!* Что-то здесь у вас эти хлопцы совсем обнаглели!

Выбрав батон с хрустящей корочкой, захватив колбасную нарезку, упаковку сыра, бутылку вина, расплатившись за все это на кассе, Семенов вышел из супермаркета.

На улице, засыпанной то там, то здесь неубранным мусором, валяющимися окурками, было пустынно. Размышляя о последствиях беспредельной толерантности коренных жителей Франции, Иван Петрович устало побрел к себе в отель по мрачным улицам, казалось, вымирающей Ниццы.

Валерий Румянцев
(г. Сочи)

ПУХОВЫЙ ПЛАТОК

Окончил филологический факультет Воронежского государственного педагогического института. Работал учителем, завучем в одной из школ Чечено-Ингушской АССР, в органах КГБ СССР. Полковник ФСБ в отставке. Автор десяти книг поэзии и прозы.

Захарову повезло. Он ехал в купе вагона «СВ» один. В дорогу взял «Сумму технологий» Станислава Лема. Эту книгу он купил спустя месяц после окончания института, сразу начал ее читать, но вскоре бросил. Этот томик оказался одной из тех книг, в которых содержатся настолько глубокие мысли, что многие боятся к ним даже приблизиться. И хотя в последующие годы он живо интересовался философией, знакомился с трудами многих мыслителей, конспектировал их, «Сумма технологий» почти четыре десятка лет пылилась в его домашней библиотеке по соседству с наследием мудрецов древности и средневековья. И вот, наконец-то, дошла очередь и до нее.

Пища для размышлений имеет неограниченный срок хранения. Захаров читал с завидным азартом, не обращая внимания на стук колес и бесснежные декабрьские пейзажи за окном. Перечитывал по нескольку раз отдельные абзацы, пытаясь проникнуть в логику автора. Ведь для того, чтобы приручить чужие мысли, иногда требуется много времени. Он сожалел, что не оценил эту книгу раньше, и радовался, что никто не лезет с дорожными разговорами и не мешает ему погрузиться в каскад мыслей знаменитого поляка. Единственно, что иногда отвлекало Захарова, так это предстоящая встреча со станцией Котельниково. Для него это была не обычная станция, а место, навевающее целый вал воспоминаний. В этом городке он родился, в нем прошло его детство и ранняя юность. Там он познавал мир, первый раз влюбился, а в шестнадцать лет вместе с матерью и отцом навсегда уехал оттуда в другие края. И так получилось, что за сорок пять лет он ни разу не побывал на своей малой родине. А временами этого очень хотелось, наверное, потому, что встреча со своей молодостью всегда делает тебя моложе.

В Котельниково поезд должен был стоять аж двадцать минут, потому что именно в этой точке производится замена электровоза. Захаров взглянул на часы и, отметив в памяти номер страницы, закрыл книгу.

Вот-вот появится родная станция. Скорее всего, подумал он, на путях по-прежнему продают пассажирам рыбу, вареную картошку, домашние пирожки. Захаров вновь погрузился в воспоминания детства. Он вспомнил ту самую девочку Таню, которой увлекся в четвертом классе и любил до самого отъезда, до окончания девятого класса. За сорок пять лет все лица одноклассников стерлись в памяти, а вот ее лицо он помнил до сих пор. Странно все-таки устроен человек: помнил, хотя ничего

между ними не было, ни малейшего намека на интимную ласку. Знаки внимания он регулярно проявлял, и она, безусловно, замечала их. Захаров жил тогда совсем как в том стихотворении классика: «Мне бы только смотреть на тебя, видеть глаз златокарий омут...». Это была платоническая любовь, которая еще не успела деформироваться под воздействием страсти и, видимо, поэтому единственная в жизни. «Боже мой! Как давно все это было,— подумал Захаров.— Как сложилась ее судьба? Где она сейчас? Жива ли?»

Когда за окном медленно проплывало здание вокзала, он, к своему удивлению, почувствовал легкое волнение. Захарову опять повезло: состав прибыл на первый путь, можно будет выйти на привокзальную площадь, посмотреть по сторонам и увидеть близкие сердцу улицы и дома. Конечно, никого из знакомых уже не встретишь, а, если и встретишь, то ни ты их не узнаешь, ни они тебя.

Он вышел из вагона. Холодный ветер кинулся ему на грудь и заставил застегнуть куртку. В глаза сразу бросилась целая армия шумных продавцов, которые судорожно метались от одного вагона к другому, надеясь найти покупателя для своего товара. В их руках чего только не было: копченая рыба на подносах, пиво, консервированные овощи, сухофрукты, домашняя выпечка, рыбные котлеты, пуховые платки, шерстяные носки и варежки... Но, как и раньше, больше всего было копченой и сушеной рыбы, оно и понятно — рыбный край. Высыпавшие из вагонов пассажиры покупали в основном именно рыбу. Разноголосые продавцы расхваливали свой товар, и чаще всего доносились слова «сом», «судак», «лещ», «балык».

Пока Захаров шел по перрону к зданию вокзала, его настигло неприятное известие. По радио объявили, что в связи с опозданием их поезда стоянка будет сокращена. «Вот те на! Значит, далеко от своего вагона отходить нельзя». Захаров развернулся и медленно пошел к своему тамбуру, теперь уже внимательно вглядываясь в лица продавцов.

Одни из них задорно рекламировали свой товар. Другие нерешительным тоном просили купить что-нибудь, и в этом было что-то унижительное для них. Менялись лица, мелькали товары. И вдруг одно лицо среди продавцов показалось Захарову знакомым. Он подошел поближе и стал пристально рассматривать худощавую женщину примерно его возраста. В руках она держала поднос, на котором поблескивала какая-то копченая рыба. Одета была довольно бедновато: старая видавшая виды куртка с засаленными рукавами, потрепанная вязаная шапочка, из-под которой просматривались редкие седые волосы, на ногах — башмаки непонятного цвета со стоптанными каблуками. «Не может быть!» Но чем дольше Захаров смотрел на это лицо, тем больше убеждался, что это его Таня, Танечка. Вот и та самая еле заметная родинка на правой щеке. «С ума сойти! Она!» Захаров вплотную подступил к женщине, которая не обращала на него никакого внимания, а пересчитывала только что полученные деньги за проданную рыбу. Захаров взял ее за локоть и, когда та повернула в его сторону голову, все еще не веря своим глазам, нерешительно сказал:

— Танечка, здравствуй...

Женщина недоуменно смотрела на него несколько секунд, и вдруг в ее глазах вспыхнуло радостное возбуждение.

— Юра! Неужели это ты!? Столько лет...

Захаров неуклюже обнял Татьяну и поцеловал в щеку. При этом он ощутил дрожь в ее теле. Мешал этот дурацкий поднос, который она держала в руках, и резкий запах копченой рыбы.

— Да, воды много утекло. А у меня все-таки была, была надежда; правда, очень маленькая, что я здесь увижу кого-нибудь из нашего класса... И вот, видишь, угадал. Ну, расскажи, как ты живешь? Есть ли муж, дети, внуки?

— Как живу? — Татьяна никак не могла справиться с волнением.— Вот, рыбой торгую. На учительскую пенсию-то далеко не уедешь. А тут надо еще дочери помочь.

— А муж, муж-то у тебя есть?

— Был.— Она махнула рукой.— Всю жизнь нервы трепал своим пьянством. Умер три года назад. А сын живет в Волгограде, приезжает редко, у него там свои заморочки.

— Давай отойдем куда-нибудь в сторонку,— Захаров взял у Татьяны поднос с рыбой и, сделав несколько шагов, поставил его на большой фанерный ящик.

— А я о тебе много раз вспоминала, по-доброму вспоминала. Как ты-то живешь?

Ложь сглаживает острые углы, и он ответил:

— У меня все хорошо... А как наш класс? Все живы?

— Обо всех не знаю, встречались как-то лет тридцать назад... Знаю только о тех, кто живет здесь, в Котельниково. Володя Бачалов был у нас председателем районного суда, спился, умер пять лет назад. А жена у него Любка Житецкая. Помнишь, с тобой когда-то за одной партой сидела? Тоже спилась. Два сына у них, и оба — наркоманы...

— Какой кошмар! Да что у вас тут делается?

— Да то же, что и по всей России... Лидка Кудышкина до сих пор преподает в нашем техникуме. Мишка Огурцов работает сварщиком. А Сережка Семенов где-то там, на канале электриком.

Захаров слушал ее, смотрел на глубокие морщины худого лица, на неухоженные руки, на подергивающиеся от холодного ветра плечи и жалость к когда-то любимому существу зашевелилась в его сердце. Он купил у проходившей мимо них торговки суммой дорогой пуховый платок и накинул его на плечи Татьяны.

— Это тебе на память о нашей встрече.

— Да ты что!? Такая дорогая вещь...

— И не спорь, не обижай меня. Прошу.

— Ну, тогда спасибо тебе огромное. Я бы за такую цену никогда не купила,— и она поцеловала его в щеку.

Объявили посадку. Захватив поднос с рыбой, они пошли к вагону. В бумажнике Захарова лежала немалая сумма, он очень хотел дать Татьяне денег, чтобы она не стояла тут, не мерзла. «Но она их, скорее всего, не возьмет,— подумал он,— да и эта выходка может оскорбить ее».

— А как Раиса Ивановна, наша классная, жива?

— Жива. Но у нее был недавно инсульт, она очень плохо передвигалась. Теперь она в Волгограде у дочери. Как сейчас — не знаю.

— Поезд отправляется, заходите в вагон,— послышался голос проводника.

Юрий передал поднос Татьяне и, вздохнув, сказал:

— Увидишь наших, всем от меня привет и наилучшие пожелания...

Подгоняемый проводником, он поцеловал замерзшую холодную руку Татьяны и поднялся в тамбур. Вагон вздрогнул, и сердце Захарова трепыхнулось и защемило. Его детская любовь стояла со своим неразлучным подносом и тихо всхлипывала. На ее плечах красовался большой белый пуховый платок. Вдруг Татьяна рванулась к закрывающейся двери, и он услышал ее последние слова:

— Юрочка, спасибо тебе за все! Слышишь, за то, что ты был в моей жизни!...

...Не снимая куртки и фуражки, Захаров в одиночестве сидел в своем купе. На столике лежала книга. Читать ее не хотелось. Дорога утомляет, особенно если это дорога жизни.

Ефим Гаммер
(г. Иерусалим, Израиль)

МЕЖДУ ДВУХ КАПИТАНОВ*

* * *

Кто бы что думал, а мне по барабану. Загребаю веслами под музыку жизни, поплеываю за борт и чувствую себя прирожденным капитаном. Я не ошибся, сказав — «прирожденным». Дело в том, что в капитаны я произвел себя самостоятельно в неразумительном возрасте прорастания молочных зубов, когда Юлька притащила к нам в штаб сверкающие на солнце погоны мужа ее старшей сестры Майи. Он перешел в майоры, и все золотые украшения его плеч с одной продольной полоской оказались не востребованными больше. Выбросить жалко. Подарил Юльке для кукольного домика. Ну, и в результате мой отряд превратился в офицерский полк. Я капитан, все остальные лейтенанты.

— Честь имею!

— Так точно!

— Запевай!

Я и запел, подхваченный волной воспоминаний:

— Вьется, вьется знамя боевое.

— Командиры впереди,— подхватила Милка-копилка, соседка по коммунальной квартире, игриво указывая на меня пальцем.— Солдаты, в путь, путь, путь.

— А для тебя, родная, есть почта полевая.

— Что за Полевая? — загримасничала подружка, цепляясь к нормальному слову.— Жена Полевого?

— Какого Полевого?

— Бориса. «Повесть о настоящем человек». Пора тебе переходить на отечественную литературу, читать про подвиги безногих людей, а не про жизнь Мопассана. Знаешь хотя бы, как он жизнь кончил?

— Роман?

— Не роман, а свою жизнь. Романов с девушками у него было достаточно, и все удачные. А жизнь одна, и совсем неудачная.

— Скажешь... Писатель с большой буквы.

— А жизнь закончил в сумасшедшем доме.

— Врешь!

— Это твоей училке я врала, что тебя нет дома. А тут — чистая правда, как в кино, когда артисты под видом верующих говорят: «Ей Богу!»

— По-нашему, на языке пацанов из Старой Риги: «Зуб на отруб!»

— Зубов много — это не клятва. А Бог один.

— Можно подумать, ты с ним лично знакома.

---

* Главы из романа.

— Не думай, это тебе вредно. Лучше греби сильнее, а то мы за разговорами и к ночи не доедем до места.

— Какая ночь, Милка? Посмотри вокруг: солнышко светит, птички поют.

— Какие птички, Фима?

— Хорошо, обойдемся без птичек. Но солнышко светит?

— И в этом, конечно, твоя заслуга,— вернула вредная девчонка.

— Не язви! Дал бы тебе «леща», да руки заняты. Я имею в виду, что по календарю сентябрь, стало быть, осень, а на улице разгар лета.

— На реке.

— Искупаемся?

— Дурак!

— Почему?

— Раскачаешь лодку — перевернемся.

— Тогда давай порыбачим.

— Умаялся?

— Передых и Илье Муромцу на пользу.

— Иначе не набрался бы сил, чтобы задушить Соловья-разбойника.

— А что? Целоваться с ним?

Я размотал удочки, отщипнул хлебную мякоть от бутерброда с колбаской, смял в лепешечку, покрутил в пальцах, пока не образовался шарик. Нацепил его на крючок. И — ловись рыбка, большая и малая.

Разумеется, не на щуку и окуня устроил охоту, они от такой приманки нос воротят. А вот плотвичка, уклейка, карасик — те охотно бегут на нехитрую эту приманку. Вкус к пище у них человеческий. Смешно? Чего же тут смешного, если по учебнику биологии все земные твари вышли из моря на заре эволюции?

Исходя из этой логики, и мы, человеки, произошли от рыб. Хотелось бы, от акул. Но, скорее всего, от плотвичек, уклеек и карасиков — тех, кто донную травку жуёт и хлебными крошками, чудесным образом, как манна небесная, падающими сверху, подкармливается.

Поплавок медленно поплыл по течению, легко подпрыгивая на ряби мелких волн. Милка наблюдала за ним, и задумчиво жевала докторскую колбасу, по цвету сходную с ее вьедливым язычком.

— Чего хлеб не берешь?

— Так вкуснее.

Вероятно, она произошла от акул.

Не клевало. Это я, вместо рыбы, пошел клевать носом. И вдруг — рывок. Что за черт? Удочку потянуло из рук, будто кто-то дернул за леску, причем без хитрости, положенной травоядной рыбешке на завтрак, обед, ужин, а по-звериному: зло и напористо.

Э, нет! Врешь — не уйдешь! Раз попалась, птичка, стой, не уйдешь из сети. Не птичка, понятно любому в этой ситуации, а рыбка. Но переписывать каждый раз поэтов на свой лад обстоятельства не позволяли.

— Подсекай! — кричала Милка, втыкая пальцем вываливающиеся изо рта красные лоскутья докторской колбасы. И впрямь, ни дать — ни взять, акула дней моих печальных, подружка юная моя.

Я подсек, и потащил нечто мощное, сопротивляющееся, твердившее «не хочу!» на своем подводном языке, значит, беззвучно.

Потащил и вытащил.

Вытащил и вытарачил. Что? Глаза. Свои, естественно. Хотя... И рыба вытарачила глаза. С диким удивлением мы взирали друг на друга, будто догадывались: здесь

не сумасшедший дом и следовательно подобной свиданки произойти не могло. Это то же самое, что пойти на фильм «Два капитана», а попасть на документальный фильм о Хрущеве, который предлагает засеять всю страну кукурузой — от Сочи до Норильска.

Рыба жадно открывала и закрывала рот, будто пыталась что-то объяснить ново-явленному Емеле-счастливцу. Но мне и без объяснений было ясно: не по ней приманка из хлебного катыша, даже смажь его медом. Это ведь щука — не карась. И весит, полагаю, больше двух кило, а не полста грамм. Как же эта матерая хищница обмишурилась с адресом, поспешила на крючок с хлебным катышем? Ошибка природы? Однако училка биологии, упирая на академика Павлова, утверждает: природа не ошибается. Природа — нет, а кто — да? Не подстава ли это хитрая? Подобные выкрутасы с богатым уловом я видел в кинокомедии «Драгоценный подарок». С Марией Мироновой и Риной Зеленой в главных ролях.

— Розыгрыш? — поднял я щуку, крепко ухватив ее поперек тела, чтобы не выскользнула.

И она охотно кивнула.

— Гляди, Емеля, еще заговорит, — засмеялась Милка, по своему девичьему происхождению не догадывающаяся, что произошло нечто, чего не бывает в натуре. — Попроси у щуки печку на колесиках, чтобы по улицам ездить. Машину все равно водить не умеешь.

— Лучше подводный корабль с капитаном Немо впридачу, — откликнулся я первым попавшимся, чтобы не глотать насмешки. И когда? В минуту высокого рыбацкого счастья. Прежде Нептун не одаривал меня столь невероятной добычей. Ершики — да, окушки — да, всякая мелкая тварь — пожалуйста, наполняй ведро. Но такого? И, главное, кто поверит, что поймал не на живчика? Парадокс! Выложишь правду: «на хлеб» — засмеют. Совершь: «на блесну» — пожмут плечами: «подумаешь, на блесну и я поймаю». Что тут скажешь?

— А ты не говори, — произнес кто-то по правую руку от меня, будто угадав мои мысли.

— Смотри! — ахнула Милка.

Я повернул в направлении ее «аха».

Над бортом всплыло смуглое девичье личико. В синих, миндалевидного разреза глазах — смешинки, волосы льяные, дисгармонирующие с оттенком кожи.

— Зажарь рыбу и приглашай на ужин.

— Ты нацепила ее на крючок?

— Для приятного знакомства.

— Чего ради?

— Ты Гогин брат?

— Двоюродный.

— А он у нас ходит в передовиках.

— У кого это, «у нас»?

— На «Орионе».

— Можно подумать, ты капитан.

— Капитанша.

— Чего-чего?

— Капитанша. Дочь капитана.

— А по имени?

— Альяна.

— Красивое имя.

— Двойное. Аль и Яна.

— У меня тоже двойное! — не стерпела, ревностно вмешалась Милка-копилка, видя, что все мое внимание переключено на постороннюю девочку, притом, не из нашего двора.— Даже больше,— продолжала бахвалиться,— тройное-четвертное. Для взрослых я Людмила, для детей Люда или Мила. А для Фимы иногда Милка-копилка. Вот так! — и высунула острый язычок цвета слопанной ею колбаски.

— Не надо обижаться,— примирительно сказала Альяна.— Я слышала от Гоги, что у Фимы имя еще более многозначительное.

— Не придумывай! — артачилась Милка.

— Я не придумываю. Фиму назвали в честь Гогиного отца, когда тот умер. А раньше, до той смерти, Фиму звали Марик. Но это по-русски. А на еврейский манер Фима — это Эфраим или Хаим, а Хаим в переводе — это жизнь. Продолжить?

— Вот те раз, и тут «продолжение следует», как в «Пионерской правде».

— Первое Фимино имя Марик тоже с секретом. По-еврейски это Мордехай. А Мордехай был дядей царицы Эстер.

Милка-копилка взглянула на меня с каким-то странным выражением лица. Наверное, заужала.

Альяна укрепила подбородок на кисти руки, взявшей «под локоток» уключину.

— С помощью дяди Мордехая царица Эстер спасла в древности еврейский народ от уничтожения. В честь этого события учредили народный праздник. Пурим называется. Правильно я говорю? — спросила у меня.

— Правильно. Но я пока еще не дядя. А ты не племянница. Залезай в лодку, не то замерзнешь, и двинем дальше.

— На веслах нам тащиться, как черепахе для откладки яиц через весь океан.

— У тебя мотор?

— У меня лямки. Держи.

Альяна покрутилась вокруг оси, разматывая бечеву на широком кожаном поясе. Затем перекинула мне шлейку, внешне обычную, вроде как от мужских подтяжек для поддержки штанов, но более упругую и заканчивающуюся опять-таки кожаным ремнем армейского образца.

— Застегнись, там есть дырочка для худюков, и поехали.

— А буксир?

— Не боись, меня прислали на замену.

— Надорвешься!

Незнакомка пожала плечами, в воде получилось это довольно уморительно. Для меня, но не для Милки.

— Если хочет, пусть надрывается, мне не жалко! — встряла она.— Наверное, придумала, что тут собственной персоной сидит художник Репин. Больно ему нужно писать вторую картину «Бурлаки на Волге». Ему и за первую премии не дали.

— А мы не из бурлаков на Волге, мы из русалок Рижского залива,— загадочно ответила Альяна и, поднырнув под нос лодки, поволокла нас по речной глади.

* * *

Щука билась на дне нашего ковчега.

Милка-копилка придавливала ее ногой, чтобы не выбросилась за борт.

Я загребал веслами, помогая Альяне тащить суденышко вдоль берега по течению Даугавы.

— Ходко идем.

— Как на свидание,— откликнулась напарница.

— А тебе уже назначали?

— Много будешь знать, скоро состаришься.

— Умирать нам рановато, есть у нас еще дома дела,— ответил я песней.

— Дома тебя с ремнем ждут.

— Это еще почему?

— По кочану! А если нашинковать и замариновать, то получится кислая капуста, и угощайся.

— Милка! Что ты такая колючая сегодня?

— А ты не заметил, как эта блондинка на тебя смотрела?

— Двумя глазами. А что?

— Ничего. Это она как будто прибежала на свидание...

— Приплыла,— поправил я.

— Не перебивай! Прибежала — приплыла, это ничего не меняет. Спрашивается — зачем?

— Ну, так спроси.

— Она далеко, не дозовешься. И плывет не по нашему, как-то неправильно.

— Не по-собачьи, как ты?

— Ишь, какой умник нашелся! Открой глаза на затылке, а я тебе подсвечу.

На затылке, само собой, запасных глазен у меня не имелось. Пришлось смотреть через плечо. Раз оглянулся, другой. Да, не кроль, не брасс. Руками не машет, а держит их впереди себя, наподобие форштевня, и режет воду не хуже. Нечто похожее по стилю я видел на уроках подводного плавания в клубе ДОСААФ папиного завода № 85 ГВФ, когда показывали документальный фильм «В мире безмолвия» об аквалангистах из команды французского океанографа Жак-Ива Кусто. Но там они погружались в морскую пучину с аквалангами и ластами. А здесь?

— И чего она притащилась? — Милка продолжала играть в непонимайку.

— Гога попросил.

— Ты ему звонил?

— Звонил.

— Я бы тебе советовала держаться от нее подальше.

— Она и так далеко.

— Это на реке далеко. А на берегу, когда пожарим рыбу?

— Пожарим — съедим.

— А не отравимся?

— Да перестань ты, совсем рехнулась.

— Кто? Я? А не ты? Только о ней и о ней!

— Это тебе она покоя не дает. Мне-то что? Одна девчонка, две девчонки. Какая разница?

— Поговори мне еще про двух девчонок, и я заверну твои намерения в обратную сторону.

— Стой! Не дури! — вспыхнул я, видя, что она готова дать «право руля».

Мелкие чертики в ее зрачках бросились в атаку с вилами наперевес. Но, не долетев, были смыты порывом ветра.

Я засмеялся. Она засмеялась. А чертики в растерянности чертыхнулись и пошли кормить рыбу.

«Чмок-чмок», послышалось за бортом, и на поверхность всплыли пузырьки воздуха.

— Жор! — сказал я заветное слово рыбаков, обещающее шикарный клев, который начинается ближе к вечеру.

— Забрось удочку.

— На ходу ловить не получится.

— Плохому рыбаку знаешь, что мешает?

Не вникая в ее двусмысленности, я сказал:
— Скорость.
— Не скорость, а занятость твоей дельфинихи.
— Почему?
— По калачу! У нее нет лишних рук, чтобы прицепить тебе на крючок вторую шуку.
— Хватит и одной.
— Наконец-то!
— Что?
— Наконец-то сказал «одной»! Хватит и одной. Но уточню, девчонки! — Милка укоризненно погрозила мне пальцем и победоносно задрала нос с едва заметными на закате летнего сезона веснушками.
Вот дурь ненаглядная, подкузьмила все-таки меня.

* * *

Опрокинутый мир...
Ничего более разумного не приходит на ум, когда видишь, что видишь.
А вижу... Лучше бы вам этого не видеть. И не увидите. Не в телевизор смотрите. А я смотрю, и будто бы в телевизор, через выпуклую линзу, полную воды. Представьте себе, в глазах странная рябь, и пощипывает их, пощипывает, словно слезы — это махонькие ежи, которые перекатываются на иголках, делая тебе больно. И где? В глубине сердца.
— Господи! — слышу болевой возглас Милки.
— Господи! — дышу через раз, забыв тягать за «бурлацкий» поводок наш живой буксир на береговой песочек, где уже плотно сидела лодка.
Господи...
Началось это, как детская шалость, а закончилось со слезами на глазах. Нет, с Альяной ничего не приключилось. Случилось со мной. В тот момент, когда я вытянул за веревку девочку на отмель, и она поднялась на ноги. Поднялась и неестественно улыбаясь, молвила:
— Показать вам, как скачет кенгуру?
Какие кенгуру?
Причем здесь кенгуру?
Не Сидней — Рига!
Но...
Альяна скакнула раз, скакнула два и выпрыгнула из воды, так и не сделав ни одного шага. Все скачками, скачками...
Тут и пришло время слезам, тиснению в сердце и всполошенному: «Господи!»
У нашей русалки были сросшиеся ноги. Ступни, соединенные пятками, развернуты под углом. Чем тебе не ласты? Теперь становился объяснимым стиль плавания и та тягловая сила, с какой она волочила за собой нашу посудину.
— Не смущайся,— сказала Альяна, допрыгнув до меня.— Ради первой встречи разрешается и обморок.
— Еще чего!
— Тогда подсоби, позволь перебраться в кресло морской царевны.
Милка-копилка среагировала быстрее меня. Она подсунулась под левую руку Альяны, сунула шею ей под мышку, перехватила за кисть. И позвала меня.
— Хватит зевать, дельфины тоже домой хотят — кушать.
— Мой дом — «Орион».
— Мы не против, поехали на «Орион».

Я подхватил Альяну под правую руку и, подправляя шаг под ее прыжки, мы двинулись к самодельной коляске на двух велосипедных колесах, третье — спереди, под хромированным рулем с блестящим на солнце звоночком.

— Ты будешь за рикшу, — распорядилась Альяна.

— Я могу крутить педали не хуже его, — вызвалась в добровольцы Милка-копилка.

— Ты мой гость, наподобие купца Садко, — ответила Альяна, стремившаяся, судя по всему, сгладить наши впечатления и вернуть в нормальное расположение духа.

— Но я не играю на гусях.

— Зато хорошо заговариваешь зубы.

— Это бабушка моя — заговорщица зубов, вернее, зубной боли. Я их вышибала.

— «Вышибала» в ресторане, — поправила Альяна, с нашей помощью усаживаясь в коляску. — Так Гога говорит.

— Гога в этом толк понимает, — согласился я. — Его самого приглашали «вышибалой» в ресторан.

— Это еще почему? — спросила Милка.

— Из-за внешнего вида. Нос у него — лепешкой, сплюснутый, как от удара в боксе.

— Да, такой нос страх наводит...

— На тех, кто не понимает...

— Что он добрый?

— Нос?

— Гога! — засмеялась Альяна, догадываясь, что гнетущее чувство из нас малопомалу улетучивается, и мы уже воспринимаем ее увечье без внутреннего содрогания. — Я тоже добрая и совсем не несчастная. У меня просто русалочья болезнь. Нужна операция. Или вмешательство неведомых врачам сил.

— Каких-таких «неведомых»? — обернулся я, взобравшись на кожаное сидение от велосипеда.

— Говорят, медицина не всесильна.

— Наша — впереди планеты всей.

— Кто сказал?

— Я сказала, — призналась Милка.

— Можно обойтись и без медицины, — произнесла Альяна.

— Это как же?

— Это должен знать Фима.

Девочка испытующе посмотрела на меня.

— Я не совсем понимаю, о чем ты, — замялся я.

— Гога говорил, что ты из породы русалиев.

— А по-русски?

— Русалии — это нормальные по внешности мужчины, на двух ногах и без хвостов. Но с непременным отличием: они способны волшебным образом исцелять от русалочьей болезни.

— Но то — мужчины. Я еще не дорос по возрасту.

— Гога говорил...

— Сколько тебе лет, Альяна, что ты такая доверчивая?

— У женщин не спрашивают.

— Ах, ты, «у женщин не спрашивают». А мне скрывать нечего. Конечно, я и в свои тринадцать в полном соку, как Карлсон, который живет на крыше. Но до паспорта еще — как до Луны. А мужчин, к тому же докторов, без паспорта не бывает.

— Я имею сведения, что ты и без паспорта можешь. Гога, когда вез меня сюда на этом драндулете, говорил: «Возьмешь курс на него — не ошибешься, сразу полегчает».

— В этом он не ошибся. Со мной говорить — не лодку тягать.
— Да она в тебя влюбилась еще до первого взгляда! — ляпнула Милка и запнулась.— А я-то думала, чего она махнула навстречу?
— Гога говорил...
— У него язык без костей. Мало чего придумает! А я скажу другое: Фима, за руль, и крути педали! Пора разобраться с этим... твоим... я ему язык вырву и зафарширую!
— А шуку?
— Шуку зажарим, или — на уху. Я прибрала ее в газету, где бутерброды,— Милка показала сверток.
— А бутерброды?
— Не жадничай. Они там, где тебе не достать,— постучала кулаком по животу.— Крути педали!
Не ослушаешься. Принцессы. Одна — морская, вторая — домашняя, и обе пристроились за моей спиной, откуда командовать легче.

* * *

На причале «Ориона» не было.
Что да как? А вот так!
Береговой боцман дядя Каюк сказал:
— Получили телефонограмму. И сорвались с места. Где-то там, у острова...
Подозрительно посмотрел на меня: разглашать ли координаты?
— Что за шпингалет-авторитет?
— При нем можно, дядя Эдмунд! — Альяна поспешила заверить его в полной моей благонадежности: Фима — брат Гоги.
— А принцесса с бантиком?
— Его соседка за стенкой.
— Ну, если за стенкой,— благодушно произнес боцман.
— Но не пристеночная! — заявила Милка, чтобы о ней не подумали чего плохого, о бантике уже подумали, хотя у нее не бантик, а ленточки в косичках.
Боцман почесал шкиперскую бородку, с любопытством взирая на девчущку. Он не очень-то разбирался в дворовом сленге, гораздо понятнее звучали для морского волка слова: «шкоты», «румпель», «клотик». Но что подделаешь? Надо привыкать к «сухопутным» прелестям жизни, одна из которых — дети.
— Так на чем я остановился? — спросил у Альяны, потеряв из-за Милкиных замечаний нить разговора.
— На острове.
— Остров Рухну. Там внезапно вспучило грунт. Вулкан, что ли, прорезался. И это в наших краях?
— В июне была такая же история, дядя Эдмунд. В том самом месте.
— Была, но ничего не нашли.
— Да-да, зря ходили. Дно ровное, никакой вспучки. А гнали нас туда: «Скорей! Скорей! С неба что-то просматривается, вроде огромной глыбы!»
— Это могла быть вражеская подводная лодка, лежащая на грунте.
— Тогда подняли бы по тревоге военных моряков. Чего зря гонять нас, гидрологов?
— Мы тоже в определенном смысле военные, с пропуском в нейтральные воды и на острова, где наши базы. Но что есть, то есть: лодку запеленговали бы уже задолго до подхода к Рухну. Выходит, и впрямь там вулкан нарождается.
— Говорили, что по ночам даже светится.

— Вот бы посмотреть, как эта штука бабахнет! — вслух размечталась Милка.
— Хочешь? — хитро улыбнулась Альяна.
— А то нет!
— Это мы по дружбе устроим.
— А не врешь?
— Зачем мне врать? Вот если бы я сказала, что готова бежать с тобой на перегонки, тогда — да, врушка. А так — нет! Дай сползти с царского трона. И убедишься.
С помощью боцмана Каюка мы перевели нашу русалку на бетонный причал.
— А теперь куда?
— Теперь? — она положила руку мне на плечо. — За Кудыкину гору — к нарождающемуся вулкану. Смотреть, по просьбе трудящихся, — стрельнула взглядом в сторону Милки. — Как он бабахнет.
— На чем поедем?
— Это сухопутные мальчишки говорят: «поедем». Морские говорят: «пойдем».
— От перемены мест слагаемых сумма не меняется.
— И курс тоже, — не удержавшись, приснула Альяна, полагая, что покажет нам такое, отчего глаза вылезут из орбит. — А курс у нас на моторную яхту. Вот эту — «Селена», что пришвартована к причалу. Видите?
Онемев, мы кивнули разом.
— Тащите меня на мостик, и — семь футов под килем!
— Полный вперед, — пробормотал я.
— Полный ясец, — проворчала Милка. — На этом тебя и купят.

* * *

Кому как, но море мне не по колено. Другое дело, мелкая волна. Правда, на воде стоять я не обучен. Мое место маленькое, под мой рост, в капитанской рубке подле штурвала. Да-да, подле. А не «за». За штурвалом Альяна. Ей и крутить эту рогатую штуковину, но — вот ведь странность! — не крутит. Более того, поясняет мне — почему:

— Судно рыскать начнет.
Умничка... Нет, чтобы сказать по-русски: корабль. Говорит: «судно». И опять поясняет, будто неслуху.
— В военном флоте — «корабль», в торговом, рыбном, просто, гражданском — «судно». «Рыскать» — это в переводе на твое понимание...
— Вихлять?
— Растешь, — с нарочитой уважительностью произнесла капитанша.
— А идти ко дну?
— Амба или каюк!
— В согласии с фамилией боцмана?
— Дядя Эдмунд из-за своей фамилии намучился.
— Не хотели брать на судно?
— На корабль. Он служил в военном флоте. На подлодке.
— Потонула?
— Пошла ко дну, — поправила Альяна. — Учи морской язык.
— Сделаем ходку — научусь.
— Рейс.
— Хватит тебе! Лучше скажи, что случилось с его подлодкой? И когда, если не секрет?
— Чего тебя так закомпасило?
— Понимаешь, в этих местах в сорок первом погиб на подлодке мой двоюрод-

ный брат Леонид Герцензон. У нас никаких подробностей. А тут... Вдруг вместе воевали?

— Как звали подлодку, не помнишь?

— «Щука».

— Они все «щуки». Какой номер?

— Триста какой-то.

— Трехсотых на Балтике здорово потрепали. Папа рассказывал. Он лейтенантом ходил на 310-й «щуке», дядя Эдмунд был у него старшиной. А до этого дядя Эдмунд ходил на первом номере из серии, пока не подорвались на mine.

— Подробнее нельзя?

— Подробнее — он. А пока... Что мне известно? Совсем немного.

Разумеется, и я узнал немного.

Сергей Криворотов
(г. Астрахань)

ЕГО НЕЖНОСТЬ

Врач-кардиолог. Литературной деятельностью занимается с 2011 года. Автор свыше 270 литературных публикаций в периодике России и русскоязычных изданиях Украины, Белоруссии, Казахстана, Молдавии, Финляндии, Германии, США, Канады, Австралии, Новой Зеландии, Израиля, Чешской Республики с тиражом около 4000000 экз. Серебряный лауреат Второго Международного литературного конкурса «Золотое перо Руси» в номинации «Сказка» (2006 г.). Серебряный призёр литературного конкурса журнала «Нива», город Астана, Казахстан. (2010 г.) в номинации: короткий рассказ.

Едва стоило ему ее увидеть или только подумать о ней, как он тут же испытывал просто невыносимую нежность. Он лелеял и окучивал внутри себя это чувство, и когда оно достигало совершенно неизмеримых габаритов, привычно заглушал его приемом литра-другого пива с прицепом из водки или коньяка. Не эстетично, но действительно.

Вроде бы взрослый разумный мужичка, вовсе не дурак и даже не глупый, а вот надо же... А казалось, чего проще: просто подойди и признайся в своих чувствах! Да и примеров такого изъявления перед глазами видимо-невидимо — весь спектр от поручика Ржевского с его «мадам, а почему бы нам не...» до плаксивого неудачника Пьеро, персонажа французского ярмарочного театра, с нездоровыми мазохистскими и суицидальными наклонностями. Словом, бери за образец любого — не хочу. Правда, конечный результат никто не гарантирует, но зато будет четкая определенность дальнейшего, которая иногда намного дороже абстрактной свободы и независимости.

Впрочем, дело представлялось вполне понятным: не хотел он терять ощущение этой самой пресловутой нежности, хотя порой она становилась мучительной до невозможности. И снова, хотя бы для временного облегчения, приходилось прибегать к пиву-водке-коньяку. Так оно и катилось по кругу.

Видимо, не хотел он расстаться со своей ежедневно возвращаемой неопределенностью нежностью. Нередко даже избегал встречаться с объектом своего тщательно скрываемого чувства. Ни с кем не делился, а потому некому было авторитетно и прямо сказать ему, разом подбить итог:

— Экий же ты, братец, дурачина!

Всепоглощающая нежность к ней уже не оставляла никаких шансов на сходные чувства к другим. Иногда в угоду собственной физиологии ему приходилось прибегать к услугам проституток или искательниц приключений и денег из интернета, искренно считая, что следует бытовой мудрости: мухи отдельно — котлеты отдельно.

В такие моменты его нежность к ней не угасала, но как бы временно помещалась в виртуальную клетку с достаточным количеством виртуальных же воды и пропитания, чтобы не отдать концы.

Разумеется, вся эта тягомотина не могла длиться вечно, ибо нежность, будучи су-

губо внутренним чувством, подобна живому существу и без выплесков наружу, без толики свободы чахнет и умирает.

Теперь об объекте его странного влечения, к которому так и не приложилась храняемая им в заточении пресловутая нежность. Девушка была средних лет, далеко не красавица, да и косметикой почти не пользовалась. Не глупая, даже какое-то время в молодости-юности много читала вместо того, чтобы подставлять свои паруса ветрам приключений. Получила неплохое образование и стала ценным специалистом в своей профессии с соответственным заработком. Но к сути истории это ровным счетом не имеет никакого отношения, кроме того, что она была девушкой.

Один общий давний знакомый как-то цинично заметил, что «если ее прижать, как следует, к стенке, то она будет очень даже ого-го!». Но для носителя безбрежной нежности подобное оставалось неприемлемым даже после значительного употребления пива-водки-коньяка. Вероятно, что-то из соответствующих механизмов сломалось в ней еще с детства, хотя, конечно, и с ним все было далеко не в порядке. Самое время тут обвинить во всем общество, систему, прочие внешние условия, всяких там подвернувшихся «мальчиков для битья». Но оставим, возможно, праведный гнев для других случаев гораздо более злостных социальных нарывов.

У них по-прежнему шло, как шло, безо всяких изменений. То есть он растил и холил в себе нежность к ней, она продолжала свое, по большому счету никому не нужное существование.

Впрочем, для полноты картины нельзя обойти стороной и ее чувства, неглубокие, поверхностные, вялотекущие и мало другим интересные. Она к нему относилась довольно неплохо, как и ко многим другим мужчинам вокруг, не пытавшимся добиться ее благосклонности при повседневном общении. О ее сексуальных фантазиях можно было только догадываться, ведь внешних проявлений того не наблюдалось, а в секшопы она точно не заглядывала. Возможно, и зря. Впрочем, кого это интересовало?

По странной логике развития или стагнации этой, по-видимому, патологической с его стороны нежности все могло закончиться хэппи-эндом или еще чем положительным в виде, например, рождения детей или объединения имевшихся у обоих скудных материальных благ и небольших денежных накоплений. Однако, все закончилось иначе.

Его нежность, не подпитываемая ничем реальным ни с ее, ни с его стороны, в один прекрасный миг неожиданно «приказала долго жить», «крякнула», «сняла тапочки», «склеила лапы», «отбросила копыта». Странно, причиной тому послужила одна-единственная невзначай оброненная ею фраза, поступок, точнее, проступок, еще точнее, вообще бездействие с ее стороны.

Как-то он пришел к ней с твердым намерением наконец поступить, если не в духе поручика Ржевского, то уж никак не в стиле жалкого Пьеро.

Ее престарелая больная мать с красноречиво близким к апоплексическому удару видом корячилась на четвереньках, намывая деревянные ступени высокой входной лестницы. Крупные бисерины пота покрывали багровое от прилившей крови напряженное лицо пожилой женщины. На его несмелое приветствие она лишь протянула мокрую тряпку вытереть подошвы обуви и заверила, что дочь находится дома. Он нашел объект своей патологической нежности в дальней комнате лежащей на диване с высоко пристроенными на его мягкой спинке ногами.

Включенный телевизор приглушенно лопотал что-то невразумительное и никому не нужное. Коробочка с шоколадными конфетами рядом оказалась наполовину пустой. Она безмятежно улыбнулась и выпустила книгу из рук.

— А ты читал Борхеса?

И тут его нежность резко и бесповоротно умерла, совершенно беззвучно, как и жила до того в нем.

Анатолий Карасев
(г. Владимир)

ГОСТЬ

Окончил исторический факультет Владимирского педагогического института. Работал грузчиком, снабженцем. Писать начал в 2012 году. Женат, воспитывает троих детей.

Мария Петровна Болотова, вдова семидесяти трех лет от роду, занесла в избу охапку дров, с грохотом свалила их у печи и бессильно опустилась на лавку. На улице третий день лил холодный ноябрьский дождь, грозящий в скором времени перейти в снег, природа печально склонила голову в покорном ожидании зимы, а на душе у Марии Петровны от этого ожидания было совсем темно. С тех пор, как три года назад умер ее муж — Иван Николаевич, эта чернота стала ей привычной. Мария Петровна прожила большую трудовую жизнь и, сколько себя помнила, никогда не унывала, но в последнее время — ну, просто одолела тоска подколотная! Да и как не затосковать — осталось их в деревне три древние старухи: она, Наталья Андреевна, да Серафима Ивановна, а с ними какое веселие — одно расстройство. А тут, как на грех, и Ваня — последняя живая душа рядом с ней, и тот ее покинул. Только сейчас Мария Петровна поняла, что он значил для нее. Корила себя, что часто неласкова с ним была, попереку слово молвила, бранила со зла... Теперь что угодно бы она отдала, чтобы Ваня с ней хоть минуточку просто посидел, помолчал. Сама бы ему и рюмочку налила, за которую ругала раньше, — дура. Она как-то никогда не задумывалась, а была ли у них с Иваном Николаевичем любовь. С детства ведь все в работе, некогда им было молодость свою гулять, да и время стояло тяжкое, послевоенное. Глянулись они, конечно, друг другу, хотя красавцами никогда не были. Ваня — лицо бубликом, нос картошкой, она тоже — девушка не особо приметная была. Больше то их судьбу родители решали: заслали сватов, ударили по рукам, сыграли свадьбу — дело житейское сотни лет — все по одной колее. А на редкие в своей жизни вопросы про любовь Мария Петровна всегда отвечала, целомудренно потупя взор: «Человек он хороший...»

Иван Николаевич, и правда, был мужик спокойный, рассудительный, хозяйственный, а самое главное — малопьющий. И было у них с Марией Петровной, как и у многих наших недавних еще предков, чувство гораздо более проникновенное, чем то сюсюкающе мимолетное и пустоцветное, что сейчас называют любовью. Глубочайшая сердечная привязанность без всяких, однако, внешних проявлений незримой и несокрушимой основой пронизывала жизнь этих людей, соединяя их души и тела настолько прочными узами, что даже мимолетная разлука казалась невыносимой. Чтобы взрастить в себе такое чувство, нужно было только одно условие — добрый нрав. Именно таких людей воспитывала веками святая русская деревня, посвященная Евангельской чистотой. Но где та деревня?.. И где те люди?.. Последние из последних доживают свой скорбный век в полуразвалившихся избенках.

И век этот без Вани стал для Марии Петровны совсем постылым. Особенно зимы. Летом к соседкам приезжали дети, внуки, и умирающая деревня на короткое время оживала, как пустыня после дождя. Малышня обожала Марию Петровну и частенько сбегала к ней от своих суровых бабок, что было для нее великим утешением. Она баловала детишек, как только могла, и сквозь пальцы смотрела на все их шалости, чем приводила в неудовольствие Наталью Андреевну и Серафиму Ивановну. «Ох, Петровна, испортишь ты нам внуков!» — ворчали они, растаскивая по домам упирающихся и ревущих чад, которые через малое время снова оказывались в избе у обожаемой «бабы Мани». Смотря на это неугомонное и непоседливое племя, Мария Петровна с неизбывной, давней болью вспоминала и своего ненаглядного Васю. Одного единственного сыночка дал им с Ваней Господь, и тот недолго радовал родителей. Семи лет от роду пошел он с ребятами на речку купаться, да и утоп, сердечный. Затянуло его в омут бездонный, через три дня только нашли... Помнит она, ох, помнит, тот июльский, солнечный денек... Как умом тогда не тронулась — сама потом всю жизнь удивлялась. Иван-то тоже весь усох от горя. И сейчас, за то еще не любила Мария Петровна зиму, что в этой зимней тоске все чаще и чаще стал ее Василек приходить к ней во сне. Так и видит она его белобрысого, в застиранной клетчатой рубашечке, убегающего от мамки в вечность по пыльной проселочной дороге. А на пригорке, как и тогда, он оборачивается и машет ей рукой. Так прощально, так грустно... «К себе зовет, должно быть...» — просыпаясь в слезах, с печалью думала Мария Петровна. Так она стала страшиться этих снов, что боялась засыпать вечерами. И потихоньку, тонкой змейкой, стала проникать в ее голову мысль о том, что вся-то ее жизнь оказалась никчемной и пустой, и что та безысходность, в которой она сейчас оказалась, просто закономерный результат этой жизни. «Действительно,— думала она часто в последнее время,— голодное детство, колхозная ферма от зари до зари, погибший ребенок, бесплодная семейная жизнь и, в конце, одинокая, никому не нужная старость,— к чему все это, зачем? Только зря всю жизнь промаялась...». Эти черные мысли становились с каждым днем все более неотступными. К чему-то они ее звали, манили, даже подталкивали, только не могла она понять, к чему.

— Слышь, Мария! Что-то ты не нравишься мне в последнее время,— как-то раз, зашедши к ней, сказала Наталья Андреевна.— Сидишь, как сыч, в избе целыми днями, света Божьего не видишь, дошла вся. Ты чего раскисла, в самом деле? И, не дожидаясь ответа, продолжала:

— Пошли, давай, в монастырь этим воскресением! Поисповедаешься у отца Никодима, от грехов, так сказать, очистишься, глядишь и полегчает. Отец Никодим батюшка хороший, душевный, одна приятность с таким человеком поговорить.

— Вот и говори дальше! — неожиданно осерчала на подругу Мария Петровна.— А я со своими грехами сама разберусь!

— Тьфу! — плюнула в сердцах Наталья Андреевна и, что-то бормоча, отправилась восвояси.

Но стоило ей только выйти за порог, Мария Петровна тут же пожалела о своих словах и о незаслуженно обиженной соседке. «А и впрямь, что ли, сходить? Хоть посмотрю, что за монастырь такой, а то уж, почитай, два года как звонят, а я и не была ни разу»,— подумала она, и от этих мыслей стало Марии Петровне как будто даже легче. Монастырь, как рассказывали еще в ее детстве старые люди, существовал рядом с их деревней с давних времен, чуть ли ни с самого татарского ига, но в большевистское лихолетье был, по обычаю, разорен, обезглавлен и загажен. В бытность Марии Петровны существовал там сельский клуб с танцами, с кино про Чапаева, с колхозными собраниями и с лекциями общества «Знание», в которых интеллигентного вида мужчины втолковывали темным сельчанам о «мракобесах в рясах» и про «опиум для народа». Что такое «опиум», никто из деревенских не знал, и речи заез-

жих говорунов слушали, кто-то, скептически прищутив глаз, но по большей части — с полным равнодушием. Домой надо было людям к скотине и к огородам, а тут сиди, пухни! Мария же Петровна, в те редкие минуты в ее жизни, когда было время о чем-то подумать, часто недоумевала про себя: «И слово-то какое гадливое придумали — «мракобесы». Чего ж они плохого сделали? Вроде наоборот — добру и любви людей учили». А то, что это так, Мария Петровна, в отличие от многих своих односельчан, знала точно. Бабка Лизавета, жившая с ними в ее далеком детстве, знала грамоту, что редкостью было в то время, особенно для женщины. Была она сильно набожной, читала Псалтырь, еще какие-то, темные от времени, святые книги, каждый день шамкала беззубым ртом молитвы перед иконами и наставляла в вере любимую внучку Марию. А Мария была тогда еще совсем сопливым ребенком, но многие слова бабки Лизаветы с тех пор запали ей в душу. Знала она десять заповедей, «Отче наш», кое-что из Священного Писания и за что жида-злодеи Христа распяли. «Ты, девка, если в жизни тягота какая приключится, завсегда Мать-Богородицу зови», — внушала она маленькой Маше. Мария Петровна, будучи уже взрослой, часто вспоминала бабушкин завет. И звала. Правда, может, без особой веры, почти машинально, но обращаясь к Божией Матери в бедах, скорбях, да и, просто, в ежедневных каких затруднениях, вошло у нее в привычку.

А из бабкиного духовного наследства только и уцелели, что две иконы: Богоматерь «Владимирская», да еще один древний образ, такой черный от времени, что разобратить на нем уже ничего было нельзя. Про него бабка Лизавета говорила: — «У-у! Это икона старинная, нашему роду от основания дадена. Вот, только, кто на ней — сама не знаю. Ну, так что ж, пусть будет, все святость!» Так и стояли эти два образа у Марии Петровны в красном углу, украшенные нарядным рушником, который она еще в невестах вышивала. По большим праздникам зажигала она перед ними лампаду, и становилось от этого в избе сразу как-то светлее и чище. Мария Петровна любила в такие дни смотреть на образа и думать о загадочном смысле сущего. «Может и вправду есть на свете Бог?» — размышляла она, глядя на колеблющийся огонек лампы. «Наверное, есть... Кто же тогда красоту такую в природе сотворил и человеку дал разумение? Не само собой, чай, все устроилось...» Но дальше этих полусонных мыслей мировоззрение бабы Мани не расширялось. Так что верующей особо она себя не считала, в церкви никогда не бывала и монахов отродясь не видела.

И когда они с Натальей Андреевной, повязав на головы праздничные платки, отправились в воскресенье в монастырь, шла она туда с интересом и с каким-то, даже, замиранием сердца. Идти было километра два и Мария Петровна, отвыкшая уже от дальней ходьбы, к концу пути еле переставляла ноги. «Совсем ты Мария к месту приросла! Из-за тебя сейчас на службу опоздаем!» — выговаривала ей Наталья Андреевна, вынужденная всю дорогу плестись рядом с подругой. Наталья Андреевна как будто всю жизнь только и ждала открытия монастыря, и с первых дней стала самой верной прихожанкой монастырского храма, в который когда-то бегала с парнями на танцы. Она быстро тут освоилась, научилась правильно налагать на себя крестное знамение и подходить под благословение, выучила молитвы, соблюдала посты, постоянно исповедовалась и причащалась, и, даже, пару раз ездила куда-то на богомолье. Накануне она подробно объяснила Марии Петровне, что и как надо в храме делать и говорить. Когда они, наконец-то, добрались до монастыря, литургия только-только началась. Войдя в храм, Мария Петровна с изумлением оглядывала знакомый с детства сельский клуб. Только от знакомого здесь больше ничего не осталось. На месте где когда-то была сцена, теперь находился большой резной иконостас с воротцами («Алтарь», — как объяснила Наталья Андреевна). На стенах, вместо наглядной агитации, висели иконы в окладах и без, в полумраке сияло пламя свечей, все было торжественно и немного печально. Но самое главное, как только Мария Петровна

переступила порог церкви, она почему-то облегченно вздохнула. «Хорошо-то как!..» — зачарованно думала она, забыв про усталость. Исповедь уже началась, и к маленькой трибунке, на которой лежали Крест и Евангелие («Налой называется», — опять же вразумляла всезнающая Наталья Андреевна), стояла небольшая очередь, состоящая, в основном, из таких же пожилых женщин, как и они сами. Женщин этих Мария Петровна хорошо знала по работе в колхозе, который некогда объединил все окрестные деревни. И странно ей было глядеть на бывших активисток, ударниц соцтруда и строительниц светлого будущего, смиренно стоявших теперь за отпущением грехов. «Эх, жили, как котята слепые!» — скорбно думала Мария Петровна, с трепетом ожидая своей первой в жизни исповеди. Исповедовавший монах был высокий, худой, как жердь, старик, с седой бородой и пронзительными серыми глазами. «Батюшка Никодим!» — толкнула ее в бок стоящая позади Наталья Андреевна. Когда подошел ее черед, она на ватных ногах подошла к аналою и растерянно замолчала.

— Первый раз, что ли? — сурово, как показалось Марии Петровне, спросил отец Никодим.

— Первый, батюшка... — срывающимся от волнения голосом вымолвила она.

— Понятно, — вздохнув, сказал отец Никодим и стал задавать ей вопросы о грехах, присущих роду человеческому. И чем больше он их задавал, тем больше выяснялось, что Мария Петровна далеко не самый худший представитель этого рода. Некоторые вопросы казались ей немного, что ли, срамными, о некоторых грехах она и не догадывалась вовсе, что есть такие на белом свете, про какие-то ей грозно выговаривала еще бабка Лизавета, но, в общем-то, получалось, что винить Марию Петровну особо и не в чем. От мужа она не гуляла («такого-то родила еле-еле»), об абортках даже никогда не думала («одного-то родила еле-еле»), с фермы комбикорм не таскала (противно ей было всякое воровство), языком чесать и обсуждать кого никогда не любила и вином, естественно, не упивалась. Ну, да, в церковь не ходила и постов не соблюдала, так и не было, куда ходить, а уж в войну и после нее напостились они на всю оставшуюся жизнь. Выслушав ее ответы, отец Никодим устало спросил:

— Все ли поведала? Ничего не утаила?

— Все, батюшка! — искренно ответила Мария Петровна, радуясь, что самое тяжелое уже позади.

Про свои черные мысли она ничего не сказала старому монаху, и не потому вовсе, что хотела их утаить. Просто Мария Петровна считала их своим глубоко личным делом, не требующим оглашения и какого-либо постороннего вмешательства.

— Смотрю я на вас, сестры, и думаю: не вам передо мной, а мне перед вами каяться надо, — то ли в шутку, то ли всерьез сказал отец Никодим и накрыл ее голову маленьким покрывальцем, висевшим у него на шее. Под ним почувствовала Мария Петровна, как ослабевает в ее душе какая-то мучительно туго натянутая струна, и по всему телу разливается неведомое, легкое блаженство. Ей захотелось, чтобы батюшка как можно дольше говорил над ней свои непонятные слова, но он откинул покрывальце и приказал: — Целуй Крест и Евангелие!

Она поцеловала, а потом сложила ладони под благословение, как учила Наталья Андреевна.

Обратную дорогу и потом целую неделю она летала, как на крыльях. Никогда, даже в молодости, Мария Петровна не чувствовала в себе такой чудесной невесомости тела и духа. Тоска оставила ее, и грядущая зима уже не казалась Марии Петровне такой мрачной, как в последние годы после смерти Ивана Николаевича. Она все собиралась снова сходить в монастырь — постоять на службе, благословиться у отца Никодима, поговорить и причаститься, как советовал он ей тогда, и снова испытать то чувство тепла и покоя, которое так тронуло ее душу. Собиралась, но почему-то так и не собралась. Каждую неделю говорила себе: «Пойду!» и... не шла. Вроде, и преград-

то никаких особых не было — просто вот так, как она себе объясняла: «Не могу собраться». То же самое она говорила и Наталье Андреевне, неоднократно звавшей ее с собой, и та, в конце концов, отступила.

А Мария Петровна и сама не заметила, как мир снова поблек, и в душу вползла ледяная, скользкая мерзость. Мрачные мысли не отступали от нее теперь уже ни на минуту, принося с собой тупую, ноющую во всем теле, апатию. Она уже не зажигала по праздникам лампаду, не звала Богородицу, ничему не радовалась и ничем не интересовалась. Не в силах противостоять одолевшей ее хандре, Мария Петровна с трудом передвигалась, и большую часть суток просто сидела или лежала на кровати, глядя в пространство. Но сегодня, свалив у печки дрова и опустившись на лавку, она вдруг поняла, что хотела от нее эта черная тоска и что надо делать. Скутав на ночь печь, Мария Петровна решила оставить в ней несколько тлеющих углей, что даровало бы ей легкую, почти приятную смерть от угара. Решив так, Мария Петровна даже воспряла духом в предвкушении вожеленного исхода. Весь тот день прошел у нее в хлопотах: она сходила на могилку, где вместе были похоронены ее любимые Иван Николаевич и Вася, и где она оставила место и для себя, слезно там попрощалась с ними, в надежде на скорую встречу, сходила в баньку, прибрала все в избе и затопила печь. Пока прогорали дрова, Мария Петровна, вся в чистом, сидела в темной избе и терпеливо ждала. На душе было пусто и жутко, но она решила не отступать и, наконец-то, разрешиться от невыносимой муки. «Пора уж, наверное», — с ужасом думала она, но почему-то медлила встать и подойти к печи. «Ну, все!» — решительно сказала себе Мария Петровна, и уже начала было приподниматься, как в дверь неожиданно постучали. Этот негромкий стук прозвучал в избе как гром небесный. От неожиданности Мария Петровна оторопела и снова опустилась на лавку. Это было что-то невероятное. К ней никто уже давно не заходил даже днем, а между тем на дворе была полночь и лил ледяной дождь, вперемешку со снегом. «Не ровен час, злой человек!» — испуганно подумала Мария Петровна и тут же горько усмехнулась про себя — в преддверии того, что она хотела совершить в ближайшее время, опасения за свою жизнь показались ей нелепыми. Деваться было некуда и она, досадуя на неожиданную заминку, поднялась, зажгла свет, подошла к двери и отодвинула щеколду. Дверь отворилась и в избу, сгибаясь под притолокой, вошел... отец Никодим.

— Господи Иисусе Христе, Сыне Божий, помилуй мя, грешного! — сказал он, крестясь на иконы, а затем, обратившись к Марии Петровне, ласково молвил: — Ну, здравствуй, Мария! Не ждала?

От ощущения неправдоподобности происходящего, Мария Петровна в первые секунды потеряла дар речи. Немного придя в себя, она, заикаясь и запинаясь, попыталась держать ответную речь.

— Ба-ба-тюща!.. Да, как же ты?.. Откуда? В такую-то непогодь! — суетилась она вокруг гостя, сразу позабыв про печь и про угли. Странное дело, но как только отец Никодим вошел в избу, она ощутила в себе такое ликование, какое, наверное, испытывает узник, узревший мир Божий после долгих лет заточения.— Проходи, отец, садись! Сейчас самоварчик поставим, отогреешься,— Мария Петровна воткнула в розетку небольшой электрический самовар и принялась торопливо доставать из шкафчика разные варенья, меда и баранки.

— Вот, из города еду,— сумел, наконец, вставить слово отец Никодим,— дай, думаю, к Марии заверну. Что-то она нас, грешных, совсем позабыла, раз только зашла и пропала.

— Да, все не соберусь как-то,— смущенно пробормотала Мария Петровна, ставшую привычной, отговорку.

— Надо собраться! — твердо сказал отец Никодим и его серые глаза на мгнове-

ние вдруг стали небесно-голубыми.

— Только вперед! — добавил он загадочно.

Между тем, поспел самовар. Мария Петровна заварила душистый чай из собственноручно собранных, лечебных и просто полезных трав, и за этим чаем завязался у них долгий, душевный разговор. Были они с отцом Никодимом почти ровесники, оба прожили долгую, нелегкую жизнь и поговорить им было о чем. Мария Петровна как-то запросто, без утайки, рассказала отцу Никодиму про свою жизнь, про Ивана Николаевича, про Васю, про колхозную работу, про все, а отец Никодим поведал о себе. Как пас в детстве овец где-то в южных краях, как, потеряв в войну родителей, оказался в монастыре, которых потом сменил не один. Рассказал о том, что долго прожил в Греции на каком-то острове, названия которого Мария Петровна не запомнила, и выучил в совершенстве тамошний язык. Он даже спел ей на этом языке одно греческое церковное песнопение. Голос у отца Никодима оказался сильным и по-ангельски чистым, а само песнопение было настолько прекрасным, что, слушая его, Мария Петровна всплакнула, и душа у нее истаяла от неземного восторга. Уже, наверное, в четвертом часу утра отец Никодим всполошился

— Мать Мария! Засиделся я у тебя! Братия ведь хватятся! — и торопливо поднялся. — Ну, спасибо хозяйка за приют, за угощение, — сказал он и перекрестился на иконы. — Ты вот что, — на секунду задумавшись, обратился он к Марии Петровне, — если заскучаешь когда, то к нам приходи. Работы для тебя найдется, в меру сил, конечно. Можешь и пожить немного, коли будет желание. Келью выделим и с трапезой не обидим. А то одной-то тяжело, наверное? — глядя ей прямо в глаза своим пронизывающим взглядом, спросил он. От этого взгляда стало Марии Петровне не по себе, и она только молча кивнула. Уже подходя к двери, старый монах вдруг обернулся и, став каким-то совсем другим, сказал грозным голосом, от которого она враз затрепетала. — Ты, женщина, праведную жизнь прожила и не губи под конец венцов, тебе Господом уготованных! То, что задумала, — брось и внушений бесовских не слушай! Брось! — сурово и страшно повторил отец Никодим и даже притопнул ногой, обутой в сафьяновый сапожок. — Прогорели угли твои, — сказал он напоследок и вышел.

Мария Петровна, ни жива, ни мертва, просидела в оцепенении около часа, потом повалилась на кровать и прорыдала до утра. Какие-то тяжкие оковы упали с нее, и она до содрогания ясно представила себе, в какую адскую яму чуть было не прыгнула. «Самоубивцев проклятых сам сатана на дне геенском вечно пожирает!» — вспомнила она забытые слова бабки Лизаветы и заревела еще громче.

Следующие два дня Мария Петровна провела в чистой убаюкивающей тишине. Ей казалось, что мир вокруг нее сделался такой хрупкий, как будто стеклянный, и она ходила и делала все осторожно, чтобы ненароком не разбить эту красоту. В воскресенье Мария Петровна встала пораньше, беззвучно оделась и отправилась в монастырь. Нетерпеливо отстояв очередь, она подошла к аналою, где исповедовал отец Никодим, и в слезах опустилась перед ним на колени.

— Прости меня, отче, дуру окаянную! — тихо проговорила Мария Петровна.

— Что с тобой, матушка? — с удивлением и тревогой спросил отец Никодим, и Марии Петровне почудилось, что он вовсе и не узнал ее.

— Сам знаешь, родимый! — ответила она и поведала ему обо всех своих черных мыслях, о том, что задумала наложить на себя руки, и горячо благодарила отца Никодима за свое чудесное спасение.

— Ну-ка, ну-ка, ты поподробней расскажи, как я к тебе приходил, — попросил вроде как опешивший батюшка, и Мария Петровна, в недоумении от такой забывчивости, рассказала отцу Никодиму все события той фантастической ночи. Выслушав ее, отец Никодим закрыл глаза и стоял так, наверное, минут пять с крайне сосредоточенным и, в тоже время, светлым лицом. Женщины начали уже беспокоиться, но тут

он открыл глаза и сказал Марии Петровне: — Что хочешь со мною делай Мария, но не был я у тебя в ту ночь и не мог быть, потому как, действительно, был в городе и только вчера вернулся.

Мария Петровна от таких слов открыла рот и окаменела.

— А еще,— продолжал отец Никодим,— в Греции я никогда не бывал, языков не знаю, петь не умею и сапогов сафьяновых отродясь не носил, а все больше кирзовые,— и он показал свой огромный, в гармошку сапог со сбитыми каблуками.— Кто к тебе приходил — этого я сказать не могу. Одно только знаю точно, что это было чудо и великая милость Божия! — И уже после исповеди, благословив, виновато, почему-то, шепнул Марии Петровне.

— Ты, действительно, приходи к нам, если захочешь.

Мария Петровна с тех пор большую часть времени стала проводить в монастыре, помогая монахам на кухне, в стирке-глажке, да на привычном для нее скотном дворе. Несмотря на тяжесть трудов и старческие немощи, жизнь в монастыре при деле и в людях приносила ей только радость, которой она не знала в своей прошлой жизни. Мария Петровна теперь искренно недоумевала, как могла существовать раньше без Бога, без храма, без молитвы и уже ни в чем не сомневалась. Она часто вспоминала своего ночного гостя, и от этих воспоминаний ей становилось одновременно и тепло, и страшно.

Через два года, Великим постом, Мария Петровна что-то занемогла и сразу поняла, что это недомогание к смерти. Она последний раз исповедовалась у отца Никодима, причастилась Христовых Таин и отправилась помирать домой. Там через два дня сознание оставило ее, и на какое-то время Мария Петровна погрузилась в тревожное, горячее забытьё, наполненное какими-то неясными образами, голосами и звуками, которые томили и мучили ее душу. Вдруг туман рассеялся и Мария Петровна, необычайно ясно, увидела свою комнату и ухаживающую за ней Наталью Андреевну, которая почему-то не заметила ее пробуждения. Справа от себя там, где стояли иконы, Мария Петровна заметила свет. Она повернула голову и увидела, что от образов исходит тончайшее теплое сияние, и лик Богородицы как будто оживает. Черты ее лица сделались мягкими, а в дивных очах Мария Петровна увидела светлый океан милости Божией и, сладостно растворяясь, утонула в нем вся без остатка. Темный образ рядом тоже просветлел золотом, чернота обвалилась с него, как шлак, а внизу запылали огненные буквы: «Святитель Спиридон. Епископ Тримифунтский». Это был он — ее недавний спаситель. Она сразу узнала до радости знакомые черты, только теперь он был в невиданном, расшитым крестами, облачении и в странной, похожей на корзину, митре. Святитель вышел из образа, ведя с собой за руку мальчика в блистающей белой рубахе.

«Василек!» — захолонуло горячей волной счастья сердце Марии Петровны. Они подошли к изголовью ее кровати, и Святитель запел ту самую прекрасную песню, что пел ей тогда ночью, но голос его теперь серебряным колоколом звучал на всю вселенную. Рядом зазвенел еще один колокольчик — это подхватил песнопение Святителя ее Василек. Они пели, и стройный хор ангелов хрустальным водопадом вторил им с небес, и славословие Божие плыло ввысь, туда — в неведомую, сверкающую бесконечность, увлекая за собой, легкую, как пушинка, душу Марии Петровны.

Она умерла на третий день, не приходя в сознание. Отпевали Марию Петровну в монастырском храме и Наталья Андреевна, ухаживавшая за подругой во время ее недолгой болезни, рассказывала, что Мария Петровна в последний день все тянула руки к иконам, и из закрытых глаз ее текли слезы.

ОБРАЗЫ И ТРОПЫ ПОЭЗИИ

Анатолий Аврутин
(г. Минск, Белоруссия)

ОСЕННИЕ ПЛАЧИ

Анатолий Юрьевич Аврутин родился и живет в Минске. Окончил БГУ. Автор более двадцати поэтических сборников, изданных в России, Беларуси, Германии и Канаде, двухтомника избранного «Времена», книги избранных произведений «Просветление». Лауреат многих международных литературных премий, в том числе им. Э. Хемингуэя (Канада), «Литературный европеец» (Германия), им. К. Бальмонта (Австралия), им. С. Есенина, им. Б. Корнилова, им. А. Чехова, им. В. Пикуля (все — Россия) и др. Главный редактор журнала «Новая Немига литературная». Название «Поэт Анатолий Аврутин» в 2011 году присвоено звезде в созвездии Рака. В 2016 году стал лауреатом всероссийской литературной премии «Левша» им. Н. С. Лескова.

* * *

Догорала заря... Сивер выл над змеистым обрывом,
Умерла земляника во чреве забытых полян...
А он шел, напевая... Он был озорным и счастливым...
— Как же звать тебя, *милай?*.. И вторило эхо: «Иван...»

Он шагал через луг... Чертыхаясь — несжатой полоской,
Ну а дальше, разувшись, по руслу засохшей реки.
— И куда ты, Иване? — Туда, где красою неброской
Очарован, стекает косматый туман со стрехи...

— Так чего тут искать? Это ж в каждой деревне такое,
Это ж выбери тропку и просто бреди наугад.
И увидишь туман, что с утра зародясь в травостое,
Чуть позднее стекает со стрех цепенеющих хат...

Эх, какая земля! Как здесь все вековечно и странно!
Здесь густая живица в момент заживляет ладонь.
Здесь токует глухарь... И родится Иван от Ивана —
Подрастет и вражине промолвит: «Отчизну не тронь!»

Нараспашку душа... Да и двери не заперты на ночь.
Золотистая капля опять замерла на весу...
—Ты откуда, Иван? — Так автобус сломался, Иваныч,
Обещал ведь Ванюшке гостинца... В авоське несу...

* * *

Вячеславу Лютому

Ничто не бывает печальней,
Чем Родина в сизом дыму,
Чем свет над излучиной дальней,
Кольшущий зябкую тьму.

Ничто не бывает созвучней
Неспешному ходу времен,
Чем крик журавлиный, разлучный,
Буравящий даль испокон.

И сам ты на сирой аллее,
Такою ненастной порой,
Вдруг станешь светлей и добрее
Средь этой тоски золотой.

Поймешь — все концы и начала
Смешались средь поздних разлук.
И что-то в тебе зазвучало,
Когда уже кончился звук...

* * *

Капнет слезинка, плавно двоя
Дали косые.
Это Россия, *други моя*,
Это Россия!

Тусклый пейзажик, хоть и уныл,
Неба раздольней.
Как не поверить шелесту крыл
Над колокольной?

Как не поверить шумной гульбе
В домике нищем,
Как не поверить черной трубе
Над пепелищем?

Тощий багульник... Вялый вираж
Птицы над пожней.
Поздно... Возница выпивший наш
Едет порожний.

Едет, обиду в сердце тая,
Согнута выя.
Это Россия, *други моя*,
Это Россия...

* * *

Спасти небесную Россию
От одноимцы земной,
Где тоже льют дожди косые
И воздух в сумраке грибной.
И так же можно выйти в сени,
Достать из бочки огурец...
Там так же помнят, что Есенин —
Не для парада — для сердец...
И все же вся она другая —
Без той высокой чистоты,
Что в душах светлое являет,
Творя иконы и холсты.
Она еще патриархальной,
Чем та, что горьковской сродни —
Грязнее дном, судьбой печальней,
Страшней призывом: «Очерни!..»
Она давно привыкла к смуте,
К тому, что порют за пустяк —
При лже-Димитрии, Малюте,
При Годунове... Но ведь как?..
Из русских русскость вышибая,
Наотмашь, истово, захлеб,
По-русски песни распевает,
Совсем по-русски крестит лоб.
И про «авось» воскликнет спяну,
И выпьет «горькую» до дна...
Но та, что в небе — осиянна,
А эта — злобна и мрачна...

* * *

Потемнели-мне ли-мне ли в небе тучи,
В омут канула последняя звезда,
Это мне ли пред судьбиной неминуемой
Все считать-читать ущербные года?

Что-то грохнет-охнет-охнет в поднебесье,
За пригорком тропка в мокрое свернет,
И шальной седок умчится в редколесье,
Редко-редко, но улыбкою сверкнет.

В буреломе трава-травинушка не гнется,
Бурелом для трын-травинки — трын-трава.
Сизый селезень картаво захлебнется,
И от мрака просветлеет голова.

А потом, когда устало-тало-тало
Небосвод повеселеет ввечеру,
Осенит — таких мгновений очень мало,
Когда Русь не призывают к топору.

Просто дождичек прошел в Руси великой,
И не нужно никому на смертный бой.
И Отчизна Несмеянойсветлоликой
Просияла в красном красною красой.

Просто огненно теперь на белом свете,
Вновь пичугами затенькали сады.
Лады-лады-лады-ладушкины дети
Запоют на все веселые лады.

Владимир Резцов
(г. Тула)

ПОЗДНИЕ ЗВОНКИ

Наш постоянный автор, лауреат всероссийской литературной премии «Левша» им. Н. С. Лескова, зав. отделом поэзии всероссийского литературно-художественного и публицистического журнала «Приокские зори».

Если друг к ночи станет звонить,
Чтоб печальную душу излить,
Я отвечу ему: «Дорогой!
Расскажи, что случилось с тобой?!»

А досужие станут звонить —
Просто так, фимиам покурить:
«Здесь живет знаменитый поэт?»,
«Нет,— скажу,— знаменитого — нет!»

Если женщина станет звонить,
Предлагая постель постелить.
И любовь посулит до утра...
«Поздно, дочка,— скажу,— спать пора!..»

А как вздумает враг позвонить,
Чтоб ужалить, кольнуть, обхамить...
Черта с два, обломается он:
Отключу, отключу телефон!..

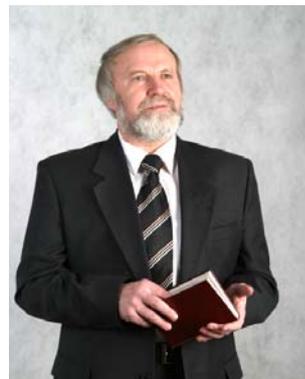

Олег Сенин
(г. Тула)

ПОЭТИЧЕСКИЙ ЦИКЛ «ПЛЕНЕНИЕ»

Сенин Олег Михайлович — человек необычной судьбы. С 17 лет он посвятил себя нелегальной деятельности, имевшей целью реформирование существующего строя. В итоге в 1970 году был приговорен к 9 годам лишения свободы как руководитель Саратовской антисоветской студенческой организации. В 1991 году Олега Сенина реабилитировали. Годы заключения обернулись полной утратой зрения. Однако неволя, лишения и слепота не сломили его, но, напротив, способствовали жизненной закалке и целеустремленности.

Пережив в лагере обращение к вере, Олег Михайлович ныне занимается просветительской, преподавательской и литературной деятельностью. Он известен как церковный проповедник и миссионер, является автором четырех книг и персонажем более десяти телефильмов. В его творческом диапазоне проза, поэзия, публицистика. Будучи магистром богословия, преподает в духовной семинарии. Дважды избирался депутатом Тульской областной Думы. У Олега Михайловича трое детей и семеро внуков.

Более полную информацию об авторе можно получить на сайте www.olegsenin.com.

В этих стихах, написанных в Дубравлаге, в выстраданной скрутке сплелись воедино любовь к родной земле и богоданной женщине, жгучая тоска узилища и крошечный лампадный огонек надежды. И, наконец, истовая сопричастность высокому строю дум и чувствований, которыми отмечен крестный путь Руси, ее Голгофа и ее ожидаемое воскресение.

БЕДА

Так трудно начался пресветлый октябрь,
Тебя подаривший варяжскому сыну.
Княжна милоликая, ты не повинна,
Что озими нежные в поле прозябли
И жизнь раскололась на две половины.

Княжна, утешенье мое и надежда,
Взметни свою белую руку к поводьям.
Зловещи над Клязьмой заката разводы,
В крови и порубах на милом одежды,
И ладо твоё печенегι уведят.

Гривастых коней неудержная стая
Любовь и отвагу над степью проносят,
От топота ломаются в заросли лоси.

Слезами и росами пыль прибывая,
Торопит погоню союзница-осень.

ЗАТОЧЕНЬЕ

По рукам и ногам — кандалы неподъемные,
Стены силятся вспомнить закатные блики.
Твои губы в улыбке, до любви неумные,
Сиротеющей ночью заходятся в крике.

А снаружи, к стенам, распокрытая осень,
Обласкавши подножья родных мне осин,
Паутину земли святорусской приносит
И заплаканных глаз твоих кроткую синь.

Тихих улочек наших расписные покои
До зазимков роднит листопадная гладь.
Но все золото их той улыбки не стоит,
Что в венчальный октябрь мое сердце зажгла.

Встань зажженной свечой над темничною мглой
Замоли, отведи, все небесные кары...
Все прошито разлуки железной иглой,
И мне целую вечность стонать и пластаться на нарах.

* * *

Ты прошепчи,— ты крикни,— я приду
И поддержу огонь, что на исходе.
Ты видишь: осень клином ввысь уходит,
И жить начертано нам на роду.
Изнемогают чуткие ладони
От прежней нежности прикосновений,
Волос и глаз твоих чудотворенье
Меня влекут к тишайшей речке Проне...
Но безвозвратны даты упоений,
И ветер по свету листву сырую гонит.

ЗОВ

Перекасти то поле дикое венком,
Взлети на крик мой тошный серой утицей.
Не приведи полжизни пролежать ничком,
Я знаю, верю, у тебя получится.

* * *

Душа молчит, ей нечего сказать
Твоим глазам, взыскующим ответа;
Я в их чертог вошел как тать,
Миную ангела Небесного Совета.

Вот отчего тоскуют небеса
Над влажной охрою листвы опалой.
Грехов тех лет на глупость не списать,
И мысль гнетет, что дал тебе так мало.

Жить хочется, не зарекаясь впредь.
Но совесть не молчит и не прощает.
И больно знать, что вся земная твердь
Твоей тоски сиротской не вмещает...

ТОСКА

Мне б камнем разбиться
И, в пыль обратясь,
К тебе устремиться,
Чтоб вдруг, в одночасье
Ничтожной пылинкой,
Крупницей любви
Слезинкой скатиться
На щеки твои.
И в слезном сиянье
Стоцветным алмазом
Тоску расставанья
Отсечь одним разом!

* * *

Посреди моей дремной земли,
Где-то близ Покрова-на-Нерли,
Ты мне видишься малой росинкой,
Той еще не просохшей слезинкой,
Что в печали Господь обронил.
Вдалеке, под дождливым навесом,
Я своим золотым отвесом,—
Всем, чем здесь на земле дорожу,
Тебя там в полутьме нахожу,
Как находят тропу среди темного леса.

ПУТЬ

Ты прости меня, ты прости,
Что иду к тебе долго и трудно:
По мостам разметали настил,
Обобрала ватага приبلудная
И цыган за коня не скостил.

Ты прости, что тебя к Покрову
Не утешу неожиданным приездом,
Дней твоих безотрадных канву,
Порасцветенных слабой надеждой,
Я владычной рукой не прерву.

Ты прости меня, ты прости,
Что твое одинокое ложе,
Где давно уже жар мой остыл,
На холодную келью похоже
И подняться к молитве нет сил.

Но поверь мне, что ты, только ты,
Моих радостей грустная вестница,
Там, за далью последней версты,
Душу рвущей лампадкою теплешься
И мои воскрешаешь мечты.

* * *

Я жду тебя, медлительный июль.
Ты явишь чудо, рано или поздно,
И в тихих днях твоих проступит грандиозность
Разлукой тронутых вселенских струн.

Неспешных вечеров засветится свеча,
Ушедших радостей припоминанье,
И дивное, не знавшее названья,
Слиянье двух измученных начал.

МОЛИТВА

Сохрани ее, Боже, в затишье лесов
От всечасных набегов безрадостных мыслей,
В утешительных снах дни разлуки исчисли
И укрой за стеною молитв и постов.

И я верю, Ты, Господи, аще восхочешь,
Над ее головой станешь радугой светов,
Херувимским распевом брусничного лета,—
И тогда горечь слез ее синь не источит.

* * *

Твой светлый лик таит иносказанья
Рязанской достославной старины,
Как рукопись с утраченным названьем,
Как сладкий дым родимой стороны.

И по дороге к Сергиевой Лавре,
Вбирая сосен благостный покой,
Я видел, как закатами прославлен
Неизгладимо русский облик твой.

В постылости греховного плененья,
В разладе между жизнью и мечтой
Останется заветным утешеньем
Неопалимо русский образ твой.

Евгений Егофаров
(г. Барнаул)

ПЕРВЫЙ СНЕГ

Поэт, актер, режиссер. Автор стихотворного сборника «Акт первый: насильственный». Живет в Барнауле.

* * *

Пусть в головах стоит кухарка
и на глазницы сыплет соль,
я шевелю во рту огарком —
не сплюнуть с языка мозоль.
Ее всегда дурная кухня
с пробитым навзничь котелком,
огонь когда-нибудь потухнет,
залитый черным молоком.
Ведь как ни рви струну словами
и как ты ни пляши в слова,
не будет новою над нами
ни плесень звезд, ни синева.

ПЕРВЫЙ СНЕГ

Первый снег, белее глины,
Источило ливнем длинным.
Замыкает сон ресницы,
Свои нервные седины.
У гробницы ли, у двери,
У нечерченной границы
Слышен только запах серы,
Скрип страницы Алигьери,
Стук подошв нетвердой веры,
Что изношены давно.
Мелкий дождь стучит в окно.
За окном вода не молкнет,
Под окном рябина мокнет.
Слышно, как одна из ягод,
Перелитых соком тягот,
Покатилась, сорвалась
В бриллиантовую грязь.
Нет ни голоса, ни гласа

У слезящегося глаза,
Только стук в жестянку таза.
Вот и ветер продувной,
Хоть и сам шумит волной,
Все же горло не промочит,
Ведь пуста глазница ночи
С закатившейся луной.
Снег лежит на талых листьях,
Сон глубокий в норах лисьих,
Смолкли птицы в разговорах,
Сон глубок в паучьих норах.
Первый снег, во сне повинный,
Не пройдя и половины,
С перевернутой страницы
Сыплет пепел журавлиный.
Половицы или двери —
Только дрогнули ресницы,
Это страх взаимной меры
Заставляет в сказки верить.
Ночь удушливее серы,
Стук в закрытое окно.
Хрупкий дождь умолк давно.
Лишь дыханье в талых листьях,
Сон глубокий в норах лисьих,
Слух остер об эту пору,
Глубже сна паучьи норы.

ОТ ЛИХОГО ЯЗЫКА

Провалившийся рот, будто хижина,
Под соломой седой стебель к стебелю,
У крыльца половицы просижены,
А фундамента — так и не было.
Там худые живут, нехорошие,
То ли косточки в них, то ли буквы,
От зубов они, что горошины,
Как от ворота, будто пуговицы.
Ой, бегут они впереди меня,
И страшней огня,
И лютей коня,
Ни сохи на них,
Ни засова нет —
Только ночь одна молчаливая,
Лишь про все на все у них есть ответ,
И слюна летит торопливая.
Как зубная боль,
На болоте выпь,
На язык мозоль,
Да на губы сыпь.
Все дворы мокры
От сырой воды,

Как захочешь пить,
Так полны следы
И доверху ковш, да еще ушат
Черной жабьей икры,
Да слепых мышат.
Мутнокожие, зверорылые,
Все текут слова в изобилии,
От бесед с тобой, снится, милая,
Как покойники курят лилии.
Как с лучом в руке
Я пойду к луне
И скажу луне:
«Отдохни на мне».
Загадаю свечу
И язык скручу,
Губы вокруг очерчу,
В поцелуе промолчу.
Будет конь на дыбы,
Будет сор из избы,
Будут прутья метлы пострижены.
Ну, а ты (имярек),
Замолчи навек,
Грубой ниткой свяжи двери хижины.

* * *

Вечер кружится, как свадьба домового,
Снег ложится тенью голубой.
Черной плетью тополя сухого
Гонит ветер тучи на убой.
На закат, на жертвенное пламя,
Где ножом скользит последний луч
Под нависшими над лесом животами,
Вспарывая горла снежных туч.
Лес густеет смоляною брагой,
Серый вечер почернел с лица,
Закружился, будет под корягой
Спать мятежно, трепетней птенца.
Есть глаза, которым слишком поздно,
Только им созвездия видны,
Даже если в укусе беззвездном
Пропадет жемчужина луны.
Рассыпают жертвенные тучи
Над землей гемоглобин скрипучий.
Ведь не отнято, хотя и не дано
Блеск воды перегонять в вино:
Я могу, перекрестившись кулаком,
Кровь ночную сделать молоком.
Чтобы алым языком рассвет лакал
Сливок вязь, что за ночь соткана,
Чтобы удивился облакам
Человек у ослепленного окна.

Максим Сафиулин
(г. Усть-Илимск)

Композитор, автор-исполнитель, певец, музыкант, играет на расческе и газете, как на музыкальном инструменте. Организатор и руководитель творческого объединения «СТИМУЛ», автор книги стихотворений, прозы и авторских песен «Дуэт» (Москва, 2005—2015 г.г.), книги стихотворений «Светлячок сильнее темноТы» (Новокузнецк, 2016 г). Руководитель народного ансамбля «Русская песня» и ансамбля «Илимские лучики», преподаватель Школы Искусств № 1. Лауреат международных конкурсов-фестивалей в России, Италии, Испании, США, Франции, Польше, Германии. Лауреат литературной премии «В поисках правды и справедливости». Финалист международной литературной премии им. А. Ахматовой и Гомеровской премии, победитель конкурсов «Молодежь в лицах», «Байкальская звезда», «Молодость. Творчество. Современность» и др. Награжден медалью «За активную гражданскую позицию и патриотизм». Член жюри городских музыкальных, вокальных, поэтических фестивалей и конкурсов. Инициатор проведения, сценарист, ведущий множества культурно-значимых проектов в городе Усть-Илимске.

ТИХАЯ ПЕСНЬ ТИШИНЫ

Тише, безумные! Хватит друг друга винить!
Жизнь ваша шумная рвет человечности нить.
Смыты безделием совесть, добро, чистота.
Гнев и похмелье. Жизнь совершенно не та.
Злые и гордые. Вам друг на друга плевать.
Как беспризорные — лишь бы поесть и поспать.
Тише, бездушные! Хватит нести ерунду!
Комнаты душные. Каждый как в пьяном бреду.
Лучше послушайте, как совершенно одна,
Взвыв от тщедушности, соло поет Тишина.
Песнь ее тихая. Тихая песнь Тишины,
Жаль, за шумихою мы этих нот лишены...

ВСЕ К ЛУЧШЕМУ!

Под ливнем все люди в нелепых плащах
Без племени.
И думать о всяких нелепых вещах
Нет времени.
Я, чавкая мокрыми кедами, мчусь

По гравию.
Куда-то спешу и куда-то стремлюсь...
А здравие? Его не найти и его не купить
За «еврики».
Легко его можно проесть и пропить
В истерике.
Здоровье свое пропивать не хочу —
Мне ближе чай.
И завтра звонить я не стану врачу —
Не ждет пускай.
Но знаю, совсем недалече мой дом —
За тучами.
Я счастлив и точно уверен в одном —
Все к лучшему!

НАДО ЖИТЬ

Солнце всем нам светит одинаково,
В этой жизни повидал я всякого.
Радость приходила или Грусть.
Ну и пусть.
Было все: и взлеты, и падения,
И потери, и вознаграждения.
Все, что помогает жить Добру,
Все беру.
Важно не роптать на неприятности.
Избегать проблемы и опасности.
Все, что нам Судьба сейчас дает,
Все в зачет.
Жизнь — она, конечно, штука сложная,
Прямо скажем, противоположная.
Все равно, что будут говорить,—
Надо жить!

ЖИЗНЬ БЕЛОГО ЛИСТА

Альбомный лист.
Его жизнь не затронута.
Он бел и чист.
И пером не проколотый.
Не знает он,
Что с ним сделают в скорости.
Со всех сторон
Ожидать можно подлости.
Сожгут, порвут?
Или может быть вывезят?
Зачем он тут?
Пригодится иль выбросят?
Он для кого?
Для поэта? Художника?

Куда его?
В руки Ламы? Безбожника?
И где ответ —
Лист бумаги не ведает.
Сомнений нет —
Скоро гибель последует.
Вошел малыш,
Улыбнулся всем ротиком:
— Ага, лежишь?
Быть тебе... Самолетиком!
...И белый лист
Без души и без голоса
Под ветра свист
Полетел аэробусом.

ФЕВРАЛЬ-ХУДОЖНИК

Ты задумчиво и загадочно
Смотришь вдаль,
Смотришь ласково — в платье праздничном —
На Февраль.
Он всю улицу разрисовывал
Для тебя.
Белым инеем окольцовывал
Голубят.
Пишет ласково он нелепицы
На окне.
И с тобою мечтает встретиться,
Хоть во сне.
Он рисует картины преданно —
Как всегда.
Пусть шедевры его и временны —
Не беда.
И пускай он слегка застенчивый,
Но влюблен.
Все картины тебе доверчиво
Дарит он.
Как хотел он тебе понравится,
Тот Февраль.
А забудешь его, красавица,
Будет жаль.

ЛИВЕНЬ

Ливень сегодня на редкость упрямый.
А я без зонта.
Мысль пролетает пустой телеграммой —
Легка и проста.
Вроде понятна, вполне позитивна,
Но кто адресат?

Стало тоскливо и даже обидно.
Но кто виноват?
Ливень — вода. На него обижаться,
Что с зеркалом пить.
Было когда-то и мне восемнадцать,
Был гонор и прыть.
Стал я все реже вставлять ногу в стремя.
Все больше пешком.
Ливню плевать на болезни и время.
Пройдусь босиком.
Я наступаю в холодные лужи.
Дождинок ловец.
Ливень пройдет. Ему, бедному, хуже.
А я — молодец!

О РАБОТЕ

* * *

Если начальник вдруг вежлив и мил,
Шутит, и бегаёт радостный глаз.
Нет, ничего он сегодня не пил.
Скоро уволят его или вас.

* * *

Умей работать — нет девиза проще,
Чтоб в холодильнике имелось продовольствие.
А рядом жить должна такая теща,
Чтоб на работу торопиться с удовольствием.

* * *

Когда Господь не слышит гласа человеческого,
Нет смысла спорить нам с устоями системы.
Когда начальнику бывает делать нечего,
У подчиненных начинаются проблемы.

* * *

Мы ищем утешение в улыбках,
Но нужно знать всему на свете меру.
Мы учимся на собственных ошибках,
А на чужих мы делаем карьеру.

* * *

Не балуйся напитками спиртными —
Наутро будет худо с головой.
И чтобы не работать под другими,
Начни скорей работать над собой.

* * *

Ну, наконец рабочий день прошел!
Люблю начальника: и мимику, и жесты...
Ведь о начальстве или хорошо,
Или иди искать другое место.

* * *

Будь с начальством мягким,
Добрый, терпеливым,
Но простую истину
Ты не забывай:
Если на работе
Стал незаменимым,
То о повышении
Даже не мечтай.

* * *

Не хватает времени для мыслей и идей.
Хоть и говорят, что мир не прост.
Фраза «ЗА РАБОТУ!» больше радует людей,
Если произносится, как тост.

* * *

Мы верим, что наступит поворот,
И мы опять забудем о досаде.
Надеюсь, чтобы движение вперед
Не стало результатом пинка сзади.

* * *

Ничто так не бодрит, не вводит в панику,
Будь ты на суше, в воздухе, в воде,
Как sms-ка утром от начальника
С вопросом его добрым: «А ТЫ ГДЕ?!»

* * *

В яростном споре начальство браня,
Словно туземец из племени,
Я победил! И теперь у меня
Куча свободного времени.

* * *

Я столько слышал об офертах
И вам заявляю в стихах:
Я против зарплаты в конвертах!
Платите зарплату в мешках!

Олег Пантюхин
(г. Щекино)

ВСТРЕЧА

«Завтра, завтра, завтра!» —
Сверлит в голове.
Я приду внезапно.
Я приду к тебе!

Ты откроешь двери,
Впустишь в дом меня,
Любишь, ждешь и веришь,
Нежность не тая.

Все в цветенье мая.
Белая метель
Лепестки срывает
На твою постель.

Любящие знают —
Только по весне
Ангелы летают
С ними на Земле...

* * *

Все тот же мир, все та же осень в окнах,
Все те же листья падают в траву.
И под дождем давно уже промокли
Уставших кланов ветви поутру.

На волоске, на краешке Вселенной
Моя душа висела, не любя.
Но ты пришла, единственной и первой
На целом свете стала для меня.

И боль прошла, и боль моя исчезла.
Воскресший к жизни, воздух я вдыхал.

И свет любви, божественный и нежный,
В уставшем сердце радостно сиял.
На много лет, на множество столетий
С тобою мы в любовь погружены.
Через века увидят наши дети,
Как мы с тобою были влюблены.

КОМЕТА

Какая яркая комета
По небу звездному летит!
Отставив только след из света,
Вся без остатка догорит.

Ты в миг падения кометы
Желанье загадай себе.
И станет жизнь твоя согрета
Счастливым отблеском в судьбе...

Валерий Акимов
(г. Нижневартовск)

О ГРАНИЦЕ С ЛЮБОВЬЮ

Постоянный автор журнала «Приокские зори».

ДЕНЬ ПОГРАНИЧНИКА

Я фуражку достаю,
Мысли вереницей,
И у зеркала стою,
Как перед границей.

Хоть судьба злодейка, но
Службой одарила,
А зеленое сукно
Без вина взбудрило.

* * *

Застава позабудется навряд,
Мне службу вспоминать всегда охота.
И вот уже опять — пограннаряд,
Ведет вперед лыжня через болото.

И будут буреломы, крутизна...
Краснеют щеки у ребят от спешки.
Вокруг — без горизонта белизна,
Чернеют лишь осиновые вешки.

ФИНСКАЯ ГРАНИЦА

Бессонница меня вновь давит глыбой
И я опять с границею вдвоем,
Где множество озер с обильем рыбы,
Таежных чащ с непуганым зверьем,

Где тропы до извилинок знакомы,
На коих я в нарядах мерз и мок,
Тоскуя по родительскому дому,
Что позабыть за столько лет не смог,

Где горизонт еще синей от сосен
И надо мной не отпускает власть,
Где сопка поднебесье преподносит
И где меня застава заждалась.

И будит память финская граница,
Высокий у нее авторитет!
Да зря сюда моя душа стремится —
Былых друзей-товарищей тут нет.

ПОГРАНИЧНЫЙ СТОЛБ

Не просто встал, а стал он дивом:
В мороз и знойною порой
Стоит на зависть всем служивым,
Что вкопан тут в земле сырой.

И на него садятся птицы,
Крадутся псы к нему тайком...
Поставлен столб не на границе,
А в нашем парке городском.

Аттракционная вещица,
Певцов он видел и «пивцов»,
Пусть далеко от нас граница,
Здесь место встречи погранцов.

Он знает многие секреты
И стольким рассказням внимал,
Но день и ночь молчит об этом,
Хоть и расписок не давал.

ПЕРВЫЙ ДОЗОР

Не зря июль тот в памяти хранится
И, как сейчас, хоть столько лет прошло,
В дозоре я на линии границы,
А солнце так безжалостно пекло.

Рот пересох, язык шершав, как терка,
Под рацией спина — как не моя,
От пота почернела гимнастерка
И нет спасенья в тучах комарья.

Давно уже утихли разговоры,
Во фляге нет ни капельки воды.
В болоте, не найдя земной опоры,
Ложатся в мох усталые следы.

ПОГОНЯ

Вовек не забуду забега:
Был май, но полно еще снега,

Почти бесконечно болото
И я — полузрячий от пота

Не корчил собой патриота,
Пытаясь настигнуть кого-то,

А думал, горя и горя:
Вот, если его догоню я?

ПРАЗДНИК

И до нас жизнь так вершилась,
На границе это — свято.
Все вокруг прихорошилось,
Посерьезнели ребята.

Просто, сдержано и мило...
В кухне — смачное шипенье,
Время ход остановило
И не спрячешь нетерпенье.

В буднях праздники бывают!
Нынче — смена поколенья:
На заставу прибывает
Молодое пополнение.

ЧЕРНОТРОП

Не забыть этой жизненной школы,
И опять до утра бедовать.
Ветер влез в рукава и под полы,
Неприветна осклизлая кладь.

Лунный отсвет никак не пробьется
И дождяра наряд исхлестал.
Вся надежда теперь остается
На собаку, АК и «Кристалл»*.

БЛАГОДАРНОСТЬ

Я пограничный старый пес,
Я — ветеран заставы,
Здесь дни и ночи службу нес
Не для хозяйской славы.

---

* Кристалл — сигнализирующий прибор.

«В ружье!» — бежал быстрее всех,
Не думая лениться:
Зависел от меня успех
В охране госграницы.

Так пролетели десять лет,
Как будто бы приснились,
Простыл моих вожатых след —
Пять человек сменились.

И вот состарился теперь,
Я не такой удалый,
В моем вольере новый зверь —
Кутенок годовалый.

А мне туда, где бурелом.
Инструктор глянул воров
И отвернулся, плюнул зло,
И клацнул вдруг затвором...

НА МОРОЗЕ

От стужи трескаются сосны.
В полночном звоне тишины
Мерцают звезды, будто блесны,
Седая дымка вкруг луны

Засеребрилась в тусклом свете,
Не предвещая новизны.
Давно уснули все на свете
И видят радужные сны.

А тут, как змей сорокоглавый,
Мороз кусает, щиплет, жжет.
И часовой покой заставы,
Как приведенье, бережет.

БАННЫЙ ДЕНЬ

Даже месяц у памяти — вор,
Только мне все бывшее милее:
Вот в парилке ведем разговор,
От брусничного морса хмелея.

А потом радиола поет
Про глаза и про синюю птицу,
И покоя душе не дает
Та, что каждую ночью мне снится.

НОВЫЙ ГОД

Новый год забудешь неужель?!
Прошлое — достойно уваженья.
С осени присмотренная ель
Сразу стала центром притяженья,

В «ленинскую комнату» зовет.
Повинуясь ей без протокола,
Полночь в небе звездами цветет
И сердца заводит радиола.

Будто явь предстала сладким сном.
И какао в кружки всем налито.
И мечтает каждый об одном:
Станцевать с женою замполита.

* * *

Бессонница. Опять мне маета,
Гляжу на фотоснимок из альбома.
Тогда в тот день сбылась моя мечта
И был не на заставе я, а дома.

Все в будущем: подруги и друзья,
Издержки предоставленной свободы...
Но первое, о чем подумал я:
Как постарела мать за эти годы!

Александр Норенков
(г. Дзержинск, Нижегородская обл.)

Родился в 1959 году в Горьком. Член Российского союза писателей; член литературного клуба «Огонек Рубцова» (г. Дзержинск, Нижегородская обл.). Автор литературных сборников: «Окский стиль», «Музыка души», «Своя земля». Публикации: «Альманах Российского союза писателей» (г. Москва), литературный журнал «Союз писателей» (г. Новокузнецк, Кемеровская обл.), еженедельник «Дзержинское время» (г. Дзержинск, Нижегородская обл.).

«ЯСНАЯ ПОЛЯНА»

Вьется Воронка игривою лентой:
Солнце Поляну ласкает. Тепло.
Мостик чрез реку, туманом объятый,
Тихо вздыхает. Всплеснуло весло.

Леди-березы — кудрявые девы,
Косы раскинув, под солнцем стоят.
А в небесах, негу дарящих, слева
Стаями птицы к закату летят.

Лес молчаливый — старик, долгожитель,
Графа сторонник, сподвижник идей...
Тенью влечет. Он загадок хранитель;
Манит к себе он достойных людей.

Звуки усадьбы чаруют сознание,
Иволги пение душу пьянит.
Гений здесь людям назначил свиданье:
Думает, пишет, лукаво молчит.

Помнит природа великого старца,
Здесь он с Тургеневым дружбу водил.
К тополию старому с радостью в сердце
Он на заре потихоньку ходил.

Вечер спускается: дремлет Поляна;
Прячется в зелени кучер-изба.

Ухают совы... Из мрака-тумана
Вышла на стражу колдунья луна.

ВЕЧЕРНИЙ ЭТЮД

Вечер крадется в листве невидимкой,
Тает в закате волнуящем день.
Грустно вздыхая, сверкнула росинка;
Жметя к оврагу усталая тень.

Ветер-гуляка под мостик улегся;
Сеном стог пахнет, уютно, тепло.
Месяц веселый на небе смеется,
Блещет алмазами речки стекло.

Звезды готовятся ярко зажечься:
Тихо в окрестностях, лег полумрак.
Ночь темноликая хочет развлечься,
Хочет залезть на часок в буерак.

Легким туманом укрылась дорога,
Дремлет она в предвкушении сна.
Рядом, с обочины, словно с порога,
Смотрит в вечерние дали сосна.

Озеро-зеркало в сон погрузилось,
Луг разнотравный неволью затих.
Роще нарядное утро приснилось,
Пишет закат удивительный стих.

Вечер наш эту поэму читает,
Слушает стих черноглазая ночь.
Месяц-красавец на небе мечтает,
Рядом с ним звездочка — лунная дочь.

Эта идиллия красок и жизни
Взгляд покоряет. Волнуется кровь.
Пусть отдохнут, успокоятся мысли!
Пусть загорится святая любовь!

МЕЖСЕЗОНЬЕ

Заискрились березы узором,
Легким шелком одело поля.
За склонившимся старым забором
Засверкали огнем тополя.

Еле слышно дымком потянуло,
Захрустел под ногами ледок.
Первым снегом калитку задуло,
Наклонился под ветром дубок.

А вдали, за сребрящейся гранью,
Льдом покрылась игрунья река.
С подоконника пахнет геранью,
Сняли валенки всем с чердака.

Рыжий пес, кость замерзшую чую,
Страстно роется в белом снегу.
Старый лист, по оврагу кочуя,
Ищет лежбища на берегу.

Стая галок на поле чернеет,
Кочки пашни торчат хохолком.
В эту пору уж рано темнеет,
И не грех бы погреться чайком.

Погружаясь в безмолвье лихое,
Спит природа, как будто дитя.
Это время совсем не простое,
Спит кормилица наша земля.

ЭЛЕГИЯ ДУШИ

Удивляют красотой горные края,
Их покинул я весной, грусти не тая.
Это чудо невозможно в памяти стереть,
На него, как на икону, можно век смотреть.

Бриллиантовая нежность белогривых гор,
Как волшебное виденье, покорила взор.
Кровь моя соединилась с водами реки,
Не могу я на прощанье приподнять руки.

Сердце бьется от волненья, душу теребя.
Горный край неповторимый, я люблю тебя!
Без твоих красот невинных будет тяжело,
Буду помнить скал отвесных белое чело.

От волнения и жажды все внутри горит...
Если б был сейчас я рядом, то сырой гранит
Остудил бы мою душу, плоть охолодил;
Он добавил бы мне разом стойкости и сил.

Увожу с собою образ вечной красоты:
Неги млечной, тайны полной, колкость высоты,
Остроту вершин, прохладу, пышность облаков...
Горный край, к тебе вернуться я всегда готов.

РОЖЬ

Вьется лентой в поле пыльная дорога,
Пахнет свежим хлебом золотая рожь.
Землю обласкала чудная погода,
День на радость людям выдался хорош.

Небо рожь одело нежною косынкой,
Слился с горизонтом бархатный ковер.
В колоске сверкает чистая росинка,
А вокруг пылает золота костер.

До чего же эта райская картина
Умиляет душу, удивляет взор.
У дороги гнется тонкая осина,
А под ней ромашки создают узор.

Это ли не радость? Это ли не диво?
Русская природа сердце веселит.
Ах, как это мило, нежно и красиво!
Ах, от этой сказки все внутри горит!

Ветерок гуляет гордо по просторам.
Колоски качает, мечется во ржи.
С ней ведет веселые речи-разговоры,
А вокруг бушует океаном жизнь.

В вышине летают, словно искры-стрелы,
Быстрые, как ветер, юркие стрижи.
В небе бесконечном мечутся без меры,
Им легко даются гонки-виражи.

В небе всласть смеется диск разгоряченный,
Рожь пылает цветом хны и янтаря.
Видит это чудо холмик удивленный;
Повесть день закончил, близко уж заря.

Это ли не радость? Это ли не диво?
Свет нам посылают сверху небеса.
Сердце взволновала золотая нива.
Рожь — ты пламень жизни! Русская краса!

Алена Алещенкова
(г. Москва)

Алена Алещенкова родилась и живет в городе Москве. Окончила Московский Педагогический Государственный университет по специальности практический психолог-консультант. Длительное время работала в социальной сфере. В настоящее время воспитывает маленькую дочку и сына, занимается творчеством. Стихи писать начала в юности. В 2015 году в издательстве «Образ» вышла первая поэтическая книга автора — «Яшенька».

МУЗЕ

Игривая муза, веселый ребенок,
Резвишься ты рядом на пестром ковре
И, кажется, вовсе пришла не ко мне.
Хитра ты, а вроде едва из пеленок.
На локоне бабочка, яркий венок,
Кудрявые волосы детские мягки,
Ты снова толкаешь к перу и бумаге
И, топя ближе, садишься у ног.
Смеешься над рифмой, капризная дама,
Сегодня ты в духе жестоко шалить,
Однако тебя не могу не любить.
Но, Боже мой, как ты сегодня упряма!

НОЧНОЕ

Темное небо, как синие очи,
Дочки Земли, пробудившейся ночью,
Пристально смотрят, как гаснут закаты,
Словно в отчаянье солнца утраты.

Дрожь пробегает по коже вселенной —
Ночь наступает законом нетленным,
И по щекам луноликой богини,
Слезы скользят, превращаясь в святыни.

Воздух застывший зеркальный и звонкий
Слушает ночью дыханье ребенка,

Птицей садится на спинку кровати,
С бликом луны наигравшийся в прятки.

Но подвенечное платье рассвета
Звездно жемчужное, сшитое летом,
Утро наденет и улыбнется.
Дочка земли вместе с солнцем проснется.

СТАРАЯ СКАЗКА

Серые скалы над морем, над бурей,
Словно старухи, над бездной колдуют.
Жалкий и острый осколок луны
Словно венчает оплот тишины.
Замок на скалах, как рыцарь седой,
Грозный, застывший, уже не живой.
В замке живет по преданиям Смерть.
Люди боятся на замок смотреть.
Те, что в деревне у моря живут,
Сказку про замок в веках берегут.
Старая сказка нужна и важна:
Людам надежду вселяет она —
В то, что не вечна старая Смерть,
В то, что придется и ей умереть,
И после ночи наступит рассвет,
Снова вернется утренний свет.
Может быть, правда, может быть, ложь,
В старых приданьях разве поймешь!
Только о вечном вещает молва.
Старая сказка поныне жива.

Серые скалы над морем, над бурей,
Словно старухи над бездной колдуют.
Жалкий и острый осколок луны
Словно венчает оплот тишины.
Небо разверзлось дождем беспрестанным,
Ветер дышал тяжело и туманно,
И настороженно среди тишины
Звезды смотрели на гребни волны.
Фыркает конь, косит глазом во тьму.
Люто и страшно среди ночи ему.
Топчется, кружит, не чуя узды,
Молится свету полярной звезды.
Всадник глазами стремится сквозь ночь,
Тусклые звезды не в силах помочь.
Где затерявшийся путь сквозь туман?
Млечных путей беспросветный обман.
Мокрый до нитки, пальцы как лед,
Он без дороги мчится вперед.
Кажется, ночь эта тысячу лет,

Кажется, будто потерял рассвет,
Божьего света не видят глаза,
Дождь все сечет по лицу, как лоза.
Вдруг сквозь ненастье забрезжил огонь,
Духом воспрянул испуганный конь,
Всадник, пришпорив его, увидел,
Замок, застывший в расщелине скал.
Светятся окна, и в страшной ночи
Тихая музыка в замке звучит.
Славные мысли рассудок томят,
Гонит и шпорами бьет он коня.
Вот уж на всадника свет из окон
Льется и смотрит взволнованно он:
Возле ворот, так нежна и мила,
Дева с глазами темнее, чем мгла.
Спешившись, всадник к хозяйке идет
И в поводу вороного ведет.
— Кто ты? — чуть слышно спросила она.
— Странник я, милая дева-луна.
Рыцарь бескрайних путей и дорог,
Бог только знает, как я одинок.
Дева, меня в эту ночь не гони,
В дом пригласи, обогрей, накорми.
Конь мой бессилен, и я чуть живой.
Сжался, богиня ночей, надо мной!
— Что же в обмен? — улыбнулась она.
— Все, что попросишь, дева-луна.
— Что ж, дам приют для тебя и коня,
Только в ответ ты полюбишь меня.
Путнику сделка пришла по нутру:
— Видно, сегодня я здесь ко двору,—
Думает он и, скрывая восторг,
К странному замку идет на порог.
Холод ступеней окутала мгла,
Дева шелковый повод взяла,
Конь, испугавшись, повод из рук,
Словно безумный, выдернул вдруг.
Бьет он копытом, встает на дыбы,
Глазом косит, и тумана клубы
Стройные ноги топчут в пыли,
В ночь посылая комья земли.
Только взглянула, и конь присмирел,
Словно не видит молнии стрел,
Словно не слышит грома, и вмиг
Точно тряпичный он сдался и сник.

В залах просторных бархат и пыль,
В каждом смешались сказка и быль,
Мраморный пол, холод каменных стен,
Сотни надежд, превратившихся в тлен.

Сотни свечей губят мрак и дрожат,
Странные тени на стенах лежат,
И каждый звук в этих залах рожден,
Эхом веков отражается в нем.
Только не смотрит странник вокруг,
Что-то случилось со странником вдруг.
Пьет, не пьянея, вино вновь и вновь:
Ново ему это чувство — любовь.
Дева порхает птицей ночной,
Манит, смеется, зовет за собой.
Теплые, сладкие губы ее
Шепчут, клянутся, зовут в забытье.
Нежно и страстно сомкнулись уста,
Словно вселенная стала пуста,
Звуки утихли, померк свет свечей.
Странник с колдуньи не сводит очей.
Молнии вспышки — как гнев ста богов.
Не разорвать ему липких оков.
Встретились взгляды, руки сплелись.
Чувства колдуньи огнем занялись.
Сколько она погубила сердец —
Знают лишь волны да мрачный дворец.
Души несчастных навеки взяла,
Волны морские скрывают тела.
Пеною грозной ползут на скалу
Темные волны, рождая молву,
Будто бы в стенах, холодных, как лед,
Смерть одинокою девой живет.
Шепчут они, раскрывая секрет,
То, что из стен этих выхода нет.
Знают свидетели страстных ночей
Белые кости на дне среди камней.
Только забрезжит над замком рассвет,
Только зажжется божественный свет,
Юный любовник, что сладко так спит,
Будет желаньем колдуньи убит.

Вот заалел горизонт над водой,
Небо простилось с последней звездой,
Сил набираясь, очнувшись от сна,
Ждет свою страшную жертву волна.
Ждет и играет пеной морской,
Бьется о камни с безумной тоской.
День молодой сотворила весна,
Только природа вокруг замка грустна.
В спальне колдуньи открыто окно,
Юное солнце встречает оно,
Птиц голоса тянут нежный мотив,
Только любовник по-прежнему жив.
Спит он глубоким и сладостным сном,

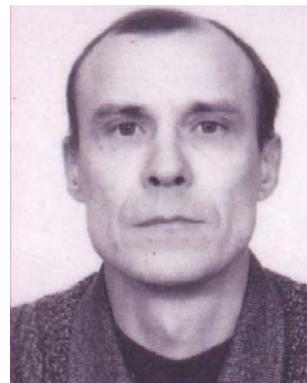
Тем, что несет пробужденье потом,—
Нет, не коснулась закрытых очей
Смерть ледяною рукою своей.
Смотрит колдунья, ступив на балкон,
Как совершается вечный закон,
Как зарождается новый рассвет,
Смотрит впервые за тысячи лет.
Словно смывая проклятья веков,
Падают слезы со звоном оков
И, разбиваясь, рождаются вновь.
Плакала Смерть, превращаясь в Любовь.

Может быть, правда, может быть, ложь,
В старых рассказах разве поймешь.
Только недаром вещает молва,
Будто Любовь и поныне жива.

Александр Чаев
(г. Тюмень)

ЗАТМЕНИЕ

Родился в г. Прокопьевске Кемеровской области. Стихи пишу с юности, но все «в стол». Лишь недавно издал две небольшие книжки. В настоящее время проживаю в г. Тюмени, работаю обычным рабочим.

Мой разум долго был в затменье.
Я путал ночь со светом дня
И все большие потрясения
В стране случались без меня.

Мой поезд бытия тянулся
В каком-то мрачном полусне,
Порой, казалось, я очнулся,
Но это лишь казалось мне...

Но вот однажды, утром ясным,
Я встрепенулся. Поезд встал.
Мне показался мир прекрасным,
Авроры ранний луч блистал.

У окружающих спросил я,
Спускаясь с яруса на пол:
— Какая станция?
— Россия!
Я чуть смутился... и сошел.

Как хорошо, руки стараньем
Смахнуть с ресниц недавний сон,
И в сердце с тихим трепетаньем
Шагнуть на каменный перрон!

Как хорошо, после забвенья,
Увидеть рощи и поля;
В знакомом городе — строенья,
Когда-то знавшие тебя!

Все те ж троллейбусов рогатки,
Пивные бочки на углах...
И «войны» детские, и прятки,
В покрытых мусором дворах...

А день все больше разгорался,
Ни тучки в синих небесах!
Незримо маятник качался
На вечных, призрачных часах...

Жарю огненного глаза
Томило солнце горожан.
В киосках жители Кавказа
Расположились тут и там.

Вокруг народ сновал заботный.
Я не спеша себе шагал.
В киоске смуглый парень потный
Гнилые фрукты предлагал...

Получше яблоки видали!
Но находились чудачки,
Отдав «десятки», набивали
Авоськи, сумки, рюкзаки...

А вот и наши постовые!
Их старшина, похоже, пьян.
Он, не стесняясь, «откупные»
Сует в немереный карман!

Он вряд ли попадет на нары,
Оплот начальству своему,
Ведь львиной доли «гонорары» —
Порука верная тому!

С прохожим я разговорился:
В безлюдье жил, мол, одичал...
Он мне поведал, что разбился
«Линкор» советский о причал...

— Россией нынче правит Ельцин,
Он перевертыш, мот и хам!
Ему германский «Алко-Зельцер»
Медсестры носят по утрам!

Летят и «замы», и министры,
Как с тополей осенний лист!
И все, кто на руку «не чистый», —
Был прежде ярый коммунист!

Он людям горы золотые
Сулит уже который год,
Но речи все его — пустые,
Как от медведя рамки сот...

Он предал Ленина заветы —
С Урала бывший Секретарь —
И мощную страну Советов
Бездумно бросил на алтарь!

Продали Русь — китайцам, немцам,
Продали даже небеса,
И подрядились к иноземцам
Свои ж выпиливать леса!

Колхозы бросили, забыли,
И земли пахотные то ж;
Скотину бедную пустили
Без всякой жалости под нож!

Теперь зарплату месяцами
На производствах не дают:
Директора при этом сами
Не хуже цезарей живут!

А на экране что творится?!
Мне поколение наше жаль! —
Все ненавидящие лица,
Все сатанинская мораль!

А дети наши? — Наши дети
Бесцельно бродят по земле
И, презирая все на свете,
Сгорают спичкой на игле!

Мы жить могли б куда достойней!
Афганистан... теперь Кавказ!
В развязанной «верхами» бойне
Намного меньше стало нас!

Война... Зловещий вой и скрежет!
Чем служба — лучше уж тюрьма!
Солдат, как скот, нещадно режут,
Взрывают школы и дома!

Случилось что с народом нашим? —
Насилуют, калечат, жгут,
И никому теперь не страшен
Ни наш людской, ни божий суд!

Старуха-смерть повально косит
И стариков, и молодежь,
В кармане чуть не каждый носит
Не пистолет, так острый нож!

Такое видел мир едва ли:
Грабеж повальный на Руси
«Приватизацией» назвали
И на бесчестье обрекли!

При коммунистах жили плохо,
При власти нынешней — втройне!..
Внезапно взрыва гулкий грохот
Волной ударил в уши мне!

«Да ты не бойся! — рассмеялся
Рассказчик мой, и продолжал
(Но я ничуть не испугался —
И не такое я видал!):

— Наверно, это рэкетеры
Заезжих торгашей трясут! —
Что люди сеют в этом мире —
То обязательно пожнут!..

Теперь по «турциям» летают
Не спекулянты — челноки:
Товар дешевый набирают
И прут в Россию в две руки!

И продают здесь втридороже,
Имея неплохой навар...
(Увидел сам я это позже —
Как все, ходил я на базар).

— ...Английский спешно учат, идиш...
Наговорился я, пойду!..
— Ты скоро все и сам увидишь,
Мы не в России — мы в аду!

И он ушел, чуть-чуть хромая,
Свидетель безутешных дней.
А я, на новый мир взирая,
Пошел дорогою своей.

От слов его — мороз по коже!
Мне было жаль мою страну...
Неужто и Россия тоже
Союзом рухнет — и ко дну?

Я посещал когда-то тирь,
Научен с юности стрелять:
Мне, может, тоже в рэкетирь?
Иль в челноки — и торговать?

Ведь в жизни, странностью влекомый,
Я, как и многие, дурил...
Но мне хороший мой знакомый,
Как в назиданье, говорил:

«Не запрягай чужие сани,
В калачный ряд не суй свой лоб,
Сегодня ты — как сыр в сметане,
А завтра — упакуют в гроб!

Ведь воля есть на все Господня:
Кому — разбой, кому — ларек...».
Кого бы Лермонтов сегодня
Героем Времени нарек?..

Татьяна Сушенцова
(г. Казань)

Татьяна Сушенцова по специальности врач. Живет в городе Казани. Работает в Центре восстановительного лечения детей-инвалидов. Член нескольких литературных объединений. Ведущая литературных мероприятий и вечеров при Государственном музее ИЗО РТ. Автор сборников поэзии «В печали светлой покаянья», «Признание», «Малышам и взрослым», «Я буду говорить тебе о главном». Стихи поэтессы Татьяны Сушенцовой опубликованы в сборниках «Галерея», «Надеждою дышу», «Моя Казань! — сказать имею право», «Во имя жизни», «Звездный дождь», в литературных журналах города Казань. Член Российского Союза профессиональных литераторов.

МЕТЕЛЬ

Мела метель, качели и скамейки
В сугробах утопали во дворе,
И белые, растрепанные змейки
Носились по взволнованной земле.

А ветер заунывной, дикой песней
Вносил такой мучительный разлад,
Что ходуном ходило поднебесье,
Фальцетом подвывая невпопад.

Мела метель, то глухо, монотонно,
То, озверясь, метала и рвала,
А мне была до странности знакома
Гудящая, заснеженная мгла.

Нет, не далеких зим воспоминаньем,
Ни вещим сном, ни тронутой струной,
А словно оживающим преданьем
Иных времен, реальности иной.

Костром в ночи, тоской озябшей плоти,
Тенями в полумраке на стене,
Языческой покорностью природе,
Невесть откуда взявшейся во мне.

И мнилось, что неведомые предки,
Войну стихий познавшие сполна,
В моей душе, в крови и в каждой клетке
Оставили когда-то письма.

Я шла сквозь мрак, себя одолевая,
По бездорожью, к дому напрямик,
И чашка обжигающего чая
Была всего желанней в этот миг.

А ветер выл, пурга меня слепила,
Я в дверь едва протиснулась извне
И весь напряг бушующего мира
Лег новой строчкой где-то в глубине.

ПЕРВЫЙ ДЕНЬ ВЕСНЫ

Еще с утра мела метель,
Накрыв просторы серой мглой,
И лес рассерженно гудел,
Качая старой головою,

Что разбудили ото сна.
Но все к полудню изменилось:
Как будто юная весна
На звонкой тройке прокатилась

И, проломив некрепкий лед
Высокой облачной завесы,
Куда-то унеслась вперед
В своих нехитрых интересах.

И небо — вскрытая река,
Поплыло вдаль, забыв о бури,
И островками облака
В скупых проталинках лазури.

И свод, окрасив синевой,
Раздвинув узкие оконца,
Живой слепящею ладьей
Из глубины явилось солнце.

БЕССОННИЦА

Беспокойно. Мне не спится.
Что за мука с головой?!
Будто скачет колесница
По бульжной мостовой.

От раздумий нет спасенья,
Ночь замедлила свой шаг,

Мысли камнем преткновенья
На пути ее лежат.

Вот как — будто забываюсь,
На мгновенье тает шум,
И... обратно возвращаюсь
В бездорожье этих дум.

Все что спрятано, забыто
Выползает из щелей
И плутает в лабиринтах
Бедной памяти моей

С напряжением недуга
Обреченного слепца —
И по замкнутому кругу
Без начала и конца.

Скоро утро, мне не спится
И, наверно, не уснуть;
Сердце раненою птицей
Бьет и бьет тревожно в грудь.

ЯЗЫЧНИЦА

Она о дочери молила,
А Он безмолствовал в ответ,
Она стенала и вопила,
И неотступно шла во след.

Казалось ей, что Он не слышит
В разноголосице людской
И крик язычницы все выше
Летел и бился над толпой.

Уже апостолы взывают...
Но Он сказал ученикам —
«Хлеб у детей не отнимают,
Чтоб в расточеньи бросить псам».

И встала женщина пред Богом,
Вдруг дерзновенье обретя —
О, Господин, и псы по крохам
Объедки с трапезы едят.

И удивились все без меры,
И Он сказал ей, наконец,—
О, женщина, великой веры
Ты здесь явила образец.

Иди, закончились страдания,
Сбылось желание твое,—
И в тот же миг от беснованья
Господь избавил дочь ее.

НАШИ ГОДЫ

Наши годы как синие реки:
То стремнина, то тихая гладь,
А быть может, дороги, где вехи,
Понаставлены весны считать.

Наши годы как вольные птицы —
Все куда-то летят, торопясь,
Или нить, что в руках кружевницы
Выплетает ажурную вязь.

Годы, с вами я спорила много,
Заплутав в убежденьях своих,
Но сегодня вас жду у порога
Как желанных гостей дорогих.

Через призму незыблемых истин
Словно жизнь открываю свою,
Заходите, друзья, заходите,
Поименно вас всех узнаю.

Все, что тяжкою ношей лежало,
Растворилось вдали не спеша,
Отболело, ушло, отстрадало,
Видно, с прошлым смирилась душа.

Наши годы — жемчужины знаний,
Мудрость, опыт и веры зерно;
Пусть река полноводнее станет,
А у птицы окрепнет крыло,

Чтобы с трудной дороги не сбиться
И по вехам идти, не кружить,
Чтобы долго еще кружевница
Свой узор не могла завершить.

Игорь Карлов

(г. Серпухов, Московская область)

**«...И НА ЗЕМЛЕ УЧИТЬСЯ ЖИТЬ,
КАК ЧЕЛОВЕК...»**

(Рубрика «Литературный телетайп»)

Очередное включение «Литературного телетайпа» захотелось сделать не совсем обычным. До сих пор мы вызывали на связь поэтов и прозаиков, работающих за рубежами нашей страны, старались приблизить к русской аудитории творчество географически удаленных от нее авторов. А вот теперь попробуем совершить путешествие не в пространстве, а во времени. Мне кажется, это будет не менее увлекательно и познавательно.

Не стану напускать на себя вид чародея, изобретателя машины времени. Речь, конечно, пойдет не о перемещении в пластах хроноса, а о книге, оказавшейся у меня в руках. Свежее, 2016 года, стодвадцатистраничное издание в «мягкой» обложке, вполне реальная и осязаемая вещь. И все же мне показалось, что, прочитав этот сборник лирики и прозы, я одним глазком заглянул в будущее, увидел смутные очертания одного из возможных его вариантов, к осуществлению которого можем быть причастны все мы. Не подумайте, что я говорю о фантастических проектах межгалактических исследований, о глобальном преобразовании человечества. Нет, интересующая нас версия грядущего (если она вообще имеет шанс быть претворенной) не окажется столь масштабной. Но не с малого ли начинается большое? И если в жизни одного человека становится больше творчества, добра и правды, то не станет ли лучше вся Вселенная?

Подчеркну: особенный интерес к выпущенному в Туле сборнику «Между небом и землей» вызвал возраст автора — 16 лет. Зовут дебютанта (точнее, дебютантку) Анна Самошина. Как часто мы с досадой констатируем, что подрастающему поколению безразлична литература, чуждо чтение, неинтересна культура в целом. Для нашей страны, возросшей из книжности, такое положение вещей является предвестием беды. На мой взгляд, индифферентность молодежи по отношению к культурному коду русской цивилизации — серьезнейшая проблема современности, таящая угрозы больше, нежели политические и экономические катаклизмы. А потому каждый обратный пример воспринимается доброй приметой, знаком того, что не все потеряно. И вот перед нами первое обращение к читающей публике юной поэтессы, доказательство присутствия в молодежной среде чувства и интеллекта, непрерывной созидательной работы души: ведь не листовка, не четверостишие в альбоме — книга, по-

требовавшая не одного года творческой самоотдачи; притом книга, в оформлении которой использованы рисунки самого автора. Этому нельзя не порадоваться.

Безусловно, сборник «Между небом и землей» содержит неравнозначные по художественному уровню произведения. Часть стихов так и застряла «между», не дав ничего ни возвышенной части души, ни той ее части, что обращена к грешной земле. Я не сторонник скидок на возраст и отсутствие опыта. Литератору без различия количества прожитых лет и количества публикаций необходимо быть требовательным к себе. По прошествии лет Анна Самошина (если сохранит интерес к литературной работе) многие свои лирические опыты станет воспринимать как наброски, черновики — не более того. Но дебютное свое издание пусть непременно оставит на книжной полке, чтобы наглядно видеть, как происходит взросление. Это и читателям может быть небезынтересно. Листаешь страницы и понимаешь: вот неумелая попытка версификации, предпринятая подростком 10—13 лет; вот перепев с чужого голоса... Но иное стихотворение напомнит (да простится мне излишняя комплементарность) юношеское вдохновение «Вечернего альбома» восемнадцатилетней Марины Цветаевой.

Разумеется, и темы, волнующие начинающую поэтессу из Тулы, это во многом традиционные темы женской поэзии, прежде всего — темы семейные. Не раз на страницах сборника «Между небом и землей» возникают образы мамы, отца, сестры... Пожалуй, эти образы можно назвать сквозными, формирующими систему координат юного автора:

*Что такое семья?
Я отвечу, хоть я и спросила:
Что такое семья?
Это самая мощная сила!*

Заботливая, понимающая мама, без которой невозможно представить себе ход жизни. Отец, поздно приходящий с работы, но при этом способный зарядить всех домашних оптимизмом... Мать и отец. Главнейшие люди в жизни каждого из нас. Прекрасно, что дружная семья, в которой царит любовное приятие друг друга, стала одной из тем шестнадцатилетней поэтессы. Это означает, что и в своей будущей семье она воссоздаст тот свет и тепло, которые так дороги ей в отчем доме.

А пока для девушки актуальнее другое — поиски любви. Согласитесь, странно было бы, если бы юная поэтесса не писала о вечном, но всякий раз заново переживаемом чувстве. Следует сказать, что Анна Самошина демонстрирует нетривиальное раскрытие темы. Любовь в ее стихах приходит по воле слепой судьбы, предстает тем, что трудно переживать, тем, что, возможно, хотелось бы не испытывать, пропустить мимо себя. Действительно, подчас и взрослому человеку легче согласиться с досужими толками: мол, нет любви, все выдумки романтиков. Но приходит она и властно заявляет о себе: «Я есть!» И спорить бесполезно. Сложность эмоционального мира А. Самошиной отразилась в интересной метафоре: любовь — мед с волчьей ягодой. Да, любовь в ее лирике чувство непростое, но всегда сильное и настоящее.

Интересно, что в сборнике «Между небом и землей» темы глубоко личные соседствуют с гражданской тематикой. Автор пытается проникнуть в духовный мир солдат Великой Отечественной войны, с уважительной теплотой пишет о ветеранах, живущих сегодня рядом с нами. Но не только великое прошлое питает патриотизм и гражданственность. Одно из стихотворений называется «Сестра Украина». Уже одно только это название дает представление и о внимании к происходящему в мире, и о позиции автора.

Легко, светло, но вместе с тем капитально раскрыта в сборнике тема Родины. В стихотворении «О дорогах» перед нами предстает образ путника, многократно побы-

вавшего в чужих краях, но нигде и никогда не забывавшего о родной стороне. К нему, скитальцу, обращается автор, и сам, похоже, успевший вдохнуть пыль дальних дорог:

*Поспеши, домой воротись поскорей,
Ты заметишь, что дома и небо родней,
Дома воздух слаще иного вина,
Что испил ты в дороге своей сполна,
Только чтоб чудеса у порога найти,
Нужно было весь шар земной обойти.*

О формировании в молодежной среде именно такого патриотизма — не показного, чуждого бездушной официозности, естественного, словно дыхание, базирующегося на личном опыте и глубоко укорененных в сознании и душе убеждениях — должна быть постоянная забота и семьи, и школы, и государства. Чем больше станет у нас молодых людей, воспитавших в себе принципы, присущие внутреннему миру Анны Самошиной, тем увереннее начнет смотреть в будущее наше общество, наша страна.

А сколько тревог вызывает у думающих и совестливых людей допущенное нами же самими безоглядное поклонение современной молодежи культу золотого тельца! И тут творчество юной поэтессы вновь оказывается отрадным, хотя до обидного редким примером сопротивления русской души — на этот раз сопротивлению мертвящему меркантилизму. «Не все покупается и продается» — так называется одно из стихотворений сборника, стихотворение, в котором автору удалось не только искренне и убедительно раскрыть смысл вынесенной в заголовок поговорки, но и показать возвышающую музыкальность этой фразы, столь легко произносимой, но столь тяжело возводимой в жизненный принцип. Мы надеемся, что народная мудрость, осуждающая стяжательство, в дальнейшем станет духоукрепляющим рефреном, к которому на протяжении жизни будет обращаться и сама Аня, и те, кто войдет в число поклонников ее таланта.

Знакомясь со сборником «Между небом и землей», невольно обращаешь внимание на не часто встречающееся ныне качество автора — самостоятельность суждений, умение идти наперекор филистерским воззрениям, замусорившим умы большинства современников. В этом смысле показательно стихотворение «Жертвы системы». В нем Анна Самошина с пафосом революционера-романтика выступает против системы взглядов и привычек, оплетающих душу человека путами лени, безучастия, нечуткости. Юность вечно стремится к экстремуму, и вечно старшие опасаются молодежного экстремизма. Экстремальный спорт, экстремальное поведение, экстремальные политические убеждения молодых разрушают и их самих, и социум в целом. Но нельзя не поддержать присущую лучшей части нашей молодежи экстремальную духовность, экстремальную отзывчивость на чужую беду, экстремальную требовательность к себе.

Впрочем, не стоит представлять Анну Самошину этаким фанатичной поборницей трансцендентного, озабоченной исключительно политической злободневностью или мировоззренческим фундаментализмом. Нет, перед нами обычная девчонка, умеющая дружить и обожающая своих подружек, отчасти живущая в мире сказок, где ворожеи да травницы устраивают свою судьбу, любующаяся красотой природы и восхищающаяся преданностью четвероногих питомцев. Все как обычно. Все как положено.

Сложившаяся ныне в лирике извращенная тенденция заставляет стихотворца бравировать вывертами сознания и изломами психики (почти безнадежно уже отдалив лишенную подобных аномалий читательскую массу от экстраординарного версификатора). А. Самошиной, к счастью, подобная патология чужда. На фоне обнаде-

живающей нормальности автора сборника вырисовывается главная тема книги — обретение себя. И оказывается, что нелегкий процесс становления человека и литератора гораздо интереснее и значимее всевозможных отклонений, подsunутых нам под нос модными пиитами.

Лирическая героиня шестнадцатилетней поэтессы с жизнерадостной бойкостью и благоговейным вниманием открывает красоту окружающего мира и нам дает возможность заново пережить почти детское, почти забытое восхищение прекрасным. Наивное на первый взгляд желание «Обнять весь мир» (так называется одно из стихотворений) адресует нас к традиции русской поэзии восемнадцатого и девятнадцатого столетий, к традиции «Серебряного века», к нашим классикам, не стеснявшимся юношеского восторга перед мирозданием. Но этот переполняющий душу восторг не безотчетен, не бессознателен. Ребяческая радость бытия в сборнике «Между небом и землей» внутренне непротиворечиво дополняется серьезным, взрослым желанием разобраться в себе. Автор констатирует:

*Наверное, я все же немного другая,
И мне никогда не сродниться с толпой.*

В другом месте с самоиронией, редкой для присущего ее возрасту максимализма, называет себя «лохматое Нечто с глазами зелено-карими». Однако непохожесть не означает враждебность. Принимая все сущее, любясь лучшими проявлениями мира природы и мира людей, лирическая героиня сборника открывает для себя... себя саму. «И на Земле учиться жить, как человек» — эту строку я бы вынес в название книги, это желание хотел бы поддержать в авторе, в этом начинании пожелать успеха.

Поэтическая манера Анны Самошиной проста, доступна, во многом близка к разговорной речи. При всех плюсах подобного стиля он все же заключает в себе ряд опасностей, от которых следует предостеречь начинающего стихотворца. Во-первых, пластичность русского языка, его выразительность, проявляющаяся даже в обиходных пластах лексики, не должна отвратить от кропотливой работы над словом. Неуклонное стремление проникнуть в суть родной речи, открыть в ней глубинные смыслы, сопряженные с идеей стихотворения, должно составлять постоянную заботу поэта. Во-вторых, нельзя забывать и об учительной роли литературного творчества. Каждый, кто берется за перо, должен по совести ответить себе на вопрос: имею ли я право обратиться к читателю? Воспитал ли я в себе нечто доброе и важное, достойное того, чтобы открыть это людям? Что я понял в себе и окружающих, чтобы поделиться своим пониманием? В этом отношении облегченность манеры письма может привести к соблазну панибратского заигрывания с читателем: я, мол, свойский, читая мои вирши, не перетрудишься. Думается, Анна Самошина, не раз в своих стихах показавшая себя личностью, способной не подстраиваться под массу, отстаивать собственные убеждения, не впадет в такой соблазн.

Нельзя не отметить начитанность Анны Самошиной, богатый словарный запас, широту кругозора. Все это не только лишний раз подтверждает наличие высоких духовных качеств у лучших представителей нашей молодежи, но и позволяет надеяться на плодотворное продолжение писательской карьеры автора рецензируемого сборника. Поэтому завершить анализ хотелось бы добрыми пожеланиями начинающему собрату по литературному цеху. Удачи, Аня!

Алексей Гусаков
(г. Тула)

ВОЙНА МИРОВ

Член Союза писателей России, автор нескольких книг поэзии, лауреат областной литературной премии имени Льва Толстого.

Приведу несколько выдержек из известной книги В. Авдеева, сделав упор на культурологическую составляющую этого труда, по мере возможности отбросив громадный политологический пласт, так как хотелось бы поговорить о культуре вообще и о литературе в частности.

...«Для определения психически дегенеративных людей, в том числе и среди политических преступников, Ломброзо предложил использовать термин *mattoide* — маттоид, что в переводе с итальянского буквально означает «помешанный»...

...Дегенеративные идеи всегда зарождаются в дегенеративных же мозгах, а их существование легко улавливается по общей дегенеративности конституции тела и психического поведения.

...Для определения... помешательства Ферри предложил использовать термин *pazzia ragionante*, что означает «рассуждающее сумасшествие». Сегодня, чтобы понять, что это такое, достаточно включить телевизор и послушать дебаты о легализации наркотиков и прославлении гомосексуализма или посетить сборище искусствоведов в модном салоне. Любое вручение крупных международных премий в области моды, киноискусства, литературы сегодня имеет политический оттенок с ярко выраженным привкусом маттоидности...

...Крупнейший немецкий невролог Освальд Бумке в книге «Культура и вырождение» (М., 1926) сформулировал тезис, согласно которому не только отдельные пласты творчества этнических и социальных групп, но и целые культуры в мировом масштабе бывают дегенеративными, то есть являются порождением больных мозгов. Он подчеркивал: «В обыденной жизни слова «вырождение» и «выродок» — равносильны моральной оценке, моральному суждению». Его русский коллега Г. И. Россоломо в своей программной книге «Искусство, больные нервы и воспитание» (М., 1901) выступил с недвусмысленным призывом: «Наука во всеоружии должна вступить за тех, кому грозит опасность от патологических течений в современном искусстве; она должна указать на тот вред, который может произойти как для нравственности, так и для состояния нервной системы, от разнузданности воображения, от культивирования и разработки болезненных мозговых процессов, от крайнего преобладания работы фантазии над деятельностью интеллектуальной». Мало того, классик русской, а позднее и советской науки призывал к «массовой гигиене эстетического восприятия». Все массовое современное искусство, телевидение, мода, а шире — и стиль мировосприятия с ценностными установками, то есть весь тип цивилизации, согласно установкам Россоломо и других классиков неврологии, должен быть при-

знан дегенеративным, порожденным деятельностью мозга, наследственно «анатомически изуродованных людей, которые вследствие своего анатомического уродства думают, чувствуют, ощущают, радуются и унывают иначе, чем нормальный тип современного человека», как отмечал Ломброзо...».

Соглашаться или нет с данными утверждениями, или соглашаться частично — дело сугубо личное, зависящее от собственного восприятия течений в современной культуре в соответствии с умственными способностями.

Несомненно одно: культура полностью зависима от морали, а мораль питается культурой. Людей, способных и могущих прилюдно указать пальцем на «голового короля», становится все меньше, а «голых королей» — все больше.

Человечество с дегенеративным восторгом загаживает планету, дырявит атмосферу, убивается за религии.

Сумасшедшие от науки упорно выращивают «черную дыру» прямо на Земле, меняют климат и скрещивают все со всем — для полного списка не хватит терпения.

Так стоит ли говорить о литературе, если нормы морали и здравого смысла отвергнуты и ошельмованы, и прилагаются немалые усилия, чтобы их более не существовало вовсе?

Премия за детородный орган, нарисованный на разводном мосту, глухонемая эстрада, реклама прокладок и голые лицедеи на государственных сценах — это нити одной громадной липкой паутины, затягивающей окружающее божественное, а снующие по этой паутине суетливые паучки норовят присосаться и ко внутреннему божественному каждого народа и человека.

Литература, к прискорбию моему, вносила немалые средства для достижения сегодняшнего положения своего.

В интернете я прочел высказывание одной женщины, буквально уже не вспомнить, но суть такова: в юном возрасте она восторгалась поэзией так называемого Серебряного века, но с возрастом вдруг ясно осознала, что все это — яд в изысканном фужере, из которого отравили и Есенина, и Клюева, и многих других, а разнузданность нравов тогдашнего бомонда могла соперничать с двором Калигулы.

Мне, признаюсь, прозрение той женщины не понять по той причине, что восторгов по тому поэтическому веку я не испытывал никогда, и пропагандируемых тамошних деятелей от поэзии прочел для ознакомления, чтобы больше о них не вспоминать. Какие душевные потрясения пережила читательница — представить не могу, но при этом отмечу, что не всем удастся высвободиться из паутины.

Предвижу серьезные несогласия с моим отношением к «гуру» нескольких поколений читающих писателей, но это должно быть интересно только им.

Тому, что имеем сейчас в поэзии, название придумают позже, если будет кому придумывать. Сейчас я не хочу сочувствовать людям, пишущим всевозможные хокку, танка и прочие верлибры — отсутствие мало-мальского таланта толкает и не на такие выверты, хотя у художников возможностей проявиться гораздо больше: от пятерни до пятой точки.

Золотой век поэзии сменил самопрозванный Серебряный, потом был, наверное, железный. Сейчас назовите как хотите, но деградация прослеживается.

Пресловутый прогресс — неправильно называемый регресс, и я очень благодарен тем поэтам, которые, каждый в силу своего умения, еще борются за человека нормального.

Разрушения империй всегда являются следствием разрушения мозгов правящей верхушки, и литература раньше всех улавливает и подхватывает этот губительный процесс. Сократы, вольтеры и чаадаевы легитимизируют вирус, а толпы последователей уже безбоязненно разносят его по организму.

Дегенерация литературы началась не вчера. Исполдволь, заряжаясь энергией самодовольства от противного созиданию нигилизма, озвучивая и подпирая словом кружки и партии, направления и течения, она прорвалась наружу и затопила просторы России после Февральской революции.

Процитированный выше Энрико Ферри точно заметил: «Партия — это безумие всех на пользу немногих». Этому безумию нужны были певцы, и оно их получило в избытке.

Бедный Блок лихорадочно бегал по книжным магазинам, чтобы выкупить и уничтожить весь тираж поэмы «Двенадцать», поскольку безумие не сумело окончательно овладеть им. Маяковский строчил во все стороны, только бы насытить распутную горгону, изначальный талант свой собственноручно растерзав на клеточки и лишившись безвозвратно душевного равновесия.

Такого сумасшествия литературы не знала история никакой страны, кроме России, и выдержать такое количество самонадеянных графоманов могла только Россия.

Исследователи той эпохи знают гораздо больше меня, что там творилось до той поры, пока обретший какую-никакую силу Сталин не загнал пенные струи в русло Союза писателей, где они продолжали булькать вроде как под присмотром.

Регресс всегда амбициозен, сумасшествие всегда безапелляционно и требует признания своей значимости. Думаете серьезно, что тому же Сталину было дело до какого-то очередного Мандельштама, он сильно интересовался творчеством Пастернака или не мог уснуть, пока не позвонит Ахматовой? Страшилки про преследования того же Мандельштама за унизительно бездарный опус «Мы живем, под собою не чуя страны...» рассыпаются тут же, стоит повнимательней ознакомиться с биографией Осипа.

Вообще, тема мнимого противостояния злого Кобы и свободолюбивых писателей того времени имеет целью подрисовать недостающего таланта через образ гонимых.

Серебряный век отравил русскую литературу, и поэзию в частности, и она не смогла продолжиться так, как имела бы самостоятельную возможность при любых других вариантах.

Вполне логично появление осколка поэзии в шестидесятые, в котором только Рождественский может похвастаться чем-то достойным.

Я намеренно опустил пропустил поэтов-фронтовиков — это отдельное явление.

Всякого, относящего себя к поэтам, по большому счету можно причислить к ирреальному, воображаемому. Воображение поэта играет большую роль, но когда оно возносится над интеллектуальной частью сознания и начинает доминировать, тут и начинается безумие, метафоры ради метафор, поток стихов о стихах, словесные сочленения, призванные не создавать ажурные конструкции, не подвластные тяготению, а растопыриваться во все пределы горами металлолома.

Яркий образец такого стихотворчества нам сполна представил Бродский, и последователей, как и почитателей, у него не убавляется, что добавляет лыка в мою строку.

Я не собираюсь дискутировать ни с кем по поводу мною написанного, ибо различия понимания поэзии всецело определяются различиями душевных порядков и состояниями умов, как я отметил выше.

Дабы не прослыть голословным, приведу примеры «рассуждающего сумасшествия», запечатленного в известных стихотворениях некоторых поэтов, помещенных в раздел классики.

*Лети отсюда, белый мотылек.
Я жизнь тебе оставил. Это почесть
и знак того, что путь твой недалек.*

*Лети быстрее. О ветре позабочусь.
Еще я сам дохну тебе вослед.
Несись быстрее над голыми садами.
Вперед, родной. Последний мой совет:
Будь осторожен там, над проводами.
Что ж, я тебе препоручил не весть,
а некую настойчивую грезу;
должно быть, ты одно из тех существ,
мелькавших на полях метемпсихоза.
Смотри ж, не попади под колесо
и птиц минуи движением обманным.
И нарисуй пред ней мое лицо
в пустом кафе. И в воздухе туманном.*

Преобладание воображения над интеллектом настолько велико, что доводит все стихотворение до абсурда.

Сообщив для начала несчастному мотыльку о помиловании, за что тот ему должен быть благодарен, автор, как видится, во всех иных случаях нещадно губивший всех собратьев насекомого, говорит о краткости предстоящего тому пути, но тут же разворачивает перед ним сады, провода, колеса, птиц, отчего путешествие вырисовывается явно намного продолжительнее объявленного.

Мало того, голые сады бывают ранней весной или осенью, когда мотыльки или еще не появились, или уже сдохли, и летать перед носом автора не могут, будь они трижды сумасшедшие.

Не буду говорить о мелких несуразностях.

Миновать птиц обманным(?) движением — контрольный выстрел в голову сего творения под зубовой скрежет «смотри ж».

Вообще, подобным авторам нельзя вменить в вину отсутствие логического поведения зрительной картины от начала до конца, ибо они к этому не способны, в чем можно убедиться на другом примере другого автора.

*Мело, мело по всей земле
Во все пределы.
Свеча горела на столе,
Свеча горела.*

*Как летом роем мошкара
Летит на пламя,
Слетались хлопья со двора
К оконной раме.*

*Метель лепила на стекле
Кружки и стрелы.
Свеча горела на столе,
Свеча горела.*

*На озаренный потолок
Ложились тени,
Скрещенья рук, скрещенья ног,
Судьбы скрещенья.*

*И падали два баимачка
Со стуком на пол,
И воск слезами с ночника
На платье капал.*

*И все терялось в снежной мгле,
Седой и белой.
Свеча горела на столе,
Свеча горела.*

*На свечку дуло из угла,
И жар соблазна
Вздыхал, как ангел, два крыла
Крестообразно.*

*Мело весь месяц в феврале,
И то и дело
Свеча горела на столе,
Свеча горела.*

Все хорошо, свеча горит, ничего не трогая до определенного момента.

Но тут на сцене появляется ночник. Не исключено, что это и есть та самая свеча на столе, но каким образом она умудряется закапать воском платье — вопрос, на который ответа не даст никто, включая автора.

Все красоты не стоят ничего сами по себе в отрыве от логики действий и явлений.

Не спорю, любой автор может заставить героев или предметы в своих творениях выглядеть нелогично, но всякая нелогичность в основе своей всегда содержит причину, отчего случилось так, а не иначе. Зрительный образ читатель пропускает сквозь свое восприятие действительного или фантастического и, ощущая малейшую ложь в подаче, теряет живой интерес к нему вкупе с сочувствием.

Дегенераты в поэзию проникли так глубоко, что даже остающиеся здравомыслящие поддакивают им, опасаясь идти не в ногу, или же попросту оставляют для себя спасительную формулу «нравится — не нравится», удобную для оправдания собственной инфантильности.

Русский язык до того велик и образен, что безостановочно выдвигает новых и новых поэтов лишь для того, чтобы они в нем одухотворенно утонули.

Отсутствия логических связей в произведениях сегодня или не замечаются читателем, или нахально выставляются творческой задумкой, основанной на неугомонной фантазии автора.

Всем провалам, недочетам, банальному косноязычию, нехватке интеллекта, откровенной неспособности выразить мысль в поэтической форме, выдается удивительная индульгенция их авторов, знаменательно подписанная — «сам дурак!»

Освоивший литературные поля дебилизм принимает такие изощренные формы, что даже вполне искушенному знатоку и, тем более, любителю не всегда удается распознать его очертания. Здесь опять невозможно обойтись без примера.

Стихотворение современного автора, неизвестного широкой аудитории, но от этого не менее амбициозного:

*Камни и буераки.
Дождь моросит с утра.
Нищие и собаки
Вместе вокруг костра.*

*Их обойду, пожалуй,
Посох держа в руке.
Булькает что-то в ржавом
Стареньком котелке.*

*Я им пока не нужен,
Я им — что нет, что есть.
Ждут, что послал на ужин
Отче Небесный днесь.*

*Дай Ты им хлеба, Отче,
Теплый подвал, где спят,
Дай им в осенней роще
Ягоды и опят!*

*Дай городским помойкам,
Свалкам — не оскудеть,
Чтоб на прохожих волком
Бешеным не глядеть!*

*Скоро засвищет вьюга,
Сядет у котелка —
Дай не зарезать друга:
Шарика ли, Пушка!..*

*Нищим, бомжам и ворам,
Пьющим из русских луж,
Гибнущим под забором,
Но не сгубившим душ:*

*Крови не проливалим
Финкой и кистенем,—
Отче, воздай как павшим
Воинам под огнем!*

Человек, совершенно серьезно и безоговорочно считающий себя поэтом немалой величины, также серьезно призывает Бога не разобратся с несправедливостью самого существования нищих людей, не изменить порядка вещей, при котором смогло быть возможным такое унижение в человеческом роду, а наполнить помойки кусками со столов таких же представителей рода человеческого. Просьба, милая сердцу каждой бродячей собаки. Здесь прослеживается не только дегенерация ума, но и чувственная атрофия восприятия милости, не смертельная для некоторых людей, но уничтожительная для поэта.

Все последующие «изыски» стихотворения с дежурными «не сгубившим душ» (откуда автору это известно?), кистенями и воинами должны были добавить состра-

дательного пафоса в данный опус, но поверить в это могут теперь разве что «пьющие не из русских луж», ибо русского языка не выучили.

Я не случайно потратил на это слов более, чем оно заслуживает, так как сие произведение показательно представляет творчество людей, имеющих меньшее из того, что необходимо поэту, но желающих за это больше, чем тому же поэту полагается.

Многим известны строки «...и человек сказал — я русский, и Бог заплакал вместе с ним». Многие, уверен, всплакнули вместе с этими двоими. Рассуждающее сумасшествие этого стихотворения перекликается с выше озвученным, царствуя, само собой, над здравым смыслом, но, что удивительно, и над воображением тоже, которое искони является обязательным условием безумия.

Мало того, что плачущий Бог никак не может быть действенным заступником сырых и угнетенных, но еще данным стихотворением убивается последняя надежда русского человека на лучшую долю, раз родитель всего Бытия расписывается в собственном безсилии. Появление высшей силы в облики старичка — образ распространенный и глупый одновременно, необъяснимо привороживший многие поколения писателей.

Плачущее существо нельзя назвать Богом не только потому, что оно не достойно такого звания, но и потому, что такого не может быть по определению. Если подобное представляется чьему-то воображению, то это что угодно, но только не Всевышний, и автору впору приглашать экзорциста.

Солнечная напевность итальянского, вычурное кружево французского, вышкоченная строгость немецкого — это только малые части русского языка, освоить который во всей полноте не удалось никому, но и того, что постигает писатель на протяжении своей деятельности, может хватить для созидания, если уметь им распорядиться.

Писатели, многие даже не подозревая, назначены хранителями языка, а, значит, хранителями народа, ибо язык и народ живут и умирают одновременно.

Для властных дегенератов не существует понятия «народ», для дегенератов от литературы нет имени «русский язык». И тем, и другим важны собственные пороки как основа благополучия при обязательном размножении себе подобных, чтобы исключить всякую угрозу со стороны нормальных людей.

Обычный человек ведет дневник, а маттоид составляет мемуары, правдивость которых находится в полной зависимости от больной воображением мысли.

Сумасшедшие меряются убожеством написанного, а их братья по разуму глубоко-мысленно разбирают зафиксированный бред.

Недостиhi, слепленные по образу скудоумных японских, попытки синтеза речевки Хайяма, издевательские припевки аля-Есенин, многоголосый, беспросветно серый бубнеж по всем религиозным датам, Великая Отечественная война глазами бойцов Ташкентского фронта... Не верится, что авторы могут ответить на вопрос «зачем?», так как для этого нужна хотя бы малая частичка здравого смысла.

Жозеф Артюр де Гобино писал: «В безобразии образов нельзя винить природу абстрактного мышления, потому что все дело в устройстве глаз, умов и сердец, к которым обращены эти образы».

На абсурдный, несуразный, даже идиотский продукт субкультуры обязательно найдутся почитатели, способные резонировать со всякими, самыми разрушительными для здоровой психики волнами, вызываемыми такой поделкой.

Есенинское «словно я весенней гулкой ранью проскакал на розовом коне» и Ахматовское «из какого сора растут стихи, не ведая стыда» находятся в совершенно разных измерениях понимания поэзии, и жесткое соприкосновение их не могло не привести к трагедии русского поэта, ибо воинственное сумасшествие не выбирает

средств борьбы, а использует все, что видит, выходя из творческой плоскости во все сферы жизни, откуда и наносит наиболее ощутимые удары.

С другой стороны, широко тиражируемое мнение об обязательно горьких судьбах поэтов, гибнущих за свои стихи, неправильно и вредно, ибо это совсем не так.

К примеру, Гумилев пострадал за деятельность, не связанную с поэзией, а Рубцов оказался жертвой банального алкоголизма, как бы не пытались изобразить из него мученика поэзии. За белогвардейскую деятельность были расстреляны десятки тысяч, от алкоголя погибли сотни тысяч, и выхватывать из них единицы, дабы скорбеть по ним — нечестно по отношению к остальным, среди которых были, можно не сомневаться, и ученые, и инженеры, и другие полезные обществу люди. И стоит заметить, что ставя в один ряд Есенина с Рубцовым, приходится неглубокому читателю их произвольно как бы уравнивать, что недопустимо.

Частенько употребляемое слово «дилетант» призвано завуалировать и смягчить слово «дегенерат». Представить себе, допустим, человека, в произвольном порядке смешивающего реактивы и различные субстанции между собой, не имеющего ни малейшего представления как они соотносятся и взаимодействуют, и что получится в результате — можно, но тогда им должен быть ребенок, для которого это способ познания, или настоящий дебил. Но каждый считает, что он то уж точно не такой.

Одни «дилетанты» рисуют летающие силуэты, а другие в этом находят высокий смысл.

Надо тщательно остерегаться суматошных и сумасбродных салонов, поэтических конкурсов, фестивалей и вечеров поэзии, призванных, как и партии, служить несколько безумцам через безумство остальных. Как ни странно, но толпа более внушаема, чем отдельный человек, и для того необходимы сборища, чтобы протаскивать и внедрять любые, сегодня, в большинстве своем, дегенеративные идеи не только от искусства.

В середине прошлого века было модно противопоставлять физиков лирикам, что нанесло чувствительный ущерб гармоничному развитию человека вообще. Периодическая система Менделеева разве не поэма природы, разве не сопоставима она с «Божественной комедией» Данте? Как бы не отделяли физиков от лириков, но поэзия — только одна из множества наук, которыми мы пытаемся осознать мир. Занятия любыми науками подразумевают логику и вдохновение, интуиция и знания, ежедневный труд совершенствования и Божественные озарения. Не зря в советское время член Союза писателей автоматически ставился на уровень кандидата наук.

Жирный пласт так называемой интеллигенции ухитряется на протяжении всей жизни существовать безбедно, ничего не производя в духовном и научном направлениях.

Академики неизвестных наук и паранормальных искусств, литературоведы, изыскания которых читают только такие же литературоведы, десятилетиями и династиями имитируют деятельность и требуют (и получают) за имитацию вознаграждения, выдают с ученым видом сентенции, не соответствующие собственной заявляемой значимости.

Класс паразитов литературы по величине сравним только с количеством паразитов во власти.

Варианты сумасшествия «поэтов» столь разнообразны, что достойны многотомного перечисления, но ядро неизменно одно: уверенность в собственном таланте при злом неприятии малейшей критики.

Бороться с этим невозможно, и не допускать на широкую аудиторию также невозможно, поскольку заставы на всех путях контролируются точно такими субъектами или сочувствующими.

Вести обстоятельные и продуктивные беседы за круглыми столами можно только со здравомыслящими, близкими по талантам и уровням знаний. Все попытки с другими составляющими — от лукавого.

Возможно, когда-нибудь, если появится желание, мне хватит терпения более подробно потоптаться на основных путях и направлениях современной поэзии.

Двигать поэтом должно не только состояние его души, но еще многие и многие знания, почерпнутые отовсюду, куда смог проникнуть пытливый ум и несогласное поэтическое чутье. И тогда не будут появляться вирши, подобные этим:

*Мы не скифы и не азиаты.
(Да простит меня умница Блок).
Наши пращурьы были зачаты
На сплетенье вселенских дорог.*

*В дивных чащах и в сказочных пущах,
У языческих тайных костров,
От сердец, по сосудам несущих
Неуемную, черную кровь.*

*Мы — славяне. Наш путь изначально
Был неведом, как чрево Земли.
И соседи угрюмо молчали,
И огонь не маячил вдали.*

*Но остаток сомнений отринув,
По призывному кличу вождя
Мы шагнули во мрак лабиринта,
Свой, нетореный путь находя.*

*Все премудрости греков и римлян
В свои головы цепко вобрав,
Мы свободу лишь боготворили,
Как источник любви и добра.*

*И о том помышляя едва ли,
В старой кузнице прошлых веков
Свой особый язык шлифовали
На камнях мировых языков...*

Далее следует обычный набор: мужество, дураки, лень, страдания и т.п. Стихотворение насколько длинное — настолько и беспредметное, безобразное. Начинал о древности славян, но в пятой строфе сообщил, что всю мудрость от римлян приняли. А до того не понимали ничего? О камни каких языков шлифовали свой родной? Шлифовка, как я понимаю, совершенствование, а совершеннее русского языка в любые времена быть не могло, если даже сейчас, потеряв десятки тысяч слов, он самый богатый в мире.

И как-то с пращурами нехорошо обошелся — всех на перекрестках зачал. Негде больше было?

Напыщенный «патриотизм» на русском языке сыграл шутку с автором, определив его в подпольные русофобы, сразу поставив его в разряд русскоязычных поэтов, хотя он сам, возможно, русский.

Принимать и озвучивать русскую историю по поделкам придворных историков дома Романовых Карамзиных и Соловьевых — безболезненно и даже иногда вознаграждаемо.

Не только поэт, а любой русский человек пока не поймет, что не было никакого татарского ига, что Петр Первый не мог построить Петербург силами простых крестьян и десятка иностранных проходимцев и прочая, и прочая — так и не осмыслит ни свою русскость, ни назначение поэзии, и не задумается, что с нею делать.

И эта тема требует отдельного рассмотрения.

Лев Толстой говорил, что зло можно победить, если добрые люди объединятся.

*Добро опутали морали,
лишив свободных амплитуд,
а зло летит по магистрали:
сегодня там, а завтра — тут.*

Дегенератов, как и зло, известно — победить нельзя, но стараться необходимо, и оружием поэзии служит единственно язык.

Евгений Трещев
(г. Щекино Тульской области)

ДУША ЖИВА, ДУША ВОСКРЕСНЕТ

Родился второго марта 1948 года в городе Щекино Тульской области. Образование высшее. Технический директор ООО «ЩекинСтройПроект». Член Союза писателей России. Действительный член Петровской академии наук и искусств. Почетный работник общего образования Российской Федерации. Почетный учитель. Почетный работник газовой промышленности РФ. Ветеран газификации Тульской области. Ветеран труда. Почетный гражданин Чернского района Тульской области. Автор 27 книг. Печатался в антологии тульской поэзии «Наши современники», в хрестоматии «Три века Тульской поэзии», в коллективных сборниках, альманахах, журналах, газетах (более двухсот шестидесяти печатных работ). Главный редактор литературных альманахов «Приупские просторы», «Солова». Награжден «Знаком Ордена Доброты», тремя медалями, восемью ведомственными знаками. Лауреат литературного конкурса «Поэтическое братство». Имя Е. И. Трещева внесено в энциклопедию «Лучшие люди России» (2004), в «Тульский биографический словарь. Новые имена», в сборники «Наши знаменитые земляки», «Лучшие учителя Щекинского края», в «Энциклопедию городов и районов Тульской области», в путеводитель «Край наш Тульский», в сборник «Дарящие тепло. ОАО «Тулаоблгаз» в судьбах и лицах».

Шафран Яков Наумович, инженер, психолог, поэт, прозаик и публицист. Член Союза писателей и переводчиков МГО СПР. Лауреат литературной премии «Левша» им. Н. С. Лескова. Заместитель главного редактора — ответственный секретарь литературно-художественного и публицистического журнала «Приокские зори». Главный редактор и составитель литературно-музыкального альманаха «Ковчег». Академик Академии русской народной поэзии. Член творческого Союза песенников России. Член Академии российской литературы. Один из создателей литературных клубов «Родник» и «Ковчег». Автор книг: «Любимая, прости», «Спасение рядом», «Жизнь, как один день», «В пути». Печатался в журнале «Приокские зори», литературных альманахах: «Яснополянские зори», «Ковчег», «Московский Парнас», «На крыльях Пегаса», «НЛО», в «Антологии русской народной поэзии XXI века», в коллективных сборниках: «Ежи» на площади победы», «Планета души», «Поют любовь Вам ангела — поэты», в ежегоднике «День Тульской поэзии», в газетах.

Родился Яков Наумович 31 октября 1950 года в семье служащих в Гомельской области Белорусской ССР.

*Я родился в полесской деревне,
Когда осень успела раздать
Золотое убранство деревьев*

*И последних цветов благодать...
Эти лучики Белой России
По дорогам России большой
Я несусь как защиту от стыни,
Что порой накрывает волной.*
(Я. Шафран)

Эта любовь к малой родине, где родился и вырос, является основой основ подлинного патриотизма. Пересчитывать все то, что значит для человека Родина,— это все равно, что пересчитывать каждую каплю в реке.

*Край мой милый, край хороший —
Детства незабвенный край.
Старый домик, в землю вросший,
Сад и роща — просто рай.*
(Я. Шафран. Из цикла «Детство»)

Когда-то Сергей Есенин сказал: «Найдешь Родину — пан, не найдешь — все псу под хвост пойдет. Нет поэта без Родины».

В 1965 году Яков Шафран переехал в Тулу — на родину матери. Окончил Тульский Политехнический институт (1973 г.) и Высший психологический колледж при институте психологии РАН (1997 г.). Работал в Туле и Москве. Литературной деятельностью начал заниматься с 1977 года.

Его поэзия — духовно-мировоззренческое осмысление жизни. Здесь выделяется два важных момента: это отношение автора к Родине и православной вере. Кроме того поэзия — дело сердечное, она всегда о самом сокровенном: о любви и смерти, об одиночестве. Это придает стихам особое звучание и обаяние. Стихи простые и точные, без попыток шокировать читателя лихим литературным наскоком. Они ценны глубокими раздумьями о жизни, осязаемым этическим напряжением. Рифмовка, строфика создают облачение, за которым скрывается истинная сущность. Автор поднимает вопросы и дает на них свои, зачастую весьма неожиданные ответы. Он открывается перед читателем, делаясь личным и сокровенным, душевными переживаниями и духовными размышлениями. Автору есть что рассказать. За его плечами большая, насыщенная трудами, жизнь.

Он не отгораживается и не прячется от всего, что происходит в нашей стране.

*Земля в дыму. Идет война в Донбассе.
Нацисты вновь на Русь идут ордой.
Бывает ли еще кого опасней
Предавший брат, тем более родной.*
(Я. Шафран)

Им движет любовь к России, переживание за судьбы ее граждан, восхищение ее могуществом.

В статье «К 70-летию обороны Тулы» Яков Наумович пишет: «Большое складывается из малого. Да, люди шли воевать за свою дорогую сторонку, за близких, за любимую, привычную жизнь, за блага, дарованные социалистическим государством, за свои народные традиции, не покладая рук, стойко и мужественно перенося лишения, трудились в тылу».

В самосознании русского народа на протяжении веков сложилась оборонительно-контратакующая стратегия. Сначала мы обороняемся, накапливаем силы, нано-

сим удар, побеждаем. Забираем территорию врага, как плату за нанесенный войной ущерб.

Этой теме посвящен целый цикл стихотворений Я. Шафрана («Будет время, будут люди», «Милая Тула», «Мы с Куликова поля», «Три ствола поднимаются ввысь», «Земля в дыму...», «Если заросли поля...», «Взываю в ночи»).

*Я уверен на все сто —
Всех сильнее память рода.
Не поможет нам никто,
Кроме самого народа.*
(Я. Шафран «Если заросли поля...»)

*Будет время, будут люди,
Не мальцы — титаны.
И Россия наша будет,
Залечивши раны!*
(Я. Шафран)

В стихотворении «Милая Тула» он говорит:

*Чтобы город стал краше, светлей, духовней,
Чтобы люди все стали добрей и сильней,
Становлюсь пред иконой смиренней, покорней,
Чтобы Божью любовь понести для людей.*

Он также пишет о стремлении найти свое место в мире, о взаимоотношениях мужчин и женщин. Женщины! Они приносят в этот мир любовь и красоту. А сколько прекрасных произведений было им посвящено — этого не сможет подсчитать никто. Это самая большая загадка в жизни мужчины.

«Полюбив человека, люби его так, словно он — Божество, и ничуть не меньше», — писал Ошо.

Настоящая любовь бьет в сердце, как молния!

*И в такт ему душа моя
Скорбит о прошлых днях.
И мысль одна — любил ли я,
Любили ли меня?*

*Ведь без любви душа плоха,
Словно дырявый зонт,
Как ночь осенняя глуха,
И темен горизонт.*

*Эй, соловей, постой, не тронь
Ты струн души, не рви.
Свою любовь не проворонь —
Так хочется любви!*
(Я. Шафран. «Молчит, молчит глухая ночь»)

Но некоторые душевные раны никогда не заживают полностью. И после них остаются на сердце шрамы.

*Мне так хотелось бы вернуть.
Я так тоскую и жалею,
И по ночам в мечтах лелею —
Пройти непройденный наш путь.*
(Я. Шафран)

Он смело обнажает все нервы стиха, дрожащие от малейшего прикосновения.

*Ты была изюминкой, цветком,
Неба беспредельного явленьем...
Бездна, ночь, огонь, исчезновение,
Крик предупредительным звонком.*

*Ты была кувшинкой на пруду,
Зябнущей в ночной октябрьской стыни...
Утро, свет, сиянье, но... отныне
Я кувшинку эту не найду...*
(Я. Шафран)

Перед нами предстает потрясенное сознание и смятение чувств человека. Любовь и женщина... Какая мощь в этих стихах! Стихи звучат очень убедительно, потому что прошли через сердце автора и душу. Подобное можно лишь понять, прочувствовать и разделить. Время поможет. Оно по чуть-чуть стирает боль потери, обиду, отчаяние. А образ любимой женщины обретает неповторимые черты.

В своем творчестве поэт призывает понять смысл вечности, смысл существования человечества. Нужно уметь ценить все то, что нам дается.

*Радуйся свету жизни,
Заранее не подводи итог,
Не говори о скорой тризне —
Цепляйся за последний вздох!*
(Я. Шафран)

Автор — человек верующий. Именно это придает его творчеству духовную глубину. Разработке этой теме он уделил большое внимание в романе «Круг замкнулся».

«Всякий, кто не верит в будущую жизнь, мертв и для этой», — писал Гете.

Счастье в душе — главное сокровище человека. Следуй велению сердца и будь честен с собой. Помощь Божия приходит ко всем, кто ее просит. Лирические переживания поэта органически связаны с образами природы («Возлегла зима на землю», «Весна поторопилась...», «Воплощение надежды», «В разнотравье, как в оправе», «Октябрь вокруг рассыпал золото», «Милая земля», «Золотом по небу листья кленовые»).

«Жизнь без природы неинтересна, а человек, не любящий ее, ущербен, у него как бы отсутствует часть души»... — пишет он в одном из своих рассказов.

А с каким подъемом и чувством благоговения в миниатюре «Самое главное» автор описывает наступившее «бабье лето»: «Все чувства обострены, душа летит, как птица, хочется обнять все вокруг, и так стоять и стоять, никуда не торопясь, очищаясь от вкуса сомнений, от запахов раздражения и от прикосновения лжи...»

В его пейзажной лирике природа — объект любования. Он поклоняется ее красоте, стремится проникнуть в ее тайны. Ему нравятся приглушенные, затаенные звучания строк. Осень, как робкая надежда, исполненная легкой грусти, радует и восхищает. Ее очарования не скрыть ни под плотной вуалью предрассветных туманов, ни под серебряными нитями дождя.

С приходом весны слышишь шум ручьев, пение птиц. Жизнь прекрасна!

*Гибкая молодушка, неброска,
Крону окуная в голубень,
В зелени воскресшая березка
Радует прохожих целый день.*
(Я. Шафран)

Нужно остановиться, осмотреться и оценить эту красоту. И тогда мы увидим, что природа выписана поэтом без клише и банальностей. Такой лирический пейзаж вполне мог изобразить в своих стихах Федор Тютчев. Тем не менее Якова Наумовича никак не отнесешь к подражателям.

А время утекает, словно вода сквозь пальцы. Подкрадывается незаметно старость с сожалением о несбывшихся планах и мечтах. Возрастает проблема одиночества.

*Уйду в свой дом... Покой так дорог.
Среди икон, картин и книг
Внимает сердце, ум так зорок
И льется жизни моей стих.*
(Я. Шафран. «Льется жизни стих»)

Стихи становятся жизненной опорой, дают возможность сохранить себя как личность. Создается ощущение, что автор живет стихами, балансируя между двумя мирами: миром снаружи и миром внутри.

Проза Я. Н. Шафрана правдива и глубока по смыслу. Его творчество — служение русскому слову, целительному и скрепляющему. Целая россыпь точно указанных деталей придает повествованию единственно нужный контекст. В текстах остро звучат вопросы совести.

Известный тульский писатель и ученый Владимир Григорьевич Сапожников в одном из своих отзывов написал, что «рассказы Я. Шафрана безусловно являются продолжением традиций русской литературы, вносят заметный вклад в развивающийся новый русский критический реализм, знамя которого впервые поднял академик литературы, наш современник и наставник, главный редактор журнала «Приокские зори» Алексей Афанасьевич Яшин». Как видим, в произведениях писателя предельно обнажена жизнь нашего современника, в которой он не может найти ответа на свои мысли, страдания и чаяния.

Жизнь — строгий учитель. И она дорого берет за свои уроки. В жизни бывает все: тоска, кураж, веселье, плач, покой, тревога, неудачи и удачи. Но в мире еще остались вечные ценности и красота. Не все продается и покупается.

У каждого поэта и писателя свой путь в творчестве и своя доля. Нужно радоваться жизни, любить, дружить, мечтать и смотреть на звезды.

*Жизнь наша — чудо, диво,
Альтернатива пустоте:
Как все прекрасно и красиво
На нашей матушке — Земле.*
(Я. Шафран)

Бывает, что с годами талант убывает. Бывает — наоборот. У Якова Наумовича Шафрана как раз второй случай. С каждым пройденным годом он становится мудрей, уверенней и взвешенней в словах и чувствах.

Андрей Можяев
(г. Москва)

ПОЭТЫ ЛУГОВОГО КРАЯ

Можяев Андрей Борисович — сценарист, прозаик, публицист. Доцент кафедры драматургии кино ВГИК. Лауреат нескольких Международных кинофестивалей. В 1985 году получил премию «Лучший дебют в кино» на Международном Кинофестивале «Молодость» за игровой фильм «Полотенце с петухом», созданный по мотивам мемуаров М. А. Булгакова. В фильмографию А. Б. Можяева входят документальные фильмы «Наше военное детство» (приз «За лучшее решение темы музыки в кино» на Международном кинофоруме «Золотой витязь», 1985 г.); «Родовой камень» (второе место за сценарий документального фильма на Международном кинофоруме «Золотой Витязь», 2001 г.); «На сопках Маньчжурии» (гран-при «Золотой меч» на Международном кинофестивале «Военное кино», 2004 г.); «Окно»; «И схлынут воды...»; «Апсны-Абхазия. Страна души» (специальный приз международного телекинофорума «Вместе», 2010 г.) и др.

В пяти часах езды от Москвы, за Мещерой на рязанщине между реками Окой и Мокшей лежит луговой край, обозначенный на картах как пителинский район. Нет здесь ни промышленных предприятий, ни городов, даже малых. Люди живут как встарь: земледелие, уход за скотиной, охота да рыбалка.

Сам райцентр Пителино — старинное, некогда ярморочное село со многими сохранившимися каменными домами. Но вот что самое удивительное: в этом луговом крестьянском краю почти уже двести лет являются самобытные литераторы, поэты. Обошла стороной эти земли индустриальная суэта, и цветет здесь поэзия — даже вопреки тяжелой, скудной нынешней жизни. Пишут стихи и люди с образованием (сельская интеллигенция), и простые крестьяне. Нет, речь — не о «лубочных виршеслагателях», таких модных еще недавно. Речь идет о настоящем стихотворчестве, где слиты два потока: народной, песенной культуры и высокой литературной традиции. Вот строки местного поэта:

*«Под дождями осени косыми
В шорохе застывшей тишины
Спит Пителино среди России,
И в ночной туман уходят сны.
Ветер по проулкам тихо бродит.
Месяц в небе — серпик золотой.
Тихая, задумчивая родина,
Та, где ивы плачут над водой»...*

Надо подчеркнуть особо: пителинская земля (совсем недалеко от есенинского Константинова) дала русской литературе двух классиков.

Первый — Николай Павлов, современник Пушкина, муж известной поэтессы Ка-
200

ролины Павловой, устроительницы знаменитого литературного салона. Павлов был незаконным сыном помещика и вывезенной тем из персидского военного похода пленной грузинки. Отец отдал новорожденного в семью зажиточного крестьянина Павлова и записал в крепостное состояние. Впрочем, о его образовании позаботился — уже юношей отправил сына в Петербург в театральное-музыкальное училище. Но Павлов стал все же поэтом и прозаиком, а затем был выкуплен друзьями на волю. Его стихи звучат сегодня несколько тяжеловато, архаично:

*«Не верь ты верности земной
Как сверхъестественному чуду;
Но верь, что в стороне чуждой
Я долго, долго не забуду
И музыку твоих речей,
И простоту твоих желаний,
И небо мирное очей,
И ад неистовых лобзаний».*

А вот в повестях он во многом предвосхитил художественный принцип Гоголя. Пушкин писал: «Павлов единственный у нас, кто умеет рассказывать действительно занимательные истории». Именно Павлов первым, пожалуй, изнутри, без романтизма, описал жизнь крепостных, жизнь в солдатчине.

Другим классиком, уже современным, стал Борис Можаяев. В его книгах, в романе «Мужики и бабы» досконально описаны история, быт родного края, народа, описаны характерно для всей России. А главное — выражены вольнолюбие и стойкость русского крестьянина во времена тяжелейших испытаний. Правдивое слово — последнее, что сегодня еще удерживает на самом краю полной гибели нашу жизнь. Вот строки местного поэта о значении такого слова:

*«Много бурь здесь отгреметь успело,
Многое растаяло во мгле.
Кажется, что все здесь отшумело
И уснуло в мертвой тишине.
Но не все, не все еще в распаде...
Ведь где в воду смотрят облака,
Был Борис Можаяев здесь, писатель,
И оставил память на века.
Пусть уходит в этой жизни многое,
Слово не стирается во прах.
Где-то рядом деревенька Брехово
И Россия «Мужиков и баб».*

А первой книжкой писателя стал не известный широкому читателю сборник стихов. В поэзии автора слышна сильная песенная традиция. Да и как иначе? Ведь рязанщина — исконно песенный край.

Из Пителина летом сорок первого года Борис Андреевич уходил на сборный пункт в Муром, на войну, а оказалось — уходит в большую литературу:

*«И древней Муромской дорогой
Пошли мы, млад и стар,
Где предки ехали на дрогах
Косами бить татар,
Где ратных проносились кони,
Хвостами пыль мели,
Где свист разбойничьей погони*

*Слыхали ковыли,
Где ехал на базар вчерашний
Тархан и коновал,
Где запах дегтя и ромашек
Я много лет вдыхал.
Прямая пыльная дорога.
Визгливый плач колес...
Тянулся медленно и строго
По ней войны обоз.
И люди шли, дымя махоркой,
Спокойно, как в извоз...
Был долго виден на пригорке
Нам белый холст берез».*

Этот холст берез и сегодня провожает и встречает с пригорка...

Также известен был по всей средней России поэт 50—70 г.г. Николай Яшков. Вот строчки его стихов:

*«Кружатся, кружатся листья в саду,
Но все равно этот лист я найду —
Яблони лист, не иголка сосны,
Тот, что мне дорог с весны.
Помню, стояли в саду мы вдвоем
И вот тогда-то небрежно на нем,
Пряча свой взгляд и улыбку тая,
Ты начертила: «Твоя»...*

И сегодня есть поэты, для которых стихи, литература — дело жизни. А бок о бок с ними — поэты-«любители», простые крестьяне, учителя, библиотекари, медики. Их стихи также выдержаны в высокой традиции. Да и нет, по строгому счету, в настоящем искусстве художников «больших и малых», именитых и неизвестных. В глубинах художественного творчества такие разделения не работают. Ведь художник — это состояние души. Все остальное — дело наживное.

Вот, например, как выражает отношение к жизни простая крестьянка (не так давно силами администрации района и области издан сборник поэтов пителинского края под названием «Зелена моя дубрава»):

*«Умирают травы на покосе,
Усыхая и желтея, словно в осень.
Ветерок ласкает травы нежно
И волнуется за жизнь их так мятежно.
Приподнимет травку над землей,
Та зашепчет: «Жизнь, ведь я с тобою»
И падет к земле головкой близко.
Не подняться, а лежать ей низко.
В ветерке спасения ища,
Травы умирают трепеща».*

Это образно, и потому — художественно.

Отчего же в глубинке среди рек и озер, лугов и лесов возникла и развивается вопреки всем условиям эта традиция? Вопрос весьма значим для понимания нашей культуры, истории.

Как было сказано выше, корни явления в самой поэтически-песенной душе народа. Отсюда всегда и везде происходят самородки. Но в России со второй половины

позапрошлого века стали появляться на селе земские школы. В помощь лучшим из дворян в дело просвещения пришли выходцы из других сословий. Все они чуть позже станут называться «народниками».

В начале прошлого века дело образования вышло на свой пик. Появились династии «народников». Образы этих людей как раз выведены в романе «Мужики и бабы»... При школах часто организовывались театральные, краеведческие, фотографические, литературные кружки. Гуманитарное образование стояло на очень высоком уровне. У автора этого очерка имеется книга — полное собрание сочинений Пушкина в одном томе. Она принадлежала сельскому учителю, погибшему на первой германской войне. Страницы книги сохранили карандашные отметки и надписи, по которым легко определить, какой величины отрывки из каких произведений задавали тогда учить школьникам. Сравнение далеко не в пользу нынешнего времени.

Итак, чтение, наряду с песнями, участием детей в церковном хоре под управлением регентов были тогда главным культурным занятием. Старики еще помнят, как читали по вечерам в кругу больших семей под керосиновой лампой, а потом обсуждали услышанное. Так вращалась в быт любовь к книге. Так осуществилась мечта еще Некрасова о том, что когда-нибудь крестьяне понесут в избы с базаров томики Беллинского и Гоголя. Кстати, и сегодня глубинка достаточно равнодушна к популярным в больших городах бестселлерам, пустой претенциозной «мидкультурщине».

Традиция книжности пока жива. Это она растила людей в уважительном, достойном отношении друг к другу, что и сегодня бросается в глаза на улицах Пителина и выглядит поразительным диссонансом по сравнению с городскими нравами. И эта же традиция облагораживает чувства, дает душе высокий строй.

Вот удивительное стихотворение местного поэта Сергея Гераскина:

*«Над Россией большой и тихой,
Над святою и грешной Россиею
Купола потянулись к небу —
Золотые на темно-синее.
Над погостом ветла и береза
Ветки кутают в белом инее,
А кресты на закате морозном
Золотые на темно-синем.
Вот луна загрустила над прудом
И блестит между ряской и лилией.
Лик ее, беспристрастный и мудрый —
Золотистый на темно-синем.
Зрелым колосом шепчет поле,
С горизонтом сливаясь линией.
И такое раздолье и воля —
С золотого до темно-синего.
Много красок бывает в жизни,
Но не всеми ей быть красивою.
Я из радуги взял капризной
Золотое и темно-синее.
Ветер — время с годами уносит
Ту любовь, как весна, красивую...
А бывает любовь — как осень.
Золотая по темно-синему.
Пусть виски осыпает проседь,
Пусть уходят и чувства, и силы,
Ведь бывает любовь, как осень,*

*Золотая на темно-синем.
Все равно, вы когда-то поймете
Грусть и радость, что вместе — красивые,
Как любовь, купола и осень —
Золотые — на темно-синем».*

После революции тяга к высокой литературе усилилась. Из поколения в поколение передается в семьях память о том, как десятилетиями переписывали в тайные тетрадки стихи запрещенного земляка Есенина. И в те же времена в сельскую, провинциальную школу пришла высланная из центров интеллигенция, высоко и широко образованные люди: профессура, ученые, инженеры, литераторы и музыканты, артисты. Они вырастили новое поколение учителей. Именно они стоят у истоков явления в советский период огромной плеяды выдающихся деятелей во всех областях жизни.

Память о тех золотых людях жива и сегодня. Это выражается, прежде всего, в отношении к школе. Вот как пишет об этом сельская учительница:

*«Маленькой девчонкой возле дома
Я учила кукол говорить
И мечтала: «Вырасту и буду
Ребятишек грамоте учить».
В школе я училась на «отлично»,
Шаг за шагом двигаясь к мечте,
И, окончив институт с дипломом,
Подошла к намеченной черте.
Я боялась, буду слишком строгой,
И боялась, вдруг, что не поймут?
А на деле оказалось проще:
Если что не ясно — подойдут.
Только вот бездушия не терпит
Этот маленький и радостный народ.
Только справедливых, верных, чутких
За «своих» он в классе признает»...*

И это написано сегодня, когда нашу многострадальную школу не поливает грязью и не разрушает только ленивый!

Все это: и поэзия, и уклад жизни, и отношение к школе, детям, и многое-многое другое, что можно еще встретить доброго в провинции,— говорит о том, что традиция пока жива. Ее след можно отыскать по всей России, но очень наглядно она выразилась поэтикой, книжностью отчего-то здесь, в приокском луговом краю. Это дает в сегодняшнее трудное время надежду. Как пишет об этом поэт:

*«На земле на тителинской —
С деревнями и селами —
Будем снова высокими,
Будем снова веселыми.
Все родное здесь, милое,—
Хоть порой и с ухабами,—
Живо песнями русскими,
Мужиками да бабами!»*

ОТЗЫВЫ ВЛАДИМИРА ТРУСОВА И БОРИСА РЯБУХИНА НА НОВЫЙ РОМАН АЛЕКСЕЯ ЯШИНА

Академия российской литературы
● Общедоступная группа

Евгений Скоблов

АКАДЕМИЯ РОССИЙСКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ ПРЕДСТАВЛЯЕТ

*****

Уважаемые коллеги!

Мы продолжаем публиковать отзывы и рецензии на книги и отдельные произведения авторов — членов Академии российской литературы. Предлагаем вашему вниманию рецензию члена Союза писателей России ВАДИМИРА ТРУСОВА на книгу известного писателя, главного редактора литературно-художественного и публицистического журнала «Приокские зори», члена Академии российской литературы АЛЕКСЕЯ ЯШИНА «ЗАТО МЫ ДЕЛАЕМ РАКЕТЫ: ВОСПОМИНАНИЕ О БУДУЩЕМ».

*****

**Владимир Трусов,
член Союза писателей России
«ВРЕМЯ, НЕ ПОМЕНЯВШЕЕ ЦВЕТ»**

**О романе А. А. Яшина
«Зато мы делали ракеты: Воспоминания о будущем»**

Среди многочисленных способов и средств борьбы за существование в подлунном мире, особенно на этапе, когда это самое существование худо — бедно, но обеспечено, нам, «человекам разумным», свойственно его поелику возможно облегчать, то есть делать приемлемее и комфортнее. Сие утверждение, надеюсь, никто оспаривать не возьмется, все в порядке вещей, естественно и не осуждаемо. Кому же, помилуй нас Господи, не хочется, дабы «жить стало лучше, жить стало веселей»? И настоятельно попрошу не упражняться в аллюзиях, касающихся

столь одиозной для многих персоны автора данного изречения. Просто к слову пришлось и к месту, ничего более. Сейчас все выяснится. Я вот к чему веду: одним из многочисленных приемов облегчения своего бытия на земле грешной люди, не стовариваясь, издревле избирали категоричность оценок и суждений по любому интересующему их (то есть нас) поводу. Согласитесь, рубануть с плеча, определяя раз и навсегда, мол, вот черное, а вот белое, и вся недолга, весьма порой заманчиво. А главное — проще простого. Разложил на две полки суть явления, определил хороших и плохих, и спи спокойно. Ведь попытки узреть некие оттенки и попросту тени, уловить полутона, ведут, по мнению таких «рубак», в болото нескончаемой демагогии из коего, угодив однажды, можно и не выбраться, и даже выбравшись, хлопот не оберешься, не отмоешься от грязи, тину и мох не счистишь вовек. А социально-политический заказ кто выполнит? Это же, пардон, основная канва, ею пренебрегать — всего лишишься, в первую очередь уже упомянутого, обеспеченного и комфортного существования. «Конфеты — букеты», как образно определил материальные блага классик отечественной сатиры, тоже на земле не валяются. Вот и брешут-тявкают друг на дружку ток-шоу-мены, особенно изгаляясь в смелых оценках прошлого, и далекого, и не очень. И попытки якобы объективности «тоже историков», от Млечина до Сванидзе, вкуче с сорочьей трепотней великовозрастных игривых парнишек, вроде богемного Быкова, лишь усугубляют общую картину псевдооткровенности. Конечно, в пику упомянутым, есть и совсем иные, действительно серьезные, глубокие и ответственные специалисты, один Виктор Правдюк чего стоит! Но медийная интенсивность не на его стороне. И что самое удручающее, очень похожая картина наблюдается зачастую в личных воспоминаниях: либо сплошные жуть и мрак, либо совсем наоборот, солнце и счастье. Подобные упрощения, как мне кажется, калечат наше сознание куда хуже любой лоботомии. И самое главное — они сбивают с толку молодое поколение, для коего семидесятые и восьмидесятые, а зачастую и девяностые годы прошлого столетия уже история. Попытки же хладнокровного препарирования обречены на провал не только из-за пренебрежения системным подходом к анализу, но и в виду полного отсутствия в них души человеческой и любви к родной истории. И в равной степени — личные воспоминания, вдобавок лишённые известной доли самоиронии. Я совсем не зря упомянул именно годы второй половины двадцатого века, начиная даже не с семидесятых, а с шестидесятых. Годы окончания «оттепели» и дальнейшей стагнации, официально уже поименованные «застоем». Их, по сравнению с более трагическими и суровыми временами, оценивать, пожалуй, гораздо труднее. Событийные экстремумы сглажены, выживать во что бы то ни стало уже не требовалось, безработицы у нас не было, ну, комсомольские стройки, БАМ например... Диссиденты? Ну, да, так ведь не массово... ах, вот еще вражьи голоса народ слушал ночами, политические анекдоты травил... Мелочевка все-таки... А хочется чего-то такого, из ряда вон, правда? Чтобы опять слепить болвана глиняного, да шашкой его наотмашь...

А вот и нет. И хорошо, что в мире не переводятся люди, несущие в себе любовь к прожитому ими вместе со своим народом и со своей страной. Любовь ведь не предусматривает сусальности и огульного восхищения. Просто «когда мы были молодыми и чушь прекрасную несли...». Ну, как тут без самоиронии, скажите? О чем я? Конкретно о книге Алексея Афанасьевича Яшина «Зато мы делали ракеты». С учетом названия — строки из песни Юрия Визбора, переведенной в прошедшее время, а также содержания романа, напрашивается подзаголовок — также несколько измененное название известной в свое время песни — «Песня об инженерной молодости». Нисколько не убоюсь упреков в пристрастности, признавшись, что книга сия мне очень близка, ибо и аз грешный, будучи, подобно автору, изначально «технарем»

по образованию, успел еще в советские времена, по окончании «Военмеха», потрудиться по распределению на закрытом предприятии, вкусив все прелести «оборонки», и на собственной шкуре убедившись, что «если хочешь выполнить производственное задание — найдешь любые пути и средства, если не хочешь — найдешь любые отговорки». Все, о чем пишет Алексей Афанасьевич, мне близко и знакомо еще и потому, что автору удалось главное — передать в романе свое собственное, субъективное (что крайне важно!) ощущение того времени, когда он и его коллеги и друзья были совсем еще молоды и по большому счету только начинали свой жизненный путь. Да, на дворе в ту пору стояли, а точнее только наступили, те самые семидесятые, для кого — то и сегодня «благословенные», для иных — «застойные» и «непроходимо сумрачные». Что касается меня, то это как раз годы моего детства-отрочества-юности, я их помню весьма отчетливо, никаких иллюзий насчет них не имею, а также особенной привязанности и любви к ним не питаю. Почему? Сие просто данность, как-то так вот сложилось все, ни прибавишь, ни убавишь. Но именно поэтому я с неподдельным интересом читаю воспоминания о тех временах, вновь и вновь их для себя открывая. Вот и новеллы романа А. А. Яшина, рассказанные от лица двух друзей-инженеров, Николая Андреевича и его приятеля Андрея Смышляева, представляют времена «махрового застоя» вполне живо и выпукло, а главное — с мягкой иронией и любовью, искренней и не крикливой. Хотим мы или нет, но каждый из нас и каждое поколение в целом — дети своего времени, и в данном случае, пространство, то есть соответствующая окружающая среда, присутствует в данном утверждении, что называется, по умолчанию. Банально? Согласен, но забывая о подобных банальностях, мы порой способны такого нагородить в анализе и оценках, что хоть святых выноси.

Герои новелл, составляющих роман, — молодые спецы, пришедшие работать в конструкторское бюро, в очень неоднородный, даже пестрый коллектив, где полно уже состоявшихся в целом людей, с довольно обширным, порой военным, боевым прошлым. Обстановка характерная для рубежа десятилетий — вроде бы и мир давным давно, и выживать не нужно, с голода никто не помирает, работа есть, кров, какой никакой, но обеспечен, а все одно, те, страшные и трагические военные и околовоенные с обеих сторон времена, совсем недавнее прошлое, оно еще вполне живо в памяти, участники тех событий — вот они, рукой подать... Но парни и девушки особенно головы свои не морочат, некогда, текущих — насущных мелочей полны карманы, начальство пристально следит прежде всего за «обликоморале», как бы чего не позволила себе молодежь, а то пойдет «неверной дорожкой»... Да только товарищи новоиспеченные инженеры на недотеп непохожи, а напротив — люди смысленные и с юмором. И все попытки надзора со стороны начальства не воспринимают как «беспросветный канцелярский гнет и ограничение внутренней свободы». Почему? Да потому, что именно в молодости, еще не отягощенной жизненными ошибками, вынужденной житейской подлостью, величаемой жизненной необходимостью, и прочими подобными «прелестями», человек эту самую внутреннюю свободу и ощущает. И едва ли административным нажимом и всяческими запретами-ограничениями эту свободу можно попортить. До поры, до времени, безусловно. Но пока... Пока любое давление извне воспринимается без трагизма, даже напротив — с юмором, иронично и даже снисходительно, дескать, ну, что они мне могут сделать, а? В реалиях конечно сделать могут многое, но, как правило, до подобных драконовских мер доходит крайне редко, поскольку всерьез обвинить молодых инженеров по сути не в чем, даже при желании. Тогда уж нужно всех подряд косить репрессалиями направо и налево, а подобные действия уже случались на просторах одной шестой части мировой суши, они всем, включая представителей руководящей и направляющей, не просто

надоели, а испоганили жизнь, спрашивается, зачем к старому возвращаться? Конечно, молодых и повоспитывать при случае не грех, но они, молодые, тоже не лыком шиты. Вот начальству казалось, что на обеде компания тесная хлещет технический спирт, а на поверку вышло — окрошку кушает. Такие вот оказались неувливаемые... А мораль из всех подобных казусных случаев одна — ничего-то им, родимым, не сделаешь толком. И то сказать, молодежь эта самая проверяющим в дети годится. Их не будет, будущее не состоится. И потом, ведь издать запретный кадастр, жизнь от сих до сих регламентирующий, можно, а будут им руководствоваться на деле?

Вот и я о том же. Внутреннюю свободу личности в повседневной жизни не извести ничем, особенно, если личность такая еще жизнью не перепугана до смерти. Вот и чертит молодой специалист по микроэлектронике, единственный в конструкторском бюро, кстати, умную схему, в которой потом особо придирчивый парторг обнаруживает абрис православного креста. Казалось бы, абсурд! Но так оно и было или, по-крайней мере, очень даже могло быть. И снимают с инженера только что присвоенную было третью категорию. И что? Да ничего, в прямом и переносном смысле. Никто не умер, даже не заболел. А ведь здесь также присутствуют штрихи времени, контекст повседневности, порой с приличной долей абсурда. Но автор описывает и подобные кунштюки не скрывая ностальгии и любви к тем, уже далеким, годам. Наверное у каждого из нас есть такое время, пусть совсем краткий его отрезок, когда мы были безотчетно счастливы. Не зря же Николаю в одной из новелл «...захотелось закричать: жизнь люблю! Катю люблю и... всех, всех на свете люблю!». Как похоже на восторженный клич Юрия Власова в его «Справедливости силы»: — Мой мир! Мой! Вот она, свобода молодости, то и дело накатывающее ощущение, что ничего невозможного в мире для тебя не существует, что тебе вселенная по плечу! Это состояние, очевидно, было весьма устойчивым, коль скоро его не могли поколебать партийный и идеологический контроль, а также иные коварства начальствующих персон, как-то: анализ слюны на окурке, выловленном, пардон, из служебного отхожего места с целью определения виновника сего мерзкого проступка, т.е. швырнувшего чинарик не в урну, а в...; и опять-таки, длительный и весьма дорогостоящий для всего КБ в целом, процесс научно обоснованного выяснения причин изменения физико-механических свойств стенок граненого стакана, вдруг разбившегося на мельчайшие кусочки, подобно стеклу после термообработки, вследствие, как оказалось, длительного употребления из него известной жидкости крепостью 96 градусов.

А эти чудесные и до сей поры незабвенные поездки на сельхозработы в колхоз! Кто сие испытал, поймет меня, тем более, что и для моего поколения уборка урожая — картошки, морковки, той же свеклы, и, главное — «редкого фрукта» (по определению Виктора Астафьева) турнепса, стала основным занятием в начале очередного учебного года еще со школьной поры. Что, спросите, в таких экспедициях хорошего? Вот так сходу, одной фразой, пожалуй, и не ответить, но сам выезд на «вольные хлеба», смена образа жизни и, если угодно, вмещающего ландшафта (в точности по Л. Н. Гумилеву), выход за рамки привычных будней, усиливали и разнообразили ощущение некоей свободы, освежали впечатления и эмоции, давали новые импульсы единения с родной землей. Слава Богу, подобные экспедиции не походили на хлопковую среднеазиатскую страду тех лет, длившуюся по полгода и более. А ведь не зря добрая половина новелл в романе посвящена именно деревенской, колхозной теме. Отчего? Да оттого, что не столь уж далеки друг от друга оказываются на деле хоть и провинциальный, но областной город, и довольно дальние по местным меркам села. Мало того, они ближе, чем может показаться. И история у них общая, да она рядом, «на дистанции вытянутой руки», в лице того же встреченного случайно Николаем во время прогулки деда Трофима — в молодости матроса крейсера «Аврора» и участни-

ка цусимского сражения. (Справедливости ради не могу умолчать о пренебрежительном и, с моей точки зрения, необоснованном и несправедливом упоминании в эпизоде общения со стариком о последнем российском государе — императоре. Очевидно, подобная оценка тоже своего рода характеристика того времени и мировоззрения многих, живших тогда, людей. А ссылка автора на «Воспоминания» С. Ю. Витте вообще вызывает удивление — доверять свидетельствам «графа Полусахалинского», человека, конечно, незаурядного, но по сути — бездушного и хладнокровного дельца, честолюбца и карьериста, для коего Россия была лишь полем деятельности во имя себя, любимого, за что и был он от дел государственных удален прекрасно его разглядевшим Николаем II, по меньшей мере опрометчиво). А в поселке неподалеку живут переселенцы с западной Украины, волей властей переброшенные в среднерусский ландшафт и вполне его освоившие, и заговорившие на чистом русском. И в самом Конструкторском бюро полно сотрудников, ныне вполне скромных и в чем-то даже комичных людей, с героическим боевым прошлым. Вот вам и сопричастность со своим народом и страной, неотрывная и естественная. Она в подтексте, автор не стремится к декларациям и лозунгам, что вполне объяснимо, не нужны они здесь, жизнь ведь не ими движется и определяется. Молодость, молодость, вот главное воспоминание повествующих, и не зря в подзаголовок романа есть пояснение «Воспоминание о будущем». О каком собственно? Да о нашем, господа читатели, ибо молодость, как и любовь, не перестает. И такое будущее, по мнению автора, должно наступить, да попросту не может не наступить. А разве молодость и любовь не об руку идут? И о той молодой любви в романе рассказано вполне подробно и очень, на мой взгляд, верно, без скабрёзности и ерничества, с иронией и юмором, в известной мере, пусть даже и о случайных, а точнее, мимолетных, так и хочется сказать — непорочных, связях, да простят меня строгие поборники нравственности. Но и такие отношения — были, есть и будут, зачем реалии утаивать и замалчивать? Нет в романе ни капли грязи на любовную тему. И появиться не могло в предложенном автором контексте, светлом и довольно солнечном.

Ну, ладно, а когда же все-таки и за что конкретно «зато мы делали ракеты»? А представьте себе, тогда же и делали. И очень хорошо делали, оттого, во многом, и живы по сию пору. Да колхозы — совхозы — природа, да гулянки и не всегда такое уж безобидное «озорство», да парадоксы партийно-хозяйственной жизни и ее активного актива, но при всем при том, работа во имя безопасности Родины. О ней подробно, в деталях, рассказывать не стоит, во-первых, не всем это покажется увлекательным — повседневный, кропотливый, очень специфический, узко специализированный, нелегкий, порой даже каторжный, труд, а во-вторых, есть вещи, которые и сегодня сокрыты от широкой аудитории всевозможными грифами. И ежели представить только, что вот зачастую вопреки, а не благодаря, все происходило, тогда и название романа приобретает характер ответа на заданный выше вопрос. Вот именно «зато»! Несмотря ни на что, то есть. И ведь очень показательно роман начинается, новеллой о пребывании Андрея Смышляева в больничной палате № 306, уже в столь многообразные девяностые, после крушения СССР и прежнего образа жизни. Аналогия тут на поверхности лежит, как не вспомнить ленинское высказывание по поводу рассказа А. П. Чехова, дескать, вся Россия — палата номер шесть. С тем, что палата № 306, для автора, в чем-то постсоветская Россия девяностых, и наоборот, спорить трудно и наверное нет смысла. Это авторский прием и авторское право на подобные приемы сомнению не подвергается. Очевидно не зря потребовалось Алексею Афанасьевичу обозначить в романе контраст между временами основного повествования и пришедшими вслед за ними, даже не смутными, а мутными и разрушительными. А контраст упомянутый на самом деле получился не просто разительным, но жутким,

катастрофическим, убийственным. Когда вдруг от преступной «прихватизации» стала рушиться «оборонка», когда закрывались предприятия стратегического назначения, когда массово гибли на корню колхозы и совхозы... Жизнь, прежняя, создаваемая десятилетиями, непростыми и нелегкими, уничтожалась на корню... Сравнение, естественно, не в пользу девяностых, и противопоставление с советскими временами (где также все совсем не просто и неоднозначно, охо-хошеньки-хо-хо!) конечно же, вполне уместно, более чем уместно, хоть и не испытываю я никакого восторга от изречения самого человеческого человека по поводу Российской империи, да и от последующих аналогий тоже. Хлестко сказано, но ведь софизмы всегда отличаются отточенностью и резкостью. Но речь сейчас не о моем частном мнении, а о совершенно иной характеристике, данной жизни в тех же семидесятых, например, Сергеем Довлатовым, и в личном плане, и вообще. «Я шел и думал — мир охвачен безумием. Безумие становится нормой. Норма вызывает ощущение чужда...» (С. Довлатов, «Заповедник») или «Безумие приобретало каждодневные, обыденные, рутинные формы» (С. Довлатов, «Наши»). Наверняка найдется дотошный и въедливый читатель, который, хмыкнув снисходительно, изречет, дескать, как же быть-то с иными мнениями о столь любимых автором временах? Вот, пожалуйста, совсем иные картины. Правильно, но мне кажется, что безумия и абсурда хватало, хватает и будет хватать во все века и времена. А вот принимать его или не принимать, что считать оным, а что нет, сносить безумие или... дело весьма неоднозначное и крайне субъективное, зависящее вдобавок от огромного количества побочных, иногда сиюминутных, факторов. Оттого-то и подчеркиваю я вновь основное, на мой взгляд, достоинство романа — автор сумел внятно, ярко, но без экзальтации, убедительно передать субъективное ощущение того времени, ощущение человека безусловно внутренне свободного и пока еще свободу такую не утратившего. Да — да, именно «...как молодцы мы были, как искренне любили, как верили в себя!» Все правильно, пусть и строки известной песни порядком «заезжены», и не все столь идеально шло, как написано. Не стоит забывать, что художник вправе создавать в произведении свой неповторимый мир, даже описывая реально происходившие события. И не могу утверждать, что уважаемый Алексей Афанасьевич этим правом не воспользовался.

А в итоге получилась прекрасная книга, искренняя, интересная, живая, и предназначенная для самого широкого круга читателей. С чем я от всей души и поздравляю автора. А еще, никому, ни нам, ни врагам, ни друзьям нашим, не стоит забывать вот о чем — что бы с нами не происходило, как бы нас не мотала судьба и объективная реальность, мы имели и имеем право с гордостью произнести: «Зато мы делали ракеты!»

Текст книги размещен на сайте <http://www.pz.tula.ru>

г. Мончегорск Мурманской области.

МАТЕРИАЛЫ ВСЕРОССИЙСКОЙ ДИСКУССИИ «РОССИЯ НЕ ЕВРОПА?»

ПИСЬМО В РЕДАКЦИЮ*

К сожалению, последний месяц живу на бегу. Поэтому ничего и не написал про Европу. Попытаюсь исправиться.

Нахожу, что в утверждениях «Украина — це Европа», «Беларусь — гэта Еуропа» немалая доля лицемерия. Ибо цели у говорящих есть политические, а аргументы — из истории или из культуры, традиций, мировоззрения. Если бы игра была честной, то говорилось бы: «гайда у Еуразвяз!» И тогда выяснилось бы, что значительная часть населения, а среди белорусов — так и прямое большинство этого не хочет. А европейцы тоже не рады нахлебникам. Вот и все.

*Юрий Клеванец,
г. Железнодорожск, Белоруссия.*

Уважаемые коллеги, редакция журнала «Приокские зори»!

Вы подняли важнейший вопрос современности, который волновал русских мыслителей более века тому назад. К сожалению, опасения Мережковского по поводу пришествия «Грядущего хама» стали явью и свершились в настоящее время не только в Европе, в Китае или в России, но и во всем современном мире, где сформировалась и уничтожает все, что ни есть живое на Земле, как всепожирающий молох, как ненасытная саранча — общество потребителей и материалистов.

Безусловно, крылатое выражение «гнилая интеллигенция» вполне соответствует современной элите, управляющей странами и народами. Поэтому вывод Мережковского о том, что интеллигенция, которая определяет путь развития Цивилизации, должна быть общественно-религиозной, является вполне справедливым. Это понимание исходит из самого существа Человека мысленного, с Челом — в ауре, в свете, как жителя неразрывного, единого пространства — Царства Небесного и Земного.

Исходя из современного состояния Человеческой Цивилизации на Земле, спасти человечество от неминуемой гибели, мировой войны, к чему ведет утробное сознание и инстинкты земного «мещанства» (по Мережковскому), способна только Русь-Россия.

Эти мысли возникли и стали моим убеждением со времени «перестройки» и возникновения «демократического государства» в России на рубеже тысячелетий. Кое-что я записал для себя «в стол» — для памяти. Но мне показалось, что эти мысли не утратили своей актуальности по прошествии многих лет и согласуются с позицией Мережковского.

Сейчас уже менее важно то, как это случилось, а важнее всего то, как жить дальше и как преодолеть глубочайший цивилизационный кризис. По этой причине посы-

---

* Первоначально тема дискуссии была объявлена как «Россия не Европа, а Белоруссия?» Но многочисленные белорусские авторы «Приокских зорь» (может быть, благоразумно?..) промолчали. В какой-то мере за них это сделали авторы из России — см. дальше материалы «урезанной» дискуссии...

лаю на Ваш суд три* свои статьи к теме «Грядущий хам». Вам же решать, стоят ли они того, чтобы быть опубликованными в журнале «Приокские зори».

С уважением, И. И. Тимченко.

О РУССКОМ ЧЕЛОВЕКЕ И РУССКОМ ГОСУДАРСТВЕ

Происхождение Русского Человека — явление планетарное, Божественное, и никак не связано с известной гипотезой западных ученых о происхождении человека от обезьяноподобного предка. Имеются разные толкования определения Русский, Россия, но наиболее точным представляется определение А. В. Трехлебова (2004 г.): «рос» — означает рост, увеличение; «сия» — сияние, свет, светость; то есть Россия есть сила, увеличивающая светость. Более чем понятно на русском языке определение Человек (Чело — век): Чело — в эке — в ауре, в свете, имеющий светлый шар (нимб) вокруг головы, с которым изображаются на иконах Богоносцы. Белокожее население Земли (белое, светлое) получило название «Раса», от которого произошло английское название русских людей и России — «Russia» (Раша). По утверждению автора, представители Расы первыми заселили нашу планету около 1,5 млрд. лет назад, прибыв с других Земель (планет), находящихся в созвездиях Малой и Большой Медведиц, Льва, Лебедя и Кассиопеи. Представители Расы отличаются друг от друга цветом радужной оболочки глаз, который зависит от спектра света их родовых солнц: сереброглазые (сероглазые) — Да'Арийцы, зеленоглазые — Х'Арийцы, синеглазые — Светорусы, огненноглазые (к' Ариглазые) — Рассены. Да'Арийцы имеют качества предводителей-воинов, Х'Арийцы обладают качествами ведунов-священнослужителей, Светорусы — ремесленников, специалистов, Рассены — успешны в налаживании коммуникаций и организации сервиса.

В соответствии с планетарной природой наших предков, говоривших словом и просла(о)влением (слово, славить) своих Богов, *за Русскими закрепилось определение — Славяно-Арии*, а северные территории Земли, которые они заселили, получили названия Даария и Арктида, а в современности — Арктика. В дальнейшем, по согласию с Ариями Расы, на определенной территории Земли произошло заселение союзников Расы, людей с цветом восходящего солнца, желтокожих людей (китайцы, японцы и др.), с цветом заходящего солнца, краснокожих людей (инки, майя, ацтеки, североамериканские индейцы, русские северные народы и др.), а также побежденных негроидных народов, планеты которых были разрушены. Вслед за первыми поселенцами на Землю проникли, размножились, ассимилировались паразитические, серые, тварные (т.е. не Богом сотворенные) сущности, не совместимые с природой землян, что привело к смешению народов, потери ими первородного качества и общей дестабилизации в природе и в обществе.

За долгий период Земной Цивилизации произошло немало природных и социальных катаклизмов, которые приводили к гибели целых материков, коренному изменению природы, народов, социальной и культурной среды. Это же относится и к Славянам-Ариям, которые вынуждены были уходить на новые места, пригодные для проживания, и оставили на обширнейшей территории Земли изначальные памятники своей письменности, культуры и примеры воспроизводства своего генофонда. Практически, *во всех народах Европы и Азии есть изначальная частичка Славяно-Арийской крови*. Когда-то все славяно-арийские народы говорили на одном языке, но

---

* Редакция приносит свои извинения автору: присланный им обширный материал не соответствует формату нашего журнала, поэтому публикуем только одну статью, на наш взгляд, наиболее актуальную.

рассредоточившись на большом пространстве, сохранили свою языковую общность только в корнях слов, у многочисленных обособившихся родов. По этой причине многие древние памятники письменности, которые находят археологи в разных частях света, можно воспроизвести только с помощью русской грамоты. Места кочевий и стоянок (стан) Славяно-Ариев дали названия многим современным странам, например, Казак-стан (от слова казаки), Узбеки-стан, Туркмени-стан, Афгани-стан, Паки-стан, Индо-стан, Палестина (паленый стан), не говоря уже о названии рек, морей, народов.

По свидетельству Мавро Орбини (1606), М. В. Ломоносова (1766), Е. И. Классена (1854) и других ученых, славянский народ владел Азией и Африкой, покорил Грецию, Македонию, державу Римскую, завладел Моравией, Чешскую, Польскую, Шленскую землями, берегами моря Балтийского. От Славянского народа в прошедших временах произошли сильнейшие народы: Славяне, Вандалы, Бургунтионы (Бургундцы во Франции), Готы, Руси или Раси, Даки, Шведы, Норманны, Тенны или Финны, Фраки и многие другие, которые были словенскими народами. В связи с этим М. В. Ломоносов отмечал, что когда вместе с великой Россией представить еще Польшу, Богемию, Вендов, Моравию, Болгарию, Сербию, Долмацию, Македонию, другие славянские земли по Дунаю, Курляндцев, Жмудь, Литву, остатки старых Пруссов, маклебургских Вендов вокруг Варяжского моря, наконец, покоренные славяно-русским народом царства и владения на Востоке, большой половине Европы и большой части Азии, то можно видеть, *«какое множество и могущество славянский народ имеет»*. По этой причине особо знаменателен вывод Е. И. Классена: *«Чтобы найти несомненные следы Славян во всеобщей истории, надлежит выкинуть из нее все изуродованные прозвища народов и употребить вместо них одно всем им общее племенное название»*.

Светлый и нравственный образ русского человека, благодатный русский край вызывал подлинное удивление и восхищение чужеземцев во время путешествия Антиохийского Патриарха Макария в Москву в XVII веке, со словами: *«Да будет благословен их Бог!»* Из описания этого путешествия Павлом Алеппским свидетельствует, что места в земле Русских изобиловали всякими благами, обильны жителями, в особенности маленькими детьми, которые все умеют читать, даже сироты. Каждый город имеет до 40, 50 и более тысяч душ. В доме каждого человека по десяти и более детей с белыми волосами на голове. В стране Русских нет ни одной бесплодной женщины. Женщины московитов красивы лицом, очень миловидны, нарядно одеты, заняты своим делом, и никто не бросает на них нахальных взглядов. *В земле казаков и московитов вообще не встречалось людей, пораженных уродством, телесными недостатками* или слепотой, расслабленных, прокаженных или иных больных, а у чужеземцев, во время этого путешествия, волосы на голове, которые были жестки, стали очень нежными, как андарийский шелк. Русским людям, до насильственного «внедрения» Петром I в русский уклад жизни «культуры западной цивилизации», вообще были чужды такие пороки как пьянство, разврат и курение.

Базовые особенности Русского Человека, в общих чертах, выражаются в следующем (С. А. Алексеев, 2008):

1. **Русская культура (одухотворение)** — самостоятельная, независимо существующая цивилизация, сложившаяся на принципах Духотворения, то есть, способа познания мира, Мироззрения (вера) и Искусства (творчество). Культуру, как цивилизацию, определяет духовно-волевой потенциал русского человека, этническое пространство, неизменность, особенности этнопсихологии, способность к противостоянию чуждым культурам.

2. **Образ мышления и манера поведения**, которые определяются, прежде всего, языком, культурой, генетической принадлежностью к этносу, в связи с чем русские

люди не могут быть космополитами, их отличает повышенная чувственное мышление (поэтичность), стыд и совесть, терпение, высокородная, непроизвольная гордость и честь, чувство справедливости, вольнолюбие, широта души, стремление к неформальному лидерству, как далеких потомков этноэлиты.

3. Способность к личностной и групповой (этнической) самоорганизации, в основе которой находится как личностный духовно-волевой потенциал, иерархия, так и круговая порука, поручительство каждого за каждого, отсутствие всякой иерархии, что особенно проявляется при самоорганизации казачества (*то есть, русский народ вариативен, И. Т.*).

4. Отсутствие национального эгоизма, открытость, самопожертвование, ответственность за судьбу братских народов, общинный принцип жизни, что обуславливает стремление к самоорганизации социального (социалистического) образа жизни.

Русский Человек изначально стремился взрастить свое светлое Дивье Тело (душу, информационно-энергетическое поле) посредством приобретения земного опыта, чтобы иметь возможность возвратиться в свои вечные миры, по примеру своих светоносных предков и ныне живущих светоносных современников. Подобное явление (*по свидетельству автора*) произошло, например, в начале октября 2000 года, сразу после отпевания Схиархимандрита Алексия в Храме в городе Голицыно Московской области, когда в ясный солнечный день в небе появилось второе Солнце, которое не слепило глаза. Постепенно второе Солнце уменьшилось в размере и маленьким светлячком стало уходить в сторону и вверх, вначале медленно, затем сильно ускорилось, блеснуло и мгновенно исчезло в небесном пространстве. Это явление в тот день и в тот час наблюдали многие и в других местах. Все, кто знал покойного, его прижизненную святость, нисколько не сомневались в том, что таким образом его информационно-энергетическое поле, его любвеобильная душа простилась с земными сородичами, озарив всех Светом своей энергии, затем сконцентрировалась в точке и отлетела в безмерное космическое пространство. Так всем — грешным, сирым, мятущимся, был показан Свет «в конце туннеля», пример того, как Человек способен светить, а не смердить, если он славно потрудился на Земле во имя Света своей души.

Для выполнения своего Божественного предназначения (родится на Земле, обрести творческий и духовный опыт для дальнейшей вечной жизни в Светлых Божьих мирах) Русскому Духовному Человеку необходимо крепкое, нравственное государство, которое было бы способно защитить ареал его существования от разрушения бездуховными, паразитическими силами темных миров. *Граница Русского Государства обозначена аурой Русского Человека в пространстве: Чело окружено Северным сиянием, становой хребет составляют Уральские горы, руки распростерты от Востока Азии до Запада Европы, а ноги крепко упираются в южный горный хребет, простирающийся от Альпийских гор до Тихого океана.* Именно, определение правильного положения Человека, когда «голова должна находиться в холоде (в спокойном разуме), а ноги — «в тепле» соответствует образу Русского Человека в этом пространстве. Строение и назначение отдельных частей Русского Человека и пространства государства составляют единое, неразрывное идентичное целое (центральные, краевые и внешние части). По этой причине Русский Человек, как отдельный индивидуум, никогда даже не побывавший в далеких уголках своей Родины, всегда чувствует свою сопричастность с ее огромными просторами, что определяет его русскость и наличие Русского Духа. В то же время, государство Русь может существовать и развиваться только в том случае, когда Человек и государственное пространство будут находиться в системном равновесии и дополнять свою идентичность. По этой причине удержание обозначенных границ Русского Государства является не прихотью или проявлением агрессии, а естественным стремлением к сохранению ареала существования Русского Человека в его сакральном пространстве.

Русский Человек не может нормально существовать и развиваться в осколочном, морально и нравственно ущербном типе государства — демократическо-демоническом, потребительском, материалистическом, атеистическом или с другими «измами», навязываему России западной материалистической цивилизацией.

* * *

Государство Россия с ее необъятными просторами, разнообразными природно-климатическими зонами, многочисленными народами, может сохраниться как единое целое, только сплотившись вокруг государство образующего русского народа. Отмечено, что с выходом более мелких этносов из Славянской общности, как правило, между ними усиливаются противоречия, которые перерастают в военные конфликты. К сожалению, в настоящий момент русский народ сам терпит бедствие, рассеян в пространстве и в чужеродной культуре. В огромной степени разделению русского народа способствовала внешняя экспансия явных и тайных сил на протяжении многих столетий. Рупор «перестройки» Мира — Маркс проговорился о том, что только революция может разрушить русский колосс. Под «русским колоссом» он имел в виду Славянскую Цивилизацию, которая, по его мнению, мешает западной культуре «как солнцу обойти Земной шар». Апологет глобализации, конечно, не мог заставить Солнечную систему вращаться в другую сторону. Однако, экспортировать в Россию революцию, чужой стиль, чужую культуру, чужие деньги, компрадорскую власть — «эти ребята» таки сумели.

В результате разрушительного влияния компрадорских сил только в течение последнего, двадцатого века русский народ испытал на себе различные формы государственного устройства.

Российская Империя была наследственной монархией во главе с императором, обладавшим самодержавной властью, унитарным правительством, единым экономическим пространством, единым административным делением, в котором действовали единые Законы Российской Империи. Включение новейших территорий в унитарную систему России происходило с учетом особенностей их вхождения. Население России (Подданные Российской Империи) делились на 4 сословия («состояния»): дворянство, духовенство, городские и сельские обыватели. Местное население Казахстана, Сибири и ряда других районов выделялось в самостоятельное «состояние» (Иногородцы). На территории России проживало свыше 100 народов (57 % населения составляли нерусские народы), имеющих свободу вероисповедания и главенствующую религию, какой являлось Православное Христианство. Права собственности на землю и основные средства производства принадлежали государству, общинам и частным владельцам. *Российская Империя дала миру высокие образцы культурной цивилизации, содружества народов и экономического развития.*

Однако, система абсолютной монархической наследственной власти не выдержала испытания временем. Страна вступила в бурный период ускоренной капитализации, и правящая элита под предлогом предоставления русской нации европейских прав и свобод поощряла инакомыслие, революционные настроения, оболванила народ и предала своего монарха. Произошла чудовищная эрозия властной элиты, разрыв между аристократами власти и низшими слоями населения, который и привел к развалу Империи в результате буржуазной и пролетарской революций, и гражданской войны.

Союз Советских Социалистических Республик (СССР) состоял из равноправных национальных республик, имеющих право выхода из Союза. Количество рус-

ских составляло 50,7 % от общего населения. По своей сути СССР являлся унитарным государством с единым экономическим пространством, едиными законами под руководством единой политической силы — Коммунистической Партии Советского Союза. Союз представлял общенародное социалистическое государство, с общенародной социалистической собственностью, выражающее интересы рабочих, крестьян и интеллигенции, трудящихся всех наций и народностей страны, являющихся гражданами СССР, которые осуществляли государственную власть через Советы народных депутатов. Коммунистическая идеология основывалась на материализме, атеизме и отрицании Божественного происхождения Человека. *Привлечение широких слоев населения в СССР — к образованию, науке, культуре, творчеству, управлению государством, вызвало небывалый скачок пассионарности русского народа и созданию могучего государства.*

Постепенно верховенство низших слоев населения (пролетариев) над аристократами духа и чести по принципу «из грязи в князи», в условиях официального отрицания религиозной морали, привело к перерождению управленцев в мелких буржуа и окончательному развалу государства, когда «рыба начала гнить с головы». Западнические, диссидентские настроения советской элиты с ее «демократизацией» и «эмансипацией» привели к снижению производства внутри страны, свертыванию программы национального саморазвития, росту потребления за счет рынка западных стран и внешней зависимости, окончательно раскачали духовно-интеллектуальные цели и патриотические устои могучего государства, а власть предала свой народ и свою Родину.

Российская Федерация (Россия) является Президентской республикой, где ответственность между Президентом и Правительством за состояние дел в стране четко не разграничены. Россия имеет единое экономическое и правовое пространство с наличием русского населения около 80 %. Властные органы России формируются путем всеобщих выборов, при наличии многопартийной демократической политической системы и, фактически, неподконтрольны избирателям. В определенной степени Российская Федерация унаследовала примеры демократического устройства иностранных государств, с особенностями Советской системы, на фоне чрезвычайно слабого государственного управления и устройства, имеет двойственное определение (Российская Федерация или Россия), состоит из республик и областей, так называемых субъектов Федерации, не имеющих самостоятельного государственного статуса.

Примеры существования Русской Цивилизации и государственности свидетельствуют о том, что попрание национальных интересов и основ государства в угоду мировому капиталистическому, глобальному устройству, ведет всегда к гибели Русского Государства. Любая власть не может быть прочной и долговечной, если форма власти не соответствует внутреннему (духовному) содержанию и устремлению русского народа, объединенного в Государство на основе общенациональных, культурных и мировоззренческих приоритетов.

Русскому народу необходима такая форма государственности, которая позволила бы ему возвратиться к истокам своего Славяно-Арийского происхождения, сохранить Русскую Цивилизацию как уникальную Светлую Расу, изначально возникшую на Земле. По отношению к России, наиболее перманентным определением ее существования в постоянно изменяющемся мире является определение Русь: Раса, Расселения, Рус, Рос, Русич, Русский, Русь-Киевская, Московская, Белая, Великороссия, Малороссия, Святая Русь и много других исторических и современных ассоциаций на территории жизненного пространства русского народа связаны с понятием Русь. В представлении наших соотечественников и народов мира, *Русь — это изначальное образование «откуда есть и пошла земля Русская».*

В современных условиях Русь является наиболее индифферентным понятием в ситуации постоянного передела границ, возникновения новых государственных образований, военно-экономических союзов, так как не содержит в своем названии призыв или претензию на соучастие в безнравственной и хищнической практике корпоративного капитала по завоеванию мирового господства. В то же время, как бы возвышаясь над мирской суетой, Русь остается вечным, неизменным ориентиром на пути возвращения общества к истокам своего Божественного происхождения.

Русское Государство (Русь) может возникнуть как Самодержавная Монархия в содружестве славянских народов и ассимилированных на своих территориях других народов, с единой системой законодательства, безопасности, экономического пространства и Духовного мировоззрения. Самодержавная Монархия извлечет ошибки прежних государственных образований и будет основываться на подлинном Самодержавии Русского Народа (сам себя держит) во главе с непререкаемым авторитетом — Самодержавным Монархом, олицетворением Светской духовной этики, который вершит нравственно-духовное право в соответствии с единым сознанием и пониманием Государем и Народом Законов Всевышнего, а, значит, на добровольном подчинении Граждан Самодержавному Монарху и взаимной ответственности Граждан и Власти перед Законами Всевышнего.

При этом вертикаль власти является очень прямой и эффективной: Всевышний — Монарх (Помазанник Божий), олицетворение светской духовной этики, — Народ, подданный Царю Земному и Небесному. Горизонталь же власти приобретает необъятное творческое развитие и расширение, основываясь на принципе «народ сам себя держит», когда *роль регионов в хозяйственной и общественной деятельности постоянно возрастает, а роль метрополий — снижается*. То есть, создается мощный, расширенный фундамент для упрочения вертикали власти из саморазвивающихся, саморегулирующихся общественно-хозяйственных региональных систем во взаимодействии друг с другом и властными структурами.

Только в единстве Веры, Царя и Отечества Русский Народ может сохранить свою родовую идентичность, нацию, Расу и Духовную Цивилизацию. Дорога к Храму — Государству Русь, предстоит долгой и трудной. Русскому народу предстоит взрастить свое Светье тело на пути восхождения — от низших до высших проявлений человеческой личности, рождения аристократов духа и чести, которые явят на суд Мирской и Божий Самодержавного Монарха. Самодержавная Русь произрастет из сочетания исторического, географического и нравственно-духовного содержания русского народа, как наиболее типичный и наиболее востребованный вид государственности, передаваемый из поколения в поколение русским народом по эпохам времени.

Самодержавная Русь неизбежно перерастет в Мировдержавную Русь, учитывая безграничный потенциал развития Русской Цивилизации (народ-Богоносец). Русь будет округляться вокруг Северного полюса за счет арктических, северных территорий Земли и своих южных границ, упирающихся в геосинклинальный пояс из горных складчатых сооружений, простирающихся от Альпийских гор до Тихого океана. Этому будет способствовать также потепление в северных широтах, связанное с изменением климата на Земле. *«Вращаясь, все приходит к Жизни, над нами и Природой правит Круг»*. Русский Круг, обозначенный в древних русских рунах, это тот оберег Жизни, который Создатель водрузил на Земную главу. Постепенно Русский Круг будет наполняться Духовной Светоносной энергией Русской Цивилизации. Лучи-меридианы Светоносной энергии будут простирались во все уголки Земли, где *«Русский Дух... и, — Русью пахнет»*. Образуется светоносная ткань тонкой энергии, которая станет проводником для передачи и принятия правдивой информации без применения технических средств. Появится возможность свободного общения и восприятия Мира с

помощью объемной многомерной Русской Грамоты, которая была дана землянам со дня Сотворения Мира и является информационной матрицей о предметах и явлениях, голограммой букв и слов, отображаемых в космическом пространстве.

Наряду с физическими границами Русское Государство станет иметь безграничное Духовное пространство.

*Иван Тимченко,
член союза писателей России,
Академии российской литературы
и Международной Академии духовного
единства народов мира, г. Москва.*

ВОПРОС ИНТЕРЕСНЫЙ...

Россия, она, вестимо, не Европа. Для иных и Европа может быть, да не совсем. А ведь есть и утверждающие совсем обратное, дескать, наша Отчизна — самая, что ни на есть, европейская страна, и все тут. Посему без преамбулы никак не обойтись. И ко второй части вопроса, о принадлежности или непринадлежности к Старому Свету братской нам Белоруссии, не подступиться. А ведь для России это большая тема, насквозь больная. И то правда, второе тысячелетие споры не утихают. И словом, и, пуще оно, делом, порой «вероломно и кроваво» пытались разрешить предки наши распрю по поводу отношения Отчизны к извечному западному соседу, к Европе, сиречь романно-германской цивилизации. Давайте сразу условимся, что именно она и называется европейской, бывшей католико-протестантской, ныне откровенно либеральной. И ведь столь заманчивой оказалась идея пресловутого «западничества», что корнями уходит в дохристианскую нашу историю, и ведет свое начало от легендарного Гостомысла или целой группы таких «гостомыслов», инициаторов призвания варягов на Русь, а именно, Рюрика в Новгород, где тот сломил сопротивление местных патриотов во главе с Вадимом Храбрым и сел княжить. Ну, а далее «пристегнуть» Родину к европейскому обозу пытались уже более внятные, если угодно, в историческом смысле деятели: Святополк I, который Окаянный, некоторым образом Ярослав Мудрый, открыто, но в целом безуспешно, искавший союза с Западом путем совершения династических браков своих дочерей с владыками некоторых европейских государств, затем Изяслав Ярославич и сын его Святополк II, по заказу коего и начертал Нестор свои «Повести временных лет», прекрасное художественное произведение, практически ничего общего не имевшее с исторической действительностью. Однако же именно этот документ лег во главу угла написанных в просвещенных XVIII и XIX веках «историй государства Российского» и прочих исторических трудов. И кем написанных! Татищев. Карамзин, Соловьев, Ключевский, какие имена! Гордость нашей историографии! Отцы! Основатели! Ну, что же, все логично. И никакой вины за этими славными нашими учеными нет и быть не может. Не они начали.

Скажите спасибо государю Петру Алексеевичу Великому, своими реформами не только поднявшему Россию на новый цивилизационный уровень, но и явившемуся создателем глобальной мифологемы об извечной нашей отсталости и дремучести, основным признаком которых изначально явились почему-то бороды, прически и одежда. (Справедливости ради надо заметить, что в допетровской Руси XVII века при монаршем дворе превалировала мода на польскую одежду и язык — наследие ошутимо долгого присутствия поляков в пределах нашего Отечества в период Смутного времени). Конечно, начавшись с «потешного» уровня, претензии к русской старине обрели очень серьезный и глобальный характер, и прежде всего коснулись правосла-

вия, потерявшего патриархат. Многочисленным же «птенцам гнезда Петрова», прошедшим в массе своей действительно хорошее обучение в той же Голландии, ничего не оставалось кроме, как поддерживать и развивать эту мифологию, ибо каждый болел и поныне болеет за свою команду. Замечу только, что тому же кораблестроению можно было с не меньшим успехом, но с гораздо меньшими затратами поучиться и в России, было где и у кого. Ну, о причинах столь ярко выраженного «западничества» великого реформатора можно говорить долго, однако корень их нужно искать в детстве и юности царя, в пережитом кровавом ужасе бесчинств стрелецких бунтов, боярских интриг, почти открытой вражды со старшей сестрой. От всего этого юный царевич искал спасения в Немецкой слободе, где он нашел таких своих искренних друзей, как Франц Лефорт, вот вам и альтернатива жутким реалиям русской старины, очередного смутного времени, уютная, рациональная, аккуратная с виду европейская жизнь. Однако опять-таки не могу не оговориться, что иные «кукуйские европейцы», кроме Лефорта, искали приязни юного царевича все-таки с дальним прицелом на реализацию своих деловых планов. Но внешне молодому Петру Алексеевичу было с «немцами» вполне комфортно, их налаженный быт мог очаровывать даже в отсутствие щедрости и широты, поэтому и поездка в Европу столь впечатлила царя, особенно же по нраву ему пришлось протестантская Голландия, где «Питер — плотник сардамский» постигал науку кораблестроения. Впрочем фаворита царевны Софьи, князя Васислия Васильевича Голицына имперская Австрия, тогда Священная Римская империя германской нации, очаровала не меньше. *«И то, и другое не принесло ничего хорошего. Голицын, служа Австрии, был разбит на Перекопе, а Петр, будучи союзником протестантской Саксонии, потерпел поражение под Нарвой, из-за чего война затянулась вместо 2—3 лет на 21 год»* (Л. Н. Гумилев, «Древняя Русь и Великая Степь». Москва, 1992. Стр. 243).

И о цене всего свершенного Петром Великим можно в нашем случае лишь вскользь упомянуть. В том смысле, что жутчайшая и тяжелейшая это цена, поскольку к концу царствования великого реформатора Россия, уже конечно имперская, была практически лишена человеческих ресурсов, попросту обескровлена, народ открыто бедствовал, служилое дворянство, лишенное возможности обихаживать полученные в награду земельные наделы, хирело и роптало, казна была пуста, и финансовая система империи трещала по швам, казнокрадство и взяточничество стали нормой жизни и для высших сановников, и для всякого рода чинуш рангом куда ниже. Прошу понять меня правильно, я не хочу огульно очернять славного нашего монарха и его деяния, их результат неоспорим и действительно велик, просто есть у меня твердая уверенность, что враждебная Петру старобоярская партия состояла отнюдь не из сплошь ретроградов и мракобесов, и патриотов Отечества в ней было не меньше, чем в Петровской когорте, вспомните, например, князей Дмитрия Голицына и Василия Владимировича Долгорукого, того самого, завоевавшего с Низовым корпусом Гилян и произведенного Петром в генерал-фельдмаршалы. Политику Петра I на начальном этапе царствования дальновидной назвать никак нельзя, ибо в своем абсолютно верном и необходимом для России стремлении закрепиться на Балтике он стал участником войны за саксонское и польское «наследство» и сам позже признавал, что в Северной войне «просидел школяром три срока», то есть двадцать один год, вплоть до Нейштадского мира.

Нет, была программа и виденье развития страны у противников «хирургических» реформ, их беда в том, что сословные распри, извечная боярская усобица, не дали возможности совершить что-либо внятное и полезное на государственной ниве и привели в итоге к восшествию на престол «царицы престрашного зраку» Анны Иоанновны, и к очередному, наглому и беспрецедентному «немецкому» засилью, по-

следствия которого сказывались уже в последующее царствование Елизаветы Петровны. Одному Ломоносову, хоть это и частность, сколько крови попортили иностранные академики, зачастую просто паразитирующие на российских хлебах и никакого следа в науке не оставившие? И результат для российского общества имел негатива не меньше, чем пользы, хоть и следует признать, что этнокультурный контакт состоялся и инкорпорированные в великоросский суперэтнос «свободные атомы» из романно-германского в итоге ассимилировались на русской территории в немалом количестве и продолжили, как и их потомки, служить новой Родине честно и свято, удостоившись благодарности современников и оставив о себе светлую память в будущих поколениях. Однако же манера хаять собственное, коренное, исконно русское и нахваливать огульно изысканный европейский «штиль» накрепко засела в головах довольно значительной части нашего дворянства, а позже так называемой интеллигенции, куда вошли и представители разночинцев, и тут, как любил говаривать Л. Н. Гумилев, началось... Любые неудачи, неполадки, огрехи, от случившихся в частной жизни до глобальных, в масштабе державы, принято было объяснять врожденной нашей неповоротливостью, отсталостью, скудоумием и ленью. Вдумайтесь, трудолюбивейшую и талантливую нашу нацию с многовековой историей, религией, архитектурой, литературой — да-да, славистика не столь уж малообъемна, со вполне сформировавшейся самобытной культурой, объявили нацией неучей, лентяев, лежебоков и пьяниц! И призывали равняться на европейцев, якобы безусловно, априори, просвещенных и передовых. А тут и «Повести временных лет» очень к месту пришли: вот оно, старец Нестор свидетельствует, как наши пращурь не могли сами землями вверенными править и призывали от «неталанности» варягов на княжение. Ну, теперь все понятно. А ведь летопись создавалась автором через 200 лет после описываемых событий и содержит она не только факты, сомнительно трактуемые кстати, но и дидактические новеллы, то есть попросту притчи и побасенки. Но как удобно этим документом пользоваться!

Только в основе нашего родимого доморощенного «западничества» с самого начала гнездились одно коренное противоречие: а как прикажете быть с православием? Ведь истари для наших европейских соседей мы являлись схизматиками, куда хуже язычников, и подлежали если не истреблению, то уж существованию в качестве рабов или людей второго сорта. Не было страшнее врага у католической церкви, чем православная Москва, третий Рим, не желавший припасть к папскому престолу. Вот на этом наше западничество и ломалось. И злобилось, и ярилось еще пуще, и слюной брызгало, и в огульной клевете и кликушестве привыкло вдобавок во всех преступлениях и бедах винить очередного самодержца, а все же не смогло природу русской души и русский православный корень извести. И сами приверженцы европоцентризма оказывались на распутье: либо переходил в католичество — лютеранство, либо скатывался в оголтелый атеизм. И то, и другое на российской почве популярностью не пользовалось и успеха не имело, напротив, к «иноверцам» такого рода отношение было более чем настороженное. Архаизм? Пусть так, не всякая архаика — зло. Но охаивание всего родного, народного, отечественного отнюдь не прекратилось. Напротив, продолжилось с куда большей ненавистью. Чаадаев обмолвился в «Философских письмах», дескать, живет страна наша только для того, чтобы время от времени преподавать остальным странам очередной страшный урок. Фраза эффектная, согласен, но и только. О каких «уроках» толковал сей мыслитель? Разве на Западе таковых было меньше? Ничего похожего, больше и страшнее.

Спотыкались в фактологии наши «цивилизаторы», и даже условное поражение в Крымской войне не имело решающего значения для торжества психологии западников, хоть и положило начало формированию традиции радоваться неудачам и траге-

диям собственной страны, чем с удовольствием занимались и либералы в Российской империи, и продолжают нынешние, современного розлива. А главное, европоцентризм не имел никакого успеха в народе. Менталитет нам не позволял воспринять этнопсихологию европейских наций, издревле страдавших от дефицита вмещающих ландшафтов, за сии земли кроваво воевавших, истреблявших без счета соседей и даже сограждан, а позже варварски, жесточайше, колонизировавших «заморские» территории в Африке, Азии, обеих Америках. Смешно сказать, оплот демократии — США, на деле — государство, состоявшееся на ксенофобии и геноциде, на неприкрытом бандитизме и финансовых аферах. Вековой территориальный голод европейцев, унаследовавших от дышавшего на ладан Pax Romana иллюзию культурного лидерства, гнал их вперед, «оцивилизовывать» новые земли, навязывать всем подряд свою веру, свой образ жизни, в качестве единственного правильного и безальтернативного, точнее, имевшего альтернативой неминуемое истребление несогласных. Вспомните Освальда Шпенглера, абсолютно точно выразившегося в «Закате Европы»: *«Русскому мышлению столь же чужды категории западного мышления, как последнему — категории китайского или русского... Насильственное навязывание своего образа жизни и мысли другим — отличительная черта романно-германского менталитета»* (О. Шпенглер, «Закат Европы», 1918 г.). Ничего подобного в русском менталитете издревле не присутствовало. Слава Господу, земли у нас хватало, а новыми территориями прирастало государство российское не огнем и мечом, а путем сосуществования на вполне взаимовыгодных условиях. Причем, малым народам той же Сибири было вполне комфортно бытовать подданными русского царя, платя ему умеренную дань и пользуясь его же защитой от внешних посягательств. К тому же довольно распространенные на границах ареалов смешанные браки давали возможность не просто породниться, но и создавать прекрасные условия для гармоничного симбиоза, без исступленного взаимоистребления и кровопролития как такового. Вспомним, что государь-император Николай Александрович своим указом запретил торговлю алкоголем в регионах Крайнего Севера и Сибири, где обитали малые народы и народности дабы не спаивать аборигенов. И не забудем, где родилась мифология, будто имперская Россия состоялась на завоеваниях. Ох, как любят эту лживую сказку «наши европейские партнеры». И если бы только они, одна моя знакомая, русская женщина, проживающая ныне в стране тысячи озер, однажды в разговоре вполне искренне пыталась доказать мне то же самое. Я не отрицаю целиком полезный «европейский» опыт в чем бы то ни было, ни в коем случае, учиться друг у друга, вдумчиво и конструктивно, просто необходимо. Нам и сегодня, наверняка, есть чему поучиться у той же Европы, в плане бизнеса, например. Но, господа мои, перенимая любые знания, необходимо учитывать наши российские реалии. Одни масштабы державы чего стоят! Со всеми, так сказать, вытекающими. Учеба — процесс сугубо творческий, а вот механическое пересаживание европейских новаций на российскую почву практически никогда не приносило желаемых плодов, принимая зачастую уродливые формы. Пример — русский парламентаризм начала XX века. Ничего дельного Государственная Дума для государства и народа не совершила, попадая в думскую атмосферу люди будто теряли разум, включаясь в мелочную фракционную грызню, зловонную клоунаду травли правительства, в расшатывание устоев русской монархии, что в конце концов и привело к катастрофам двух последовательных переворотов 1917-го года. Смешно, да нет, с горечью и негодованием приходится констатировать, что в стенах Таврического дворца даже такие идейные монархисты, как В. В. Шульгин или М. В. Родзянко становились противниками царствующего монарха, всю способствуя либеральной камарилье всяческих там Милюковых — Гучковых предательски обрушивать в пропасть свою Родину. А кроме того — беззащитно-

вое лоббирование интересов крупного частного капитала в ущерб государственным интересам, грязные сплетни в адрес царской семьи... А ведь государь — император Николай Александрович не стремился третировать и преследовать думских либералов за их изменническую позицию. Почитайте внимательно биографию того же господина Миллюкова... Только вот в самой Думе никакой демократией и не пахло, мажорские шашни и открытая измена — вот чем обернулся на нашей почве институт европейской «вольности»... И не стоит сравнивать нынешнее Федеральное собрание России и Думу начала века. Еще неизвестно, к чему бы мы пришли, имей в наши дни вместо президентской, парламентскую республику.

Да и масштабы российские тоже значили немало. Европейцу, зажатому меж соседями, близость коих он ощущал локтями и обонянием, никак было не понять того же русского крестьянина, способного, при усилении сословного гнета или иной угрозе его благополучию, бросить насиженные места, оставить все хозяйство как есть, и, погрузив на телеги самое необходимое, уйти с семьей в места отдаленные, неизвестные, чтобы там начать заново отстраиваться и обживать на вольных хлебах. Место было, понимаете, а свобода, она дороже всего, скарб же, дом и прочее — дело наживное, руки есть, головой Господь не обидел, значит выживем и вновь встанем на ноги, и очень скоро. Вот так, а не «русские работать разучились». Впрочем, вполне закономерно, что у западников и народившихся от них либералов всегда были противники, вначале славянофилы, затем теоретики и приверженцы евразийства. И достигнуть согласия между собой никто не только не хотел, но и не мог в принципе. Возможно я тенденциозен в своей аргументации, однако по-иному и быть не могло, ибо целиком и полностью разделяю гениальное мнение Ф. М. Достоевского, лучше всех в России загадавшего природу русского западничества и либерализма: *«Русский либерал не есть русский либерал, а есть не русский либерал... русский либерализм... есть нападение на самую сущность наших вещей, на самые вещи... Мой либерал дошел до того, что отрицает самую Россию, то есть ненавидит и бьет свою мать»* (Ф. М. Достоевский, *«Идиот»*). Взгляните на нынешних оголтелых российских либералов, ведь абсолютно точная им характеристика! Слава Богу, они в таком меньшинстве, что только душа может радоваться. Но стремление уничтожить свою Родину на корню от такого меньшинства проявляется у них с каждым днем все сильнее и отчетливее. Теория же евразийства по сути вполне логична и во многом очень стройно обоснована именно для нашей страны. Как, пожалуй, для никакой другой. Этнопсихология русского человека слишком уж разнилась с европейской издревле, а сегодня — тем более. Не зря изрек Велимир Хлебников еще в 1912 году: *«Я знаю ум материка, несколько не похожий на ум островитян. Сын гордой Азии не мирится с полуостровным рассудком европейцев»*. И то сказать, ну, попросту глупо отрицать во многом определяющее влияние Азии, ее народов, религий, культуры на великоросский этнос. Один симбиоз с татаро-монголами чего стоит! А вот великий поэт Александр Блок в «Скифах» допустил коренную ошибку, утвердив, что «...Мы, как послушные холопы, держали щит меж двух враждебных рас — монголов и Европы». Ничуть не бывало и быть не могло. Никогда на Руси не думали выступать в качестве заступников за своих западных соседей, избравших девизом «Drangnah Osten». Хороши соседи, только и думающие, как бы стереть с лица земли ненавистных славянских дикарей. Оттого-то и родилось сосуществование с татаро-монголами, что и те русские князья, коих отличала политическая дальновидность, а только не родовая спесь, и владельцы улуса Джучиева остро нуждались друг в друге. И не зря, ох, не зря. А совершенно правильно не дал Александр Ярославич Невский «погулеванить» своему брату Андрею, поднявшему безнадежное и бессмысленное восстание против ордынцев в 1252 году. Александр Невский лелеял мысль собрать сначала воедино

земли русские, да сберечь православную веру, а не лить народную кровь попусту, по княжескому хотению. И напротив, тот же незаслуженно прославленный нашими историческими романистами Даниил Галицкий, ничем выдающимся на государственной стезе не отличившийся (кроме, разве что, победы над венграми в локальной, пограничной войне), вступивший в открытый союз с папским престолом и получивший из рук ватиканского легата венец короля Западной Руси, стал, по сути, истинным виновником последовавшего через столетие захвата исконно русских земель, Волыни и Галича польским королем Казимиром. В качестве «холопов» европейцы были готовы нас лицеизреть, но уж никак не равноправными союзниками. И трудно оттого спорить с такими «зубрами» евразийства, как Н. С. Трубецкой, П. Н. Савицкий, Г. В. Вернадский, Л. Н. Гумилев. Да, наверное, и не надо спорить ради самого спора, уж очень рациональное зерно заложено в их утверждениях и выкладках. И то, что современная Россия никогда не рвалась в Европу и не искала участия и членства в ее институтах, лишний раз доказывает, что Россия не Европа абсолютно. И о том, что во всем равняться на Европу не стоит, красноречиво свидетельствует сегодняшняя ситуация в странах Запада, где торжество либеральной идеологии привело к катастрофически уродливому искажению общественной морали и гуманитарных ценностей. У нас своя, русская дорога, отнюдь не означающая безапелляционное отрицание добрососедства с Европой, пренебрежения и неуважения к Старому Свету. И потом, на определенных участках дороги вполне могут совпадать либо идти параллельно, это же не означает полного их отождествления. У нас есть и второй компонент, азиатский, и наша прямая обязанность учитывать его влияние и никогда о нем не забывать. А Россия, расположившаяся географически и исторически одной ногой в Азии, а другой в Европе, может и должна стать объединяющим звеном двух великих континентов, их народов, экономик и культур. И в этой связи не стоит отрицать термин «евразийство» или даже его опасаться.

Ну, хорошо, а что же наша действительно родная, искренне почитаемая, прекрасная Белоруссия? Каково ее отношение к европейской цивилизации? Входит она в ее орбиту или?.. Короче говоря, Белоруссия — это Европа или нет? С географической точки зрения, казалось бы, все проще простого — страна, целиком расположенная в восточной Европе, не европейской быть не может. Но не зря же Л. Н. Гумилев ярко и убедительно доказал, что география без истории, равно как и последняя без географии, рассматриваться не могут. И лишь совместное применение этих наук дает наиболее верную событийную картину прошлого, из коего настоящее и проистекло. И тем не менее, скажут многие и многие, нечего тут огород городить. В Древней Руси, точнее в XI веке, на территории союзного государства располагались Турово-Пинское, Полоцкое и зависимые от него Минское и Городенское княжества, затем территорию Белоруссии поглотило Великое княжество Литовское, позже, после брака литовского князя Ягайло с королевой Ядвигой, объединившееся с Польшей в Речь Посполитую. Ну, а вслед за тем, через столетия, разделы королевства и отход земель белорусских под скипетр русских государей. Круг вроде бы замкнулся, но ведь белорусский этнос в российском суперэтнотанце сохранил свою самобытность и присущие только ему черты. А в средние века была очевидна, в силу принадлежности к католической державе, и культурная ориентация на Запад, а отнюдь не на Россию. Понятно, что в пограничных областях этнокультурный контакт не прерывался, тем паче, что и Смоленская земля, и Верховские княжества некоторое время принадлежали Великому княжеству Литовскому. И вот тут сама собой напрашивается промежуточная тема, а является ли Европой Литва? Доказав или опровергнув эту, с позволения сказать, лемму, наверное можно будет с большей вероятностью правильно ответить и на волнующий нас основной вопрос.

Обратимся к мнению Л. Н. Гумилева: «В Восточной Европе пассионарный толчок (IX века — прим. В. Т.) поднял к исторической жизни два этноса: литовцев и великороссов... На старте они были в разных положениях. Древние балты находились в состоянии гомеостаза. Они, как североамериканские индейцы, мужественно защищались от колонизаторов, часто побеждали рыцарей, но победить организованную этносоциальную систему не могли. Их ждала участь пруссов и полабских славян, если бы в их среде не появились люди, способные на сверхнапряжение, подобные Гедимину, Кейстуту, Витовту, Ольгерду. Первым из людей нового склада был Миндовг, ровесник Александра Невского... Гедимин, Ольгерд и Витовт стали господами бывшей Киевской Руси, за исключением Галиции, которой овладели поляки. Если бы литовцы сумели слиться с покоренным большинством культурного населения своего государства, то они стали бы великой державой. Но этому помешал сладкий соблазн — католическая Польша, уже вобравшая в себя изрядную долю европейской цивилизации. «Нет на свете царицы краше польской девицы», — писал Мицкевич. Литовские витязи не устояли против очарования развитой культуры, уже достигшей эпохи Возрождения, — и половина Литвы втянулась в западноевропейский этнос» (Л. Н. Гумилев, «Древняя Русь и Великая Степь». Москва, 1992. Стр. 371). Так, вроде бы понятно, осталась выяснить, куда делась другая «половина» Литвы, но сие — побочный интерес, главное, что слияния литовцев и покоренных народов, а значит и белорусов, не произошло. В свою очередь «Великороссия обновилась за счет христианских монголов и крещеных литовцев» (Л. Н. Гумилев, «Древняя Русь и Великая Степь». Москва, 1992. Стр. 370). Вот она, другая половина, не в буквальном, конечно, смысле, однако существенная количественно. Итак, окатоличенная Литва вошла в состав Европы, и политически, и этнокультурно. И так, окатоличенная Литва вошла в состав Европы, и политически, и этнокультурно. А представители литовского этноса, не желавшие такого исхода, приняли руку Москвы и влились в ряды великороссов. Белоруссия же не смешалась ни с кем, сохраняя кровное родственное отношение с великороссами посредством отношения к древнерусскому этносу. Белорусы и сами остались древним этносом. «Древним этносом можно и следует называть тот, который избег обновления, как бы оно ни шло, будь это пассионарный толчок, или импорт пассионарности от соседей, или метисация, при которой неизбежно теряются некоторые живые традиции... «чистым» древнерусским племенем остались белорусы. Их не затронули ни ордынские чамбулы (отряды, совершавшие набеги), ни малочисленные литовцы, подарившие своих потомков Москве и Варшаве, ни немецкие рыцари, отбитые при Грюнвальде в 1410 г. Белоруссия дождалась, как древнерусский заповедник, до своей мемориальной фазы, и как таковую ее описал образованный белорусский писатель XX в. Верить ему можно, хотя он говорит от лица персонажа: «и все же неприкаянный мы народ... Этот позорный торг родиной на протяжении семи столетий! Поначалу продали Литве, потом, едва народ успел ассимилировать ее, полякам, всем, кому не лень... Несчастливая Белорусь! Добрый, покладистый, снисходительный, романтический народ в руках такой погани (иляхты.— Л. Г.)... Отдает чужакам своих лучших сынов, лучших поэтов, нарекает чужаками детей своих, пророков своих, как будто очень богат. Отдает на добычу своих героев. А сам сидит в клетке над миской с бульбой да брюквой и хлопает глазами» (В. Короткевич. «Дикая охота короля Стаха». Минск, 1984. Стр. 412—413). Автор жалеет свой народ. И не зря!» (Л. Н. Гумилев. «Древняя Русь и Великая Степь». Москва. 1992. Стр. 370—371). Необходимо уточнить, что действие упомянутой повести классика белорусской литературы Владимира Короткевича происходит в 1888 году, и приведенную в повести характеристику белорусского народа следует к этому же времени и относить. И эта цитата еще одно свидетельство не слияния белорусов с литовцами — католиками, не вхождения Белоруссии в западноевропейскую цивилизацию. Но отчего же столь тра-

гичная интонация сквозит в словах о «позорном торге родиной на протяжении столетий»? Да оттого, что, оказавшись между двух суперэтносов, между двух этносоциальных и этнокультурных систем, белорусам, на персональном прежде всего уровне, волей-неволей, а приходилось делать выбор, к какой из них примкнуть?

«Белорусская классическая литература конца XVI — XVII веков является частью общеевропейского историко-культурного процесса, который в современном литературоведении принято называть эпохой Барокко. Вместе с общими, доминантными для эпохи явлениями, в ней присутствует и национальный элемент, диктующий специфику эпохи Барокко в каждом отдельном государстве, отдельном народе, нации. Наша литература этого времени не была замкнутой. В ее рамках расцветал художественный талант украинца Мелетия Смотрицкого, поляков Мацея Стрыйковского и Мацея Казимира Сарбевского, испанца Педро Руиза де Морос (Петра Роизия), француза Петра Статориуса (Стоенского), немца Иоганна Мюлиуса (Яна Мылия). Белорусы, жившие в этот, по существу, бунташный век, были поставлены перед колоссальной проблемой выбора: выбора нового короля новой династии, выбора вероисповедания как определяющей составляющей духовной культуры; в конце концов, выбора государства-корпорации, в которой предвиделось сосуществование наших предков с другими народами-соседами в едином государстве. Социальным, культурным, духовным потрясением для белорусов стали сразу две унии: государственная Люблинская уния 1569 г. и Брестская церковная уния 1596 г. Они предопределили появление нового типа белоруса — белоруса-двойника, стоящего опять же перед эпохальными выборами уже на микроуровне. Двойничество становится для белорусов национальной чертой; в результате появляется двойник в жизни, двойник в творчестве, двойник в литературе... Пути понимания культурных приоритетов Востока и Запада, а также конфессиональных ценностей православия, католицизма, реформационных направлений создали невиданную дисгармонию в обществе. Зачастую отцы и дети — это не только разные поколения, это, прежде всего, по-разному ориентированные представители национальных элит: магнатской, шляхетской, среднесословной (к последней относились выходцы из разных социальных слоев)... Смена религиозных убеждений в пользу западноевропейской историософии привела Мелетия Смотрицкого к отступничеству от православия в конце жизни. Такой беспрецедентный поступок православного иерарха, архиепископа Полоцкого, Витебского и Мстиславского вызвал бурю возмущения со стороны его современников, а в дальнейшем стал поводом для самых различных толкований причин его измены. Западничество в то время воспринималось прежде всего как враждебный православию католицизм, поскольку православие XVI — начала XVII века в католической системе ценностей отождествлялось с необразованностью и некультурностью... Наряду с западническими тенденциями белорусской истории и культуры в эпоху Барокко не менее живучими были и восточные ориентации, обращенные прежде всего к Москве как к новому центру вселенского православия. Объединенная в одном роду царская власть в лице Михаила Романова и патриаршая власть в лице его отца Филарета Романова являла собой идеализированный образ так называемого общерусского православия. Православные деятели культуры стали видеть в Москве и защитника православного Отечества, и гаранта традиционной православной культуры. Отражение этих взглядов мы находим в деятельности и творчестве Симеона Полоцкого, наиболее яркого представителя уже белорусско-русского литературного Барокко. Он стал первым профессиональным писателем Московского государства, который не только привнес в его духовную жизнь элементы западной культуры в ее белорусской адаптации, но также основал новорусскую культуру конца XVII века, породившую феномен Петра I и его западнические преобразования. Симеон Полоц-

кий обогатил русскую духовную культуру новыми темами и сюжетами, расширив тем самым кругозор русского общества. Русская национальная элита смирилась с необходимостью тесных контактов с Западом и, в первую очередь, с западной наукой... Был ли белорусский вариант развития культуры, литературы под патронажем национально ориентированных правящих сословий нашего государства? Поскольку необходимость избрания, провозглашения национального короля или царя не была осмыслена ни исторически, ни политически, ни государственно, белорусская национальная элита нашла свой особый путь. Униатский митрополит Иосиф Вельямин Руцкий и Полоцкий архиепископ Мелетий Смотрицкий разработали концепцию, которую можно условно назвать «Киев — второй Константинополь», согласно которой предполагалось перенесение патриаршей столицы из Константинополя в Киев с сохранением титула Константинопольского патриарха. Но эта идея, как и большинство разноориентированных идей, не была осуществлена в нашем государстве. Постепенно православные белорусские диоцезии переходят под юрисдикцию Московского патриархата, в результате чего была утрачена и сама идея независимой национальной церкви. Просветительская деятельность белорусских писателей эпохи Барокко не была однородной, однообразной в сфере как социального, политического, так и культурного строительства. Национальный элемент еще слабо проявлялся как организующее начало, но, вместе с тем, государственный патриотизм, конфессиональные поиски, борьба самых разных идей способствовали будущему самоопределению белорусов в европейском сообществе» («Белорусские просветители эпохи барокко», Короткий В. Г., Белорусский государственный университет, кандидат филологических наук, доцент).

Я намеренно столь обильно процитировал статью белорусского ученого, ибо просто необходимо знать мнение наших коллег о рассматриваемой проблеме. Конечно, проблема выбора стояла очень остро. И если «Речь Иоанна Полоцкого» (X век), «Житие преподобной Ефросиньи Полоцкой» (конец XII века), «Слова» и поучения Кирилла Туровского (XII век) являются памятниками общей древнерусской литературы, то достаточно вспомнить, что великий белорусский просветитель и первопечатник Франциск Скорина, полочанин по рождению, учился в Краковском университете, защищался в Падуе, а трудился в Праге и Кенигсберге. Москва же его не приняла, посчитав его католиком, а значит врагом, и книги Скорины были сожжены. То есть на тот момент никто не воспринял ученого как представителя братского народа, он пришел с Запада, из Европы, и никаких контактов с ним иметь на Руси не захотели. Что же, и такое нередко случалось, особенно в те времена, когда религия была, по выражению Л. Н. Гумилева, одновременно и во многом государственной идеологией. Значит слияния белорусов не происходило ни с великороссами, ни с Западом, с поляками в частности. Да, были контакты с обеими сторонами, движения в сторону униатской церкви или в сторону православия, что безусловно влияло на формирование культурной атмосферы и традиций, однако определяющим в полной мере не оказывалось ни одно влияние извне. Ситуация оставалась похожей и в следующие века. Однако народ белорусский упорно хранил самобытность своего языка и своей литературной традиции, восходящей к общей для трех братских славянских народов эпохе Киевской Руси.

Первая национальная комедия на белорусском языке К. Марашевского, первая белорусская опера и в целом литературная деятельность Винцента Дунина-Марцинкевича, поэтическое творчество ориентированного на Россию Константина Вереницына и Викентия Ровинского, участника наполеоновских войн, офицера русской армии, тончайший лиризм поэта-крестьянина Павлюка Багрима, сданного в солдаты за сочиненное крамольным стихотворение и нашедшего вечное упокоение на римско-

католическом кладбище в агрогодке Крошин, поэзия Яна Барщевского, одного из основателей новой белорусской литературы, выпускника Полоцкого иезуитского коллегиума, испытавшего огромное влияние поэзии Адама Мицкевича, непростая жизнь однокашника Мицкевича Яна Чечота и участника польского восстания 1830—1831 гг. Александра Рыпинского, снискавших себе творческую известность прежде всего в Литве и Польше, Владислав Сырокомля... Согласитесь, весьма пестрая картина получается, и в литературном плане, и в биографическом. В этом нет ничего удивительного и тем более зазорного, процесс самоидентификации мучителен, архисложен и долог. Уж больно велика цена окончательного выбора, который предстоит сделать. И вот время идет, а ситуация остается прежней. И основоположник критического реализма в белорусской литературе Франциск Богушевич сражается в отряде Людвиг Нарбута во время очередного Польского восстания 1863—1864 г.г., а позже два своих поэтических сборника издает в Австро-Венгрии. *«А по свидетельству Ф. Оскерки, который являлся «близким соседом и знакомым» Богушевича, последний — «горячий патриот-поляк, который в личных и достаточно частых... беседах утверждал, что единственной причиной, которая побуждала его и его предшественников писать на том говоре [т. е. по-белорусски], было опасение возможной русификации тамошнего люда» (Википедия).* А вот Адам Гуринович и Ян Лучина учатся в Петербурге и активно, в частности, переводят стихи русских поэтов.

И все-таки к началу прошлого столетия белорусская литература, на мой взгляд, уже не только сформировавшаяся как культурный процесс, но ставшая полноправным культурным явлением в мировой литературе, вполне естественно и логично, в том числе и в соответствии с течением политической истории, все больше и больше «контактирует» с русской, а затем советской литературой, яркой и значительной частью которой белорусская литература и становится с установлением Советской власти на территории Белоруссии и с образованием, впоследствии, Союза писателей СССР. Да, стремление к национальной независимости, наверное, всегда было доминирующим в позиции передовых представителей белорусского народа. Но вот понималась и трактовалась эта идея очень и очень неоднозначно. У одних, например, белорусских литераторов «нашенивского круга» (по названию выходившей в Вильно в 1906—1915 г.г. газеты «Наша Нива» на белорусском языке) стремление к независимости отождествлялось с сохранением национальной самобытности, этнокультурной традиции, белорусской словесности, не зря же в первом по сути национальном сообществе писателей объединились поистине создатели современной белорусской литературы: Максим Богданович, Сергей Полуян, Змитрок Бядуля, Максим Горецкий, Ядвигин Ш., Янка Купала, Якуб Колас, Алесь Гарун, Янка Журба, Андрей Зязюля. Едва ли они были меньшими патриотами своей Родины, нежели политические деятели, провозгласившие 25 марта 1918 г. Белорусскую Народную Республику, так толком и не признанную на международной арене. Да и сложно было бы рассчитывать на оное признание, более того — попросту утопично. Ведь никакого контроля над территориями, якобы вошедшими в состав БНР, у так называемого правительства БНР не имелось и быть не могло: Брестский мир, отдавший подавляющую часть белорусских этнических земель под контроль Германии, затем денонсация этого жуткого «мира» и вступление в Минск частей РККА, затем советско-польская война и в столице Белоруссии уже Войско Польское, затем опять смена власти... Все надежды политиков националистического толка воспользоваться то поддержкой Германии, то Польши для установления Белорусской государственности оказались напрасными. Усилия В. Ластовского, А. Цвикевича, И. Середы, Я. Лесика, И. Воронко и других не имели никакого успеха, Слуцкое восстание под руководством П. Жаврида очень быстро захлебнулось и было подавлено, сопротивление Зеленой армии также со време-

нем сошло на нет. Европа попросту не захотела «увидеть» Белорусскую Народную Республику, европейские политики о такой и слыхом не слыхивали. Даже если допустить гипотетическое существование БНР, то она неминуемо подверглась бы аннексии со стороны той же Польши, ибо Ю. Пилсудский и его «команда» не стали бы даже в мыслях терпеть у себя «под боком» каких-то «схизматиков и хлопов». Великодержавное шляхетное сознание такого не позволило бы. Вот вам и отношение Европы к Белоруссии в начале XX века. И несостоятельность надежд и чаяний определенной части белорусского общества на мифическую независимость и государственность. Никаких предпосылок, ни политических, ни военных, ни экономических для этого не имелось. И не зря в 1925 году часть членов Рады БНР во главе с А. Цвикевичем передала свои полномочия правительству БССР и признала Минск единственным культурным и политическим центром, на который должно ориентироваться белорусское движение за рубежом. Конечно, правительство БНР в эмиграции существует и сегодня, но и только. И что вообще оно значит? (И опять-таки нельзя не упомянуть возмутительную и лживую характеристику Российской империи, данную В. И. Лениным, дескать, «тюрьма народов» и ничего более. Нет, господа большевики, ничего подобного в царской России не наблюдалось. Да, вместо национальных образований существовали лишь губернии, однако же метрополия никогда не посягала на национальную самобытность, не уничтожала этнокультурную традицию, не отменяла белорусский язык, а равно и никакие иные, прочих народов, подданных империи).

Поэтому не политическая независимость была доминантой для белорусского народа, а сохранение и преумножение национальных традиций. И такую важнейшую миссию взяли на себя именно деятели белорусской культуры, в частности прекрасные, талантливые, самобытные литераторы. Путь их был нелегок, тернист и даже кровав. Потери белорусского «литературного генофонда» в тридцатые годы можно назвать катастрофическими. Репрессии в связи с делом «Союза освобождения Белоруссии» и с прочими «делами» унесли жизни Владислава Голубка, Максима Горечко, Михася Зарецкого, Кузьмы Чорного, Михася Чарота, Алеся Дудара, Тодора Кляшторного, Валерия Морякова и многих, многих, многих. В «черную» для белорусской литературы ночь с 29 на 30 октября 1937 года были расстреляны 23 молодых поэта. Как тут не вспомнить Давида Самойлова, сказавшего, хоть и по иному поводу, с неприкрытой болью:

*Они шумели буйным лесом,
В них были вера и доверье.
А их повыбило железом.
И леса нет, одни деревья...*

Однако же белорусская литература выстояла и не погибла. Примечательно, что в Западной Белоруссии, то есть на территории Польши в 20-х—30-х годах, жили, боролись и творили будущие классики белорусской литературы как Михась Машара, Пилип Пестрак, Валентин Тавлак, Казимир Сваяк, Максим Танк. Можно сколь угодно много рассуждать об их политических пристрастиях и убеждениях. Но показательное другое — эти литераторы не ощущали себя свободными на территории европейского государства! Конечно, Польшу тех лет назвать демократической никак нельзя, но то, что она была частью европейской политической и этнокультурной системы, очевидно. А вот самодостаточным белорусам в ней места не было, это факт. И вместе с тем в СССР, несмотря на все трагические события истории XX века, на террор тридцатых и жуткие, бесчеловечные, зверства фашистских оккупантов, а национальная литература, белорусские поэты и писатели, не могли не оказаться в передовом отряде бес-

пощадной борьбы с нацистской Германией, Белоруссия и ее героический народ сумели выстоять и продолжить дело национального развития.

Процесс этот и в послевоенные годы был сложным и, безусловно, неоднозначным, «руководящая и направляющая» роль КПСС стальным обручем сковывала общественную жизнь всей Страны Советов, от Бреста до Владивостока, от Мурманска до Кушки. И тот, например, факт, что между двумя торжественными парадами белорусских партизан в Минске (в 1944-м и в 1974-м) прошло тридцать лет, у меня, например, вызывает искреннее удивление и возмущение, героизм и самоотверженность подпольщиков и партизан братской республики, народные, являющиеся глубоко национальными чертами, самоотверженность и стойкость, сегодня, возможно как никогда прежде, достойны преклонения и почитания. Но, возвращаясь к событиям Великой Отечественной войны, нельзя не упомянуть вот о чем: пагубно и бессмысленно ждать освобождения от одной «тирании» посредством какой-либо иной, еще более изуверской и бесчеловечной, и в этой связи не имеет оправдания никакой коллаборационизм, ни малейшее добровольное и сознательное сотрудничество с оккупантами своей Родины, поэтому и не заслуживают ничего кроме осуждения и презрения ни Русская освободительная армия, ни Белорусская краевая оборона или небезызвестный «Черный кот». Можно и, думаю, нужно, с точки зрения общечеловеческой, попытаться осмыслить личные трагедии некоторых людей, искренне «заплутавших» в своих оценках и поступках, да и то, ежели они не связаны с участием в преступлениях против человечности. Отчизна, она навсегда одна, и какой бы она тебе не казалась, нельзя ее огульно хаять и, более того, открыто ей вредить. Сложно поэтому понять таких «деятелей», как Наталья Арсеньева, Алесь Салавей и, кстати, Светлана Алексиевич, чей пример только подтверждает мое давнее и устоявшееся убеждение в том, что Нобелевскую премию по литературе следует раз и навсегда упразднить. А возвращаясь к основной теме, можно лишь констатировать, что белорусская литература, как ни странно, и благодаря, и вопреки всему происходящему в послевоенном СССР, стала мощнейшим этнокультурным явлением, обогатив как советскую, так и мировую литературу шедевральными произведениями, отличающимися пронзительной искренностью, истинным гуманизмом, чудесным национальным колоритом и удивительным, живым, певучим языком. Имена таких разных и непохожих друг на друга авторов: Янка Брыль, Иван Мележа, Иван Шамякин, Алексей Пысин, Аркадий Кулешов, Василь Быков, уже упоминавшийся Владимир Короткевич, Андрей Макаенок, Иван Пташников, Алесь Адамович, Павел Прудников навсегда заняли свое особое место в советской и мировой литературе. Я намеренно столь подробно перечисляю здесь персоналии, ибо считаю, что определения «когорты» или «плеяды» не вполне применимы к творческим личностям, остающимся даже внутри одного течения вполне самостоятельными и довольно отличными друг от друга величинами. И в новейшем времени, на рубеже тысячелетий, и уже в XXI веке белорусская литература ничуть не обеднела талантами, радуя читателей новыми своими произведениями, явив миру молодых, интересных авторов. Вот здесь я намеренно не стану никого выделять, дабы избежать aberrации близости, заметив лишь, что белорусские проза и поэзия выпускаются у нас в стране самыми крупными и успешными издательствами. Испытывала ли белорусская литература «кризисы жанра»? Наверняка испытывала, и еще не раз испытает. Творческие процессы и явления так же, как и остальные, могут иметь разрывы, начала и концы, провалы и взлеты. Страховок от этих «экстремумов» нет, да и нужды в них не имеется никакой. Жив литературный, народный белорусский язык, жива и развивается его самобытная и очаровательная культура, а следовательно, живы и будут жить народ, и страна Белоруссия.

Ну, хорошо, вот вроде бы и все сказал, а к чему, собственно, «приехал»? Все-таки

Белоруссия — Европа или нет? Отвечаю прямо: в литературном и этнокультурном аспекте нет, и не вижу ничего в том страшного или «крамольного». Зря что ли я время тратил на вышеизложенное? Ну, не получается этого никак. Явившись изначально частью древнерусского этноса и сохранив свою этническую «чистоту» на протяжении столетий, белорусы никогда не были «интересны» Западу, а под Западом, повторюсь, следует понимать именно католическую и протестантскую, ныне насквозь либеральную Европу. Если же оперировать понятием «комплиментарности», а это, по Л. Н. Гумилеву, врожденная безотчетная симпатия или антипатия одного этноса к другому, то комплиментарность романо-германцев к белоруссам оказалась вообще нулевой. Не положительной, не отрицательной, западноевропейцы просто не видели, а точнее, не хотели видеть такой этнос. Да, Белоруссия интересовала и интересует соседнюю Польшу, а сегодня и весь Евросоюз, и Соединенные Штаты, в качестве территории, граничащей с Россией, в качестве потенциальной сферы негативного воздействия на наше страну в случае создания на территории союзного государства политической и социальной напряженности. Но и только. Ни культурные традиции белорусов, ни их морально-нравственные ценности никого на Западе не интересуют. И никогда не интересовали. Останься Белоруссия под властью панской Польши до сего времени, еще неизвестно, что вообще осталось бы от Белоруссии как таковой (уж простите за каламбурную фразу, сама собой сложилась). Да, этнокультурный контакт несомненно имел место, но со стороны Запада он носил практически насильственный характер и целью его было насаждение европейских «ценностей» и лишение белорусского народа самобытности, полное стирание этнических признаков. Униатскую церковь только за этим и «придумали». И «свободные атомы», волею жизненных ли обстоятельств или собственным желанием втянутые в западную цивилизацию, ничего не определяли, оставаясь всегда в меньшинстве. Сие — данность, хотим мы или нет. И весь белорусский культурогенез это лишь подтверждает.

Несомненно, образование союзного государства России и Белоруссии немало крови попортило западноевропейским политикам, долгое время во всеуслышание заявлявшим о том, что в Белоруссии царит диктатура и тоталитаризм, а сегодня, когда подобная фразеология потеряла свою актуальность, делающим попытки «приглашения к танцу» политическому руководству вдруг «открытой» ими страны. Побудительные причины такой смены настроений вполне понятны, ибо у Белоруссии своя, особая роль и особое место в мировом политическом процессе, опять-таки эта извечная близость к России... Но я сейчас об ином. Географически союзное нам государство расположено на территории материка, именуемого Европа, следовательно, и страна европейская. Только следует понимать, что страна эта никогда не была втянута в орбиту европейской цивилизации и не принимала западных ценностей. Тут ведь нужно понимать, что даже расположенные в восточной части Европы государства, то есть Польша, Венгрия, Чехия, Румыния, а также все страны Балтии, на деле всегда стремились и продолжают стремиться в объятия западноевропейского мира. Им такое не в новинку, они всегда находились если не внутри, то в шаге от него. И поэтому с любой точки зрения термин Восточная Европа также лишь географически значим. И никак более. Вспомним, что творили на территории рухнувшей Российской империи во время Гражданской войны те же латышские стрелки-палачи и каратели ВЧК, эстонские наемники, чешский корпус, намеренно и совершенно необоснованно именуемый в советской историографии «белочешским», а на деле одной лишь блокадой Транссибирской магистрали обеспечивший красным победу над героической и многострадальной армией адмирала Колчака и имеющий прямое отношение к исчезновению части золотого запаса императорской России, как «отличались» венгерские революционные деятели, и не только известные всем подлый царевубийца

Имре Надь и кровавый Бела Кун, а множество лихих рубак, прирожденных кавалеристов, беспощадных к врагам революции «чоновцев». А ведь это была абсолютно не их война, они в массе стремились попросту набить карманы награбленными ценностями и жалованием за издевательства над ни в чем не повинными людьми, за пытки и расстрелы в основном мирных граждан, чтобы потом благополучно убить восвояси. И пусть некоторые нации именовались и продолжают именоваться по крови славянскими, ничего подобного на деле у них не осталось. Только некоторым образом схожая речь. И как-то не верится, что Белоруссия близка этим «европейцам», не говоря уже о «закоренелых» в своем неприятии славянского мира англичанам, немцам, французам и всем иже с ними остальным. Белорусская, как и русская, культурная традиция устояла перед натиском Запада. С исторической объективностью спорить бесполезно. Были, есть и будут три братских народа: русские, белорусы и украинцы, а вся политиканская шелуха преходяща, розыгрыш националистической карты всегда ведет к полному краху и несостоятельности, ибо жить в постоянной ненависти, без друзей и братьев, невозможно ни отдельным людям, ни целым народам. Это путь самоуничтожения. И то, что Белоруссии такой путь чужд и неприемлем, очевидно, как очевидно и неоспоримо этнокультурное родство и братство наших народов. В данной статье рассматривался подробно литературный аспект, а если взять культуру в целом? Это же вселенная! И говорить о ней можно бесконечно. Белоруссия расположена на границе суперэтнического контакта, ее роль поэтому особенная и важнейшая. Она, несомненно, суверенная и самобытная, но вместе с тем искренне союзная России,— во всех смыслах форпост восточнославянского единства, служащая для своих западных и не всегда лояльных соседей примером истинного симбиоза братских народов, какие бы проблемы порой не возникали в их отношениях.

*Владимир Трусов,
член Союза писателей России,
г. Мончегорск, Мурманская область.*

К ДИСКУССИИ «РОССИЯ НЕ ЕВРОПА. А БЕЛОРУССИЯ?»

Не знаю кому как, а для меня эта фраза звучит несколько некорректно. Поскольку никогда не разделял и не представлял отдельно Россию и Белоруссию. Ведь Украина, Беларусь и Литва — все это Россия, по большому счету. Это для тех, кто хочет забыть неоспоримые факты истории.

Все-таки речь идет о Европе как о географическом объекте или как о сообществе людей? «Россия не Европа...» — понимаю, что в этой фразе заключается не понятие о географическом местоположении нашего государства, ведь любой школьник старшего, да и среднего возраста скажет, что часть России находится на европейском континенте. Тогда о чем речь?

Устремления России в XVIII и в XIX веках были направлены на повсеместное подражание успехам европейского развития и копирование научных, промышленных, культурных достижений Европы. И довольно основательно это делалось, потому что, действительно, было чему поучиться.

Но вот закончился бурный XX век и теперь перед нами уже не та Европа, какой она была во времена Рабле, Вольтера, Ньютона, Гюго, Бальзака. В странах континента развиваются нечеловеческие принципы: расцвет однополых браков, падение морали и духа. Вследствие этого наблюдается кризис и деградация культурного развития. Перед нами — общество потребления.

Теперь-то становится понятно — почему Россия не Европа. Всплывают в памяти высказывания русского поэта Сергея Есенина о Европе и вообще о Западе, и хотя они почти столетней давности, но не потеряли до сих пор своей актуальности: *«Человека я пока еще не встречал и не знаю, где им пахнет. В страшной моде Господин доллар, а на искусство начихать... Пусть мы нищие, пусть у нас голод, холод и людоедство, зато у нас есть душа, которую здесь сдали за ненужностью в аренду под смердяковщину»*. Сравнивая увиденное им на Западе с тем, что он оставил в России, поэт восклицает: *«Жизнь не здесь, а у нас»*.

«Души тут ни у кого нет, а вся жизнь в услужении у доллара» — это уже слова знаменитого русского баса Федора Шаляпина из письма писателю Максиму Горькому, и сказаны они им за пятнадцать лет до посещения Европы Сергеем Есениным. Думаю, что это не совпадение, а истина, увиденная русскими знаменитостями сто лет тому назад.

«Западная Европа, как мы видели, все-таки дама легкомысленная. Беда прошла — и ладно. Хотя еще голодно, хотя разрушения, принесенные войной, пока что кое-как стыдливо окружены заборами, заклеенными афишами, там все-таки мало вспоминают о том, что всего восемь месяцев назад по улицам поработанных столиц шагали германские солдаты, свирепствовали филиалы гестапо, а лучшие сыны этих стран дрались в подполье, с надеждой наблюдая за гигантским единоборством, которое вела Красная Армия с главными силами их врага» — это уже год 1946, книга советского писателя Бориса Полевого «В конце концов».

Нынешняя Россия, хотя и находится в поиске идеи национальной ценности, но основывает свои действия на понятиях мира, справедливости, единства, нравственности, достоинства, честности, патриотизма, солидарности, семьи, культуры, национальных традиций, трудолюбия, веры. Нет никаких сомнений, что в Белоруссии национальная идея основывается на таких же принципах. Убедительно звучали слова Святейшего Патриарха Московского и всея Руси Кирилла еще пять лет назад в выступлении на XV Всемирном Русском народном Соборе: *«Убежден, что ценности нашей цивилизации хранятся в среде всех народов — наследников исторической Руси: украинского, белорусского, молдавского и многих других. Русская Православная Церковь внесла и продолжает вносить свой вклад в сохранение исторически сложившегося единства этих народов, в их взаимопомощь и соработничество. У нас общий духовный корень, общие идеалы, общие цели — глубоко убежден, и общая система фундаментальных ценностей, а потому, конечно, общее будущее»*.

А что касается общего прошлого? Белоруссия... Географическое положение очень точно было определено ученым XIX века С. В. Максимовым — русским путешественником, исследователем-этнографом, знатоком русского быта. В очерках о Белоруссии «Обитель и житель» дается точное ее местоположение: *«На север от Киева географическая карта представляет обширную область верхнего Днепра с двумя огромными, двумя большими и тремя меньшими притоками, которые, в свою очередь, разветвляясь на наименьшие реки и речки, представляют громадную площадь, всю роскошно испещренную текучими водами. Эта площадь — Белоруссия, занявшая третью по величине в целой Европе речную область Днепра»*.

Далее ученый закрепляет своими выводами родство русских и белорусов, основывая свои выводы на сходстве топонимических названий: *«...народ, шедший с юга и населявший обширную равнину речной области Днепра, приурочивал названия и имена жилым оседлым пунктам — деревням и селам — в зависимости от коренного и неудержимого движения на север. Вследствие этого обстоятельства неизбежно оказались селения с названиями Заозерьев, Заречьев, Загорьев, Заболотьев, Замостьев, Залесьев, Запольев, Забузьев и т.п. и в белорусской стране, как и в великорус-*

ской, только потому, что очутились на севере от тех, которые раньше поселились на юге». В нынешней России на левой стороне озера Селигер сплошь и рядом встречаются подобные названия: Заплавье, Задубье и т.п.

А свое прозвание «белорус» получили жители западной части Руси Белой, название которой дал при получении своей политической независимости московский царь Иван Васильевич — Иван Грозный.

Вот и не разделить народы России и Белоруссии, потому что все мы — потомки полочан, кривичей, радимичей, вятичей и дреговичей. *«Нам лично десятки раз приходилось на месте встречать (среди белорусов, авт.) известную долю обидчивости, в которой довольно ясно чувствовалось желание быть и казаться прямо и без ограничения русскими. Словом, Белоруссии чужды намеренные стремления обособляться, казаться племенной особенностью и национальной исключительностью, хотя бы даже по приемам и убеждениям малороссов...»*, сделал такой вывод о белорусах в XIX веке русский этнограф С. В. Максимов.

К чему я так подробно провел исторический экскурс? Чтобы убедить читателя в отсутствии противоречий в быте, морали и убеждениях между славянскими народами, а именно, между русскими и белорусами. А нынешние события лишь показывают надуманность и преднамеренность внешних сил, цель у которых одна — разобщить наши народы. Потому что русский мир не ограничивается границами одной Российской Федерации.

Поэтому дальнейший мой рассказ о связях русских и белорусских литераторов. Русский язык остается могучим средством общения всех литератур постсоветского пространства. И потому русский язык — главное, чем руководствовалась редколлегия альманаха «Параллели», основанного Самарской региональной организацией Российского союза профессиональных литераторов.

Страницы альманаха открылись для авторов, пишущих на русском языке. И не только для российских литераторов была представлена возможность публиковать свои произведения в альманахе, но и для поэтов и писателей из Беларуси, Болгарии, Австралии, Израиля, США, Франции, Финляндии. И главное, что роднит авторов самарского альманаха, у всех есть одно общее — вдохновение. И понимание истинных ценностей жизни, которые реализуются и в стихах, и в прозе на «алмазном языке», по определению писателя К. Г. Паустовского. Уместно сейчас, в контексте темы дискуссии, вспомнить и другие его слова: *«Тот народ, который создал такой язык, — поистине великий и счастливый народ»*.

Вот уже на протяжении трех лет редакция альманаха организует литературно-публицистические конкурсы. В них принимают активное участие белорусские литераторы. И довольно успешно. Для того, чтобы показать некую картину поэтического материала, с которым участвуют белорусские поэты в самарских конкурсах, я хочу остановиться на стихах Василия Миронова. Думаю, что поэзия литератора из города Бобруйска заслуживает обнародования и читательского интереса. И что самое главное — она соответствует принципам национальной идеи русского и белорусского народов.

В литературном конкурсе «Средь моря зла есть вещей островок» в номинации «Русская поэзия» в 2014 году было представлено около двух сотен стихотворений, но жюри оценило и поставило наивысшие баллы стихотворению Василия Миронова «Красная рубаха».

Уже с первых строк стихотворения проникаешься миром красоты истинной, кондовой Руси. И чувствуешь волнение, с которым поэт говорит о бесконечных хлебных полях, слышишь пение жаворонка. Идиллическая картина уводит нас от действительности в безмятежность сельской жизни, на душе покойно и светло.

*Русские Марьюшки в пышные косы
Русого цвета пшеничных зарниц,
Ножкой ступая босою по росам,
Маки вплетали под пение птиц.*

Автор не дает нам насладиться красотами земли русской, полями в росных алмазах, мирное существование вселяет тревогу. И вот мы уже понимаем, что неспроста вплетаются красные маки в косы русских женщин. И вынимают они припасенные красные рубахи из кованых сундуков, чтобы в них провожать мужей и любимых на войну. Наперекор страху и жалости, с пронзительной тоской в глазах, благословляли русские женщины своих мужей на ратный труд.

*И надевали Ванюшам рубахи
Красного цвета под белу кайму,
И целовали под женские страхи,
И провожали Ванюш на войну.*

В последней строке слышим мы чужеродное слово, и понимаем, какая боль и какие испытания ждут Ивана и Марью. Не счастье в истории Руси Иванов, не вернувшихся с ратных полей, Иванов, сложивших свои головы в битвах за свободу бескрайних просторов Руси, за васильковые глаза своих Марьюшек.

Но тревога и предчувствие беды продолжают и в наши дни, потому что не успокоились «серые тени в мышинных камзолах», не дают им покоя наши просторы, наши реки, богатства земли русской. Потому автор примеряет на себя беспокойное состояние нынешнего времени. Чувствует, что не успокоятся враги наши, завидуя бескрайнему простору земли русской.

*Марьюшки русские, светлые птахи,
Те, чей Иванушка пал на войне,
Вытрите слезы, сотките рубаху
Красного цвета размером по мне.*

Вот она, национальная идея — любовь к Родине и готовность защищать ее до своего последнего вздоха.

И как бы продолжая стихотворение «Красная рубаха», Василий Миронов представляет на суд жюри литературного конкурса уже 2015 года «Верен, Отчизна, тебе» произведение «Не герой», которое достойно оценено дипломом второй степени. И снова звучат волнующие строки, поэтически отражающие мир, и то, что безразлично автору.

Читая произведение, чувствуешь живую пульсацию стиха. Слова, рожденные в сердце, — этот трепет не перепутаешь с технически правильно выполненным, но «холодным» стихом. В стихотворении «Не герой» современный солдат из тех Иванов, но уже не в красной рубахе, а в потертом камуфляже, просит милостыню. Словно о каменный сфинкс споткнулся благостный взгляд автора. Перед ним безногий солдат, никак не вписывающийся в пейзаж курортного бульвара и пляжа.

*И вдруг я глазами споткнулся
Об этот потерянный взгляд.
Напротив, в седом камуфляже,
Как сфинкс, что не знает тревог,*

*В ста метрах от шумного пляжа
Застыла фигура без ног.*

Вместе с автором мы проникаемся болью и тревогой за молодого солдата, искалеченного в локальной войне нынешнего времени. Но ни «помятые рубли», ни картонная коробка не волнуют многих, весело отдыхающих людей. В наше общество проникает зараза бессердечия и равнодушия.

Но вот бичующие слова поэта, которым непременно следовало прозвучать! В них выражена ненависть и презрение, не только поэта Василия Миронова, а и многих честных людей.

*Эх, вы, толстокожие бонзы,
В тиши кабинетных столов
За дверью фамилий из бронзы
Вы взяткой спасали сынов.*

Хлестко звучат и финальные строки стихотворения, прибывая к позорному столбу всех тех, кто торгует совестью, не гнушаясь ничем, даже чужой жизнью, ради собственной наживы и покоя.

*Народец с воззрением черствым,
Когда-то вы взяли займы
У этого парня, что мертвым
Не смог возвратиться с войны.*

Вот такие у меня остались впечатления и чувства после прочтения стихов белорусского поэта Василия Миронова, члена Белорусского Литературного союза «Полоцкая ветвь», члена Международного союза писателей «Новый Современник», члена РСПЛ. После таких стихов хочется сказать: «Россия и Белоруссия не Европа!»

P.S. Через несколько дней, когда работа была закончена и написаны последние строки, случайно услышал информацию в новостях по радио «Вести FM» о том, что во Франции открывается новый ресторан. Но не простой — весь персонал, включая кухонных работников и официантов, будет обслуживать посетителей совершенно голым. Посетителям тоже предлагается вкушать некоторую органическую пищу в одеяниях Адама и Евы. Ведь только в таком виде можно будет острее почувствовать вкус даров природы и свою принадлежность к ней. Европа продолжает развиваться. Что дальше?

**Сергей Лебедев,
член Самарской региональной
организации РСПЛ,
член Тольяттинского отделения
Самарской организации СПР,
г. Тольятти.**

ХРОНИКА ЛИТЕРАТУРНОЙ ЖИЗНИ

УВАЖАЕМЫЕ ЧИТАТЕЛИ И АВТОРЫ

Журнал выходит в электронном (см. стр. 2) и в бумажном виде. Последний издается на коммерческой основе Издательство Тульского госуниверситета. Поэтому для заказа нужного числа экз. следует обращаться к директору издательства Пантюхину Олегу Викторовичу по e-mail: olegpantyukhin@mail.ru. Редакция этими вопросами не занимается. По вопросам заказа альманаха «Ковчег» журнала «Приокские зори» обращаться к Шафрану Якову Наумовичу по e-mail: bonuyans@yandex.ru

Достаточное число авторов согласились и с нашей традиционной, отчасти новой, редакционной политикой, суть которой состоит в следующем. Как и ранее, мы публикуем на сайте нашего журнала четыре номера в год — в последние дни каждого квартала. «Приокские зори» оставляют для себя статус всероссийского, а де-факто и международного издания. Поэтому для публикации единственным критерием отбора было и остается: талант автора, истинный — не «квасной»! — патриотизм и народолюбие, воспитанный в нас советской властью искренний интернационализм. На том и стоим.

По просьбе авторов, желающих самим отпечатать экз. журнала с их публикацией, редакция высылает им файл издательского оригинал-макета нужного номера с обложкой в цвете. Поскольку теперь даже в небольших городах хорошо развита сеть минитипографий с печатью на «электронке» от одного экз., то здесь авторы с какими-либо трудностями не столкнутся. Это принятая ныне во всем мире практика печатания «по заказу». Мы здесь Америку не открываем...

Редколлегия журнала

БИБЛИОГРАФИЯ

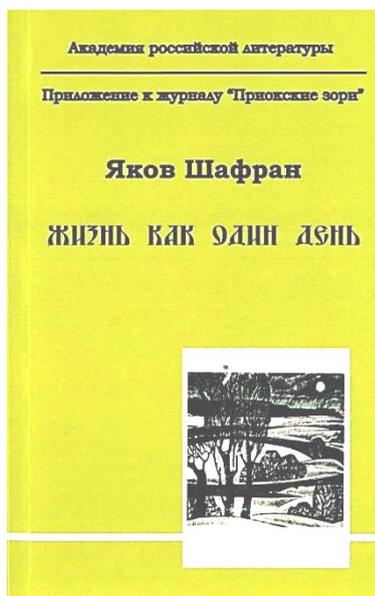
Уважаемые авторы! Начиная с № 3, 2008 журнала, введена регулярная рубрика библиографий вновь выходящих книг, изданных как в Туле, так и в других городах России. Непременным условием публикации в данной рубрике информации о вышедших в текущем квартале, соответствующем номеру журнала, книгах, как «авторских», так и различного рода сборниках и пр., **является их своевременная доставка в редакцию «Приокских зорь»**. Кроме того, публикуется информация и о ранее изданных книгах, поступивших в редакцию.

Уважаемые авторы! Не будьте безразличны к судьбе своих книг; помните, что публикация библиографии в журнале «Приокские зори» делает их известными не только в Туле, но и во многих других городах и регионах России. Не забудьте занести экземпляр в редакцию журнала или прислать по почте.

И еще раз приглашаем в «Библиотеку журнала «Приокские зори» — проставлением этого логотипа на титульном листе книги (вверху страницы) и в аннотации на оборотном листе. В этом случае вы вполне можете рассчитывать на появление в журнале отзыва, рецензии на вашу книгу. Возможна и внеочередная публикация отрывка из вашей книги.

Просьба обратить внимание на нижеследующие строки.

С начала III квартала 2011 года «стартовала» книгой Якова Шафрана «Жизнь как один день» новая серия книг в рамках «Библиотеки журнала «Приокские зори» — «Приложение к журналу «Приокские зори». Серия продолжающаяся, ее книги будут выходить в однотипном оформлении с обложкой «под журнал»:

Книги каждый автор издает сам на базе наиболее удобного ему издательства. К сожалению, журнал «Приокские зори» не имеет никакого государственного или частномеценатского финансирования, поэтому не обладает возможностью материально помочь авторам серийных книг.

Издание серии будет способствовать повышению престижа журнала, в чем его авторы, несомненно, заинтересованы.

Авторы же серийных книг получают следующие, несомненные преимущества:

— это уже не «самиздат», которым, честно говоря, является подавляющее большинство современных малотиражных изданий;

— поскольку журнал выходит под эгидой Академии российской литературы, то и книги серии-приложения также имеют отношение к Академии;

— как правило, на каждую выходящую книгу серии в журнале «Приокские зори» публикуется рецензия или отзыв, *если автор об этом позаботится*;

— наиболее существенное: книги серии, наряду с публикациями в журнале, могут участвовать в конкурсе на присвоение звания лауреата всероссийской литературной премии «Левша» им. Н. С. Лескова, ежегодно присуждаемой — в четырех номинациях — за лучшие публикации в журнале «Приокские зори».

Редакция журнала по просьбе авторов, желающих издать свои книги в серии, высылает файлы и шрифты для однотипного оформления обложки (многие из авторов «Приокских зорь» уже их получили).

О намерении издать книгу в серии автор извещает редакцию. При необходимости редакция может затребовать для ознакомления сверстанный текст книги или отрывок из нее. По напечатании автор предоставляет в редакцию 2 экз.

На момент формирования содержания настоящего номера в редакцию журнала «Приокские зори» поступили следующие книги:

1. *Московский Парнас*. Независимый альманах.— М.: Изд-во Независимого литературного агентства «Московский Парнас».— 2016.— № 1—5.
2. *Бийский Вестник*. Литературно-художественный, научный и историко-просветительский журнал (г. Бийск Алтайского края).— 2016.— № 1—3.
3. *Общеписательская* литературная газета.— 2016.— №№ 1—9. (В сентябрьском номере газеты помещены три материала, связанные с тульскими писателями и журналом «Приокские зори»).
4. *Новая Немича литературная* (Белоруссия).— 2016.— № 3. (В журнале опубликованы рассказы Якова Шафрана и Алексея Яшина).
5. *Лукьянов И. В.* Вечная быль.— Борисоглебск: ООО «Кристина и К», 2016.— 144 с.
6. *Надежда Осьминина*. Вербная Русь: Стихотворения. Поэма.— М.: Изд-во «Образ», 2016.— 145 с. (Серия «Поэзия XXI века»); книга получена редакцией по приоритетной рассылке из-ва «Образ».
7. *Алексей Яшин*. Лето юности минувшей: повесть / Предисл. Т. Б. Пегановой и С. В. Креклиной.— Сарапул (Удмуртия): Изд-во МУП «Сарапульская типография», 2016.— 64 с., ил. (Серия «Память Сарапула: культурный проект»).

В серии «Библиотека журнала «Приокские зори» вышли следующие книги:

1. *Яшин А. А.* Прологомены к новому русскому критическому реализму: Академия российской литературы.— М.: «Московский Парнас», 2015.— 533 с. (Библиотека журнала «Приокские зори»).— Представлена на Бунинскую премию 2016.
2. *Ковчег*. Литературно-музыкальный альманах ордена Г. Р. Державина литературно-художественного и публицистического журнала «Приокские зори»: поэзия, проза, публицистика, критика и литературоведение, произведения о детях и для детей, песни. Вып. 6.— Тула: Изд-во «Папирус», 2016.— 325 с. (Библиотека журнала «Приокские зори»).
3. *Шафран Я. Н.* Круг замкнулся: роман.— Тула: Изд-во «Папирус», 2015.— 308 с. (Библиотека журнала «Приокские зори»).
4. *Яшин А. А.* Зато мы делали ракеты: Роман-новеллино / Предисл. Л. В. Ханбекова.— М.: «Московский Парнас», 2015.— 441 с. (Библиотека журнала «Приокские зори»).

В серии «Библиотека журнала «Приокские зори» — Приложение к журналу «Приокские зори» вышли следующие книги:

1. *Николай Макаров*. Медики земли тульской: Книга первая.— Тула: Изд-во Тульск. гос. ун-та, 2016.— 240 с. (Приложение к журналу «Приокские зори»).
2. *Николай Макаров*. Десантники земли тульской.— Тула: Изд-во Тульск. гос. ун-та, 2016.— 256 с. (Приложение к журналу «Приокские зори»).
3. *Николай Макаров*. Моряки земли Тульской.— Тула: Изд-во Тульск. гос. ун-та, 2016.— 144 с. (Приложение к журналу «Приокские зори»).
4. *Николай Макаров*. Интернационалисты земли Тульской.— Тула: Изд-во Тульск. гос. ун-та, 2016.— 143 с. (Приложение к журналу «Приокские зори»).
5. *Татьяна Шелепина*. Что сердцу дорого: Стихотворения.— Тула: ТППО, 2016.— 200 с. (Приложение к журналу «Приокские зори»).
6. *Николай Макаров*. Медики земли тульской: Книга третья.— Тула: Изд-во Тульск. гос. ун-та, 2016.— 250 с. (Приложение к журналу «Приокские зори»).

7. *Николай Макаров*. Танкисты земли тульской.— Тула: Изд-во Тульск. гос. ун-та, 2016.— 153 с. (Приложение к журналу «Приокские зори»).

8. *Николай Макаров*. Саперы земли тульской.— Тула: Изд-во Тульск. гос. ун-та, 2016.— 164 с. (Приложение к журналу «Приокские зори»).

9. *Николай Макаров*. Военные связисты земли тульской.— Тула: Изд-во Тульск. гос. ун-та, 2016.— 135 с. (Приложение к журналу «Приокские зори»).

ВНИМАНИЮ АВТОРОВ И ЧИТАТЕЛЕЙ «ПРИОКСКИХ ЗОРЬ»

С целью расширения круга авторов и привлечения читательской аудитории, повышения художественной значимости публикуемых в журнале произведений прозы, поэзии, драматургии, а равно усиления актуальности и информационной ценности публицистических материалов, редколлегия, начиная с 2008 года, вводит систему поощрения авторов лучших материалов, опубликованных в течение календарного года, заключающуюся в присвоении почетного звания «Лауреат литературной премии журнала «Приокские зори» «Левша» им. Н. С. Лескова».

Ежегодно лауреатами становятся четыре автора наиболее значимых произведений по разделам:

— проза, включая драматургию;

— поэзия;

— публицистика, включая историко-политическую;

— литературоведение, включая литературную критику, краеведение, этнографию и историографию.

Звания лауреата — по номинациям — удостоиваются авторы, опубликовавшие в течение года в журнале произведения, отличающиеся своей художественно-публицистической значимостью, следующие высоким традициям классической русской и советской литературы, вносящие весомый вклад в возрождение и развитие духовности и культуры России, сочетающие верность изначальной национальной русской идее и проверенный веками подлинный интернационализм народов России и ранее входивших в состав Российской империи и Советского Союза. Поощряются публикации молодых талантливых авторов, а также литераторов, входящих в неформальный актив журнала. В конкурсе также могут принимать участие авторы книг, изданных в серии «Приложение к журналу «Приокские зори» (см. выше). По положению о лауреатах последними не могут быть руководители журнала, то есть главный редактор и его заместители, руководители организаций-учредителей и меценаты, оказывающие материальную поддержку журналу. Место и страна проживания авторов роли не играет и не является каким-либо ограничением.

Звания лауреатов присваиваются коллегиальным решением редколлегии с учетом мнений учредителей журнала. Читатели «Приокских зорь» также приглашаются с представлением кандидатур; свое мнение они могут высказать письменно по обычной или электронной почте (не по телефону!) на имя главного редактора; адреса указаны на 2-й стр. журнала. Имена лауреатов с указанием номинированных произведений и фотографией автора публикуются в первом номере журнала следующего года издания; например, имена лауреатов 2015-го года объявлены в № 1, 2016 «Приокских зорь». Также имена лауреатов объявляются в литературных газетах. Лауреатам вручаются дипломы, лауреатские медали и удостоверения к ним. Премия имеет статус всероссийской.

Итак, уважаемые авторы и читатели: объявляется конкурс на 2016-й год, а от читателей и представителей заинтересованных общественных и иных организаций и предприятий мы ждем конкретных предложений по номинантам.

В добрый путь!

**ПРАВИТЕЛЬСТВО ТУЛЬСКОЙ ОБЛАСТИ
ОПРЕДЕЛИЛО ПОБЕДИТЕЛЕЙ ЛИТЕРАТУРНОЙ ПРЕМИИ
ИМЕНИ Л. Н. ТОЛСТОГО**

Премия ежегодно присуждается с 1999 года. В 2015 году постановлением правительства Тульской области присудили литературную премию имени Л. Н. Толстого:

— в номинации «Проза»: Яшину Алексею Афанасьевичу за роман «Видение на Патмосе» (Алексей Яшин стал дважды лауреатом данной премии);

— в номинации «Поэзия»: Гусакову Алексею Владимировичу за поэтический сборник стихов «Война»;

— в номинации «Литературная критика, публицистика»: Макарову Николаю Алексеевичу за книги «Знаменитые туляки», «Афганцы Тулы», «Суворовцы Тулы», «Артиллеристы — туляки».

*Документ подписан председателем
правительства Тульской области
Юрием Андриановым 11 декабря 2015 года.*

Одновременно поздравляем Алексея Яшина с присуждением ему международной литературной премии им. Симеона Полоцкого (Белоруссия).

ПОДДЕРЖИМ ДОБРОЕ ДЕЛО!

Издательство «Образ» (Москва) выступило с инициативой в литературном и книгоиздательском процессе: печать небольшим презентационным тиражом книг пока еще не очень известных, преимущественно молодых литераторов. Большая часть тиражей рассылается по редакциям литературных журналов и газет с предложением ознакомиться с творчеством представленных авторов, связаться с ними на предмет возможной публикации в журнале или газете.

«Приокские зори» включены в список презентационной рассылки. В наступившем году редакция получила уже книги Алены Алещенковой «Яшенька» и Александра Чаева «Однажды», Надежды Осьминой «Вербная Русь».

Мы непременно свяжемся с авторами названных книг и предложим им публиковаться в «Приокских зорях», а издательству «Образ» выражаем благодарность за начатое доброе дело, которое мы всячески поддержим во благо дальнейшего развития литературного процесса в нашей стране.

НОВОСТИ ПРЕМИИ «ЛЕВША»

Наградная символика всероссийской литературной премии «Левша» им. Н. С. Лескова за лучшие публикации текущего года в журнале «Приокские зори» расширилась: теперь лауреату вместе с дипломом вручается лауреатская медаль и удостоверение к ней.

ПОЗДРАВЛЯЕМ С ЮБИЛЕЕМ!

15 сентября 2016 года Президенту Академии российской литературы, известному прозаику, поэту, публицисту, критику и переводчику, члену Союза писателей СССР и России, издателю, автору более 100 книг и многих критических и литературоведческих работ Леониду Васильевичу Ханбекову исполнилось 80 лет! Редколлегия и редакция «Приокских зорь» сердечно поздравляют юбиляра, желают ему долгих лет здоровой и плодотворной жизни, новых творческих побед, благополучия и успехов его детищ: Академии российской литературы, альманаха и творческого клуба!

ПОЗДРАВЛЕНИЕ СЕРГЕЮ ЛЬВОВИЧУ ЩЕГЛОВУ (НОРИЛЬСКОМУ)

Уважаемый Сергей Львович!

Этот год для Вас, давнего автора и друга нашего журнала «Приокские зори», юбилейный!

Вы автор четырнадцати документально-художественных, историко-краеведческих, литературно-критических, литературоведческих и публицистических книг и брошюр. Дважды были удостоены журналистской премии им. Глеба Успенского, лауреат литературной премии им. Льва Толстого. Составитель и автор текстов трех томов книги памяти жертв политических репрессий в Тульской области. Основатель и председатель Тульского областного отделения Общероссийской общественной организации «Российское историко-просветительское, благотворительное и правозащитное общество «Мемориал»».

В связи с Вашим 95-и летием примите от нас самые теплые и сердечные поздравления. Благодарим Вас за прекрасные произведения, достойно представляющие великую отечественную журналистику и литературу, в которых Вы прекрасно отражаете русскую культуру и русскую душу. Желаем Вам здоровья, счастья и дальнейших творческих успехов. Мы очень высоко ценим дружбу с Вами.

*Члены редколлегии и редакции
журнала «Приокские зори».*

ВРУЧЕНИЕ ПРЕМИИ ИМЕНИ С. И. МОСИНА ТУЛЬСКИМ ПИСАТЕЛЯМ

В Туле 16 сентября 2016 года на торжественном собрании, посвященном Дню оружейника, вручили Дипломы и знаки лауреата премии имени С.И. Мосина членам Союза писателей России:

— МАКАРОВУ Николаю Алексеевичу, гвардии майору медицинской службы (Воздушно-десантные войска), заместителю исполнительного директора Фонда Поддержки земляков «Тульский край», участнику боевых действий в Афганистане — за

серию книг по военно-патриотическому воспитанию молодежи («Афганцы Тулы», «Суворовцы Тулы», «Артиллеристы-туляки», «Опаленные войной улицы Тулы» и др.);

— ХОДУЛИНУ Валерию Георгиевичу, за создание ярких поэтических произведений, воспевающих героический труд тульских оружейников и их подвиг в Великой Отечественной войне.

В церемонии награждения приняли участие первый заместитель губернатора — председатель правительства Тульской области Юрий Андрианов, первый заместитель генерального директора — научный руководитель НПО «Сплав» Николай Макаровец, ректор Тульского госуниверситета Михаил Грязев.

ОБЩЕСТВО РУССКОЙ СЛОВЕСНОСТИ

В Туле создано отделение Общества русской словесности
ОПУБЛИКОВАНО · 18:14 26.09.2016
<http://tulasmi.ru/news/238268#.v-uva4iltiu>

В Тульской областной универсальной научной библиотеке состоялось учредительное собрание регионального отделения Общества русской словесности.

Инициатива создания Общества русской словесности принадлежала президенту РФ Владимиру Путину. Она была реализована на заседании Патриаршего совета по культуре 9 марта 2016 года. Возглавил общество Святейший Патриарх Московский и Всея Руси Кирилл. В организацию вошли известные общественники, деятели искусств, литературоведы и филологи.

Свою миссию Общество русской словесности видит в консолидации усилий для сохранения ведущей роли литературы и русского языка в воспитании подрастающего поколения, укрепления единого культурно-образовательного пространства, развития лучших традиций отечественного гуманитарного образования, культурно-просветительской деятельности.

Организация начала свою деятельность с возобновления общественной дискуссии вокруг преподавания русского языка и литературы. Первый съезд Общества русской словесности состоялся в Москве в мае этого года.

И вот теперь отделение Общества будет действовать в Тульской области. В учредительном собрании регионального отделения участвовали священнослужители, преподаватели вузов, литераторы, журналисты, музейщики, представители властных структур.

Открывая заседание, митрополит Тульский и Ефремовский Алексей, в частности, сказал:

— Язык — речевая система общения, раскрывающая человеческую личность в ее богоподобии. Это и есть та духовная и та естественная среда, в которой выражает себя национальная идентичность. Русский язык явлен нам той удивительной, благодатной средой, принимающей великое множество служений прозябшего человеческого духа и принесяшей благодатный плод гармонии единства и множества, которую важно сохранить и передать будущим поколениям.

— Мы с вами видим, как наши дети теряют богатство лексикона, читая мало или выбирая вульгарное, примитивное, морально разлагающее чтиво. Отсюда все возникающие проблемы: падение культурного уровня, плоскостность восприятия,

отсутствие идеалов,— с горечью отметил преподаватель Тульской духовной семинарии Олег Сенин.— Мы видим, что ЕГЭ доведен до примитивизма, что родительская и педагогическая общественность находится в состоянии встревоженности. Назначен новый министр образования, разделяющий наши тревоги, и это дает надежду, что все будет меняться к лучшему.

Цели создающегося Тульского отделения общества Олег Сенин обозначил так: укрепление роли русского языка и литературы, расширение языкового пространства, а также возрождение просветительских традиций.

Владыка Алексей отметил:

— Похоже, нам придется многое пробовать. Нужно внимательно смотреть, кого привлечь к нашему движению. Важно, чтобы в нем присутствовали представители власти, СМИ, начальная, средняя, высшая школа. Важно дать почувствовать представителям общественности, что наше сообщество не отделяется от них, а приглашает к совместным действиям — к соработничеству.

Наталья Кириленко.

Фото Федора Передирева

...Далее владыка Алексей как председатель собрания предложил список кандидатур для избрания президиума, который сразу же был озвучен. В список вошли известные в регионе личности. Помимо тульского архипастыря, это председатель издательского отдела епархии протоиерей Максим Троеглазов, а также представители Тульской областной Думы, управления образования администрации города, вузов — ИПК и ТГПУ, а также ТулДС, колледжей, областной библиотеки и областного краеведческого музея. Прямым голосованием собрание проголосовало за весь этот список. Также участники заседания выбрали заместителя председателя Общества (им стал Олег Сенин) и ответственного секретаря (им избрана преподаватель ОПК Наталья Крючкова), а также состав правления, после чего была принята резолюция. В частности, в ней сказано: «Члены общества должны способствовать расширению и укреплению единого образовательного пространства. Славная и суровая история Тульского края богата событиями и людьми, которые способны подать пример, воодушевить и подвигнуть на благой труд всех самоотверженных делателей».

Валентина Киденко.

Фото Федора Передирева

<http://tulaeparhia.ru/mitropolit/sluzhbyi/7802.html>

Олег Михайлович Сенин

Дорогие мои! Многим из вас известны мои посильные старания по духовному просвещению. Недавно наш дорогой Владыка, Митрополит Тульский и Ефремовский Алексей благословил меня заняться организацией Общества Русской словесности в Тульской митрополии.

Напомню, что по инициативе Президента РФ В. В. Путина в марте 2016 года в России учреждено Общество русской словесности, которое возглавил Святейший Патриарх Кирилл.

Ниже предлагаю материал, который многое объяснит вам. Надеюсь на ваше содействие и молитвы!

<http://www.olegsenin.com/#!-----/c1sdx>

У НАШЕЙ ЛИТЕРАТУРЫ — ОСОБАЯ МИССИЯ

Святейший Патриарх Московский и всея Руси Кирилл учредил и возглавил Общество русской словесности, в состав которого вошли профессора и преподаватели Института языкознания РАН, Института русского языка имени А. С. Пушкина, МГУ им. М. В. Ломоносова, ВШЭ, журналисты, писатели, кинематографисты, многие общественные и культурные деятели, ученые. Своими размышлениями о значении этого события для педагогов, школьников, студентов поделился преподаватель предметов «Сектоведение» и «Христианство и литература» Тульской духовной семинарии, магистр богословия, писатель, публицист Олег Михайлович СЕНИН.

Святейший Патриарх Кирилл осуществил то, что буквально носилось в воздухе, о чем все мы говорили в последние годы. Он выразил беспокойство в связи со стремительным снижением грамотности среди населения нашей страны, в недавнем прошлом — самой читающей в мире, и отметил особую, высокую миссию литературы в России. Сегодня невероятно велика потребность в дискуссионной площадке для обсуждения вопросов преподавания русского языка и литературы — как в школе, так и в вузе. И вот теперь, благодаря созданию Общества русской словесности, ученые, педагоги, деятели культуры, общественность объединяют свои усилия, чтобы сделать все возможное для сохранения ведущей роли литературы и русского языка в воспитании подрастающего поколения, для развития лучших традиций отечественного гуманитарного образования.

Очень важно, что именно Церковь инициировала и возглавила это дело, так как речь идет о гуманитарном измерении нашей жизни, общества, государства, а гуманитарное измерение, как сказал святейший Патриарх, — «это и есть часть духовной ответственности Церкви, именно гуманитарная сторона человеческой жизни включена в то, что мы называем пастырской заботой Церкви».

По своему устройению и духу Церковь держится всего того, что было заложено изначально, являя собой Тело Христово. И когда мы сегодня говорим об общечеловеческих ценностях, то для человека верующего совершенно очевидно, что речь идет о христианских ценностях, о ценностях нашей культуры, нашей веры, которая восприняла нравственный код от Византии. Но та первооснова, которой Церковь держится и которую она хранит, в современном обществе, к сожалению, утрачивается. И это вызывает тревогу у людей, заинтересованных в том, чтобы мы как народ не утратили своей самобытности, своей ментальности. А ментальность народа, как известно, определяется такими вековыми понятиями, как язык; приверженность к родной земле (отсюда неременный дух и стержень патриотизма, который должен присутствовать в семейном, школьном и во всяком другом воспитании) и, безусловно, вера — вера наших отцов, которой надо держаться, не уклоняясь ни вправо, ни влево. А соблазн такого уклонения, как мы сейчас видим в активизации сектантства на канонической территории Русской Православной Церкви, совершенно очевиден. Поэтому так важно, что инициатива создания Общества исходит именно от Церкви.

Наших детей сейчас учат педагоги, получающие образование уже в современной системе, о которой тоже говорится часто с беспокойством, так как молодые учителя порой не осознают важности своего служения, не имеют должной профессиональной подготовки, а главное — заинтересованности.

«От избытка сердца говорят уста», ты сможешь им дать только то, что сам имеешь. Вера, патриотизм, тяготение к нашему духовному лону — вот что всегда было нашей традицией и так необходимо сейчас в практике преподавания на всех уровнях, особенно школьном.

Отечественное образование предполагало развитие разума и способностей души при помощи, с одной стороны, точных наук, а с другой — русского языка, классиче-

ской литературы, истории, древних и новых языков, Закона Божиего. Все это формировало здоровое национальное самосознание, высокий уровень нравственности и, как результат, верность своей Родине.

Посещая школы Тульской области вместе со священниками, часто — выпускниками ТулДС, я стремлюсь раскрыть детям красоту русской литературы, нашего трепетного слова, проникнутого удивительными озарениями тех людей, которые делали это с посвященностью, имея дар от Бога. Для меня очень важна вовлеченность моих слушателей в то, о чем я им говорю, — тогда у них возникает интерес, оживление, желание узнать больше. И я чувствую — отклик есть, это совершенно очевидно. И есть определенные знания. Но нельзя не замечать, к какому убожеству теперь приходит язык общения, особенно подростковый, изуродованный общением в соцсетях.

Лекарство от этой напасти — только чтение, только хорошая книга. А у всех ли дома теперь есть — ну, если не библиотека, то хотя бы полка с книгами?

Помню, мальчишкой я был великим книгочеем. В нашем доме, в деревне, была огромная библиотека, собранная родителями. Часто молодые учителя спрашивали, есть ли у нас та или иная книга; если была, я ее приносил. И жизни без книг я себе не представлял. А у многих современных школьников не только книг в домашнем пространстве нет, но и родителей они не видят читающими книгу. Тогда остается надежда только на школу, только на хорошего, увлеченного учителя, который сможет научить детей ценить, понимать и любить литературу и родной язык.

И учащимся, и семинаристам я привожу пример, как, отбывая наказание в советское время по политической статье в Дубравлаге, я не садился за книгу без небольшого блокнотика, сделанного из половинки тетради. В блокнотик я заносил понравившиеся мне выражения, обороты, и потом их заучивал наизусть. Однажды я наткнулся в библиотеке на фразеологический словарь и открыл для себя новую грань языка. Теперь я своим студентам вменяю в обязанность к каждому занятию по предмету «Христианство и литература» выучить пять пословиц наизусть. Сретенский монастырь издал замечательную книжку — «Христианский дух в русских пословицах». В свое время мне удалось купить несколько экземпляров, и теперь, начиная учебный год, раздаю семинаристам эти книги.

Одно из главных требований по нашему предмету — знание наизусть лучших стихотворений русских поэтов — это основа основ. Стараюсь привить студентам навыки художественного чтения, сам занимался этим когда-то много и увлеченно.

Теперь преподаватель литературы может интерпретировать русскую классику не «через призму соцреализма», а с точки зрения христианства, как она того и требует, — ведь по большому счету вся наша литература 19-го века — христианская, хотя сами авторы порой этого и не осознавали. Но, к сожалению, не все педагоги стремятся этой свободой воспользоваться, многие проявляют консерватизм, причем это далеко не всегда представители старшего поколения. Здесь все зависит от самого человека, от его побудительного мотива, от общего климата, который стремительно меняется на наших глазах в течение нескольких последних лет.

Тем, кто будет реализовывать прекрасную, вдохновляющую инициативу создателей Общества русской словесности, предстоит решать очень важные и непростые задачи. С помощью Божией этот труд даст очевидные благословенные результаты.

Буду стараться по мере сил, которые мне дает Господь, тоже принимать участие в реализации этого благого и важного для наших дней начинания.

СЛОВО

Молчат гробницы, мумии и кости,—
Лишь слову жизнь дана:

Из древней тьмы, на мировом погосте,
Звучат лишь Письмена.

И нет у нас иного достоянья!
Умейте же беречь
Хоть в меру сил, в дни злобы и страданья,
Наш дар бессмертный — речь.

И. А. Бунин

СЛОВО

В оный день, когда над миром новым
Бог склонял лицо свое, тогда
Солнце останавливали словом,
Словом разрушали города.
И орел не взмахивал крылами,
Звезды жались в ужасе к луне,
Если, точно розовое пламя,
Слово проплывало в вышине.
А для низкой жизни были числа,
Как домашний, подъяремный скот,
Потому что все оттенки смысла
Умногое число передает.
Патриарх седой, себе под руку
Покоривший и добро и зло,
Не решаясь обратиться к звуку,
Тростью на песке чертил число.
Но забыли мы, что осиянно
Только слово среди земных тревог,
И в Евангелии от Иоанна
Сказано, что Слово это — Бог.
Мы ему поставили пределом
Скудные пределы естества.
И, как пчелы в улье опустелом,
Дурно пахнут мертвые слова.

Н. Гумилев

* * *

...Ржавеет золото и ислевает сталь,
Крошится мрамор — к смерти все готово.
Всего прочнее на земле печаль
И долговечней — царственное слово...

А. Ахматова

* * *

В селе Коломенском — нарядная трава,
В апрельской синеве сияют главки храмов,
Бьет колокол, внимают деревья,
Линяют титулы в грамоте охранной.

В селе Коломенском мы у себя, мы дома.
Здесь русская живая старина,
Как даль красна, как хлеба кус знакома,
Трудами праотцев она утверждена.

В селе Коломенском, где церковь Вознесенья,
Хранит от вандалов московский окоем,
Не мелочась, отбросивши сомненья,
Мы правды ради дышим и живем.

Живем, как сироты, случайным подаяньем,
В печали, в радости — всегда к виску виском.
Господь лишь знает, может, не случайно
Приветил ангел нас улыбчивым лицом.

О. Сенин

ИНФОРМАЦИЯ ОТ РЕДАКЦИИ

1. Сообщаем, что все ранее вышедшие *номера «Приокских зорь»*, начиная с № 1, 2006, размещены на нашем сайте <http://www.pz.tula.ru> — там же размещаются и все вновь выходящие номера.

2. Также, начиная с № 1, 2015, вышедшие и вновь выходящие *номера «Приокских зорь»* размещаются на сайте евразийского журнального портала «Мегалит» <http://www.promegalit.ru/magazines/priokskie-zori.html>, а также, начиная с № 1, 2013 и по № 1, 2014 (включительно) полностью, по авторам, далее выборочно и с № 2, 2016 снова полностью, отдельным файлом, на сайте портала «Русское поле» <http://priokskie.ruspole.info>

3. *Альманах «Ковчег»* журнала «Приокские зори» публикуется и в электронном виде, и будет появляться далее на сайтах: журнала <http://www.pz.tula.ru/pzBgr.html>, начиная с 2014 г. (№ 4), «Мегалит» <http://www.promegalit.ru/magazines/kovcheg.html>, начиная с 2015 г. (№ 5) и будет публиковаться на «Русском поле», начиная с 2016 г. (№ 6).

4. На сайте журнала <http://www.pz.tula.ru/pzBgr.html> размещены *книги серии «Библиотека журнала «Приокские зори»* — Алексей Яшин: «Будни главного редактора», «Катехизис идеалиста» (роман об И. В. Сталине), «Пролегомены к новому русскому критическому реализму», «Квадратная пустота», «Административный восторг», «Видение на Патмосе», «Зато мы делали ракеты: Воспоминание о будущем», «Сны и явь полковника Хмурова», «Любовь новоюрского периода».

5. *На сайте «Мегалит» размещены следующие произведения Алексея Яшина:* http://www.promegalit.ru/personals/3486_yashin_aleksej.html

а. «Училки, доносчики и блокляйтеры. В преддверии нового учебного года».

б. «Зато мы делали ракеты. Из рассказов Николая Андреевича»

в. «Чиновники от вредных привычек»

Книги:

а. <http://www.promegalit.ru/books/1.html>

Яшин А. А. «Пролегомены к новому русскому критическому реализму»: Академия российской литературы. Москва: «Московский Парнас», 2015.— 533 с. (Библиотека журнала «Приокские зори»).

В книге представлены преимущественно авторские материалы, относящиеся к формированию концепции нового русского критического реализма в рамках исследований современного русского литературного процесса, проводимых автором под эгидой Академии российской литературы. В приложении приведены материалы литературных дискуссий. Назначение книги — дать введение (пролегомены) в проблематику теории и практики нового русского критического реализма. Собственно его теория — дело будущего, тема последующих работ автора с коллегами по Академии. Материалы книги ранее были опубликованы в журнале «Приокские зори». Для литературоведов и широкого круга любителей русской словесности.

б. <http://www.promegalit.ru/books/1.html>

Алексей Яшин. Зато мы делали ракеты: Воспоминание о будущем (седьмая книга рассказов Николая Андреевича): Роман-новеллина / Предисл. Л. В. Ханбекова: Академия российской литературы.— Москва: «Московский Парнас», 2015.— 441 с. (Библиотека журнала «Приокские зори»)

в. <http://www.promegalit.ru/books/2.html>

Алексей Яшин. Катехизис идеалиста: Роман-размышление: Академия российской литературы. Независимое литературное агентство «Московский Парнас».— Москва: «Московский Парнас», 2010.— 373 с. (Библиотека журнала «Приокские зори»).

Пожалуй, начиная с конца 20-х годов прошлого века, нет другого такого громкого имени, как имя Сталина, вокруг которого кипели бы страсти абсолютно полярного характера. Для Запада и меньшей, но очень громкоговорливой части населения России и постсоветского пространства — образ архизлодея, по сравнению с которым Адольф Шикльгрубер едва ли не агнец божий. Для подавляющего большинства жителей России и стран СНГ, прежде всего русских людей, — выдающийся государственный и полководец-стратег в тысячелетней истории Руси — России — СССР, сравнимый разве что с Владимиром Мономахом, Святославом, Иваном Грозным и Петром Великим. Правильнее говоря — названные князья и цари лишь в чем-то сравнимы с Вождем. Главное — нет равнодушных, а это и есть непрерываемое свидетельство того, что Сталин был, есть и будет в истории страны и всего мира выдающейся личностью. Автору этой книги и в страшном сне не являлось, что он-де член какой-либо политической партии или движения, а юность — самое впечатлительное время в генезисе человека — прилась на «эпоху Брежнева». Все сказанное в настоящей книге никак не может являться «ностальгией сталиниста», политическим компатриотством или биологически обусловленным возрастным нонконформизмом к окружающей действительности, а является пресловутыми плодами «холодных размышлений и сердца горестных замет».

Любой крупный политический деятель имеет две ипостаси: высказываемое им и потаенное, причем второе питает первое, оставаясь фигурой умолчания, идеалом. А значит в душе такой деятель и есть идеалист. Но как прочесть эти потаенные мысли? — Только глубоким анализом ведомой деятельности и вживанием в образ. Боязно примеривать на себя китель и сапоги Вождя, но... смелыми Бог владеет. И он, Бог-то, не выдаст, а свинья не съест. Многие воцерковленные люди говорят: православные монахи (неприкормленное властью белое духовенство!) уже отмолили у Бога половину невольных грехов Сталина. Дело осталось за малым, и истина восторжествует.

б. *Произведения Якова Шафрана размещены на сайте «Мегалит»*

http://www.promegalit.ru/personals/3489_shafran_yakov.html

а. «Год две тысячи пятнадцатый»;

б. «Сергею Есенину»;

в. «Милая земля».

Книги:

а. Яков Шафран. Круг замкнулся: роман / Сост. Я. Н. Шафран.— Тула: Изд-во «Папирус», 2015. — 308 с. (Библиотека журнала «Приокские зори»).

http://www.promegalit.ru/personals/3489_shafran_yakov.html

Действие романа Якова Шафрана «Круг замкнулся» охватывает период с 1913 по 2009 год. Любовь, семья, дети, работа, бытовые и социальные проблемы героев предстают перед читателем на фоне исторических и общественных коллизий разных лет. Духовно-нравственные поиски, выбор своего пути, переплетение личного и общего происходят у персонажей порой в условиях далеко не тепличных, а иногда и в борьбе за существование, что не мудрено, ибо они — дети России, страны с непростой судьбой. В произведении даются экскурсы и в древнюю историю, ибо известно — от качества анализа прошлого во многом зависит будущее.

б. Яков Шафран. Льетса жизни стих: стихотворения / Сост. Я. Н. Шафран; предисл. Г.Г. Мирошниченко.— Тула: Изд-во «Папирус», 2014.— 108 с. (Библиотека журнала «Приокские зори»).

http://www.promegalit.ru/personals/3489_shafran_yakov.html

Стихотворения Якова Шафрана, представленные в сборнике, написаны в 2009 — 2013 гг. В них звучит любовь к земле, к Брагинщине, где родился автор, к России, Москве, родной Туле, где он рос, учился и работал. Это стихи о любви, детстве и войне, стихи, в которых поднимается тема гражданственности, стихи о преодолении внутренних трудностей и внешних обстоятельств, о духовном пути спасения. Неравнодушен автор к темам войны и детства. Но о чем бы он ни писал, все открывает душу поэта, полную любви, верности и стремления помочь людям.

в. Яков Шафран. В пути: рассказы / Сост. Я. Н. Шафран; Предисл. В. Г. Сапожникова.— Тула: Изд-во ТулГУ, 2012.— 100с. (Библиотека журнала «Приокские зори»).

http://www.promegalit.ru/personals/3489_shafran_yakov.html

Рассказы Якова Шафрана, представленные в сборнике,— это логичное развитие основных тем его предыдущих книг: «Любимая, прости», «Спасение рядом» и «Жизнь как один день». Повествования о судьбах людей, о том, что ими движет в различных жизненных обстоятельствах, приоткрывают читателю тайники и его собственной души, рождают в его сознании вопросы: а что я бы сделал, а как я поступил бы, и поступил ли? И еще раз напоминают нам, что «Зряче одно лишь сердце, самого главного глазами не увидишь...». Но и этого мало, если нет главного — укорененности человека в Истине и в родной земле.

7. На сайте журнала <http://www.pz.tula.ru/pzBgr.html> размещены **книги Якова Шафрана** из серии «Библиотека журнала «Приокские зори»: «В пути», «Круг замкнулся» и «Человек человеку», а также из серии «Приложение к журналу «Приокские зори»: «Льетса жизни стих».

8. **Приглашаем авторов книг** серий «Приложение к журналу «Приокские зори» и «Библиотека журнала «Приокские зори» размещать данные книги на указанных сайтах. Консультации по порядку размещения — у зам. главного редактора — ответственного секретаря Якова Наумовича Шафрана; e-mail: bonyans@yandex.ru

Редакция «Приокских зорь».

НОВОСТИ АКАДЕМИИ РОССИЙСКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

Фэйсбук.

17 августа в 17:54

<https://www.facebook.com/groups/1669434796653420/>

Собрание Академии российской литературы 16 августа 2016.

В начале августа на летней веранде Дома Ростовых в кафе состоялось очередное собрание Академии российской литературы. Накопилось много вопросов. Лето. Пора отпусков. Не все смогли приехать. Присутствовали те, кто по разным причинам остался в это время в городе. На собрании присутствовала представитель МГО СПР Елена Степанова.

По традиции АРЛ первое слово взял вице-президент академии Леонид Васильевич Ханбеков. Начал собрание с обсуждения статьи президента фонда «Литературный центр Петра Проскурина» Алберта Петровича Иванова, которую он передал, т.к. не смог сам присутствовать. Затем Леонид Васильевич рассказал о ближайших планах академии; обсудил работу коллегий и ее руководителей; поговорил об оформлении издаваемых книг; представил членам академии новый литературно-художественный альманах «Донская сотня», издаваемый в Ростове-на Дону; поднял вопрос о создании попечительского совета с утверждением плана работ коллегий; вынес на обсуждение вопросы реализации книг наших авторов; о праздновании юбилея АРЛ и выпуске юбилейного номера.

Леонид Васильевич внес новое предложение. Сменить название альманаха «Московский Парнас». Теперь он будет называться «Вестник Академии российской литературы». Соответственно, руководство академии вместе ее членами должны решить, сколько раз в году он будет выпускаться и каким тиражом.

Вторым взял слово прозаик Александр Шепель. Он начал свое выступление с обсуждения последних двух номеров альманаха. Касаемо четвертого номера, особо отметил статью В. Фролова о работе следственных органов, жестокости людей, преступном мире в наше непростое время. Хорошо отозвался о стихах поэта из Кемерово Надежды Ма Динь и Олеси Маматкуловой. Касаемо 5-го номера альманаха, горячо отозвался о статье Ивана Тимченко, стихах Галины Лялиной, сказочницы Надежды Борцовой из Венесуэлы, очень хвалил критику Романа Тишковского о творчестве Евгения Винокурова.

Руководитель коллегии поэзии Борис Рябухин: отчитался о работе коллегии; предложил заменить членские билеты АРЛ на новый образец с вкладышами для вне-

сения взносов; положительно отметил работу Орготдела академии; показал присутствующим отчет о поездке в Черногорию, опубликованный во втором номере журнала «Енисейский литератор»; представил совместно с Галиной Дубининой новый литературно-публицистический альманах «Русский слог», первый номер которого посвящен черногорским поэтам; предложил выбрать голосованием своим заместителем Галину Дубинину; отметил публикацию Ивана Тимченко «Сбережение русской цивилизации»; поднял вопрос о поощрении авторов; отметил работу группы «Академия российской литературы» в фейсбуке.

Поэт, публицист, общественный деятель Галина Дубинина подняла вопрос об выделении и оформлении грантов. Рассказала о работе переводчиков с сербского языка, особо отметив Л. Бурцеву и Марию Яковлеву, так же отметив нехватку таких переводчиков.

Поэт Ирина Лесная говорила о возросшем уровне авторов, публикуемых в альманахе. Предложила создать дидактические материалы для студентов-словесников гуманитарного ВУЗа, в котором она преподает. Положительно отметила работу Орготдела в фейсбуке.

Поэт-композитор Михаил Морозов особо выделил рассказ писателя-фантаста Хелью Ребане «Убить друга», опубликованный в пятом номере альманаха. Крайне положительно отметил «Луховицкие частушки» Игоря Нехамеса, опубликованные в том же номере. Михаил написал к частушкам музыку. Так же отметил критику Романа Тишковского, в частности, статьи «Как не надо писать» и «Жернова», опубликованные ранее.

Прозаик Иосиф Рухович поднял вопрос о создании сайта АРЛ.

Заключительное слово взял Орготдел: напомнил о взносах за 2016 год; предложил избрать нового казначея.

Завершающее слово снова взял президент академии Л. В. Ханбеков.

Встреча оказалась очень плодотворной, было обсуждено много насущных вопросов.

*Ольга Карагодина,
оргсекретарь Академии российской
литературы, г. Москва.*

АКАДЕМИЯ РОССИЙСКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

Дорогие друзья, коллеги!

Предлагаем вашему вниманию фоторепортаж ОЛЬГИ КАРАГОДИНОЙ о творческой встрече, посвященной юбилею президента академии российской литературы Леонида Васильевича Ханбекова, состоявшейся 20 сентября 2016 года в офисе Академии в Доме Ростовых. За дружеской беседой встретились члены Академии: Александр Шепель, Борис Рябухин, Сергей Плахута, Евгений Скоблов, Ольга Карагодина.

В ходе поздравления юбиляра прозвучали творческие приветы из регионов России и зарубежья: Ростов-на-Дону (Сергей Даштамиров, Николай Никонов), Тула (Яков Шафран), Геленджик (Валентина Гончарова), Нью-Йорк (Аркадий Мар) и многие другие.

О НАС ПИШУТ

В этом бумажном номере опубликован отзыв о № 1, 2016 «Приокских зорь», текст которого ранее был дан на сайте газеты и с разрешения ее редакции — в № 2, 2016 нашего журнала. Бумажный номер «Дня литературы» читайте по адресу:

<http://denlit.ru/index.php?view=numbers>

Обзор ПРИОКСКИХ ЗОРЬ № 2, 2016 — на сайте.

О возможной публикации в бумажной версии сообщим.

Валентина Ерофеева, «День литературы».

http://denlit.ru/index.php?view=articles&articles_id=1967

ЖИЗНЬ ЖУРНАЛОВ | Рубрика: **ФОРУМ** | | Дата: 2016-09-19

«ПРИОКСКИЕ ЗОРИ», Тула, № 2 — 2016

Литературно-художественный и публицистический журнал

Номер, как всегда, начинается с «Колонки главного редактора», которая на сей раз представлена в виде душевного разговора с авторами и читателями. Участники представляют собой весь литературный и околотературный спектр. Это редактор и автор старого закала, автор, еще не издавший книг, досадливый автор и экономный автор, старинный читатель и въедливый читатель, рядовой читатель и наивный читатель, Порфирий Дормидонтович — губернский классик и историки-доцентши из пединститута, что собираются все улицы города переименовать в «Колчаковскую»,

«Деникинскую», «Тухачевского», «Шкуро», «Атамана Семенова», и возмущенные авторы и читатели. Алексей Яшин со свойственным ему глубоким юмором поднимает в статье-разговоре насущные вопросы современного литературного процесса, где активными участниками испокон века являются авторы, издатели, книготорговцы и, конечно, читатели. Прочитавший «Колонку» получит истинное удовольствие как от высокохудожественного стиля и образов этого «разговора», так и от глубокого анализа затронутых вопросов.

К 130-летию со дня рождения выдающегося поэта-стилиста русского серебряного века Николая Гумилева журнал напечатал его незабываемые стихи. Здесь же стихи-посвящения «Из бежецкого цикла» замечательного тульского поэта Валерия Савостьянова, цикл стихотворений «Арктика» Ефима Гаммера и «Петербург» Беллы Верниковой (*Израиль*), работа Лидии Довыденко «Гумилевская осень в Калининградской области».

В разделе «Крупный жанр (знаменитые туляки)» — историческая драма Владимира Федорова «Созвездие Марии». Пьеса поставлена в Русском академическом театре города Якутска и с успехом там идет буквально в эти дни. Главные герои Василий и Татьяна (Мария) Прончищевы — родом из Тульской губернии.

«Современный русский рассказ» представлен красочным описанием Старого Арбата во всех его ипостасях и во все времена суток, со всеми его персонажами, остро подмеченными чутким взором провинциального интеллектуала и мастера слова (Игорь Карлов, «Как бы не так»). Федор Ошевнев в рассказе «Конверт без обратного адреса» на этот раз выступил как талантливый повествователь о делящейся всю жизнь армейской трагедии: офицер химическим составом изуродовал лицо солдата — вроде бы все удалось замять, но совесть... Вячеслав Михайлов («Вызов») активно поднимает вопрос морально-нравственной ответственности тех, кто за бесценок на залоговых аукционах приобрел лучшие советские предприятия, кто живет избыточным потреблением (приобретя предприятие за 3—4% от его стоимости, распоряжается всеми ста процентами его прибыли); поднимает вопрос о необходимости развития культуры ответственности бизнеса перед народом. Алексей Яшин («Война в Арктике: Из рассказов Николая Андреевича») продолжает в высокохудожественной форме рассказывать о великой истории нашей страны через личные истории своих героев. Интересен рассказ-быль «Плис для Глафиры» бытописателя тульской старины Геннадия Маркина. Николай Макаров («Наши в Африке») пишет о советских офицерах, проходивших службу на черном континенте, и о том, что с ними произошло потом. «Сколько вот таких, не побоюсь этого слова с большой буквы, Самородков оказались тогда не у дел, оказались выброшенными из армии, оказались никому не нужными в нашей униженной и поруганной стране...». Заслуживают внимания милые детские воспоминания Елены Аверьяновой, фантастический рассказ Ольги Карагодиной, произведения Виктора Хромова, Василия Бабушкина-Сибиряка и Ольги Несмеяновой.

Замечательные стихи Анатолия Аврутина — драгоценная жемчужина рубрики «Образы и тропы поэзии»:

*Вдали от России непросто быть русским поэтом,
Непросто Россию вдали от России беречь.
Быть крови нерусской... И русским являться при этом,
Катая под горлом великую русскую речь.*

И переключкой больших поэтов звучат не менее прекрасные строки Игоря Лукьянова:

*Когда вокруг — блистает глум прокудливый.
Цветами зла расцвечены пути.*

*Спаси меня, угрюмость неподкупная,
чтоб я по-русски мог свой крест нести...*

Своими стихами порадовали: Елизавета Баранова, Нина Гаврикова, Николай Тимохин (переводы), Ирина Кедрова, Олег Пантюхин, Ольга Борисова, Яков Шафран, Сергей Лебедев, Владимир Резцов, сестры Ольга и Наталья Артемовы и другие поэты. Особо следует отметить восьмилетнюю Вику Щербакову.

Читателю «Приокских зорь» будет интересно узнать, как буквально на пустом месте в Туле более 100 лет тому назад возник один из крупнейших парков Европы. В этом ему поможет своим талантливим очерком «Спаситель нашего города» Сергей Одинокоев в рубрике «Публицистика. Литературоведение...». Там же в работе Рагима Мусаева читаем неприглядную правду о предоккупационном периоде и оккупации города Богородицка в годы Великой Отечественной. «Нет ничего отвратительнее в русской литературной жизни всякого рода обществ, казалось бы, по разным обстоятельствам, объединивших совершенно различных обитателей этой самой литературной жизни...» — пишет в «Слове о литературе» — самобытном анализе поэзии и поэтов, прозы и прозаиков — Алексей Гусаков. В рубрике даны отзывы на роман Якова Шафрана «Круг замкнулся» (Геннадий Маркин), на книги Сергея Лебедева «Своя дорога» (Ольга Борисова) и Светланы Замлеловой «Скверное происшествие» (Борис Рябухин), на замечательный роман Алексея Яшина «Зато мы делали ракеты» (Сергей Прохоров) и рассказы Сергея Крестьянкина (Марк Дубинский).

В «Хронике литературной жизни» читаем подробное представление журнала Бийского отделения СПР «Огни над Бией», о юбилее Академии российской литературы и Алтайской премии митрополита Макария. Там же опубликована статья из ОПЛГ «Тульские традиции «Приокских зорь» и другие заслуживающие внимания материалы.

Дорогой Алексей Афанасьевич! 17 августа вернулась с писательской конференции, которая проходила в Нью-Йорке. Там на питчинге представляла новую книгу «Самоцветы Сибири», которая по инициативе и при поддержке Интернационального Союза писателей была опубликована на английском языке в книжной серии «Библиотека Владимира Набокова» и на русском и немецком языках в STELL /Германия/. Книги выставлялись на ярмарке и защищались мною на питчинге с американскими литературными агентами и 6 агентов по жанру «Большая проза». Вот итоговая официальная информация: Долгожданная встреча с литературными агентами США состоялась Posted: 17 Aug 2016 04:12 AM PDT. Ежегодная писательская конференция в Нью-Йорке для многих становится серьезным шагом вперед навстречу зарубежной аудитории. Невозможно переоценить кладезь информации, полученной на семинарах западных гуру по написанию текстов и их продвижению. Но главное, за чем едут на эту конференцию участники, — это, конечно, встреча с литературными агентами, которые ищут талантливых авторов, книги которых выгодно отличаются от остальных.

В этом году в составе делегации Интернационального Союза писателей конференцию посетили: Александр Гриценко, Виктория Балашова, Тамара Булевич, Наталия Имприс. Впечатляющих результатов достигли те, кто решил посетить конференцию лично и приехать в США. Риск полностью оправдал себя! Произведение Наталии Имприс заинтересовало восемь из восьми агентов, которым оно было представлено. Шесть из шести агентов заинтересовались книгой Тамары Булевич. Четыре из восьми агентов — книгой Виктории Балашовой.

От лица Правления и всего Интернационального Союза писателей искренне поздравляем авторов и желаем в будущем покорения новых вершин.

По вопросам прошедшего мероприятия обращаться: специалист по связям с общественностью Анжелика Давыденко. E-mail: ocherk@inwriter.ru тел: +79325566399
Пресс-служба ИСП.

Тамара Булевич, г. Красноярск.

Все лето была в разъездах. С дружеским визитом посетила Болгарию, где прошли два моих творческих вечера, один из которых был показан по ТВ в Димитровграде (Болгария). Затем посетила два международных фестиваля. Есть снова успехи. Два первых места и третье на международном фестивале «Славянские традиции». Награждена Дипломом Европейского конгресса литераторов. Отправляю статьи и фото о Болгарии.

ВАЛЕРИЙ САВОСТЬЯНОВ НА КРЫМСКИХ ФЕСТИВАЛЯХ «ИНТЕЛЛИГЕНТНЫЙ СЕЗОН» И «СЛАВЯНСКИЕ ТРАДИЦИИ»

Тульский поэт Валерий Савостьянов, член Союза писателей России и Тульского клуба православных писателей «Родник» — чьи произведения, в результате предварительного конкурсного отбора и оценки компетентных жюри двух крупных крымских литературных фестивалей «Интеллигентный сезон» и «Славянские традиции», вышли в финал этих фестивалей — во второй половине августа был приглашен на эти фестивали для дальнейшей, уже очной, борьбы за места лауреатов и победителей.

Фестиваль «Интеллигентный сезон» состоялся в городе Саки с 18 по 22 августа, а «Славянские традиции» в городе Щелкино с 24 по 31 августа.

Итоги фестиваля «Интеллигентный сезон», где тульский поэт стал лауреатом (1 место) в номинации «Поэзия: Духовная лирика», опубликованы в статье о фестивале газеты «Крымское эхо» от 1 сентября 2016 г.

См ссылку:

<http://c-eho.info/kultura/item/2701-lyudyam-nuzhen-prazdnik>

Итоги фестиваля «Славянские традиции», где Валерий Савостьянов стал лауреатом (1 место) в номинации «Стихотворение о Праге» и в конкурсе зрительских симпатий в той же номинации, а также получил еще и премию «Пражская муза» (с вручением медали и удостоверения) — смотрите на сайте фестиваля:

http://slavtraditions.ucoz.ru/blog/pobediteli_festivalja_slavjanskie_tradicii_2016/2016-08-31-327

Уместно добавить, что Валерий Савостьянов уже в 3 раз приезжает на фестиваль «Славянские традиции» и в 3 раз становится лауреатом этого престижнейшего крымского фестиваля литературы и культуры. И всегда на концерте лауреатов и победителей он читает свое стихотворение «Тульский пряник», прославляющее тульских мастеров, Тулу и наш Тульский край...

Кроме того, в рамках фестиваля «Славянские традиции» с большим успехом прошел творческий вечер нашего тульского поэта и презентация двух его новых книг «Русский крест» (второе издание) и «Армянские мотивы».

Произведения Валерия Савостьянова, прозвучавшие на фестивалях «Интеллигентный сезон» и «Славянские традиции», будут опубликованы в итоговых альманахах этих фестивалей, а также в чешском журнале «Пражский телеграф», одном из учредителей премии «Пражская муза».

Осталось лишь добавить, что в ноябре месяце этого года Валерий Савостьянов, как победитель фестиваля «Славянские традиции» в номинации «Стихотворение о Праге» и лауреат премии «Пражская муза», приглашен на литературный фестиваль в Прагу.

Валерий Савостьянов — лауреат премии ПРАЖСКАЯ МУЗА — медаль и удостоверение

Выступление на фестивале Интеллектуальный сезон-2016

Лауреату фестиваля СЛАВЯНСКИЕ ТРАДИЦИИ-2016 в номинации СТИХОТВОРЕНИЕ О ПРАГЕ и в конкурсе зрительских симпатий этой же номинации

Приз зрительских симпатий В. Савостьянову в номинации СТИХОТВОРЕНИЕ О ПРАГЕ на фестивале СЛАВЯНСКИЕ ТРАДИЦИИ-2016

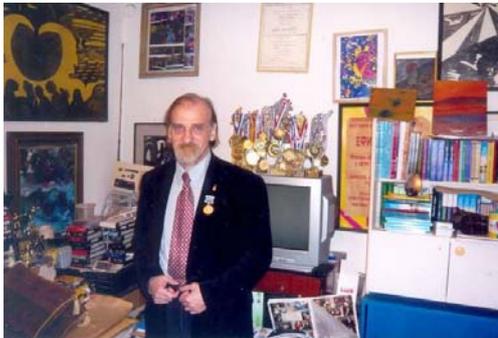
«НИКА» — главная награда за победу в номинации СТИХОТВОРЕНИЕ О ПРАГЕ

**Все плюсы
зрелого возраста**

29.08.2016

Интервью с Ефимом Гаммером: «Время тебя самого переключит, если назрела определенная неудовлетворенность в настоящем, и ты не израсходовал свою жизненную энергию на пустяки».

Этого человека знает весь Израиль. Его там называют уникамом. В 1998 году в возрасте 53 лет наш бывший соотечественник Ефим Гаммер вернулся в бокс после 18-летнего перерыва, и тридцать раз подряд, до семидесяти лет, становился чемпионом Иерусалима, став самым высоковозрастным действующим боксером в мире на любительском ринге.

Беседовала Елена СЕРЕБРЯКОВА

Полный текст:
http://www.50plus.ru/be_in_the_plus/lichnost/121/5404.xml

Евгений Скоблов

АКАДЕМИЯ РОССИЙСКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ ПРЕДСТАВЛЯЕТ

*****

Уважаемые коллеги!
Предлагаем вашему вниманию рецензию члена
СП России, члена Академии российской литературы
Кедровой Ирины Николаевны
на книгу члена Академии российской литературы
ЯКОВА ШАФРАНА
«КРУГ ЗАМКНУЛСЯ»
(Тула, «ПАПИРУС», 2015 г.)
«О РОМАНЕ ЯКОВА ШАФРАНА
«КРУГ ЗАМКНУЛСЯ»

Текст рецензии опубликован в №1, 2016 «Приокских зорь»
http://www.pz.tula.ru/2016_1/00.html
Текст романа опубликован <http://www.pz.tula.ru/pzBgr.html>
и на сайте <http://www.proza.ru/avtor/byans0>

*****

Уважаемые друзья!
В литературных сообществах и СМИ продолжается
обсуждение романа нашего коллеги —
члена Академии российской литературы
ЯКОВА ШАФРАНА «КРУГ ЗАМКНУЛСЯ»
(Тула, «ПАПИРУС», 2015 г.)
Предлагаем вашему вниманию рецензию
СЕРГЕЯ ЛЕБЕДЕВА (г. Тольятти)
«ПУТЬ К ПРОСВЕЩЕНИЮ И ИДЕАЛУ»
на роман Я. Н. Шафрана «Круг замкнулся».

Текст рецензии опубликован в № 3, 2016 «Приокских зорь»
http://www.pz.tula.ru/2016_3/00.html
Текст романа опубликован <http://www.pz.tula.ru/pzBgr.html>
и на сайте <http://www.proza.ru/avtor/byans0>

*****

Уважаемые коллеги!

Мы продолжаем публиковать отзывы и рецензии на книги и отдельные произведения авторов — членов Академии российской литературы. Предлагаем вашему вниманию рецензию члена Союза писателей России ГЕННАДИЯ МАРКИНА «ДВЕ СЮЖЕТНЫЕ ЛИНИИ, КАК ДВЕ ЛИНИИ ЖИЗНИ»

на книгу члена Академии российской литературы, издателя литературно-музыкального альманаха «КОВЧЕГ» Якова Шафрана «КРУГ ЗАМКНУЛСЯ» (Тула, «ПАПИРУС», 2015 г.)

Текст рецензии опубликован в № 2, 2016 «Приокских зорь» http://www.pz.tula.ru/2016_2/00.html
Текст романа опубликован <http://www.pz.tula.ru/pzBgr.html>
и на сайте <http://www.proza.ru/avtor/byans0>

ПИСАТЕЛЬСКИЕ ВСТРЕЧИ

В Ясной Поляне с 9 по 11 сентября 2016 года прошли, ставшие уже традиционными, XXI Международные Писательские встречи. В этот день Жемчужина России принимала писателей, поэтов, философов, журналистов и всех почитателей таланта великого мыслителя. Уже стало традицией Писательские встречи открывать у веранды Дома-музея Льва Толстого «Словом о Толстом». Открыла встречи директор Государственного мемориального и природного заповедника «Музей-усадьба Л. Н. Толстого Ясная Поляна» Екатерина Александровна Толстая. В своем слове о Толстом она отразила жизненный и творческий путь Льва Николаевича и сосредоточила вни-

мание собравшихся участников на том, что по толстовскому пути сегодня идет не только Россия, но и весь мир. Далее Екатерина Александровна от всего сердца поблагодарила всех участников Писательских встреч, приехавших в Ясную Поляну, и сказавших о Льве Николаевиче доброе слово.

Затем к микрофону был приглашен эссеист, журналист, праправнук Льва Николаевича Толстого, советник президента Российской Федерации по вопросам культуры Владимир Ильич Толстой. В своем слове он сравнил события сегодняшнего дня с событиями времени жизни и творчества Льва Толстого, задался вопросом: насколько толстовские мысли понятны нашему поколению и созвучны современному обществу. Далее слово было предоставлено гостям Ясной Поляны и всем желающим. Много добрых слов было сказано о жизненном и творческом пути знаменитого писателя, философа и учителя.

На писательских встречах присутствовали писатели — лауреаты литературной премии «Ясная Поляна» Тимур Зульфикаров, Александр Яковлев, Людмила Сараскина, Михаил Кураев, Петр Краснов, Анатолий Ким, Игорь Волгин, Сергей Шаргунов, члены жюри литературной премии «Ясная Поляна» Валентин Курбатов, Лев Аннинский, Игорь Золотусский, Алексей Варламов, Павел Басинский, Владислав Отрошенко. По окончании торжественных мероприятий гости посетили могилу Льва Николаевича Толстого и возложили цветы.

*Геннадий Маркин,
член СПР, лауреат всероссийской литературной
премии «Левша» им. Н. С. Лескова, Тула.*

ПО КАНДИДАТУРАМ НА ЛИТЕРАТУРНУЮ ПРЕМИЮ «ЛЕВША»

Уважаемый Алексей Афанасьевич, здравствуйте!

Считаю всех номинантов достойными присуждения премии «Левша» им. Н. С. Лескова, ибо подробно ознакомился с произведениями перечисленных авторов, опубликованных в номерах журнала. Произведения отличают: весомая, значительная тематика, глубокое проникновение и мастерское раскрытие тем.

Вадимир Трусов

Доверяю мнению редколлегии журнала.

Юрий Клеванец

Здравствуйтесь, Алексей Афанасьевич! Своей малой родиной, кроме Югры, я считаю Тульщину, где родился, учился и жил до 29 лет. И хотя уже 38 лет в Нижневартовске, внимательно слежу за творчеством литераторов Тульской области, с некоторыми знаком лично, среди них — Валерий Савостьянов. Читая его стихи, мысленно возвращаюсь домой, на родину. Чувствуется, что все строчки пропущены через душу и не от этого ли они так правдивы. Стихи хрестоматийны, их хочется перечитывать и заучивать наизусть. Для молодых авторов — они предмет учебы: как нужно писать стихи! Я уверен в том, что Валерий Савостьянов достоин литературной премии «Левша» имени Н. С. Лескова.

С уважением, Валерий Акимов

Добрый день!

Я бы хотела поддержать кандидатуру замечательного гражданского поэта и одновременно тонкого и проникновенного лирика — Валерия Савостьянова. Я хорошо знакома с творчеством Валерия Савостьянова и даже написала рецензию на его прекрасную книгу «Русский крест», которая была опубликована в ряде российских и зарубежных изданий. Я считаю, что Валерий Савостьянов — явление уникальное в современной литературной жизни России. Одновременно — он поэт традиций, того лучшего, что подарила миру советская поэзия, и в то же время это поэт глубинно современный, живо откликающийся всем явлениям непростого и сложного сегодняшнего мира. Поэзия Валерия Савостьянова идет в ногу с жизнью, погружается в нее и приходит к читателям — обогащенной уникальным лирическим видением бытия.

Хотелось бы обратить особое внимание на художественные средства автора — это язык, лишенный модернистской мишуры, бессодержательной невнятности. Это язык, который трогает сердце каждого думающего и чувствующего человека, не равнодушного к тому, что происходит вокруг. России бесконечно нужны такие поэты, как Валерий Савостьянов. И нам необходимо поддержать его на творческом пути!

***С уважением, Нина Гейдэ,
писатель, поэт, литературный критик,
председатель Европейского Общества «Огниво»,
г. Копенгаген, Дания.***

Добрый день, уважаемый Алексей Афанасьевич!

Получила сообщение от жюри премии «Левша» им. Н. С. Лескова, в котором названы номинанты на премию по итогам текущего года. Я бы хотела поддержать прекрасного русского поэта Валерия Савостьянова из города Тула с его подборкой стихотворений *Personalia* (Приокские зори, 2016, № 3).

Я знакома с творчеством Валерия с 2013 года. Помню его яркое выступление на фестивале «Славянские традиции». Книга В. Савостьянова «Русский крест» у меня в личной библиотеке в числе самых дорогих. Стихи Валерия Савостьянова берут за душу, некоторые просто до слез трогают. Есть в них что-то исконно русское, родное. Они искренни, лиричны. Валерий умеет находить нестандартные, не шаблонные образы, порой дух захватывает «как здорово сказано». Он мастер гражданской лирики и в любовной лирике у Валерия свой неповторимый стиль.

Считаю очень важно отметить, что голосую за В. Савостьянова не только потому, что его стихи обладают несомненными литературными достоинствами, но и потому, что в них ярко выражена его гражданская позиция. Валерий патриот своей Родины, которой он искренне восхищается, которую любит и воспевает. Когда он читает свои стихи о Туле, мне кажется, каждый в зале проникается особым чувством к этому городу и испытывает чувство гордости за него.

Считаю, что за подборку стихотворений *Personalia* Валерий Савостьянов достоин премии «Левша» им. Н. С. Лескова.

***С уважением, Надежда Егорова,
член Международной гильдии писателей
Тверского содружества писателей.***

Здравствуйте, Алексей Афанасьевич, я хотела бы поддержать кандидатуру замечательного поэта Валерия Савостьянова! Его стихи не могут не тронуть своей жизненностью и проникновенной неброскою красотой, уводя в мир чудесных образов и переживаний, принося душе самое искреннее удовольствие!

***С уважением, член поэтической студии «Родник»
города Смоленска, Елена Бревнова.***

Уважаемый Алексей Афанасьевич!

Опубликованная в третьем номере журнала «Приокские зори» за этот год подборка стихотворений Валерия Савостьянова заметно выделяется не только среди других стихотворных произведений, напечатанных в Вашем журнале с начала года, но и на фоне другой русской литературной периодики. Выделяется высоким литературным мастерством, масштабностью поднимаемых тем, зачастую доведенной до символов образностью, незамутненной книжностью и иномыслием родной русской речью. А такие замечательные стихотворения, как «Фуражка», «Сумасшедшие», «Был дом с коровой продан за бесценок...», просто просятся быть включенными в любую антологию современной русской поэзии.

Прекрасно, что редакция журнала номинировала В. Савостьянова на литературную премию «Левша» имени Н. С. Лескова. Он ее, несомненно, достоин и заслужил своим многолетним честным литературным трудом!

Мне довелось прочитать сборник стихов В. Савостьянова «Русский крест». На мой взгляд, это, быть может, последняя большая книга традиционной русской поэзии. БОЛЬШАЯ, не в смысле количества печатных листов и помещенных на них поэтических строк, а БОЛЬШАЯ по смыслу, чувствам, русскому духу и русскому мировосприятию! Она из тех книг, которые должны быть увенчаны Государственной премией России! И если Тульская писательская организация еще не выдвинула ее на Госпремию РФ, надо подсказать ее руководителям заняться этим вопросом.

Присуждение Госпремии России Валерию Николаевичу будет не только актом справедливости в нашем далеком от идеалов литературном мире, но и достойным подарком поэту к приближающемуся его 70-летию. И будет встречено, мне кажется, с одобрением всей тульской общественностью и всей читающей Россией.

С искренним уважением к Вам и пожеланием успехов журналу.

***Игорь Николаевич Терехов,
литератор, г. Нальчик.***

**КОНЦЕРТ-ПРЕЗЕНТАЦИЯ
МУЗЫКАЛЬНО-ПОЭТИЧЕСКОГО АЛЬБОМА
«НЕ ТЕРЯЙТЕ ЛЮБИМЫХ»**

Тон концерта-презентации сразу же был задан ведущей Людмилой Сениной, и немудрено, ибо Людмила Ивановна сама лиричная поэтесса, а еще — учитель истории, и любимый лозунг ее: «Настоящий учитель вдохновляет».

Альбом «Не теряйте любимых» — плод совместного творчества поэта, члена Союза писателей России, лауреата всероссийской литературной премии «Левша» им.

Н. С. Лескова, к.т.н., доцента Тульского государственного университета, директора издательства ТулГУ Олега Викторовича Пантюхина и известного композитора, аранжировщика, концертмейстера, ответственного секретаря Региональной общественной организации «Объединение тульских композиторов», автора 10-ти сборников вокальных и инструментальных произведений, преподавателя лицея искусств г. Тулы Сергея Владимировича Сенина.

В ходе концерта прозвучали их романсы, а также стихи в авторском исполнении.

Музыкально-поэтический альбом «Не теряйте любимых» — это развитие темы любви во всем ее многообразии и эволюции: от первой юношеской и до любви зрелого человека. У Олега Пантюхина, отметила Людмила Сенина, есть строка: «В такт весне забилось сердце». Весна олицетворяет собою любовь, и не случайно альбом открывается стихотворением «Ожидание весны». Этим же стихотворением, лирично и душевно прочитанным Пантюхиным после вступления ведущей, начался и концерт-презентация сборника.

Романс «Май»:

*«...Я сам весною обновляюсь.
Сердца пусть скажут все за нас.
Я вновь и вновь в тебя влюбляюсь,
Как-будто встретил в первый раз»*

исполнил прекрасный тенор, студент тульского колледжа искусств им. А. С. Даргомыжского Сергей Деньков (педагог Лариса Деева). В музыке, откликаясь на лирику Олега Пантюхина, звучит душа Сергея Сенина.

И снова звучат стихотворные строки. «Забилось сердце» поэт читает так, как бы сама любовь к своей возлюбленной говорит его устами, потому строки льются из самой души автора.

Незабываемая мелодия романса «Моя любовь» (Сергей Деньков), которую мог написать только человек, глубоко чувствующий, что есть любовь, душа которого наполнена этим чувством и ценящий тонкую чистую напевную поэзию, каковой и является поэзия автора стихов. И все это усиливает замечательный лиричный голос певца.

Глубоко лиричные стихи О. Пантюхина, звучащие со сцены на этом концерте — признание в любви к прекрасной и желанной женщине. Жизнеутверждающая мысль: человек, нашедший дружбу и любовь, возрождается, а порой и как бы рождается вновь.

Романс «Глоток весны» исполнил обладающий богатой палитрой голоса студент института свободных искусств и наук г. Москвы Евгений Хвостов (педагог Виктория Шлыкова). Символичны слова: «Планета снова к солнцу держит путь, чтоб воскресить израненные души».

Мы видим на сцене ведущую — Людмилу Сенину, поэта, и исполнителей романсов. К сожалению, автор музыки, исполнитель партии фортепиано, замечательный тульский композитор Сергей Сенин не виден тем, кто смотрит видео. Однако прекрасная, очень хорошо отражающая мелодичность стихов Пантюхина музыка, наполняющая зал и создающая неповторимую атмосферу любви, создает нам образ этого человека. Музыка и не может быть иной, «ведь сердце,— говоря словами поэта,— и не может жить иначе».

Евгений Хвостов исполняет романс «Ты другая...». Звучат стихи, романсы... В заключение мы наслаждаемся гимном любящей душе и человечности, романсом «Не теряйте любимых»... И все более и более зритель, слушатель, которому посчастливилось прикоснуться к этому роднику поэзии, музыки и вокала, убеждается, что нет ничего лучше любви и вот такого искусства от «невзгод, тоски и печалей», наполняющих порой нашу жизнь...

Подошла к концу программа концерта. На сцену вышли все его участники, заслуженно в награду получившие бурные аплодисменты зрителей и цветы. Однако не в этом главная их награда. В атмосфере теле-, радио- и бытовой пошлости, которая, к сожалению, так часто окружает наших современников и старается расчеловечить их, вот такие встречи крупными, подобно, казалось бы, малым звездам, сливаются в единое звездное небо, создавая вселенную Света, непобедимую никакой тьмой, какой бы большой она ни казалась.

Яков Шафран, г. Тула.

ПАРЫГИНА НАТАЛЬЯ ДЕОМИДОВНА

8 декабря 2016 года на 93-м году ушла из жизни старейшая известная писательница России, общественный деятель, педагог, почетный гражданин города Тула Наталья Парыгина.

Наталья Деомидовна Парыгина родилась 22 мая 1924 года на станции Борзя Читинской области в семье конторщика. В 1947 году заочно окончила Томский политехнический институт имени С. М. Кирова. Преподавала математику и физику в горном техникуме, работала конструктором на заводе в Кемерово. В 1954-м вышла ее первая книга — «Записки педагога».

В том же году Наталья Деомидовна переехала в Тулу и продолжила литературную деятельность. С тех пор все ее творчество связано с Тульским краем. Здесь в 1958-м она стала членом Союза писателей СССР. Отсюда поехала на Высшие литературные курсы при Литературном институте имени А. М. Горького Союза писателей СССР, которые окончила в 1961 году. Здесь получила первое настоящее признание читателей.

Наталья Деомидовна написала почти три десятка книг, посвященных разным жизненным темам, в том числе проблемам воспитания юношества. Среди героев ее произведений — рабочие люди, педагоги, врачи. Такие произведения, как «Неисправимые», «Неудачные каникулы», «Мы с братом», «Чужие дети», «Я вернусь», «Настя ищет славы» и другие основаны на личном опыте педагога и на наблюдениях автора. Наталья Парыгина всегда горячо интересовалась жизнью молодежи и проблемами воспитания.

Крупным событием литературной жизни страны стал вышедший впервые в 1972 году в Туле роман «Вдова». Он был удостоен поощрительной премии на Всесоюзном конкурсе ВЦСПС и Союза писателей СССР 1972—1974 гг. за лучшее произведение о современном советском рабочем классе и переиздан в 1976-м в Москве. Судьба героини романа Дарьи Костроминой, простой женщины-работницы, на которых и стоит вся жизнь, жены, матери, вдовы с ее непосильным трудом, радостью любви и горем потерь, так схожей с судьбой многих тысяч русских женщин, нашла глубокий отклик и сопереживание у читателей.

Особое место в творчестве писательницы занимала жизнь простых рабочих и инженеров тульских предприятий. Их творчески осмысленными образами наполнены такие книги Натальи Парыгиной, как «Что сердцу дорого», «Дни весенние», «Гордость», «Сегодня в десять», «Судьба врача».

Наталья Деомидовна трудилась над новыми книгами, верила, что они будут прочитаны. С отрывками из своих будущих произведений она выступала по радио и в газетах.

Острейшие проблемы современной жизни были подняты писательницей в романе «Любой ценой», вышедшем в 1999-м в Туле. Большое внимание она уделяла здоровью своих сограждан, и в 1998 году увидела свет ее книга «Азбука здоровья», где за многие годы собраны мысли лучших врачей и собственный опыт здорового образа жизни.

Наталья Парыгина стояла у истоков основания тульской писательской организации Союза писателей СССР, была членом редколлегии всероссийского литературно-художественного и публицистического журнала «Приокские зори». Прожив более шестидесяти лет в Туле, она обрела глубокое уважение и любовь читателей. За свои заслуги в деятельности на благо Тульского края и России награждена, кроме указанных выше наград, орденом «Знак Почета» и многими медалями, была первым лауреатом всероссийской литературной премии «Левша» им. Н. С. Лескова, учрежденной журналом «Приокские зори» в Туле, не раз избиралась депутатом городского Совета, была делегатом съезда Союза писателей России.

Светлая память о Наталье Деомидовне Парыгиной навсегда останется в наших сердцах.

Редколлегия и редакция «Приокских зорь» выражают глубокие соболезнования родным и близким Натальи Деомидовны.

С прискорбием сообщаем, что 28 апреля 2016-го года на 75-м году жизни скоропостижно скончался постоянный автор нашего журнала, член Союза российских писателей **МИРОШНИЧЕНКО (МИР) Геннадий Георгиевич**.

Вся его жизнь — служение людям. Он прошел путь от рабочего и инженера до директора института альтернативной медицины, президента Фонда развития духовной культуры, члена международной ассоциации трансперсональной психологии, члена Российской профессиональной медицинской ассоциации специалистов традиционной и народной медицины, издателя и главного редактора Портала духовных концепций, составителя, издателя и главного редактора альманаха «Поэтическое братство», альманаха «Тула литературная» и «Антологии русской народной поэзии XXI века», организатора Союза песенников России. Будучи сопредседателем правления литературно-музыкального объединения «Орфей», г. Шекино Тульской области, Геннадий Георгиевич оказал большую помощь многим авторам — поэтам и прозаикам.

Он является автором открытия критериальной формы сознания и многих других открытий и изобретений, автором более тридцати книг по духовной тематике и альтернативной медицине, более семидесяти статей, автором шести книг художественной прозы, автором и соавтором тринадцати книг поэзии и соавтором нотного альбома «Душа моя». Лауреат поэтических и музыкальных фестивалей и конкурсов.

Г. Мирошнichenко вел большую общественную работу в качестве члена Совета Конгресса интеллигенции Тульской области, члена Общественной Палаты Тульской области и ее Щекинского отделения.

Все, чем занимался Геннадий Георгиевич, он делал с любовью, вкладывая душу.

Скорбим в связи с кончиной Г. Г. Мирошнichenко и выражаем глубокое соболезнование родным и близким покойного.

Редколлегия и редакция журнала «Приокские зори».

ПРИОКСКИЕ ЗОРИ

*Литературно-художественный
и публицистический журнал*

Редакторы: А. А. Яшин, В. В. Резцов, Я. Н. Шафран, В. Г. Демидов
Корректоры: В. В. Резцов, А. А. Яшин, В. Г. Демидов
Компьютерный набор: авторы, Л. П. Хохлова
Компьютерная верстка и изготовление
оригинал-макета: С. В. Никитин

18+

В соответствии со ст. 27 Закона РФ «О средствах массовой информации» и Федеральным законом от 29 декабря 2010 года № 436-ФЗ «О защите детей от информации, причиняющей вред их здоровью и развитию», журнал предназначен для читателей старше 18 лет.

Журнал выходит в заказном тираже
с правом авторов на печатание ими бумажных экземпляров
ЛР № 020300 от 12.02.1997 г.

Дата выхода в свет 30.12.2016
Формат 70×108/16. Печ. л. 21,00
Печать офсетная. Бумага офсетная.
Тираж по заказам, не более 999 экз.
Заказ №

Отпечатано с готового оригинал-макета
в Издательстве Тульского государственного университета.
Адрес Издательства: 300012, г. Тула, проспект Ленина, 92,
тел. (4872)35-36-20

УВАЖАЕМЫЕ АВТОРЫ!

Наш журнал, как и большинство современных российских изданий, не имеет твердой финансовой базы. Издаётся он исключительно заботой и энергией редакционной коллегии. Кроме того, мы с самого начала издания журнала отвергли практику (порочную в своей основе) взимания оплаты публикаций с авторов.

Единственно, чем вы можете по-настоящему помочь редакции, — это снять с нее финансовую заботу по первоначальному компьютерному набору текстов ваших произведений. Понятно, что литератор любит писать «от руки», в лучшем случае — на пишущей машинке. Но, полагаем мы, все же задача компьютерного набора решается каждым из вас: наверняка, у каждого есть родственники, знакомые, друзья, владеющие компьютерной грамотностью. Наконец, сейчас широко развита сеть наборных услуг, вполне приемлемых по цене оплаты. В конце концов, каждый может позаботиться о судьбе своего детища — своего произведения.

Поэтому просьба предоставлять свои произведения в компьютерном наборе: CD-RW с файлом текста и 2 экземпляра распечатки. Набирать текст шрифтом Times New Roman Cyr, размер 14 через 1,5 (компьютерных) интервала.

Обязательно приложите свое черно-белое или цветное фото и краткую биографическую справку.

Желательно все скомпоновать по образцу публикаций в «Приокских зорях». Просьба не присылать материалы «на выбор», а только то, что Вы хотите видеть опубликованным в одном номере журнала. Все материалы представляются в редакцию по «бумажной» почте: 300025, Тула, а/я 920, Яшину А. А. По электронной почте материалы высылать: прозу, включая публицистику и пр., по адресу: markingennady@yandex.ru — зав. отделом прозы Геннадию Николаевичу Маркину; поэзию — по адресу: sensei419@yandex.ru — зав. отделом поэзии Владимиру Вадимовичу Резцову.

Заказ экз. журнала — по адресу: elisafine@yandex.ru

С признательностью — редакция журнала

**СТАРЕЙШИЙ (ПОСЛЕ КОЛЫ) В МИРЕ ГОРОД ЗА СЕВЕРНЫМ
ПОЛЯРНЫМ КРУГОМ, НЫНЕ ГОРОД ВОИНСКОЙ СЛАВЫ ПОЛЯРНЫЙ.
ЗДЕСЬ ВЕНИАМИН КАВЕРИН ПИСАЛ «ДВУХ КАПИТАНОВ»,
А ЮРИЙ ГЕРМАН СВОИ «СЕВЕРНЫЕ ПОВЕСТИ»**

Врубленный в гранитные скалы город... На переднем плане знаменитый «циркульный дом», где в разное время квартировали Вениамин Каверин и Юрий Герман — флотские корреспонденты

«Морская душа» — главный памятник города подводников Полярного

Фото А. Ямаш © из комплекта открыток «Полярный — колыбель Северного флота»

**СТАРЕЙШИЙ (ПОСЛЕ КОЛЫ) В МИРЕ ГОРОД ЗА СЕВЕРНЫМ
ПОЛЯРНЫМ КРУГОМ, НЫНЕ ГОРОД ВОИНСКОЙ СЛАВЫ ПОЛЯРНЫЙ.
ЗДЕСЬ ВЕНИАМИН КАВЕРИН ПИСАЛ «ДВУХ КАПИТАНОВ»,
А ЮРИЙ ГЕРМАН СВОИ «СЕВЕРНЫЕ ПОВЕСТИ»**

Восточная оконечность Екатерининской гавани. Сто лет назад здесь на рейде стоял флагман Флотилии Ледовитого океана легендарный «Варяг», выкупленный царем у Японии

Трехмесячная полярная ночь. Городской каток на улице Лунина, героя-подводника, торпедировавшего последний германский линкор «Тирпиц». Город иллюминирован — так легче переносить темноту...

Фото А. Ямаш © из комплекта открыток «Полярный — колыбель Северного флота»